ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Свободное владение Фарнхэма

АЗБУКА

Свободное владение Фарнхэма

Роберт Энсон Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. Свободное владение Фарнхэма. Сборник
Свободное владение Фарнхэма
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18

19
20
21
22
23
Послесловие
Год Джекпота
1
2
3
Послесловие
Иноздесь
Послесловие

Аннотация

Построить убежище от ядерного удара – накладно, но вполне возможно. Обжить его, обустроить… И вот некоторое время спустя, после того как произошло то, чего все боялись, вы наконец выходите из бункера на поверхность, а там… счастливое будущее Земли: высокие технологии и при этом каннибализм; мудрые рассуждения о свободе и при этом примитивное рабство. Роман о «свободном владении», написанный в 1964 году, многие из читающей публики считают едва ли не лучшим после знаменитого «Чужака» (1961). Во всяком случае по актуальности он не уступает последнему.

В сборник также вошли произведения, тематически примыкающие к роману: «Год Джекпота», повесть об американском Апокалипсисе, и большой рассказ «Иноздесь» – история о перемещении в пространстве и времени с выходом в параллельный мир, причем с весьма неожиданными последствиями.

Роберт Хайнлайн
Свободное владение Фарнхэма
Сборник

Robert A. Heinlein
FARNHAM'S FREEHOLD
Copyright © 1964 by Robert A. Heinlein
THE YEAR OF THE JACKPOT
Copyright © 1952 by Robert A. Heinlein
ELSEWHEN
Copyright © 1941 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

Сборник «Звезды мировой фантастики»
Составитель Александр Жикаренцев
Перевод с английского Павла Киракозова, Владимира Ковалевского, Нины Штуцер, Михаила Пчелинцева, Александры Питчер
Серийное оформление и оформление обложки Сергея Шикина
Иллюстрация на обложке Виталия Аникина
Издательство выражает благодарность С. В. Голд (swgold) за активную помощь при подготовке книги

© П. А. Киракозов (наследники), перевод, 1991
© В. П. Ковалевский, Н. П. Штуцер (наследники), перевод, 1991
© М. А. Пчелинцев (наследники), перевод, 1994
© А. Питчер, перевод, 2021
© С. В. Голд, послесловие, 2021

© А. В. Жикаренцев, состав, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

* * *

Свободное владение Фарнхэма

Алану Нурсу

1

— Никакой это не слуховой аппарат, — объяснил Хьюберт Фарнхэм. — Это радиоприемник, всегда настроенный на частоту сигнала тревоги.

Барбара Уэллс от изумления замерла, так и не донеся ложку до рта.

— Мистер Фарнхэм, вы думаете, что они все-таки собираются напасть на нас?

Хозяин дома пожал плечами:

— К сожалению, Кремль не делится со мной своими секретами.

— Отец, перестань пугать наших дам, — сказал его сын. — Миссис Уэллс…

— Называйте меня просто Барбара, — перебила его молодая особа. — Я даже собираюсь через суд добиться разрешения опускать слово «миссис» перед своим именем.

— Для этого вам вовсе не требуется разрешения суда.

— Учтите это, Барб, — заметила его сестра Карен. — В наше время бесплатные советы очень дороги.

— Помолчи. Барбара, при всем своем уважении к отцу я все же считаю, что ему просто мерещатся

всякие страсти. Войны не будет.

— Надеюсь, вы правы, — спокойно сказала Барбара. — А почему вы так считаете?

— Потому что коммунисты — прежде всего реалисты. Они не рискнут начать войну, в которой могут понести потери, даже если будут уверены в победе. А тем более они не рискнут устроить войну, победить в которой не в состоянии.

— В таком случае, может быть, они заодно перестанут устраивать все эти ужасные кризисы, как на Кубе? А взять, к примеру, шум из-за Берлина: как будто кому-то есть до этого Берлина какое-нибудь дело! А теперь еще это! Никаких нервов не хватит, — сказала мать. — Джозеф!

— Да, мэм?

— Приготовьте мне кофе. И бренди. Кафе-ройял[1].

— Да, мэм. — Слуга, молодой негр, убрал со стола тарелку, к содержимому которой она почти не притронулась.

— Отец, — заметил молодой Фарнхэм, — а ведь мать беспокоится не из-за каких-то там дурацких кризисов. Это ты нервируешь ее своим паническим поведением. Ты должен вести себя

---

[1] Примечания: 1

Кафе-ройял (Café royale) — черный кофе с бренди, долькой лимона и корицей *(фр.). — Примеч. С. В. Голд.*

спокойнее.

— Нет.

— Да, должен! Мать совсем потеряла аппетит… и все из-за какой-то дурацкой пуговицы, торчащей у тебя в ухе. Нельзя же так!

— Перестань, Дьюк!

— Сэр?

— Когда ты стал жить отдельно от нас, мы договорились оставаться друзьями. И я всегда рад выслушать твое мнение как мнение друга. Но все это не дает тебе права встревать между мной и твоей матерью — моей женой.

— Но, Хьюберт… — протянула его жена.

— Прости, Грейс.

— Ты слишком строг с мальчиком. Это беспокоит меня.

— Дьюк уже не мальчик. И я не сказал ничего такого, что могло бы тебя заставить переживать. Прости.

— Мне тоже очень неудобно, мама. Но если отец считает, что я лезу не в свое дело, что ж… — Дьюк изобразил на лице кривую улыбку. — Придется мне, пожалуй, найти собственную жену, чтобы действовать ей на нервы. Барбара, вы согласитесь выйти за меня замуж?

— Нет, Дьюк.

— Я же предупреждала тебя, Дьюк, что она очень умна, — поспешно вставила его сестра.

— Помолчи, Карен. Но почему, Барбара? Я молод. Я здоров. К тому же не исключено, что у меня когда-нибудь появятся клиенты. А пока мы могли бы прекрасно перебиваться и вашими доходами.

— Нет, Дьюк. Я полностью согласна с вашим отцом.

— Что?

— Вернее, следовало бы сказать, что мой отец согласен с вашим. Не знаю, носит ли он сейчас приемник в ухе, но уверена, что обычное радио слушает внимательно. Дьюк, в нашей семье в каждой машине предусмотрен набор для выживания.

— Серьезно?

— В багажнике моей машины, что стоит перед вашим парадным входом, той самой, на которой мы с Карен приехали к вам, как раз лежит такой набор. Папа приготовил его, когда я опять поступила в колледж. Он относится к этому очень серьезно, и я тоже.

Дьюк Фарнхэм открыл было рот, но так ничего и не сказал. Его отец спросил:

— Барбара, интересно, что же включил в этот набор ваш отец?

— О, множество вещей. Десять галлонов воды. Продукты. Большую канистру бензина. Лекарства. Спальный мешок. Пистолет…

— Вы умеете стрелять?

— Папа научил меня. Лопата. Топор. Одежда. Да, еще радио. Но самым важным, как он всегда считал, был вопрос «куда?». Если бы я оставалась в колледже, то отец наверняка счел бы оптимальным вариантом подвал под спортзалом. А здесь… он, скорее всего, посоветовал бы мне как можно дальше забраться в горы.

— В этом нет никакой необходимости.

— Почему?

— Отец имеет в виду, — пояснила Карен, — что в случае чего вы сможете укрыться вместе с нами в нашей уютной норке.

Барбара вопросительно посмотрела на хозяина дома. Тот объяснил:

— Это наше бомбоубежище. Мой сын называет его «причуда Фарнхэма». Мне кажется, что там вы будете в большей безопасности, чем в горах, несмотря на то что мы всего в десяти милях от базы стратегических ракет. Поэтому, как только раздастся сигнал тревоги, мы укроемся в убежище. Верно, Джозеф?

— Да, сэр! Это лучший способ сохранить свою

зарплату.

— Черта с два! Ты можешь считать себя уволенным сразу же, как только завоет сирена. И я тут же начну взимать с тебя за жилье.

— Мне тоже нужно будет платить за аренду? — спросила Барбара.

— Вам придется мыть посуду. Каждому придется это делать. Даже Дьюку.

— Меня можно сбросить со счетов, — мрачно сказал Дьюк.

— Что? У нас не так уж много посуды, сынок.

— Я не шучу, отец. Хрущев заявил, что похоронит нас, — и ты всеми силами стараешься, чтобы именно так и произошло. Я не собираюсь хоронить себя заживо в норе под землей.

— Как вам угодно, сэр.

— Сыночек! — Его мать оставила чашку. — Если будет налет, обещай мне, что ты укроешься вместе с нами в убежище. — На глазах ее блеснули слезы.

Молодой Фарнхэм некоторое время упрямо молчал, затем вздохнул:

— Если начнется налет — я имею в виду, если прозвучит сигнал тревоги, потому что никакого налета быть не может, — я, так и быть, полезу в твою нору. Но сделаю это, отец, только ради

спокойствия матери.

— В любом случае место для тебя там всегда готово.

— Хорошо. А теперь давайте перейдем в гостиную и перекинемся в карты. Только уговор: о войне больше ни слова. Годится?

— Согласен. — Его отец поднялся и предложил руку супруге. — Дорогая?..

В гостиной Грейс Фарнхэм заявила, что в бридж она играть не будет:

— Нет, дорогой, у меня совершенно нет настроения. Ты уж, пожалуйста, составь компанию молодым, и… Джозеф! Джозеф, принесите мне еще капельку кофе. Ройял, я имею в виду. Не смотри на меня так, Хьюберт. Ты ведь прекрасно знаешь, что мне только это и помогает.

— Может, тебе лучше принять милтаун, дорогая?

— Мне не нужны лекарства. Я просто выпью еще кофе.

Они разбились на пары. Дьюк печально покачал головой:

— Бедная Барбара! Играть вместе с моим отцом… Ты ее предупредила, сестренка?

— Держи свои предупреждения при себе, — посоветовал отец.

— Но она имеет право знать, папа. Барбара, молодящийся грабитель, сидящий напротив нас, настолько оптимистичен в бридж-контракте, насколько пессимистичен… кое в чем другом. И не думайте блефовать. Если у него на руках окажутся одни фоски…

— Заткнешься ты когда-нибудь или нет? Барбара, какую систему вы предпочитаете? Итальянскую?

Она широко раскрыла глаза:

— Единственное, что я знаю итальянское, так это вермут, мистер Фарнхэм. А играю я по Горену. Ни плохо, ни хорошо, просто я знаю эту книгу.

— Ну что ж, по книге так по книге, — согласился Хьюберт Фарнхэм.

— По книге… — эхом отозвался его сын. — Вопрос только — по какой? У папаши есть очаровательная привычка следовать советам «Альманаха фермера», особенно когда у противника плохие карты. Тогда он начинает удваивать и вторично удваивать ставку. А потом он начинает рассказывать, что если бы ты пошел с бубен…

— Господин адвокат, — прервал его отец, — может быть, вы все-таки соизволите взяться за карты? Или вы желаете, чтобы я вбил их вам в глотку?

— Я уже сказал. Ну что, приправим игру чем-нибудь остреньким? Например, по центу за очко?

— Для меня это слишком круто, — поспешно сказала Барбара.

— К вам, девочки, это не относится, — ответил Дьюк. — Только ко мне и отцу. Таким способом я ухитряюсь платить за аренду конторы.

— Дьюк имеет в виду, — поправил его отец, — что таким способом он все глубже увязает в долгах своему старику. Я отыгрывал у него, бывало, все его месячное содержание, еще когда он учился в школе.

Барбара смолкла, и игра началась. Высокая ставка держала ее в постоянном напряжении, хотя платить ей не пришлось бы. Волнение ее усиливалось еще и мыслью, что партнер был классным игроком.

Когда она поняла, что мистер Фарнхэм считает ее игру вполне сносной, ей удалось немного расслабиться. Однако все равно она радовалась, когда удавалось отдохнуть в роли «болвана». Эти минуты отдыха она отдавала изучению Хьюберта Фарнхэма.

Тот ей определенно нравился: и тем, как он вел себя в семье, и тем, как играл в бридж — спокойно, вдумчиво, аккуратно, точно делая ставки, а в

самой игре действовал порою просто блестяще. Она была в восторге, когда он, нахально сбросив туза, выжал последнюю взятку в контракте, в котором она переторговалась.

Она знала, что Карен надеется за этот уик-энд свести их с Дьюком, и признавала, что это неплохая идея. Дьюк был довольно привлекателен внешне (да и Карен была хорошенькой) и к тому же был бы для Барбары прекрасной партией: подающий надежды адвокат, всего на год старше ее, с молодой и цепкой хваткой.

Ей было интересно, собирается ли он подвалить к ней с нескромным предложением. Может быть, и Карен втайне рассчитывает на это и сейчас с любопытством наблюдает за тем, как разворачиваются события?

Нет, этому не бывать!

Она, конечно, вполне согласна с тем, что один раз ей не повезло, но это не значит, что любая разведенная женщина абсолютно доступна. Черт побери, да ведь она *ни с кем* не лежала в постели с той самой ужасной ночи, когда она собрала свои вещи и ушла. Почему люди думают, что…

Дьюк смотрел на нее. Она встретилась с ним взглядом, вспыхнула и отвела глаза. Теперь она смотрела на его отца.

Мистеру Фарнхэму было что-то около пятидесяти, так она решила. По крайней мере, на вид ему можно было дать именно столько. Волосы его уже начали редеть. Седой, худощавый, даже худой, хотя с небольшим животиком, глаза усталые, вокруг глаз морщинки, от носа к уголкам губ тянутся глубокие складки. Симпатичным его никак не назовешь…

И тут с неожиданной теплотой она подумала, что если бы Дьюк Фарнхэм обладал хотя бы половиной мужественного очарования своего отца, то ее трусики не смогли бы долго держать оборону. Она вдруг почувствовала, что рассердилась на Грейс Фарнхэм. Какое оправдание можно найти женщине, ставшей неизлечимой алкоголичкой, раздражительной, жирной, потакающей своим желаниям, когда у нее под боком *такой* мужчина?

Эту мысль сменила другая — о том, что с годами Карен может стать такой же, как ее мать. Мать и дочь вообще были похожи, если не считать того, что Карен не превратилась пока в жирную тушу. Барбаре вдруг стало неприятно думать об этом. Карен ей нравилась больше, чем кто-либо из подруг по учебе, с которыми она столкнулась после возвращения в колледж. Ведь Карен такая

милая, благородная и веселая…

Но может быть, когда-то и Грейс Фарнхэм была такой же. Неужели женщина с годами всегда становится раздражительной и никчемной?

Закончился последний кон, и Хьюберт Фарнхэм оторвался от карт:

— Три пики, гейм и роббер. Неплохо было заказано, уважаемый партнер.

Барбара покраснела:

— Вы хотите сказать, неплохо сыграно. Заказала-то я многовато.

— Ничего. В худшем случае мы могли остаться без одной. Кто не рискует, тот не выигрывает. Карен, Джозеф уже лег?

— Занимается. Завтра у него контрольная.

— Жаль, мы могли бы пригласить его сыграть. Барбара, Джозеф — лучший игрок в этом доме, всегда играющий смело, когда это оправданно. Прибавьте к этому, что он учится на бухгалтера и никогда не забывает ни одной карты. Карен, может быть, ты сама нальешь нам чего-нибудь, чтобы не беспокоить Джозефа?

— Конечно, масса Фарнхэм. Водка и тоник вас устроят?

— И чего-нибудь закусить.

— Пошли, Барбара. Придется нам похозяйни-

чать на кухне.

Хьюберт Фарнхэм проводил их взглядом. Как несправедливо, думал он, что такое прелестное дитя, как миссис Уэллс, постигло этакое несчастье — неудачный брак. В бридж она играет вполне прилично. Хороший характер. Может быть, немного нескладна и лицо вытянуто чуть больше, чем надо… Но зато приятная улыбка и своя голова на плечах. Если бы у Дьюка была хоть капелька мозгов… Но у Дьюка ее определенно не было.

Фарнхэм поднялся и подошел к жене, клевавшей носом у телевизора.

— Грейс! — позвал он. — Грейс, дорогая, тебе пора ложиться.

Он помог ей дойти до спальни. Вернувшись в гостиную, он застал сына сидящим в одиночестве.

— Дьюк, я хотел извиниться перед тобой за тот разговор во время ужина.

— Ах, это! Да я уже и думать забыл.

— Я предпочел бы пользоваться твоим уважением, а не снисхождением. Я знаю, что ты не одобряешь моей «спасательной норы». Но ведь ты никогда и не спрашивал, зачем я построил ее.

— А что тут спрашивать? Ты считаешь, что Советский Союз собирается напасть на нас, и

надеешься, что эта норка в земле спасет твою жизнь. Обе эти идеи нездоровы по сути. Болезненны. И более чем вредны для мамы. Ты просто принуждаешь ее пить. Мне это не нравится. И еще больше мне не понравилось то, что ты напомнил мне — *мне*, адвокату! — что я не должен вмешиваться в отношения между мужем и женой. — Дьюк поднялся. — Пожалуй, я пойду.

— Сынок, ну пожалуйста, разве защита не имеет права высказаться?

— Что? Ну ладно, ладно. — Дьюк снова сел.

— Я уважаю твое мнение. Я не разделяю его, но ты в нем не одинок. Возможно, его разделяет большинство людей на земле, потому что основная масса американцев и пальцем не пошевельнет ради собственной безопасности. Но как раз в тех вопросах, которые ты упомянул, ты не прав. Я не считаю, что СССР нападет на нас, и сомневаюсь, что наше убежище спасет нас в случае ядерного удара.

— Тогда зачем же ты все время таскаешь в ухе эту штуку, сводя мать с ума?

— Я ни разу не попадал в аварию, но всегда оплачиваю страховку. Этот бункер — мой страховой полис.

— Но ведь ты сам только что заявил, что бомбо-

убежище никого не спасет!

— Нет, я сказал, что сомневаюсь, что его будет достаточно. Оно могло бы спасти наши жизни, если бы мы жили милях в ста отсюда. Но Маунтин-Спрингс — цель первостепенного значения, и ни один человек не может построить убежище, которое выдержало бы прямое попадание.

— Тогда о чем же беспокоиться?

— Я уже сказал тебе. Это лучшая страховка, которую я могу себе позволить. Наше убежище не выдержит прямого попадания. Но если ракета уйдет немного в сторону, оно выдержит — ведь русские не супермены, а ракеты штуки капризные. Я просто минимизировал риски. Это лучшее, что я мог сделать.

Дьюк колебался:

— Отец, дипломат из меня никудышный…

— Тогда и не пытайся быть дипломатом.

— В таком случае я задам вопрос в лоб: стоит ли сводить мать с ума, превращать ее в пьяницу только ради того, чтобы продлить свою жизнь на какие-нибудь несколько лет с помощью этой норы в земле? Да и имеет ли смысл дальнейшая жизнь после войны, когда страна будет опустошена, а все твои друзья — мертвы?

— Может, и нет.

— Тогда *зачем все это?*

— Дьюк, ты пока не женат…

— Это неоспоримо.

— Сынок, я тоже буду откровенен. Я давным-давно перестал заботиться о собственной безопасности. Ты уже взрослый человек и стоишь на собственных ногах, и твоя сестра, хоть она и учится в колледже, достаточно взрослая женщина. А что касается меня… — он пожал плечами, — единственное, что меня еще по-настоящему занимает, так это хорошая партия в бридж. Как ты, наверное, заметил, мы с твоей матерью практически перестали понимать друг друга.

— Да, я вижу это. Но это твоя вина. Это ты ведешь мать к нервному срыву.

— Если бы все было так просто… Во-первых, ты еще учился на адвоката, когда я построил это убежище — как раз во время Берлинского кризиса. Тогда твоя мать приободрилась и подолгу могла оставаться трезвой. Она за весь день могла выпить один мартини, а не четыре, как сегодня вечером, и ей этого хватало вполне, Дьюк. Грейс просто *необходимо* это убежище!

— Что ж, может быть. Но ты определенно выводишь ее из себя, снуя по дому с этой затычкой в ухе.

— Вполне возможно. Но у меня нет выбора…

— Что ты имеешь в виду?

— Грейс — моя *жена*, сынок. А «любить и заботиться» включает в себя и заботу о том, чтобы продлить ей жизнь, насколько это в моих силах. Это убежище может сохранить ей жизнь. Но только в том случае, если она будет находиться *внутри* его. Как по-твоему, за какое время до атаки нас успеют предупредить?.. В лучшем случае минут за пятнадцать. А для того, чтобы укрыть ее в убежище, достаточно будет и трех минут. Но если я не услышу сигнала тревоги, у меня не будет этих минут. Поэтому-то я и слушаю непрерывно радио. Во время любого кризиса.

— А если сигнал поступит в то время, когда ты спишь?

— Когда новости плохие, я сплю с пуговицей в ухе. Когда они плохие по-настоящему, как, например, сегодня, мы с Грейс ночуем в убежище. Девушкам тоже придется сегодня ночевать там. И ты, если хочешь, можешь присоединиться сегодня к нам.

— Ну вот еще!

— Напрасно.

— Отец, если даже предположить, что атака возможна, — только предположить, потому что

русские еще не сошли с ума, — зачем же было строить убежище так близко к стратегической базе? Почему ты не выбрал место вдали от любых возможных целей и не построил убежище там? Опять же, только предполагая, что оно необходимо матери для успокоения нервов, что, в принципе, возможно, и тем самым избавив ее от ненужных страданий?

Хьюберт Фарнхэм тяжело вздохнул:

— Сынок, она никогда бы не согласилась уехать отсюда. Ведь здесь ее дом.

— Так заставь ее!

— Сынок, тебе приходилось когда-нибудь заставлять женщину делать то, чего она по-настоящему не хочет? Кроме того, дело осложняется ее склонностью к выпивке. С алкоголиками довольно трудно сладить. А я должен по возможности стараться ладить с ней, насколько это в моих силах. И… Дьюк, я уже говорил тебе, что у меня не так-то много причин стараться остаться в живых. И одна из них вот какая…

— Ну, продолжай же!

— Если эти лживые ублюдки когда-нибудь сбросят свои бомбы на Соединенные Штаты, я хочу прожить еще немного, чтобы отправиться на тот свет по первому разряду — в сопровождении

восьми русских парней! — Фарнхэм выпрямился в кресле. — Я не шучу, Дьюк. Америка — лучшая страна из всех, что люди создали за свою долгую историю, по крайней мере на мой взгляд; и если мерзавцы убьют нашу страну, я тоже хотел бы убить хотя бы нескольких из них. Человек восемь, не меньше. Я почувствовал большое облегчение, когда Грейс наотрез отказалась переезжать.

— Почему, папа?

— Потому что я не хочу быть изгнанным из своего родного дома каким-нибудь крестьянином со свиным рылом и скотскими манерами. Я свободный человек. И надеюсь до конца остаться свободным. Я подготовился к этому, как смог. Но бегство не в моем вкусе, и… Девочки возвращаются.

Вошла Карен, неся напитки, за ней появилась Барбара.

— Ха! Барб осмотрела наши запасы и решила испечь креп-сюзетт. Почему вы оба такие мрачные? Опять плохие вести?

— Нет, но если ты включишь телевизор, мы еще успеем посмотреть конец десятичасовых новостей. Барбара, эти блины с хитрым названием великолепно пахнут! Предлагаю вам место повара.

— А как же Джозеф?

— Джозефа мы оставим мажордомом.

— Тогда я согласна.

— Хей! — сказал Дьюк. — Как же это получается? Вы отвергаете мое предложение сочетаться законным браком и принимаете предложение моего старика жить с ним во грехе?

— Я что-то не заметила намека на грех в предложении вашего отца.

— Как? Разве вы не знаете, Барбара? Наш отец — известный сексуальный маньяк.

— Это правда, мистер Фарнхэм?

— Ну…

— Именно поэтому я и стал юристом, Барбара. Мы устали возить Джерри Гизлера из Лос-Анджелеса всякий раз, когда папочка попадал в переплет.

— Да, славные были денечки! — согласился его отец. — Но, Барбара, к сожалению, это было много лет назад. Теперь моей слабостью стал бридж-контракт.

— Раз вы так опасны, я считаю себя вправе рассчитывать на более высокий оклад…

— Тише, дети! — крикнула Карен и сделала телевизор погромче.

«…Пришли к соглашению по трем из четырех

предложенных президентом основных вопросов и договорились собраться еще раз, чтобы обсудить четвертый вопрос — о присутствии их атомных подводных лодок в наших прибрежных водах. Теперь можно с большой долей уверенности сказать, что кризис, самый острый из всех, случившихся в период после Второй мировой войны, кажется, идет на убыль в результате достижения договоренности, в той или иной степени удовлетворяющей обе стороны. А теперь позвольте познакомить вас с потрясающими новостями от компании „Дженерал моторс“, за которыми последует всесторонний анализ…»

Карен выключила телевизор. Дьюк заметил:

— Все именно так, как я и предполагал, отец. Можешь вынуть из уха свою затычку.

— Потом. Я занят креп-сюзетт. Барбара, надеюсь, вы будете готовить их каждое утро.

— Отец, прекрати соблазнять ее и сдавай карты. Я хочу отыграться.

— У нас впереди еще целая ночь. — Мистер Фарнхэм закончил есть и поднялся, чтобы убрать тарелку.

В этот момент прозвенел звонок у входной двери.

— Я открою.

Он направился в прихожую, но скоро вернулся. Карен спросила:

— Кто там, папа? Я сдала за тебя. На сей раз мы с тобой партнеры. Ну вырази же свою радость по этому поводу.

— Я просто восхищен. Только помни, что с объявления одиннадцати взяток торговаться не начинают. По-моему, этот человек просто заблудился. А может, он не в своем уме.

— Должно быть, это был один из моих поклонников. Пришел на свидание, а ты спугнул его.

— Вполне возможно. Какой-то старый, лысый болван, насквозь мокрый и оборванный.

— Да, это ко мне, — подтвердила Карен. — Президент нашего студенческого союза. Пойди догони его, отец.

— Слишком поздно. Он только взглянул на меня и смылся. Кто объявляет масть?

Барбара продолжала играть, на сей раз совершенно машинально. Ей все время казалось, что Дьюк объявляет слишком много взяток; тогда она поймала себя на том, что недообъявляет взятки, и попыталась бороться с собой. Они несколько раз «подсели» в длинном, мрачном роббере, который в конце концов «выиграли», хотя и проиграли по очкам.

Проиграть следующий роббер с Карен в качестве партнера было сущим удовольствием. Они поменялись местами, и Барбара вновь оказалась партнером мистера Фарнхэма. Он улыбнулся ей:

— Ну что, покажем им, как надо играть?

— Я постараюсь.

— Просто играйте как всегда. По книге. Все ошибки предоставьте делать Дьюку.

— Слова не деньги, папа. Давай побьемся об заклад, что вам не выиграть этого роббера. Ставлю сто долларов.

— Хорошо, пусть будет сто.

Барбара подумала о жалких семнадцати долларах в ее сумочке и занервничала. Она разволновалась еще сильнее, когда первый круг закончился при пяти трефах, объявленных и побитых Дьюком, и тогда она поняла, что он переборщил и остался бы без одной, если бы она покрыла его прорезку.

— Ну что, губернатор, удваиваем пари? — предложил Дьюк.

— По рукам.

Второй круг был для нее намного удачнее: в ее контракте при четырех пиках, благодаря отсутствию масти у противника, она ухитрилась даже уйти со всех своих козырей, прежде чем они

кончились. Улыбка ее напарника была вполне достаточным вознаграждением. Но у нее почему-то дрожали руки.

— Обе команды получают по очку, — сказал Дьюк, — счет сравнивается. Как твое давление, папочка? Может, еще раз удвоим пари?

— Что, собираешься уволить свою секретаршу?

— Не надо лишних слов!

— Идет. Четыре сотни. Можешь продать свою машину.

Мистер Фарнхэм сдал карты. Барбара взяла свои и нахмурилась. В принципе, не так уж плохо: две дамы, пара валетов, туз, король — но не было длинной масти, да и король ничем не прикрыт. В общем, комбинация была из тех, которые она привыкла называть «ни то ни се». Оставалось только надеяться, что это будет один из этих вызывающих всеобщий вздох облегчения кругов, когда все пасуют.

Ее партнер взглянул на свои карты и объявил:

— Три без козырей.

Барбара с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть, а Карен воскликнула:

— Папочка, да у тебя жар!

— Принимаю.

— Пас!

«Боже, о боже, что мне делать?» — взмолилась про себя Барбара. Объявление ее партнера обозначало двадцать пять очков — и приглашение к шлему. У нее самой было тринадцать. Тридцать восемь на двух руках — большой шлем.

Все по книге! («Барбара, ты же помнишь, „три без козыря“ — это двадцать пять, двадцать шесть или двадцать семь очков, прибавь тринадцать — вот тебе и большой шлем».) Но по книге ли играл мистер Фарнхэм? Может быть, он объявлял просто для того, чтобы выиграть роббер и победить в этом идиотском пари?

Если она сейчас спасует, то и игра, и роббер, и четыреста долларов — дело верное. Но большой шлем — если они объявят его — принес бы им что-то около пятнадцати долларов при тех ставках, которые установили Дьюк и его отец. Рисковать чужими четырьмястами долларами ради каких-то пятнадцати?

Смешно!

А нельзя ли выйти на шлем потихоньку, по конвенции Блэквуда? Да нет, ведь предварительной торговли не было. Может быть, это как раз один из тех случаев, о которых предупреждал ее Дьюк?

Но ведь ее партнер ясно сказал: «Играй по

книге».

— Семь без козырей, — твердо объявила она.

Дьюк присвистнул:

— Благодарю вас, Барбара. Теперь, папочка, ты один против всех. Контра[2].

— Пас.

— Пас, — эхом отозвалась Карен.

Барбара снова прикинула свои возможности. Этот одинокий король выглядел жутко голым. Но… либо ее команда наберет тридцать восемь очков, либо не наберет ничего.

— Снова удваиваю.

Дьюк улыбнулся:

— Спасибо, золотко. Ходи, Карен.

Мистер Фарнхэм вдруг положил карты и резко встал. Его сын сказал:

— Эй! Вернись и прими неизбежное!

Мистер Фарнхэм, не отвечая, подошел к телевизору, включил его, затем включил радио и настроил его на нужную волну.

— Красная тревога! — неожиданно объявил он. — Пусть кто-нибудь предупредит Джозефа! — И выбежал из комнаты.

— Вернись! Тебе не провести нас с помощью

---

[2] Примечания: 2

Контра — карточный термин, обозначающий удвоение ставки. — *Примеч. ред.*

такого примитивного трюка!

— Заткнись, Дьюк! — прикрикнула на него Карен.

Ожил телевизионный экран: «…приближается. Сразу же настройтесь на волну своей аварийной станции. Удачи вам, всего хорошего, и да благословит вас всех Господь!..»

Изображение на экране исчезло, и стало слышно радио: «…не учебная тревога! Это не учебная тревога! Аварийным командам явиться в места дислокации. Не выходите на улицу. Если у вас нет укрытия, найдите самое защищенное место в доме. Это не учебная тревога! Неопознанные баллистические объекты только что замечены нашими системами раннего предупреждения, и есть все основания предполагать, что это боевые ракеты. Все в укрытия! Аварийным командам явиться…»

— Кажется, это серьезно, — с дрожью в голосе выдавила из себя Карен. — Дьюк, покажи дорогу Барбаре. Я пойду разбужу Джозефа… — И она выбежала из комнаты.

— Этого не может быть, — сказал Дьюк.

— Дьюк, как пройти в укрытие?

— Я покажу вам. — Он неторопливо встал, собрал карты и аккуратно разложил их по раз-

ным карманам. — Мои и сестренкины — в моих брюках, а ваши с отцом — в пиджаке. Пошли. Чемодан возьмете?

— Нет!

2

Дьюк провел ее через кухню, за которой находилась лестница, ведущая в подвал. Мистер Фарнхэм уже спускался по ней, неся на руках жену. Похоже было, что она спит.

— Подожди, отец! — крикнул Дьюк. — Сейчас я возьму ее сам.

— Спускайся первым и открой дверь!

В стене подвала оказалась стальная дверь. Дьюк не сумел справиться с ней — не знал, как отпирается замок. Мистер Фарнхэм не выдержал и, отдав жену сыну, сам открыл ее. За дверью оказалась еще одна лестница, ведущая вниз. Они подхватили миссис Фарнхэм и понесли ее, словно безвольную куклу, дальше по лестнице. За второй стальной дверью открылось новое помещение. Барбара прикинула, что пол в нем находится футов на шесть ниже основания фундамента, а само убежище располагается примерно под задним двором дома. Она шагнула в сторону, пропуская хозяев внутрь.

Мистер Фарнхэм вновь показался в дверях:

— Барбара! Входите же скорее! А где Джозеф? Где Карен?

Не успел он договорить, как эти двое кубарем скатились по лестнице. Карен была растрепана и выглядела очень возбужденной. Джозеф спросонья дико озирался по сторонам. Одет он был явно наспех, в брюки и нижнюю рубашку. Обуви на нем не было.

Он резко остановился:

— Мистер Фарнхэм! Они что, собираются нанести нам удар?

— Боюсь, что так. Входи скорее.

Юноша-негр обернулся и закричал:

— Доктор Ливингстон — Я Полагаю! — и кинулся вверх по лестнице.

— О боже! — простонал мистер Фарнхэм и сжал ладонями виски. Затем добавил уже обычным тоном: — Девочки, входите. Карен, запри эту дверь, я же наверху подожду, сколько смогу. — Он взглянул на часы. — Пять минут.

Девушки вошли. Барбара шепотом спросила:

— Что случилось с Джозефом? Помешался?

— Да, что-то вроде того. Доктор Ливингстон — Я Полагаю — это наш кот, который любит Джозефа и терпит нас. — Карен начала запирать внутреннюю дверь, сделанную из листовой стали, на десять засовов дюймовой толщины.

Вдруг она остановилась:

— Черт меня возьми! Я запираю дверь, а отец остался там, снаружи!

— Не запирай вообще.

Карен покачала головой:

— Нет, я все-таки задвину парочку, чтобы он слышал. Этот кот может быть в миле отсюда.

Барбара оглянулась. Комната имела г-образную форму. Вошли они с конца короткого рукава. Справа, у стены, располагались две койки. Грейс Фарнхэм лежала на нижней, она все еще спала. Вдоль противоположной стены тянулись полки, тесно уставленные какими-то припасами. Койки и полки разделял проход немного шире, чем входная дверь. Потолок был низким, закругленным, сделан из гофрированной стали. Дальше можно было различить края еще двух коек. Дьюка видно не было, и вдруг он появился из-за поворота и принялся устанавливать ломберный столик. Барбара с удивлением следила за тем, как он аккуратно вынимает из карманов карты, которые захватил перед бегством из гостиной. Как давно это было! Наверное, уже с час назад. А может быть, и пять минут.

Дьюк заметил ее, улыбнулся и расставил вокруг столика складные стулья.

В дверь постучали. Карен отперла ее. Ввалился

Джозеф, за ним вошел мистер Фарнхэм. С рук Джозефа спрыгнул рыжий персидский кот и тут же принялся обнюхивать все углы. Карен с отцом заперли дверь. Фарнхэм взглянул на жену и сказал:

— Джозеф, поможешь мне покрутить штурвал?

— Есть, сэр!

К ним подошел Дьюк:

— Ну как, посудина заклепана, шкипер?

— Да, осталась только раздвижная дверь. Она запирается на штурвал.

— Ну что ж, как запрете — прошу к столу. — Дьюк указал на разложенные карты.

Отец уставился на него в изумлении:

— Дьюк, ты что же, всерьез предлагаешь *доигрывать партию*, когда с минуты на минуту мы ждем нападения?

— Мою серьезность изрядно подкрепляет надежда выиграть четыре сотни долларов. И еще одну ставлю на то, что нас вообще не атакуют. Через полчаса тревога будет отменена, и в завтрашних газетах появятся сообщения, что радарные станции были сбиты с толку северным сиянием. Ну как, будешь играть? Или сдаешься?

— Ммм… мой партнер сыграет за меня. Я за-

нят.

— Ты не будешь потом оспаривать ее проигрыш?

— Конечно нет.

Барбара обнаружила, что уже сидит за столом. У нее было такое чувство, что все это происходит во сне. Она взяла карты своего партнера и взглянула на них:

— Твое слово, Карен.

— О черт! — воскликнула в сердцах Карен и пошла с тройки треф.

Дьюк взял карты «болвана» и разложил их по мастям.

— Какую карту со стола?

— Все равно, — отозвалась Барбара. — Я играю в открытую за двоих.

— Может, лучше не надо?

— Да тут без вариантов. — Она показала карты.

Дьюк взглянул на них.

— Все ясно… — сказал он. — Не убирайте их, отцу тоже будет интересно посмотреть. — Он что-то прикинул в уме. — Здесь примерно двадцать четыре сотни очков. Отец!

— Да, сын?

— Я выписываю чек на четыреста девяносто два доллара, и пусть это будет мне уроком.

— Нет такой необходимости…

Свет погас, пол вздрогнул под ногами. Барбара почувствовала, как что-то страшно сдавило ей грудь. Она попыталась встать, но не смогла устоять на ногах. Вокруг грохотали гигантские поезда подземки, и пол вздымался, как палуба корабля в море.

— Отец!

— Я здесь, Дьюк. Ты ранен?

— Не знаю. Но чек мне придется выписать уже на пятьсот девяносто два доллара!

Подземный гул не смолкал. Сквозь рев и грохот Барбара услышала, как мистер Фарнхэм усмехнулся и сказал:

— Забудь об этом. Доллар только что обесценился.

— Хьюберт! Хьюберт! Где ты? — послышался пронзительный голос миссис Фарнхэм. — Хьюберт, останови это!

— Иду, дорогая.

Тьму прорезал тонкий луч фонарика и двинулся по направлению к койкам. Барбара подняла голову и увидела, что это хозяин дома на четвереньках, держа фонарик в зубах, пробирается к супруге. Достигнув койки, он принялся успокаивать жену, и скоро ее крики стихли.

— Карен!

— Да, папа?

— Ты в порядке?

— Да, только синяки. Мой стул опрокинулся.

— Прекрасно. Тогда включи аварийное освещение в этом отсеке. Только не вставай. Передвигайся ползком. Я посвечу тебе фонариком. Потом возьми аптечку и шприц и… *Ох-х!* Джозеф!

— Да, сэр?

— Ты цел?

— Все в порядке, босс.

— Позови-ка своего лохматого Фальстафа. А то он прыгнул на меня.

— Просто он хочет выразить свое расположение к вам.

— Да-да. Но мне не хотелось бы, чтобы он выражал его в то время, когда я делаю укол. Позови его.

— Сию секунду. Док! Ко мне! Док! Док! На́ рыбку!

Через некоторое время грохот стих, пол перестал качаться под ногами. Миссис Фарнхэм, получив дозу снотворного, безмятежно уснула. В первом отсеке тускло светили две небольшие лампочки, и мистер Фарнхэм принялся изучать последствия нападения.

Ущерб оказался невелик. Несмотря на ограждения, несколько банок с консервами все же свалились на пол. Разбилась одна бутылка рома, но, кроме спиртного, практически ничего из припасов не хранилось в стеклянной таре. Спиртное, оставленное в ящиках, тоже уцелело. Самой неприятной потерей был радиоприемник на батарейках, который сорвался со стены и разбился вдребезги.

Мистер Фарнхэм встал на четвереньки и принялся разглядывать остатки приемника. Подошел его сын и, взглянув на разбитое устройство, произнес:

— Не трать время, отец. Смети весь этот хлам в помойное ведро.

— Кое-что можно восстановить.

— А ты что-нибудь понимаешь в радиотехнике?..

— Нет, — вздохнул отец. — Но у меня есть книги.

— Книги не починят радиоприемник. Тебе следовало бы иметь запасной.

— У меня есть.

— Тогда, бога ради, достань его! Я хочу знать, что случилось.

Отец медленно поднялся и взглянул на Дьюка:

— Мне тоже интересно. Тот приемник, что у меня в ухе, молчит. Конечно, ничего удивительного в этом нет — он слишком слабый. А запасной приемник упакован в поролон и, скорее всего, не пострадал.

— Так доставай же его!

— Потом.

— «Потом, потом»... Дьявольщина! Где он?

Мистер Фарнхэм вздохнул тяжело:

— Я устал от твоей болтовни.

— Что? Ну прости. Скажи мне только, где запасное радио.

— Нет. Мы можем лишиться и его. Я хочу дождаться конца нападения.

Сын пожал плечами:

— Ну что ж, упрямься на здоровье. Но ведь наверняка все с удовольствием послушали бы последние новости. Твое упрямство просто глупо, если хочешь знать мое мнение.

— Тебя никто не спрашивает. Я уже сказал, что устал от твоей болтовни. Если тебе так хочется узнать, что происходит снаружи, выйди и посмотри. Я отопру внутреннюю дверь и промежуточную, внешнюю ты сам вполне можешь открыть.

— Как это? Не говори глупостей.

— Только не забудь закрыть ее за собой. Лучше, если она будет закрыта, — это ослабит излучение. И ударную волну.

— Вот это уже ближе к делу. Здесь есть чем измерить уровень радиации? Нам бы следовало…

— Заткнись!

— Что? Отец, не надо строить из себя сурового папашу.

— Дьюк, я по-хорошему прошу тебя замолчать и выслушать меня. Согласен?

— Ну что же… хорошо. Мне только не нравится, когда на меня кричат в присутствии других людей.

— В таком случае держи язык за зубами.

Они находились в первом отсеке. Возле них мирно похрапывала миссис Фарнхэм. Остальные удалились во второй отсек, чтобы не быть свидетелями ссоры.

— Так ты готов слушать меня?

— Готов, сэр, — холодно ответил Дьюк.

— Вот и отлично. Сынок, я не шучу. Или уходи, или делай только то, что буду говорить я. Подразумевается и то, что ты должен заткнуться, если я прошу. Как бы поточнее выразиться? Это должно быть абсолютное подчинение, быстрое и охотное. Или ты предпочтешь уйти?

— А не слишком ли ты перегибаешь палку?

— Вот именно это я и делаю. Наше убежище — спасательная шлюпка, а я ее командир. Ради безопасности остальных я должен поддерживать дисциплину. Даже если для этого придется кого-нибудь выбросить за борт.

— Это довольно-таки искусственная аналогия. Отец, очень жаль, что ты служил на флоте. После него у тебя в голове завелись романтические идеи.

— А я жалею, что *ты* никогда не служил. Тебе не хватает трезвого взгляда на жизнь. Ну так что? Ты будешь выполнять приказы? Или уйдешь?

— Ты же прекрасно знаешь, что я никуда не уйду. Да ты и не стал бы говорить об этом всерьез. Ведь это верная смерть.

— Значит, ты будешь меня слушаться?

— Я… э-э-э… буду сотрудничать с тобой. Но это диктатура… Отец, сегодня вечером ты сам ясно дал понять, что ты свободный человек. Но ведь и я тоже. Поэтому я согласен помогать тебе. Но я не собираюсь исполнять приказы, которые считаю ненужными. Что касается держания языка за зубами, то я постараюсь быть дипломатичным. Но если я сочту необходимым, то наверняка выскажу свое мнение вслух и открыто. Свобода слова.

Ведь это справедливо, не так ли?

Отец вздохнул:

— Не то ты говоришь, Дьюк. Отойди-ка, я открою дверь.

— Эта шутка, кажется, заходит слишком далеко, отец.

— Я не шучу. Я собираюсь выставить тебя за дверь.

— Отец… Мне бы не хотелось говорить тебе этого… но, мне кажется, у тебя силенок не хватит тягаться со мной. Я крупнее тебя и намного моложе.

— Это мне известно. Но я вовсе не собираюсь драться с тобой.

— Тогда давай прекратим этот глупый спор.

— Дьюк, пожалуйста! Я построил это убежище. Не прошло еще и двух часов, как ты смеялся над ним, называя его «нездоровой» причудой. А теперь, когда оказалось, что ты был не прав, ты с удовольствием пользуешься им. Верно?

— В принципе, да. Ты прав.

— И все-таки ты указываешь мне, что и как я должен делать. Заявляешь мне, что *следовало* запастись вторым приемником. И все это тогда, когда ты сам не запасся *ничем*! Будь же мужчиной, раз так получилось, и делай то, что тебе

говорят. Ведь ты спасся только благодаря мне!

— Черт побери! Я тебе уже сказал, что согласен сотрудничать!

— А сам и не думаешь этого делать. Вместо этого ты отпускаешь глупые замечания, мешаешь мне, упрямишься, напрасно задерживаешь меня, когда у меня куча срочных дел. Дьюк, мне не нужно сотрудничество на твоих условиях и по твоему разумению. Пока мы находимся в этом убежище, мне требуется полное подчинение.

Дьюк покачал головой:

— Постарайся, наконец, понять, что я уже не ребенок, отец. Мое сотрудничество — да. Но большего я не обещаю.

Мистер Фарнхэм печально покачал головой:

— Возможно, было бы лучше, если бы командовал ты, а я тебе подчинялся. Но дело в том, что я много раз обдумывал все, что может случиться непредвиденного, а ты — нет. Сын, я предусмотрел, что у твоей матери может начаться истерика, и у меня все было наготове для такого случая. Как ты думаешь, не мог ли я предусмотреть и данную ситуацию?

— Как это? Ведь я здесь оказался по чистой случайности.

— Я сказал «ситуацию». На твоем месте мог ока-

заться любой другой. Сегодня у меня могли быть гости или какие-нибудь случайные люди вроде того старика, что позвонил к нам в дверь, — я бы взял в убежище всех. Я предусмотрел дополнительные места. Неужели ты думаешь, что, планируя все это, я не предвидел, что кто-нибудь может выйти из повиновения, и не продумал, как поставить его на место?

— Ну и как же?

— Как ты думаешь, чем отличается командир спасательной шлюпки от остальных, сидящих в ней?

— Это что, загадка?

— Да нет. Просто только у командира есть оружие.

— О, я и не сомневался, что здесь у тебя есть и оружие. Но в руках ты ничего не держишь и… — Дьюк усмехнулся. — Отец, я что-то с трудом представляю себе, как ты стреляешь в меня. Неужели ты способен на это?

Мистер Фарнхэм пристально посмотрел на сына, затем опустил глаза.

— Нет. В чужого человека — возможно. Но ты мой сын. — Он вздохнул. — Ну что ж, надеюсь на твое сотрудничество.

— Обещаю тебе его.

— Спасибо. А теперь, извини, мне нужно кое-что сделать. — Мистер Фарнхэм оглянулся назад и позвал: — Джозеф!

— Да, сэр.

— Сложилась ситуация номер семь.

— Ситуация семь, сэр?

— Да, и положение все время ухудшается. Будь осторожен с инструментами и не мешкай.

— Понятно, сэр!

— Спасибо. — Он повернулся к сыну. — Дьюк, если ты действительно хочешь сотрудничать, то можешь собрать остатки этого радио. Оно точно такое же, как и запасное. Так что в случае необходимости какие-то детали нам могут пригодиться. Согласен?

— Конечно, сэр. Я же *сказал*, что готов сотрудничать. — Дьюк опустился на колени и занялся тем, что до этого помешал сделать отцу.

— Спасибо. — Мистер Фарнхэм повернулся и пошел по направлению ко второму отсеку.

— Мистер Дьюк! Руки вверх!

Дьюк взглянул через плечо и увидел, что позади карточного столика стоит Джозеф и целится в него из автомата Томпсона. Он вскочил на ноги:

— Какого черта!

— Стойте на месте! — предупредил Джозеф. —

При малейшем движении — стреляю!

— Правильно, — согласился мистер Фарнхэм. — Его ведь не удерживают родственные узы, как меня. Джозеф, если только он шевельнется, пристрели его.

— Отец! Что происходит?

Мистер Фарнхэм повернулся к дочери:

— Ступай обратно!

— Но, папочка…

— Тихо! Обе ступайте обратно и сидите там на нижней койке. Быстро!

Карен подчинилась. Барбара с ужасом заметила, что в руке хозяина дома тускло отсвечивает автоматический пистолет, и быстро последовала за Карен.

— А теперь обнимите друг друга, — приказал Фарнхэм, — и не двигайтесь.

Он вернулся в первый отсек.

— Дьюк!

— Да.

— Опусти руки и расстегни брюки. Пусть они спадут, но ног из них не вынимай. После этого медленно повернись лицом к двери и отпирай ее.

— Отец…

— Заткнись. Джозеф, если он сделает что-ни-

будь не так, как я велел, стреляй. Можешь для начала стрелять по ногам, но попасть в него ты должен обязательно.

Ошеломленный, бледный как полотно, Дьюк сделал то, что ему велели: спустил брюки так, что оказался стреноженным ими, повернулся и принялся выдвигать запоры на двери. Когда он справился с половиной, отец остановил его:

— Дьюк, хватит. В эти секунды решается, уходишь ты или остаешься. Условия тебе известны.

Почти без колебаний Дьюк ответил:

— Я принимаю твои условия.

— Но это еще не все. Ты будешь подчиняться не только мне, но и Джозефу.

— Джозефу?!

— Моему первому помощнику. Без помощника мне никак не обойтись, Дьюк. Не могу же я все время бодрствовать. Я бы с радостью назначил помощником тебя, но ты ведь не хотел иметь с этим ничего общего. Поэтому мне пришлось поднатаскать Джозефа. Он знает, где что находится, как что действует, как что починить. Таким образом, он мой заместитель. Что ты на это скажешь? Согласен ли ты подчиняться ему так же, как мне? Без пререканий?

— Обещаю, — медленно проговорил Дьюк.

— Хорошо. Но обещание, данное под давлением, ни к чему не обязывает. Существует другая форма подчинения, которая применяется в случае насилия и тем не менее имеет силу. Ты, как юрист, должен знать, о чем я говорю. Я хочу, чтобы ты дал клятву заключенного. Клянешься ли ты подчиняться обстоятельствам до тех пор, пока мы не сможем покинуть убежище? Это честное соглашение: твоя клятва в обмен на то, что мы оставляем тебя здесь.

— Клянусь.

— Благодарю. Тогда запирай дверь и застегивай брюки. Джозеф, можешь убрать автомат.

— Хорошо, босс.

Дьюк запер дверь, привел в порядок брюки. Когда он повернулся, отец протянул ему пистолет.

— Зачем это? — спросил Дьюк.

— Соберись с мыслями. Если твоя клятва ничего не стоит, то лучше нам узнать об этом сейчас.

Дьюк взял пистолет, вытащил из него обойму, оттянул затвор и поймал выскочивший из патронника патрон. Взглянув на него, Дьюк сунул патрон в обойму, вставил ее — и вернул перезаряженный пистолет отцу.

— Моя клятва остается в силе. Держи.

— Пусть останется у тебя. Ты всегда был упря-

мым мальчишкой, но никогда не был лжецом.

— Ладно… босс. — Сын положил пистолет в карман. — А здесь довольно жарко.

— Будет еще жарче.

— Да? И какую же дозу мы, по-твоему, получаем?

— Я имею в виду не радиацию. Огненный шторм. — Мистер Фарнхэм подошел к месту стыка двух отсеков, взглянул на висевший там термометр, затем на часы. — Уже восемьдесят четыре градуса[3], а с момента нападения прошло только двадцать три минуты. Значит, будет еще хуже.

— Насколько хуже?

— Откуда я знаю, Дьюк? Я не имею понятия, на каком расстоянии от нас произошел взрыв, сколько мегатонн было в бомбе, насколько далеко распространилось пламя. Я даже не знаю, горит ли над нами дом или его снесло взрывом. Нормальная температура в убежище — около пятидесяти градусов. Так что все это выглядит паршиво. И ничего с этим не поделаешь. Хотя, впрочем, кое-что мы можем сделать. Раздеться и ходить в шортах. Так я и поступлю, пожалуй.

---

[3] Примечания: 3

84° по Фаренгейту приблизительно равны 29° по Цельсию. — *Примеч. С. В. Голд.*

Он прошел в соседний отсек. Девушки все так же сидели на койке, крепко обнявшись. Джозеф устроился на полу, прислонившись спиной к стене. На руках у него лежал кот. Карен взглянула на отца широко открытыми глазами, но ничего не сказала.

— Ну, детки, можете вставать.

— Спасибо, — сказала Карен. — Для объятий здесь довольно жарко. — Барбара разомкнула руки, и Карен выпрямилась.

— Ничего не поделаешь. Вы слышали, что произошло?

— Какая-то ссора, — осторожно сказала Карен.

— Верно. И это последняя ссора. Я — начальник, а Джозеф — мой заместитель. Понятно?

— Да, папочка.

— Миссис Уэллс?

— Я? О, конечно! Ведь это же ваше убежище. Я так благодарна вам, что оказалась здесь. Благодарна за то, что оказалась в живых. И пожалуйста, мистер Фарнхэм, называйте меня просто Барбара.

— Хм… В таком случае называйте меня Хью. Это имя нравится мне больше, чем Хьюберт. Дьюк — и все остальные тоже — отныне пусть называют друг друга просто по имени. Не называйте

меня больше «отец», зовите меня Хью. А ты, Джо, оставь этих мистеров и мисс. Понял?

— Ладно, босс. Как вам будет угодно.

— Отныне ты должен говорить: «Ладно, Хью». А теперь, девочки, раздевайтесь до нижнего белья, потом разденьте Грейс и выключите свет. Сейчас жарко, а будет еще жарче. Джо, советую раздеться до трусов. — Мистер Фарнхэм снял пиджак и начал расстегивать рубашку.

— Э… босс, мне вполне хорошо и так, — сказал Джозеф.

— Вообще-то я не спрашиваю, я тебе приказываю.

— Э-э-э… *босс, на мне нет трусов.*

— Это правда, — подтвердила Карен. — Спросонья он так торопился, что забыл надеть их.

— Вот как? — Хью взглянул на своего бывшего работника и хмыкнул: — Джо, да ты, кажется, еще не созрел для такой ответственной должности. Наверное, мне следовало бы назначить своим заместителем Карен.

— Годится.

— Ладно, возьми на полке запасные трусы и переоденься в туалете. Когда закончишь, покажи Дьюку, где что находится. А ты, Карен, то же самое проделай с Барбарой. А потом мы соберемся

на совет.

Собрались они минут через пять. Хью Фарнхэм сидел за столом и тасовал карты. Когда все расселись, он спросил:

— Кто хочет сыграть в бридж?

— Папочка, ты шутишь?

— Меня зовут Хью. Я не шучу: партия в бридж может здорово успокоить наши нервы. Потуши сигарету, Дьюк.

— Э… прошу прощения.

— Думаю, что завтра ты уже сможешь курить. Я впустил много чистого кислорода, поэтому наружный воздух не поступает. Видел баллоны в туалетной комнате?

В промежуточном помещении между отсеками стояли баллоны со сжатыми газами, бак с водой, химический туалет. Там же находились различные запасы и крохотный стоячий душ. Здесь же были входное и выходное вентиляционные отверстия, наглухо сейчас закрытые, и ручная воздухоочистительная установка с уловителями двуокиси углерода и водяных паров.

— Значит, в них кислород? А я думал, там просто сжатый воздух.

— Он занял бы слишком много места. Так что курить слишком рискованно. Я открыл для про-

верки один из вентиляционных входов — воздух очень горячий, как в смысле температуры, так и в смысле радиации. Счетчик Гейгера трещит как пулемет. Друзья, я не знаю, сколько нам еще придется пользоваться сжатым кислородом. Запас его рассчитан на тридцать шесть часов для четырех человек, так что для шестерых его хватит примерно на двадцать четыре часа. Но это не самое страшное. Я весь в поту, и вы тоже. До ста двадцати градусов[4] мы еще сможем терпеть. Если температура поднимется выше, придется использовать кислород для охлаждения убежища. В таком случае нам останется выбирать между жарой и удушьем. Или чем похуже.

— Папа… то есть Хью, я хотела сказать. Ты имеешь в виду, что мы или поджаримся заживо, или задохнемся?

— Я этого не допущу, Карен.

— Если дойдет до этого… я предпочитаю пулю.

— Не потребуется. У меня в убежище запас снотворного, достаточный, чтобы безболезненно умертвить человек двадцать. Но мы здесь не для того, чтобы погибать. До сих пор нам везло. И если наше везение продлится еще немного, мы

---

[4] Примечания: 4

120° по Фаренгейту примерно равны 49° по Цельсию. — *Примеч. С. В. Голд.*

переживем катастрофу. Так что не настраивайтесь на похоронный лад.

— А как насчет радиации? — спросил Дьюк.

— Ты умеешь читать показания счетчика?

— Нет.

— Тогда поверь мне на слово, что с этой стороны опасность нам пока не грозит. Теперь насчет сна. В отсеке, где лежит Грейс, — женская половина, другой отсек — для мужчин. Коек только четыре, но этого вполне достаточно: один из нас постоянно должен наблюдать за температурой и воздухом, другой, которому тоже не хватает места, должен заботиться о том, чтобы дежурный не уснул. Тем не менее сегодняшнюю вахту я беру на себя, и напарник мне не понадобится — я принял декседрин.

— Я буду дежурить.

— И я с тобой.

— Мне совсем не хочется спать.

— Тише, тише! — сказал Хью. — Джо, тебе со мной дежурить нельзя, потому что тебе придется сменить меня, когда я выдохнусь. Мы с тобой будем дежурить попеременно до тех пор, пока ситуация не перестанет быть опасной.

Джо пожал плечами и промолчал.

Дьюк сказал:

— Тогда, видно, я буду удостоен этой чести.

— Вы что, считать не умеете? Две койки для мужчин, две — для женщин. Что остается? Нужно сложить этот стол, и тогда еще одна женщина сможет спать на полу. Джо, доставай одеяла. Пару брось здесь на пол и пару — в кладовой, для меня.

— Уже несу, Хью.

Обе девушки настаивали на том, чтобы им тоже разрешили нести вахту. Хью оборвал их:

— Довольно.

— Но…

— Довольно, я сказал, Барбара. Одна из вас спит на койке, другая здесь, на полу. Дьюк, дать тебе снотворное?

— Никогда не имел такой привычки.

— Не строй из себя железного человека.

— Ну… пусть это будет проверка на ржавчину.

— Хорошо. Джо? Секонал?

— Дело в том, что я так рад тому, что завтра не нужно писать эту контрольную…

— Приятно слышать, что хоть кто-то из нас чему-то рад. Хорошо.

— Я еще хотел сказать, что сна у меня ни в одном глазу. Вы уверены, что вам не понадобится моя помощь?

— Уверен. Карен, достань Джо одну таблетку. Знаешь, где они лежат?

— Да, и себе я тоже, пожалуй, возьму. Я не железный человек, и милтаун очень кстати.

— Прекрасно. Барбара, вы пока не пейте снотворное. Может быть, мне еще придется разбудить вас, чтобы вы не давали мне заснуть. Впрочем, милтаун можете принять. Это обычное успокоительное.

— Пожалуй, ни к чему.

— Как хотите. А теперь — всем спать. Сейчас ровно полночь, и через восемь часов на вахту заступят следующие двое.

Через несколько минут все улеглись. Барбара легла на полу. Свет выключили, оставив только одну лампочку в кладовой для дежурного. Хью расположился на одеялах и принялся сам с собой играть в солитер[5], причем довольно плохо.

Пол снова вздрогнул, послышался раздирающий уши рев. Карен вскрикнула.

Хью мгновенно вскочил. На сей раз удар был не очень силен, и он смог удержаться на ногах. Хью поспешил в женский отсек.

— Дочка! Где ты? — Он пошарил по стене и

---

[5] Примечания: 5

Вообще-то, *солитер* — это пасьянс, но его можно превратить в игру. — *Примеч. С. В. Голд.*

нащупал выключатель.

— Я здесь, папа. Боже, как я испугалась! Я уже почти заснула, как вдруг это! Я чуть не свалилась на пол. Помоги мне спуститься.

Он поддержал ее, и она, спустившись, прижалась к нему и зарыдала.

— Ну-ну, — приговаривал он, ласково похлопывая ее по спине. — Ты же у меня смелая, не бойся, все будет хорошо.

— И вовсе я не смелая. Я все время боюсь без памяти. Просто я стараюсь не показывать этого.

— Карен… я тоже боюсь. Так давай не будем поддаваться страху, а? Выпей-ка еще таблетку. Можешь запить чем-нибудь покрепче.

— Хорошо. И то, и другое. Но мне не уснуть на этой койке. Там слишком жарко и страшно, когда трясет.

— Ладно. Мы можем постелить тебе на полу, там попрохладнее. А где твое белье, девочка? Лучше надеть его.

— Оно там, наверху, на койке. Но мне это безразлично. Мне просто нужно, чтобы кто-нибудь был рядом. А впрочем, нет. Лучше я оденусь, а то Джозеф будет шокирован, когда проснется.

— Сейчас, подожди. Вот твои трусики. А куда же девался лифчик?

— Может быть, где-то сбоку?

Хью снял матрас с койки.

— Нет, и здесь ничего.

— Ну и черт с ним! Джо может и отвернуться. Я хочу выпить.

— Хорошо. Джо настоящий джентльмен.

Дьюк и Барбара сидели на полу на одеяле. Оба выглядели очень неважно. Хью спросил:

— А где Джо? Он не ранен?

Дьюк усмехнулся:

— Хочешь посмотреть на «спящую невинность»? Вон там, на нижней койке.

Хью обнаружил своего заместителя лежащим на спине, громко храпящим и таким же нетранспортабельным, как Грейс Фарнхэм. Доктор Ливингстон — Я Полагаю свернулся калачиком у него на груди. Хью вернулся в первый отсек.

— Ну, этот взрыв был подальше. Я очень рад, что у Джо есть возможность выспаться.

— А по мне, так взрыв был чертовски близко! И когда только у них кончатся эти штуки?

— Я думаю, скоро. Друзья, мы только что с Карен организовали клуб «Я тоже боюсь» и собираемся отпраздновать его учреждение небольшим возлиянием. Еще кандидаты в члены клуба есть?

— Я почетный член!

— И я тоже, — поддержала Барбара.

— Еще бы!

Хью извлек откуда-то бумажные стаканчики и бутылку шотландского виски, а также секонал и милтаун.

— Кому-то нужна вода?

— Я не хочу, чтобы какая-то там вода мешалась со столь благородным напитком, — сказал Дьюк.

— А я, пожалуй, разбавлю, — сказала Барбара. — Как все-таки жарко!

— Отец, какая у нас сейчас температура?

— Дьюк, в кладовой есть термометр. Будь добр, сходи и посмотри.

— Конечно. А можно мне потом тоже принять снотворное?

— Ради бога. — Хью дал Карен одну капсулу секонала и таблетку милтауна, посоветовав Барбаре тоже принять успокоительное. Затем он и сам принял милтаун, решив, что декседрин слишком возбудил его. Вернулся Дьюк.

— Сто четыре градуса, — объявил он. — Я еще немного отвернул вентиль. Правильно?

— Скоро нам придется отвернуть его еще больше. Вот твои таблетки, Дьюк, — двойная доза секонала и милтауна.

— Спасибо. — Дьюк проглотил лекарства и

запил их виски. — Пожалуй, я тоже лягу на полу. Кажется, это самое прохладное место в доме.

— Логично. Ну хорошо, давайте ложиться. Дадим таблеткам возможность проявить себя.

Хью сидел с Карен до тех пор, пока она не уснула, затем осторожно убрал руку, которую она продолжала сжимать во сне, и вернулся на свой пост. Температура опять поднялась на два градуса. Он еще больше отвернул вентиль на баллоне с кислородом, но, уловив прощальное шипение остатков газа, покачал головой, взял гаечный ключ и перешел к другому баллону. Перед тем как отворачивать вентиль, он присоединил к нему шланг, который тянулся в жилой отсек. Отвернув вентиль, он уселся на одеяло и начал притворяться, что раскладывает пасьянс.

Через несколько минут на пороге появилась Барбара.

— Что-то мне не спится, — сказала она. — Можно составить вам компанию?

— Вы плакали?

— А что, заметно? Прошу прощения.

— Садитесь. Хотите сыграть?

— Только если вы хотите. Мне просто нужна какая-то компания.

— А мы с вами поговорим. Выпьете еще?

— С удовольствием! А может быть, не стоит тратить виски понапрасну?

— У нас его очень много. Да к тому же, когда его и пить-то, если не в такую ночь? Помните одно: мы оба должны следить за тем, чтобы другой не уснул.

— Хорошо. Буду стараться не дать вам заснуть.

Они выпили, разбавив скотч водой из бака. Было так жарко, что им показалось, что виски выходит с потом быстрее, чем они успевают пить его. Хью еще немного увеличил количество кислорода и тут заметил, что потолок слишком горяч.

— Барбара, должно быть, над нами горит дом. Потому что над потолком слой бетона толщиной в тридцать дюймов да еще два фута почвы.

— Как вы думаете, какая температура там, снаружи?

— Трудно сказать. Вероятно, мы находимся недалеко от эпицентра взрыва. — Он еще раз пощупал потолок. — Я сделал эту штуку более чем прочной: потолок, стены и пол представляют собой сплошную бетонную коробку, усиленную стальной арматурой. И правильно. У нас еще могут быть затруднения с дверями. Этот жар… да и от взрывной волны все могло перекосить.

— Так мы в ловушке? — тихо спросила она.

— Нет-нет. Под этими баллонами есть люк, ведущий в туннель. Тридцатидюймовая ливневая труба, укрепленная бетоном. Он выходит в канаву за садом. В случае чего мы пробьемся. У нас есть ломы и домкрат. Даже если выход завален и покрыт вулканическим стеклом — это меня не тревожит. Меня тревожит другое: сколько мы еще продержимся здесь, внутри… И будет ли безопасно выйти наружу?

— А как с радиоактивностью?

Он поколебался.

— Барбара, какая вам разница? Вам что-нибудь известно о радиации?

— Достаточно. Я специализируюсь на ботанике. И в генетических экспериментах мне приходилось пользоваться изотопами. Хью, мне легче будет узнать самое худшее, чем пребывать в неведении, — из-за этого-то я и плакала.

— Ммм… Положение гораздо хуже, чем я сказал Дьюку. — Он указал большим пальцем через плечо. — Счетчик вон там, за баллонами. Сходите посмотрите.

Барбара отправилась к счетчику и некоторое время оставалась возле него. Вернувшись, она молча села.

— Ну как? — спросил он.

— Можно я выпью еще немного?

— Конечно! — Он налил ей виски и разбавил его.

Она глотнула и тихо сказала:

— Если радиация не начнет уменьшаться, то к утру дойдет до красной черты. — Она нахмурилась. — Конечно, эта предельная цифра из перестраховки занижена. Если я правильно помню, тошнить нас начнет не раньше, чем на следующий день.

— Все так. Но излучение скоро начнет спадать. Поэтому меня больше беспокоит жара. — Он взглянул на термометр и еще немного приоткрыл вентиль. — Сейчас работает батарейный поглотитель. Не думаю, что нам стоит в такой жаре крутить ручной воздухоочиститель. Одним словом, о це-о-два начнем беспокоиться только тогда, когда станем задыхаться.

— Резонно.

— Давайте не будем больше говорить о подстерегающих нас опасностях. О чем бы вы хотели поговорить? Может быть, расскажете немного о себе?

— Да мне и рассказывать-то почти нечего, Хью. Пол женский, белая, двадцати пяти лет от роду.

Учусь, точнее, вернулась в колледж после неудачного замужества. Брат — военный летчик, так что, может быть, он уцелел. А родители мои живут в Акапулько, — возможно, и они живы. Домашних животных, слава богу, нет, и я очень рада, что Джо спас своего кота. Я ни о чем не жалею, Хью, и ничего не боюсь, правда. Только как-то тоскливо… — Она тяжело вздохнула. — Все-таки это был довольно неплохой мир, несмотря на мой рухнувший брак.

— Не плачьте.

— Я не плачу. Это не слезы. Это пот.

— О да, конечно.

— В самом деле, просто невыносимо жарко. — Она вдруг завела руку за спину. — Вы не против, если я сниму эту штуку, как Карен? Он буквально душит меня.

— Пожалуйста, дитя мое, если вам так будет легче, снимите. Я видел Карен начиная с момента ее рождения, а Грейс еще дольше. Так что вид обнаженного тела не шокирует меня. — Он встал, подошел к счетчику радиации. Проверив его показания, он взглянул на термометр и увеличил приток кислорода.

Вернувшись на свое место, Фарнхэм заметил:

— В принципе, я мог бы запасти вместо кисло-

рода сжатый воздух. Тогда мы могли бы курить. Но я не думал, что кислород придется использовать для охлаждения. — Он, казалось, совсем не обратил внимания на то, что она последовала его приглашению чувствовать себя комфортно. — Наоборот, я беспокоился о том, как обогреть убежище. Хотел придумать печь, в которой использовался бы зараженный воздух. Без какой-либо опасности для обитателей убежища, что вполне возможно, хотя и трудно.

— Я считаю, что вы и так все замечательно оборудовали. Я никогда не слышала об убежище с запасом воздуха. Ваше, вероятно, единственное. Вы настоящий ученый. Верно?

— Я-то? Боже, конечно нет! Единственное, что я закончил, — это школу. А того немногого, что я знаю, я нахватался то здесь, то там. Кое-что — во время службы на флоте, плюс работа с металлом и заочные курсы. Потом я некоторое время работал в муниципальной службе и там узнал кое-что о строительстве и трубах. После этого я стал подрядчиком. — Он улыбнулся. — Нет, Барбара, я просто набрался всего понемногу. Ненасытное любопытство слоненка. Вроде нашего Доктора Ливингстона — Я Полагаю.

— А почему у вашего кота такая странная

кличка?

— Это все Карен. Она так прозвала его за то, что он великий исследователь. Сует свой нос абсолютно во все. Вы любите кошек?

— Даже не знаю. Но Доктор Ливингстон — просто прелесть.

— Это верно. Мне вообще нравятся кошки. Ими нельзя владеть. Они — свободные граждане. Собаки, например, дружелюбны, веселы и верны. Но они — рабы. Это не их вина, их выводили по этому признаку. Рабство всегда вызывает во мне тошнотворное чувство, даже если это раболепие животных. — Он нахмурился. — Барбара, я, наверное, не так огорчен тем, что произошло, как вы. Может быть, это даже хорошо для нас. Я имею в виду не нас шестерых. Я говорю о нашей стране.

— То есть как это? — искренне удивилась она.

— Ну… конечно, трудно судить о будущем, когда сидишь, скорчившись в убежище, и не знаешь, сколько еще удастся продержаться. Но… Барбара, на протяжении многих лет я обеспокоен судьбой нашей родины. На мой взгляд, наша нация стала превращаться в стадо рабов — а ведь я верю в свободу. Может быть, война все изменит… Возможно, это будет первая в истории человечества война, которая более губительна для глупцов,

чем для умных и талантливых.

— Что вы имеете в виду, Хью?

— Видите ли, война всегда забирала лучших из молодых людей. На сей раз те ребята, которые служат в армии, находятся в большей безопасности, чем гражданское население. А из гражданских больше всего шансов уцелеть у тех, у кого хватило ума как следует приготовиться к войне. Конечно же, правил без исключения не бывает, но в основном все именно так и будет. Людская порода улучшится. Когда все закончится, условия жизни будут суровы, но от этого людское племя только выиграет. Ведь уже на протяжении многих лет самый надежный способ выжить — быть совершенно никчемным и оставить после себя выводок столь же никчемных детей. Теперь все будет иначе.

Барбара задумчиво кивнула:

— Обычная генетика. Но, в принципе, это жестоко.

— Да, это жестоко. Но победить законы природы не удалось еще ни одному правительству, хотя многие из них пытались это сделать неоднократно.

Несмотря на жару, она поежилась.

— Наверное, вы правы. Нет, вы *конечно же*

правы. И все же я предпочла бы, чтобы осталось хоть какое-то государство, все равно, плохое или хорошее. А уничтожение худшей трети — это, конечно, с генетической точки зрения оправдано, но, вообще-то, в смерти такого количества людей ничего хорошего нет.

— Ммм… да. Мне самому тошно об этом думать. Барбара, я же запасся кислородом не только для охлаждения и регенерации воздуха. Я думал кое о чем похуже.

— Похуже? И о чем именно?

— Все разговоры об ужасах третьей мировой войны крутились вокруг атомного оружия — радиоактивные осадки, стомегатонные бомбы, нейтронные бомбы. И болтовня насчет разоружения, и демонстрации сторонников мира — все это было связано с Бомбой, посвящено Бомбе, Бомбе, Бомбе — как будто убивает только атомное оружие! Эта война может оказаться не только атомной, но и атомно-химически-бактериологической. — Он указал на баллоны. — Именно поэтому-то я и запасся сжатым кислородом. Он предохраняет нас от поражения газами, аэрозолями, вирусами. И еще бог знает чем. Коммунисты не станут уничтожать нашу страну полностью, если представится возможность лишить нас

жизни без разрушения нашего достояния. Я ничуть не удивился бы, если бы узнал, что атомные удары были нанесены только по военным объектам вроде той противоракетной базы, что расположена неподалеку отсюда, а города вроде Нью-Йорка или Детройта получили просто по порции нервно-паралитического газа. Или по облаку бактерий чумы, которая за двадцать четыре часа дает смертельный исход в восьмидесяти случаях из ста. Подобных вариантов бесчисленное множество. Там, снаружи, воздух может быть наполнен смертью, которую не укажет ни один датчик и не задержит ни один фильтр. — Он печально улыбнулся. — Простите меня. Наверное, вам все-таки лучше пойти и лечь.

— Мне грустно и не хочется оставаться одной. Можно я еще посижу с вами?

— Конечно. Когда вы рядом, я чувствую себя значительно лучше, хотя приходится говорить о мрачных вещах.

— Ваши слова не такие мрачные, как мысли, которые приходят мне в голову, когда я остаюсь одна. Интересно, что же все-таки происходит снаружи? Жаль, что у вас нет перископа.

— Он есть.

— Как? Где?!

— Вернее, был. Простите. Видите эту трубу над нами? Я пытался поднять его, но его, похоже, заклинило. Однако… Барби, я накинулся на Дьюка за то, что он хотел использовать запасное радио до конца нападения. А может, оно уже кончилось? Как вы думаете?

— Я? Откуда же я знаю?

— Вы знаете столько же, сколько и я. Первая ракета предназначалась для уничтожения противоракетной базы: в наших местах больше нет ничего достойного внимания. Если они наводят ракеты с орбитальных спутников, то вторая ракета была еще одной попыткой поразить ту же цель. По времени все совпадает: до нас от Камчатки примерно полчаса, а второй взрыв произошел минут через сорок пять после первого. Возможно, вторая ракета попала в яблочко — и это вам известно, потому что прошло уже больше часа, а третьей ракеты нет. Сие должно означать, что с нами покончено. Логично?

— На мой взгляд, да.

— По правде, дорогая моя, это довольно шаткая логика. Не хватает данных. Может быть, обе ракеты не попали в базу, и теперь база сшибает на лету все, что они запускают. Может быть, у русских кончились ракеты. Может быть, третью

бомбу сбросят с самолета. Мы не знаем. Но мне не терпится это выяснить. И если ты настаиваешь…

— Я бы с удовольствием послушала какие-нибудь новости.

— Что ж, попробуем. Если новости хорошие, мы разбудим остальных. — Хью порылся в углу и вытащил оттуда коробку. Распаковав ее, он извлек на свет божий радиоприемник. — Ни одной царапинки. Давайте попытаемся сначала без антенны.

Ничего, кроме статистических разрядов, — через некоторое время констатировал он. — Это неудивительно. Хотя первый его собрат принимал местные станции и без наружной антенны. Подождите немного.

Вскоре он вернулся.

— Ничего. Видимо, можно считать, что наружной антенны больше нет. Ну что ж, попробуем аварийную.

Хью взял гаечный ключ, отвернул заглушку с трубы диаметром в дюйм, которая торчала в потолке, и поднес к открытому отверстию счетчик.

— Радиация немного сильнее. — Он взял два стальных прута, каждый длиной метра по полтора. Одним из них Хью поводил по трубе вверх-вниз. — На всю длину не входит. Верхушка этой

трубы находилась почти у самой поверхности земли. Вот беда. — Он привинтил к первому пруту второй. — Теперь предстоит самое неприятное. Отойдите подальше, сверху может посыпаться земля — горячая в обоих смыслах.

— Но ведь она попадет на вас.

— Разве что на руки. Я потом их очищу. А вы после этого проверите меня счетчиком Гейгера. — Он постучал молотком по кончику прута. Тот продвинулся вверх еще дюймов на восемнадцать. — Что-то твердое, придется пробивать.

После долгих усилий Хью оба прута целиком скрылись в трубе.

— У меня было такое ощущение, — сказал он, очищая руки, — словно последний фут прута уже выходил на открытый воздух. По идее, антенна должна торчать из земли футов на пять. Я полагаю, что над нами развалины. Остатки дома. Ну что ж, обследуете меня счетчиком?

— Вы говорите это так спокойно, будто спрашиваете: «Осталось у нас молоко с прошлого вечера?»

Он пожал плечами:

— Барби, дитя мое, когда я пошел в армию, у меня не было за душой ни гроша. Несколько раз за свою жизнь я разорялся. Так что я не собираюсь

убиваться по поводу крыши и четырех стен. Ну как, есть что-нибудь?

— На вас ничего нет.

— Проверьте еще пол под трубой.

На полу оказались «горячие» пятна. Хью вытер их влажным клинексом и выбросил его в специальное ведро. После этого Барбара провела раструбом счетчика по его рукам и еще раз по полу.

— Очистка обошлась нам примерно в галлон воды. Лучше бы теперь этому радио работать нормально. — Он подсоединил антенну к приемнику.

Через десять минут они убедились, что эфир пуст. Шумы — статические разряды — на всех диапазонах, но никаких сигналов.

Хью вздохнул:

— Это меня не удивляет. Я, правда, точно не знаю, что ионизация делает с радиоволнами, но сейчас над нашими головами, скорее всего, самый настоящий шабаш радиоактивных изотопов. Я надеялся, что нам удастся поймать Солт-Лейк-Сити.

— А разве не Денвер?

— Нет. В Денвере расположена база межконтинентальных баллистических ракет. Оставлю,

пожалуй, приемник включенным: может быть, что-нибудь поймаем.

— Но ведь тогда батареи быстро разрядятся.

— Не так уж быстро. Давайте сядем и станем рассказывать друг другу лимерики. — Он взглянул на счетчик радиации, мягко присвистнул, затем проверил температуру. — Облегчу-ка я еще немного участь наших спящих красавиц, страдающих от жары. Кстати, а как вы переносите жару, Барбара?

— Честно говоря, я просто перестала о ней думать. Истекаю потом, и только.

— Как и я.

— Во всяком случае, не надо тратить кислород ради меня. Сколько еще баллонов осталось?

— Не так уж много.

— Сколько?

— Меньше половины. Не мучайтесь из-за этого. Давайте поспорим на пятьсот тысяч долларов (теперь это все равно что пятьдесят центов), что вам не прочитать ни одного лимерика, которого я не знал бы.

— Приличного или нет?

— А разве бывают приличные лимерики?

— Хорошо… «Веселый парнишка по имени Скотт…»

Пари на лимерики Барбара позорно проиграла. Хью обвинил ее в том, что она слишком чиста и невинна, на что Барбара ответила:

— Это не совсем так, Хью. Просто голова не работает.

— И я сегодня что-то не в ударе. Может быть, еще по глоточку?

— Пожалуй. Только обязательно с водой. Я так потею, что, кажется, совершенно иссохла. Хью…

— Да, Барби?

— Мы ведь, скорее всего, погибнем, правда?

— Да.

— Я так и думала. Наверное, еще до рассвета?

— Нет! Я уверен, что мы протянем до полудня. Если захотим, конечно.

— Понятно. Хью, вам не трудно было бы меня обнять? Прижмите меня к себе. Или вам слишком жарко и так?

— Когда мне покажется слишком жарко для того, чтобы обнять девушку, я буду знать, что я мертв и нахожусь в аду.

— Спасибо.

— Так удобно?

— Очень.

— Да ты совсем малышка.

— Я вешу сто тридцать два фунта, а рост у меня

пять футов и восемь дюймов. Так что не такая уж я малышка.

— И все равно ты малышка. Оставь виски. Подними голову.

— Ммм… Еще… Ну пожалуйста, ну еще!

— Жадная маленькая девчонка.

— Очень жадная, да. Спасибо, Хью.

— Какие хорошенькие…

— Они — лучшее, что у меня есть. Лицо-то у меня ничего особенного собой не представляет. Но у Карен они красивее.

— Это кому как.

— Ну что ж, не буду спорить. Приляг, дорогой. Дорогой Хью…

— Так хорошо?

— Очень! Удивительно хорошо. И поцелуй меня еще раз. Пожалуйста!

— Барбара, Барбара!

— Хью, милый! Я люблю тебя. О!..

— Я люблю тебя, Барбара…

— Да, да! О, прошу тебя! Сейчас!..

— Конечно сейчас!..

— Тебе хорошо, Барби?

— Как никогда! Никогда в жизни я не была так счастлива.

— Хорошо, если бы это было правдой.

— Это правда. Хью, дорогой, сейчас я совершенно счастлива и больше ни капельки не боюсь. Мне так хорошо, что я перестала чувствовать жару.

— С меня, наверное, на тебя капает пот?

— Какая разница! Две капельки сейчас висят у тебя на подбородке, а третья — на кончике носа. А я так вспотела, что волосы совершенно слиплись. Но все это не имеет значения. Хью, дорогой мой, это то, чего я хотела. Тебя. Теперь я готова умереть.

— Зато я не хочу, чтобы мы умирали.

— Прости.

— Нет-нет! Барби, милая, еще недавно мне казалось, что в смерти нет ничего плохого. А теперь мне вдруг опять захотелось жить.

— О, наверное, я думаю так же.

— Барбара! Мы постараемся не погибать, если это только в наших силах. Давай сядем?

— Как хочешь… Только если ты снова обнимешь меня.

— Еще как! Но сначала я хочу налить нам обоим по порции виски. Я снова жажду. И совершенно выбился из сил.

— Я тоже. У тебя так сильно бьется сердце!

— Ничего удивительного. Барби, девочка моя,

а знаешь ли ты, что я почти вдвое старше тебя? Что я достаточно стар, чтобы быть твоим отцом?

— Да, папочка.

— Ах ты, маленькая плутовка! Только попробуй еще сказать так, и я выпью все оставшееся виски.

— Больше не буду, Хью. Мой любимый Хью. Только ведь мы с тобой ровесники… потому что умрем в один и тот же час.

— Перестань говорить о смерти. Я найду способ перехитрить ее.

— Если только он есть, ты обязательно найдешь его. Я не испытываю страха перед смертью. Я уже смотрела ей в лицо и больше не боюсь. Не боюсь умереть и не боюсь жить. Но… Хью, я хочу просить тебя об одной милости.

— Какой?

— Когда ты будешь давать смертельную дозу снотворного остальным… не давай ее мне, пожалуйста.

— Э-э-э… но это может быть необходимо.

— Я не то имела в виду. Я приму таблетки, только не вместе с остальными. Я хочу принять яд после тебя.

— Ммм… Барби, сам я не собираюсь их принимать.

— Тогда, пожалуйста, не заставляй и меня.

— Хорошо-хорошо. А теперь помолчим. Поцелуй меня.

— Да, милый.

— Какие у тебя длинные ноги, Барби. И сильные к тому же.

— Зато ступни…

— Перестань набиваться на комплименты. Мне очень нравятся твои ступни. Без них ты бы выглядела какой-то незаконченной.

— Фу, как не стыдно! Хью, а знаешь, чего мне хочется?

— Еще раз?

— Нет-нет. А впрочем, да. Только не сию секунду.

— Так чего же? Спать? Ложись и спи, дорогая. Я и один вполне справлюсь.

— Нет, не спать. Кажется, мне больше никогда в жизни не захочется заснуть. Никогда. Так жаль было бы истратить на какой-то сон даже одну из тех немногих минуток, что нам остались. Нет, у меня другое желание: я с удовольствием сыграла бы в бридж — в качестве твоего партнера.

— Ну… в принципе, мы можем разбудить Джо. Остальных нельзя — три грана секонала не располагает к карточной игре. Но мы могли бы сыграть

и втроем.

— Нет-нет. Мне не нужно сейчас ничьего общества, кроме твоего. Мне так нравилось играть с тобой на пару.

— Ты замечательный партнер, дорогая. Самый лучший на свете. Когда ты говоришь: «Играю по книге», ты так и делаешь.

— Ну, конечно, не «самый лучший». Ты играешь классом повыше. Я бы хотела побыть подле тебя много-много лет, чтобы научиться играть так же, как ты. И еще я бы хотела, чтобы тот налет случился минут на десять позже. Тогда ты успел бы сыграть большой шлем.

— В этом не было никакой необходимости. Когда ты объявила, я понял, что можно сразу класть карты. — Он сжал ее плечи. — Три больших шлема за один вечер!

— Три?

— А что, по-твоему, водородная бомба — не второй большой шлем?

— О! А вторая бомба — третий?

— Вторая бомба не в счет, она упала слишком далеко. Если ты не понимаешь, о чем я говорю, то я вообще отказываюсь объяснять что-либо.

— Ах вот оно что! В таком случае можно попробовать сыграть и четвертый. Правда, я теперь

не смогу вынудить тебя сходить первым. Мой лифчик куда-то делся, и…

— Так, значит, ты нарочно сделала это?

— Конечно. Теперь твоя очередь ходить. А я попробую ответить.

— Э, только не так быстро. Три больших шлема — это максимум, на что я способен. Разве что один маленький шлем… да и то, если я приму еще одну таблетку декседрина. Но четыре больших шлема — это выше моих сил. Ты же знаешь, что я не в том возрасте.

— Посмотрим. Мне все-таки кажется, что у нас получится и четвертый большой.

И в этот миг их накрыло самым большим из шлемов.

3

Погас свет. Грейс Фарнхэм вскрикнула. Доктор Ливингстон — Я Полагаю зашипел, Барбару швырнуло на баллон с кислородом, да так, что она в темноте потеряла всякую ориентацию.

Оправившись немного, она пошарила возле себя руками, нащупала ногу. Затем нащупала Хью, являющегося продолжением этой ноги. Он не шевелился. Барбара попыталась прослушать его сердце, но не смогла. Она закричала:

— Эй! Эй! Кто-нибудь!

Отозвался Дьюк:

— Барбара?

— Да, да!

— Вы в порядке?

— Я-то в порядке, да с Хью плохо! Боюсь, он мертв.

— Спокойно. Сейчас я найду свои брюки и попытаюсь зажечь спичку — если, конечно, мне удастся перевернуться с головы на ноги. Я стою вверх ногами.

— Хьюберт! *Хьюберт!*

— Да, мамочка. Подожди.

Грейс продолжала причитать. Дьюк, как мог,

пытался успокоить ее, одновременно проклиная темноту. Барбара немного освоилась со своим положением, попыталась слезть с груды баллонов, сильно ушибла голень и наконец ощутила под собой какую-то плоскую поверхность. Что это — она не поняла. Поверхность была наклонной.

— Наконец-то! — воскликнул Дьюк.

Спичка вспыхнула ослепительно ярко, так как воздух был перенасыщен кислородом.

Прозвучал голос Джо:

— Лучше ее погасить. А то может случиться пожар.

Тьму прорезал луч фонарика. Барбара позвала:

— Джо! Помоги мне с Хью!

— Сейчас. Только сначала попробую наладить свет.

— Может быть, он умирает.

— Все равно без света ничего не сделаешь.

Барбара снова попыталась найти у Хью пульс, наконец услышала слабое сердцебиение и, всхлипывая, обхватила его голову.

В мужском отсеке вспыхнул свет. Барбара получила возможность оглядеться. Пол убежища теперь накренился под углом градусов в тридцать. Она, Хью, стальные баллоны, бак с водой и все остальное громоздилось бесформенной кучей

в нижнем углу. Бак дал течь, и вода залила весь туалет. Если бы пол наклонился в другую сторону, они с Хью были бы похоронены под кучей баллонов и затоплены водой.

Через несколько минут до нее добрались Джо с Дьюком, с трудом преодолев перекосившуюся дверь. В руке у Джо была переносная лампа. Дьюк спросил у Джо:

— Как же мы его понесем?

— Хью нельзя трогать. Вдруг поврежден позвоночник!

— Все равно нужно его отсюда унести.

— Никуда мы его не понесем, — твердо сказал Джо. — Барбара, вы передвигали Хью?

— Только положила его голову к себе на колени.

— В таком случае больше его не шевелите. — Джо принялся осматривать своего пациента, осторожно прикасаясь к нему. — Серьезных травм я не вижу, — наконец решил он. — Барбара, если можете, посидите в том же положении до тех пор, пока Хью не придет в себя. Тогда я смогу проверить его глаза на предмет сотрясения мозга, проверить, сможет ли он шевелить пальцами на ногах, ну и все такое.

— Конечно, я посижу. Еще кто-нибудь постра-

дал?

— Ничего заслуживающего внимания, — уверил ее Дьюк. — Джо считает, что сломал пару ребер. Я немного повредил плечо. Мать просто откатилась к стене. Сестрица сейчас ее успокаивает. Она тоже в полном порядке, если не считать шишки на голове. На нее свалилась консервная банка. А вы сами-то как?

— Только ушибы. Мы с Хью как раз раскладывали двойной пасьянс и пытались не растаять от жары, когда нас накрыло. — Она попыталась представить, как долго сможет продолжаться эта ложь. На Дьюке тоже ничего не было, но он, похоже, не обращал на это внимания. Джо был в одних трусах.

— А кот? — спросила вдруг Барбара. — С ним все в порядке?

— Если не ошибаюсь, Доктор Ливингстон — Я Полагаю, — серьезно ответил Джо, — избежал травм. Но он очень недоволен тем, что его тазик с песком перевернулся. Так что в настоящее время он чистится и проклинает все на свете.

— Я рада, что он не пострадал.

— Вы ничего необычного в этом взрыве не заметили?

— Чего именно, Джо? Мне только показалось,

что он был самым сильным из всех. Намного сильнее предыдущих.

— Да. Но не было никакого грохота. Просто один мощнейший удар, а потом… ничего.

— И что это значит?

— Не знаю. Барбара, вы можете еще немного посидеть здесь не шевелясь? Я хочу попытаться восстановить освещение и определить ущерб. Заодно посмотрю, что можно привести в божеский вид.

— Я буду сидеть как каменная.

Ей показалось, что Хью задышал спокойнее. В тишине она слышала, как бьется его сердце. Тогда она решила, что ей больше не от чего быть несчастной. К ней пробиралась Карен с фонариком, осторожно продвигаясь по наклонному полу.

— Как папа?

— По-прежнему.

— Скорее всего, ушиб голову, как и я. А ты как? — Она фонариком осветила Барбару.

— Нормально.

— Слава богу! Я рада, что ты тоже в чем мать родила. Никак не могла найти свои трусики. Джо так старается не смотреть в мою сторону, что на него просто больно глядеть. Какой-то он все-таки

чересчур правильный и добропорядочный.

— Я совершенно не представляю, где моя одежда.

— Одним словом, единственный обладатель трусов среди нас — это Джо. А что с тобой случилось? Ты спала?

— Нет. Я была здесь. Мы разговаривали.

— Хм… Обвинение утверждает обратное. Не волнуйся, я никому не открою твою страшную тайну. Мама ничего не узнает — я сделала ей еще один укол.

— А ты не спешишь с выводами?

— Делать выводы — мое любимое развлечение. И я надеюсь, что мои непристойные предположения верны. Лично я бы предпочла что-нибудь поинтереснее, чем просто спать прошлой ночью. Тем более что эта ночь у нас, скорее всего, последняя. — Она придвинулась к Барбаре и чмокнула ее. — Я тебя очень люблю.

— Спасибо, Карен. Я тоже люблю тебя.

— Прекрасно. Тогда давай не будем хоронить себя заживо, а порадуемся лучше тому, какими мы оказались отважными ребятами. Ты осчастливила отца тем, что дала ему возможность разыграть шлем. И если ты смогла сделать его еще счастливее, то я этому только рада. — Она

выпрямилась. — Ну ладно, пойду разбирать припасы. Если папочка очнется — позови. — Она вышла.

— Барбара!

— Да, Хью! Да!

— Не так громко. Я слышал, что говорила моя дочь.

— Слышал?

— Да. Она джентльмен по натуре. Барбара, я люблю тебя. Может быть, мне не представится другой возможности сказать тебе это.

— Я тоже люблю тебя.

— Милая!

— Позвать остальных?

— Подожди немного. Тебе так удобно?

— Очень!

— Тогда позволь мне немного отдохнуть. А то я совсем ошалел.

— Отдыхай сколько хочешь. Кстати, попробуй пошевелить пальцами ног. У тебя что-нибудь болит?

— О, болит-то у меня много чего, но, к счастью, не слишком сильно. Подожди-ка… Да, вроде все мои конечности в порядке. Теперь можешь звать Джо.

— Особенно спешить некуда.

— Лучше все-таки позовем его. Кое-что нужно сделать.

Вскоре мистер Фарнхэм полностью пришел в себя. Джо потребовал, чтобы он продемонстрировал ему свою невредимость. Оказалось, что и в самом деле, кроме большого количества синяков, мистер Фарнхэм во время взрыва не получил ничего более серьезного: ни переломов, ни сотрясения мозга. Барбара про себя пришла к заключению, что Хью приземлился на кучу баллонов, а она упала на него сверху. Обсуждать это предположение она ни с кем не стала.

Первое, что сделал Хью, — это перетянул ребра Джо эластичным бинтом. Во время процедуры тот то и дело вскрикивал, но после перевязки ему стало явно удобнее. Затем был произведен осмотр головы Карен. Хью решил, что здесь он бессилен.

— Пусть кто-нибудь посмотрит на термометр, — попросил он. — Дьюк?

— Термометр разбит.

— Не может этого быть! Ведь он целиком сделан из металла. Ударопрочная вещь.

— Я уже смотрел на него, — объяснил Дьюк, — пока ты тут эскулапствовал. Кажется, стало прохладнее. Возможно, термометр и ударопрочный, но два баллона раздавили его, как яйцо.

— Ах вот оно что! Ну да ладно, невелика потеря.

— Отец, может быть, хоть теперь испробовать запасное радио? Учти, я просто предлагаю.

— Понятно. Жаль тебя огорчать, Дьюк, но оно, скорее всего, тоже разбито. Мы уже пытались включить его. Ни ответа, ни привета. — Он взглянул на часы. — Полтора часа назад. В два часа ночи. Еще у кого-нибудь есть часы?

Часы Дьюка показывали то же самое время.

— С нами, кажется, все в порядке, — заключил Хью, — если не считать запаса воды. Есть несколько пластиковых бутылей, но воду из бака надо попробовать спасти, — возможно, нам придется ее пить. Будем обеззараживать ее таблетками галазона. Джо, нам понадобится какая-нибудь посуда, и пусть все вычерпывают воду с пола. Постарайтесь, чтобы она была почище. — Затем он добавил: — Карен, когда освободишься, приготовь что-нибудь на завтрак. Пусть это даже Армагеддон, но есть все равно необходимо.

— Армагеддону от этого поплохеет, — сказала Карен.

Отец поморщился:

— Девочка моя, придется тебе на доске тысячу раз написать: «Я больше никогда не буду неост-

роумно шутить перед завтраком».

— А по-моему, остроумно, Хью.

— Не надо поддерживать ее, Барбара. Хватит, беритесь за дело.

Карен ушла, но вскоре вернулась, неся Доктора Ливингстона.

— От меня там мало толку, — сообщила она. — Мне все время приходится держать проклятого кота. Он так и рвется помогать.

— Мя-а-а-у!

— Тихо! Придется, видно, дать ему рыбки и только тогда заняться завтраком. Чего изволите, босс Папа Хью? Креп-сюзетт?

— С удовольствием.

— Единственное, на что вы можете рассчитывать, — это джем и крекеры.

— Ну и прекрасно. Как идет вычерпывание?

— Папочка, я отказываюсь пить эту воду — даже с галазоном. — Она состроила гримасу. — Ты же знаешь, *куда* она вытекла.

— Вполне возможно, что больше пить будет нечего.

— Разве что разбавить ее виски…

— Ммм… из всех ящиков со спиртным течет. Я открыл два из них, и в них было всего по одной неразбитой бутылке.

— Папа, не порти настроение перед завтраком.

— Вопрос в том, надо ли делить виски на всех поровну. Может, лучше приберечь его для Грейс?

— О! — Лицо Карен исказилось в гримасе мучительного раздумья. — Пусть она получает мою долю. Но остальных обделять только потому, что для Грейс эта потребность необходима…

— Карен, в данной стадии это не потребность. В каком-то смысле это для нее лекарство.

— О да! Конечно! А для меня лучшее лекарство — бриллиантовые браслеты и собольи шубы.

— Детка, нет смысла обвинять ее. Возможно, это моя вина. Так, например, считает Дьюк. Когда ты будешь в моем возрасте, ты научишься принимать людей такими, какие они есть.

— Молчу, молчу. Возможно, я к ней несправедлива. Но я устала от того, что всякий раз, когда я привожу домой своих приятелей, мамуля обязательно отключается уже к обеду. Или лезет целоваться с ними на кухне.

— Она себя так вела?

— А ты что, не замечал? Нет, наверное, нет. Прости.

— Ты тоже прости меня. Но только за то, что я высказал в твой адрес. Мы оба погорячились. А в остальном, как я уже сказал, когда ты доживешь

до моих лет…

— Папа, я вряд ли доживу до твоих лет — и ты прекрасно понимаешь это. И если у нас осталось всего две бутылки виски, этого, возможно, вполне хватит. И почему бы просто не налить всем желающим?

Он помрачнел:

— Карен, я вовсе не собираюсь сложа руки ждать смерти. Действительно, стало немного прохладнее. Мы еще можем выкарабкаться.

— Что ж… тебе виднее. Кстати, о лекарствах: не запасся ли ты при строительстве этого монстра некоторым количеством антабуса?

— Карен, антабус не отбивает желания выпить. Просто, если человек, принявший таблетку, выпьет, он почувствует себя очень скверно. Если ты права и наши шансы плохи, то стоит ли омрачать Грейс последние часы жизни? Ведь я не судья ей, я ее супруг.

Карен вздохнула:

— Папочка, у тебя есть одна отвратительная черта: ты всегда прав. Ладно, так и быть, пусть пользуется моей долей.

— Я просто хотел знать твое мнение. И ты в некотором роде помогла принять мне решение.

— И что же ты решил?

— Это не твое дело, заинька. Займись приготовлением завтрака.

— Так и хочется плеснуть тебе в тарелку керосина. Ладно, поцелуй меня, папочка.

Он чмокнул ее в щеку:

— А теперь умолкни и принимайся за дело.

В конце концов все бодрствующие собрались к завтраку. Сидеть им пришлось на полу, так как стулья упрямо не хотели стоять. Миссис Фарнхэм все еще была в полусне от сильной дозы успокоительного. Остальные обитатели убежища по-братски разделили мясные консервы, крекеры, холодный «Нескафе», банку персикового компота и теплое чувство товарищества. На сей раз все были одеты. Мужчины натянули трусы, Карен надела шорты и бюстгальтер. Барбара облачилась в просторное платье гавайского типа, позаимствованное у подруги. Ее собственное белье нашлось, но насквозь промокло, а воздух в убежище был слишком влажен, чтобы высушить что-либо.

— Теперь мы должны кое-что обсудить, — возвестил Хью. — Желающие могут вносить предложения. — Он взглянул на сына.

— Отец… то есть Хью, я хотел сказать вот о чем, — сказал Дьюк. — Здорово пострадала убор-

ная. Я немного привел ее в порядок и соорудил какой-никакой насест из дощечек от упаковки баллонов. Хочу предупредить… — он повернулся к сестре, — вам, женщины, нужно быть особенно осторожными. Насестик довольно шаткий.

— Это ты будь поосторожнее. Тебя самого с большим трудом научили пользоваться туалетом. Папа свидетель.

— Помолчи, Карен. Молодец, Дьюк. Но нас здесь шестеро, и, я считаю, нам нужно сделать вторую уборную. Как думаешь, Джо, мы сможем ее сделать?

— Да, конечно, но…

— Что «но»?

— Вам известно, сколько осталось кислорода?

— Да. Наверное, скоро придется перейти на воздушный насос и фильтр. У нас уже нет действующего счетчика радиоактивности, поэтому мы не узнаем, насколько заражен воздух, которым мы дышим, тем не менее дышать нам необходимо.

— А вы проверяли насос?

— С виду он совершенно невредим.

— Это не так. Боюсь, отремонтировать его мне будет не под силу.

Мистер Фарнхэм вздохнул:

— Я заказал запасной, он должен был прийти через шесть месяцев. Ладно, потом посмотрю, что там можно сделать. Дьюк, ты тоже подключайся, вдруг сможешь чем-нибудь помочь.

— Ладно.

— Положим, мы не сумеем починить насос. В таком случае будем использовать оставшийся кислород как можно более экономно. Когда он закончится, еще некоторое время мы сможем дышать тем воздухом, который будет в убежище. Но в конце концов наступит время, когда нам придется открыть дверь.

Все молчали.

— Ну, улыбнитесь же кто-нибудь! — воскликнул Хью, потом продолжил: — С нами еще не покончено. Дверь мы затянем фильтром, сделанным из простыней, — это все же лучше, чем ничего, он будет задерживать радиоактивную пыль. У нас есть еще один радиоприемник. Барбара, помнишь, ты приняла его за слуховой аппарат. Я хорошенько завернул его и убрал подальше, он невредим. Я выберусь наружу, установлю антенну, и мы сможем слушать его здесь. Может быть, это спасет нам жизнь. Над убежищем мы поставим шест и поднимем флаг — любую тряпку. Нет, лучше поднять американский флаг — у

меня один припасен. В этом случае, если даже мы и не выживем, то пойдем на дно с высоко поднятым флагом.

Карен принялась аплодировать.

— Карен, перестань паясничать.

— Я вовсе не паясничаю, папа! Я плачу.

Багрянец ракет возвещает войну,
Бомбы с ревом рвут тишину.
Но повторяю еще раз, друзья:
Нашему флагу падать нельзя…

Голос ее прервался, и она закрыла лицо ладонями. Барбара обняла ее за плечи.

Хью Фарнхэм между тем продолжал как ни в чем не бывало:

— Ко дну мы не пойдем. Очень скоро наш район наверняка начнут обследовать с целью поиска выживших. Они заметят флаг и заберут нас отсюда — возможно, на вертолете. Поэтому наша задача — держаться до тех пор, пока не подоспеет помощь. — Задумавшись, он на мгновение смолк. — Никакой ненужной работы, минимум физических усилий. Каждый должен принимать снотворное и, по возможности спать двенадцать часов в сутки. Остальное время лежать неподвижно. Так мы сможем протянуть дольше

всего. Единственное, что требуется сделать, — это отремонтировать насос, а если не сможем, то наплевать и на него. Смотрим дальше: вода должна быть строго нормирована. Дьюк, назначаю тебя старшим хранителем воды. Определи, сколько ее у нас в распоряжении, годится ли она для питья, и разработай график выдачи с таким расчетом, чтобы хватило на возможно более продолжительное время. Где-то в аптечке есть дозировочный стаканчик — воду дели с его помощью. Ну вот, кажется, и все: починить насос, минимум усилий, максимум сна, нормирование воды. Ах да! Пот — это тоже нерациональная трата воды. Здесь все еще жарко, и ваш балахон, Барбара, насквозь промок от пота. Снимите его.

— Можно выйти?

— Разумеется.

Она прошла, осторожно ступая по наклонному полу, в кладовую и переоделась в свой мокрый купальник.

— Вот так-то лучше, — одобрил он. — Теперь…

— Хьюберт! Хьюберт! Где ты? Воды!

— Дьюк, выдай ей одну унцию. Только тщательно отмерь.

— Да, сэр.

— И не забудь, что кот тоже имеет право на

свою порцию.

— Может быть, для него сойдет и грязная вода?

— Хм… Честность по отношению к нашему другу вряд ли особенно повредит нам. Зато мы будем знать, что остались честными до конца.

— Но он уже пил ее.

— Э-э-э… Впрочем, ты распоряжаешься водой, тебе и решать. Кто еще хочет высказаться? Джо, тебя устраивает такой план?

— Видите ли… Нет, сэр.

— Вот как?

— Конечно, то, что минимум усилий сохранит нам много кислорода, — верно. Но когда придет время открыть дверь — на что мы будем рассчитывать?

— На удачу.

— Я имею в виду, а мы *сумеем это сделать*? С недостатком воздуха, задыхаясь, мучимые жаждой, может, больные; я хочу быть уверенным, что любой из нас — ну, скажем, Карен со сломанной рукой — сможет открыть эту дверь.

— Понимаю.

— Мне кажется, необходимо сначала опробовать все три двери. Бронированную лучше вообще не запирать. У девушек не хватит сил совладать с ней. Внешней дверью я готов сам

заняться.

— Извини, но это моя привилегия. С остальным я согласен. Именно поэтому и предложил высказываться. Я устал, Джо, в голове все мешается.

— А если двери заклинило? А люк вообще могло завалить обломками…

— На этот случай у нас есть домкрат.

— Если двери не откроются, мы должны убедиться в сохранности аварийного туннеля. Лично мне плечо Дьюка внушает опасения. Да и у меня самого ноют ребра. Сегодня я еще в состоянии работать. Завтра мы с Дьюком уже будем лежать пластом, и боль будет раза в два сильнее. Между тем люк завален металлическими баллонами, а проход — всяким хламом. Расчистка потребуется основательная. Босс, говорю вам, нам нужна уверенность в том, что сможем выбраться наверняка, — и побеспокоиться об этом необходимо именно сейчас, пока мы сохранили силы.

— Ненавижу посылать людей на тяжелые работы. Но ты меня убедил. — Хью встал, подавляя стон. — Давайте займемся делом.

— У меня еще одно предложение.

— Вот как?

— Да. Вам следует отдохнуть и выспаться. Толком вы за это время так и не отдыхали, а помяло

вас довольно здорово.

— Как раз со мной все в порядке. У Дьюка повреждено плечо, у тебя сломаны ребра, а сделать предстоит еще очень много.

— Думаю, лучше всего оттащить эти баллоны с помощью блока и тросов. Барбара может помочь. Хоть она и женщина, но силой ее Бог не обидел.

— Конечно, — согласилась Барбара. — К тому же я выше Джо. Прошу прощения, Джо.

— Не стоит. Босс… Хью, мне не хотелось бы еще раз упоминать об этом, но я считаю, что отдохнуть вам просто необходимо. То, что вы устали, — несомненно. Ведь вы на ногах уже сутки. И я буду чувствовать себя более уверенно, если вы отдохнете, — надеюсь, с этим вы не станете спорить?

— Он прав, Хью.

— Барбара, но и вы тоже глаз не сомкнули.

— Но мне не требуется принимать решений. В принципе, я могу прилечь, а Джо позовет меня, когда будет нужно. Да, Джо?

— Отлично, Барбара!

Хью улыбнулся:

— Объединяетесь против меня? Ладно, так и быть, пойду вздремну.

Через несколько минут Хью уже лежал в муж-

ской спальне. Он закрыл глаза, и сон охватил его раньше, чем он успел о чем-нибудь подумать.

Дьюк и Джо обнаружили, что пять засовов на внутренней двери заклинило.

— Пусть, — решил Джо. — Мы всегда можем выбить их кувалдой. Давай пока отодвинем бронированную дверь.

Бронированная дверь, располагавшаяся за запирающейся, была не менее прочной, чем стены убежища. Она открывалась и запиралась с помощью механизма, приводимого в движение длинной рукояткой. Джо не удалось даже стронуть ее с места. Дьюк, который был тяжелее на сорок фунтов, тоже ничего не смог сделать. Тогда они навалились на ручку вдвоем.

— Ни с места.

— Ага.

— Джо, ты что-то говорил о кувалде?

Молодой негр нахмурился:

— Дьюк, я бы предпочел, чтобы твой отец сам сделал это. Ведь мы можем сломать ручку и обломать зубцы на шестеренке.

— Вся беда в том, что мы пытаемся приподнять с помощью этой ручки дверь весом в тонну или около того, а рассчитано это хозяйство на то, чтобы двигать ее горизонтально.

— Эта дверь всегда была довольно тугой.

— Так что же нам делать?

— Расчистим аварийный выход.

Они присоединили к крюку в потолке трос и блок. С их помощью гигантские баллоны были извлечены из кучи и аккуратно расставлены по своим местам. Барбара и Карен тянули конец троса, а мужчины передвигали баллоны, устанавливая их на место. Когда середина помещения была освобождена, стал возможен доступ к люку, ведущему в аварийный туннель. Крышка люка была очень тяжелой. Чтобы поднять ее, тоже пришлось использовать блок и трос.

Крышка со скрипом подалась и вдруг отвалилась вбок, так как пол был наклонным. Падая, она успела ободрать голень Дьюку и чуть не ушибла Джо. Дьюк выругался.

Туннель оказался завален припасами. Карен, так как была миниатюрнее всех, забралась внутрь и подавала их наверх, а Барбара укладывала рядом с отверстием люка.

Вдруг Карен крикнула:

— Эй! Владыка воды! Здесь есть вода в банках.

— Замечательно!

Джо сказал:

— Совсем забыл. Ведь сюда не заглядывали с тех

пор, как убежище было оборудовано и снабжено припасами.

— Джо, а что делать с распорками?

— Я сам займусь ими. Ты только вытащи припасы. Дьюк, туннель не защищен броней, как двери. Отверстие внизу прикрывает лист металла, закрепленный распорками, на него навалены припасы, а сверху все прикрывает крышка люка, которую мы сняли. В самом туннеле, с десятифутовыми интервалами, — перегородки из мешков с песком, а выход защищен слоем грунта. Твой отец считал, что должно было получиться что-то вроде кессона, преграждающего путь взрывной волне. Каждый слой должен был понемногу ослаблять удар.

— Боюсь, что мешки завалили крышку.

— В таком случае придется прокапываться сквозь песок.

— А почему нельзя было использовать настоящую броню?

— Он считал, что так безопаснее. Ты же видел, что произошло с дверью. Не хотел бы я пробиваться сквозь стальную преграду в этой узенькой норе.

— Тогда все ясно, Джо. Зря я называл это место «норой в земле».

— Да, ты прав. Это не просто нора. Можно назвать наше убежище машиной — машиной для выживания.

— Больше ничего нет, — возвестила Карен. — Не поможет ли мне какой-нибудь джентльмен выбраться отсюда? Например, ты, Дьюк?

— А может, лучше положить крышку на место, оставив тебя внизу? — Дьюк помог сестре выбраться из лаза.

Джо спустился вниз, морщась от боли в груди. Доктор Ливингстон, внимательно наблюдавший за происходящим, спрыгнул в люк вслед за своим товарищем, использовав его плечи в качестве посадочной площадки.

— Дьюк, будь добр, передай мне молоток… Не мешай, Док. Нечего тут распускать хвост.

— Забрать его? — спросила Карен.

— Не нужно. Он обожает находиться в гуще событий. Пусть кто-нибудь посветит мне.

Распорки вскоре были извлечены и ровно уложены рядом с люком.

— Дьюк, мне опять понадобится лебедка. Я не хочу совсем убирать крышку. Мы просто натянем трос так, чтобы он принял на себя всю тяжесть, и тогда я смогу немного отодвинуть ее и посмотреть, как там дальше.

— Вот конец троса.

— Отлично. Док! Чтоб тебя… Док! Не путайся под ногами! Дьюк, дай постоянное натяжение. Кто-нибудь, дайте фонарик! Я отодвину крышку и выгляну.

— И получишь порцию радиоактивных изотопов в лицо.

— Придется рискнуть. Еще немного… Она подается… высвободилась!

Долгое время Джо ничего не говорил. Наконец Дьюк спросил:

— Ну, что там?

— Я не уверен… Дай-ка я поставлю ее на место. Передай мне еще одну распорку.

— Вот она, прямо над твоей головой. Джо, что ты там увидел?

Негр, устанавливая крышку на место, вдруг заорал:

— Док! Док, назад! Маленький паршивец! Он проскочил у меня между ног и выскочил в тунель! *Док!!!*

— Далеко он не убежит.

— Ладно… Карен, ты не могла бы пойти разбудить отца?

— Черт побери, Джо! *Что ты там видел?*

— Дьюк, я и сам не знаю. Потому-то мне и ну-

жен Хью.

— Я спускаюсь.

— Здесь тесно двоим. Сейчас я выберусь наверх, и тогда Хью сможет спуститься сюда.

Хью появился, когда Джо был уже наверху.

— Джо, что у тебя?

— Хью, лучше бы ты сам посмотрел.

— Хорошо… Надо было мне установить в люке лестницу. Дай руку. — Хью спустился вниз, убрал распорку и отодвинул крышку.

Он смотрел еще дольше, чем Джо, затем позвал:

— Дьюк! Вытащи-ка эту крышку совсем.

— Что там, папа?

— Вытащи крышку, и сам сможешь сюда спуститься.

Крышка была извлечена, отец и сын поменялись местами. Дьюк довольно долго смотрел в туннель.

— Достаточно, Дьюк. Выбирайся оттуда.

Когда Дьюк присоединился к остальным, отец спросил его:

— Ну и что ты думаешь на этот счет?

— Это невероятно.

— Папа, — напряженно произнесла Карен, — кто-нибудь скажет, в конце концов, что там

произошло? Если мне сейчас же не скажут, что там, я вот этой кувалдой грохну кого-нибудь по башке!

— Конечно, детка. Да, там достаточно места, можете спуститься вдвоем.

Дьюк и Хью помогли спуститься Барбаре, а та помогла слезть вниз Карен. Обе девушки приникли к отверстию.

— Лопни мои глаза! — тихо выругалась Карен и полезла в туннель.

— Детка! Вернись! — крикнул ей Хью, но она не ответила. Тогда он спросил: — Барбара, скажи, что ты там видишь?

— Я вижу, — медленно произнесла Барбара, — очаровательный, поросший лесом холм, зеленые деревья, кусты и чудесный солнечный день.

— Да, и мы видели то же самое.

— Но это невозможно.

— Да.

— Карен уже выбралась наружу. Туннель никак не длиннее восьми футов. Она держит на руках Доктора Ливингстона. Она зовет нас: «Выходите!»

— Скажи ей, пусть отойдет подальше от устья туннеля, — возможно, оно радиоактивно.

— Карен! Отойди от туннеля подальше! Хью,

сколько сейчас времени?

— Начало восьмого.

— А снаружи больше похоже на полдень. На мой взгляд, конечно.

— Не знаю, что и думать.

— Хью, я хочу выйти.

— Э-э-э… А, черт с ним! Только не задерживайся у выхода и будь осторожна.

— Хорошо. — И она полезла в туннель.

4

Хью повернулся к своему заместителю:

— Джо, я наружу. Принеси-ка мне мой «сорок пятый» и ремень. Я не должен был выпускать девочек без оружия. — Он полез в люк. — А вы оставайтесь и охраняйте убежище.

— От кого? — спросил Дьюк. — И что здесь охра-нять-то?

Отец поколебался.

— Не знаю. Просто у меня какая-то смутная тревога. Ну ладно. Пошли вместе. Только обязательно нужно взять оружие. Джо!

— Иду.

— Джо, возьми оружие для себя и для Дьюка. Потом подожди, пока мы выберемся наружу. Если мы вскоре не вернемся, сам решай, что делать. Подобной ситуации я не предвидел. Такого просто *не может быть*.

— Что есть, то есть.

— Это уж точно, Дьюк. — Хью нацепил револьвер и опустился на колени.

В отверстии туннеля по-прежнему виднелась пышная зелень — там, где должны были зиять воронки от взрывов и спекшаяся в вулканическое

стекло земля. Он полез вперед.

Он выбрался из туннеля, поднялся на ноги и огляделся.

— Папочка! Разве здесь не чудесно?!

Карен стояла немного ниже, на склоне холма, у подножия которого протекал ручей. За ручьем простиралась возвышенность, покрытая лесом. На их стороне леса не было.

В голубом небе ярко светило солнце, а вокруг — ни малейшего следа того чудовищного опустошения, которое, несомненно, принесла бы война. В то же время не было заметно никаких признаков пребывания здесь человека: ни зданий, ни дороги, ни тропинки, ни следов реактивных самолетов в небе. Окрестности выглядели совершенно девственно, он не узнавал этих мест.

— Папа, я хочу спуститься к ручью.

— Иди сюда! Где Барбара?

— Я здесь, Хью. — (Он поднял голову и увидел, что она стоит почти рядом с ним, над убежищем.) — Пытаюсь понять, что произошло. Как ты думаешь?

Убежище находилось на склоне холма — большой прямоугольный монолит. Оно было покрыто землей, за исключением мест, где обломился участок туннеля и где должна была находиться

лестница, ведущая в убежище из дома. Прямо над ними виднелась покореженная бронированная дверь.

— Не знаю, что и думать, — признался Хью.

Появился Дьюк, волоча за собой винтовку. Он встал, посмотрел вокруг и ничего не сказал.

Барбара и Карен присоединились к ним. Доктор Ливингстон — Я Полагаю, играя, прыгнул на ногу Хью и отскочил. Очевидно, на взгляд персидского кота, место, где он оказался, заслуживало всяческого одобрения: оно словно специально было создано для его породы.

— Сдаюсь. Объясните мне, что произошло, — взмолился Дьюк.

Хью не ответил.

— Папочка, — пожаловалась Карен, — ну почему я не могу спуститься к ручью? Я хочу искупаться. От меня воняет.

— От грязи еще никто не умирал. Я и так ничего не соображаю. Не хватало еще беспокоиться, что ты утонешь…

— Он же мелкий!

— …или что тебя задерет медведь, или что тебя засосет в зыбучие пески… И вообще, девочки, лучше вам вернуться в убежище и вооружиться, а потом вылезать наружу, если уж так хочется.

Но обязательно держитесь друг друга и будьте начеку. Скажите Джо, пусть идет сюда.

— Есть, сэр! — Девушки нырнули в туннель.

— Так что ты думаешь, Дьюк?

— Ну… лучше я помолчу.

— Если тебе есть о чем молчать, это уже неплохо. Мне, например, сказать вообще нечего. Я просто в ступоре. Я постарался запланировать и просчитать все ситуации. Но такого у меня в списке не было. И потому, если у тебя сложилось какое-то мнение, ради бога, не молчи.

— Ну… Все это выглядит как гористая местность в Центральной Америке. Но конечно, это невозможно.

— Какой смысл беспокоиться, что возможно, а что невозможно. Предположим, это Центральная Америка. Чего бы ты опасался в первую очередь?

— Дай подумать. Тогда тут могут быть пумы. Наверняка змеи. Тарантулы и скорпионы. Малярийные комары. Ты, кажется, что-то говорил о медведях?

— Я имел их в виду как символ. Нам следует быть начеку до тех пор, пока мы не поймем, с чем можем столкнуться.

Появился Джо с ружьем и стал молча любоваться представшей его глазам картиной.

— Голодать нам не придется. Смотрите, вон там, слева и ниже по течению ручья, — заметил Дьюк.

Хью посмотрел в направлении, указанном Дьюком. На них с интересом взирал пятнистый олененок ростом не больше трех футов. Очевидно было, что он ни капельки не боится людей.

— Может, свалить его? — предложил Дьюк. Он вскинул винтовку.

— Нет, не нужно. До тех пор, пока мы не начнем испытывать острой необходимости в свежем мясе.

— Ладно. Симпатичная зверюшка, верно?

— Да, очень. Но я встречал североамериканского оленя. Это не он. Дьюк, где же мы все-таки? И как мы сюда попали?

Дьюк криво усмехнулся:

— Отец, ведь ты сам провозгласил себя фюрером. Так что мне не полагается думать. И иметь свое мнение.

— Перестань!

— Хорошо. Я в самом деле не знаю, что и предположить. Может быть, русские придумали какую-то галлюциногенную бомбу?

— Разве в таком случае мы все видели бы одно и то же?

— Не знаю. Вот если бы я подстрелил этого оленя, держу пари, мы могли бы им закусить.

— Мне тоже так кажется. Джо? Идеи, мнения, предложения?

Джо почесал затылок:

— Симпатичное местечко. Но я, к сожалению, горожанин до мозга костей.

— Хью, вообще-то, одну вещь ты можешь сделать.

— Что именно, Дьюк?

— Забыл про свое маленькое радио? Попробуй включить его.

— Отличная идея. — Хью полез было в убежище, но у самого выхода столкнулся с Карен, которая собиралась выбраться наружу, и послал за радио ее. Дожидаясь, он размышлял, из чего бы соорудить лестницу. Забираться в убежище через люк, находящийся на высоте шести футов, было утомительно.

Радиоприемник ловил статические разряды, и ничего больше.

Хью выключил его.

— Попробуем еще раз вечером. Ночью я когда-то слушал с его помощью Мексику и даже Канаду. — Он нахмурился. — Какие-нибудь передачи в эфире обязательно должны быть. Если

только они не стерли нас с лица земли.

— Ты не прав, отец.

— Почему же, Дьюк?

— Этот район, например, вообще не затронут войной.

— Именно поэтому я не могу понять молчания радио.

— И все же Маунтин-Спрингс получил свое. Следовательно, мы не в Маунтин-Спрингсе.

— А кто говорит, что мы там? — возразила Карен. — В Маунтин-Спрингсе отродясь не бывало ничего похожего. Да, пожалуй, и во всем штате.

— Это очевидно. — Хью взглянул на убежище, огромное, громоздкое, массивное. — Но где же мы?

— Ты когда-нибудь читал комиксы, папочка? Мы — на другой планете.

— Сейчас не время для шуток, детка. Я в самом деле обеспокоен.

— А я и не шучу. Ничего подобного нет в радиусе тысячи миль от нашего дома. Так что это вполне может быть и другая планета. Видимо, та, на которой мы жили раньше, немного поизносилась.

— Хью, — сказал Джо, — хоть это и глупо, но я согласен с Карен.

— Почему, Джо?

— Ну… понимаешь, *где-то* ведь мы находимся, верно? А что случается, когда водородная бомба взрывается прямо над головой?

— Ты испаряешься.

— Что-то я не чувствую себя испарившимся. И не могу заставить себя поверить, что эта бетонная глыба пролетела тысячи миль, грохнулась оземь и осталась цела и невредима, если не считать сломанных ребер и вывихнутого плеча. А предположение Карен… — он пожал плечами, — можно назвать это хоть четвертым измерением. Последний взрыв швырнул нас в четвертое измерение.

— Вот-вот, то же самое я и говорю, папа. Мы на другой планете! Давайте ее исследовать!

— Угомонись, детка. Что касается другой планеты… Кто сказал, что мы должны обязательно знать, где мы находимся? Наша задача — приспособиться к данным условиям.

— Карен, — сказала Барбара, — мне все-таки не верится, что это не Земля.

— Не порти веселья. Почему нет?

— Ну… — Барбара кинула камешком в соседнее дерево. — Это вот — эвкалипт, а там, за ним, — акация. Конечно, ничего похожего на Маунтин-Спрингс, но все же совершенно обычная субтропическая флора. Если твоя «новая плане-

та» покрыта точно такими же растениями, как и Земля… Короче говоря, это наверняка Земля.

— Не порти веселья… — повторила Карен. — Почему бы на другой планете не развиться тем же растениям?

— Это было бы так же удивительно, как и одинаковые…

— Хьюберт! Хьюберт! Где ты? Я не могу найти тебя! — донесся из туннеля голос Грейс Фарнхэм.

Хью нырнул в туннель:

— Иду, иду!

Ланч они устроили под сенью дерева, недалеко от убежища. Хью решил, что туннель был расположен достаточно глубоко под землей, так что вряд ли был опасно заражен радиацией. А вот что касалось крыши убежища, тут Хью не был в этом так уверен. Поэтому он установил дозиметр (из всех приборов, измеряющих радиацию, уцелели только дозиметры) на крыше, чтобы сравнить его показания с показаниями прибора, оставшегося внутри. С большим облегчением он убедился в том, что дозиметр определил набранную ими дозу облучения как существенную, но далеко не летальную, а также в том, что показания приборов совпадают друг с другом.

Единственной мерой предосторожности было

то, что ружья они держали рядом с собой — все, кроме его жены. Грейс Фарнхэм «терпеть не могла ружей» и сначала вообще отказывалась сидеть в соседстве с «этими ружьями».

Тем не менее поела она с завидным аппетитом. Дьюк развел костер, и они были осчастливлены горячим кофе, разогретой тушенкой с горохом, консервированными бататами и компотом. А самое главное — сигаретами, причем им не нужно было беспокоиться, хватит ли воздуха и не случится ли пожар.

— Замечательно, — произнесла Грейс. — Хьюберт, дорогой, знаешь, чего не хватает, чтобы сделать наше маленькое пиршество еще более приятным? Мне известно, что ты не любишь, когда пьют днем, но сейчас мы в таком экстраординарном состоянии… и мои нервы еще немножечко не на месте. Так вот, Джозеф, вам нетрудно сбегать в убежище и принести бутылочку того испанского бренди…

— Грейс.

— Что, дорогой? Мы могли бы немного отпраздновать наше чудесное спасение.

— Я не уверен, что бренди у нас есть.

— Что? Не может быть, ведь было целых два ящика.

— Большинство бутылок разбилось. Это порождает еще одну проблему. Дьюк, ты потерял работу хранителя воды, но ты назначаешься виночерпием. У нас остались еще, по крайней мере, две целые бутылки. Одним словом, сколько бы ты ни нашел, раздели все спиртное на шесть частей, только раздели поровну, будет ли это по нескольку бутылок каждому или по нескольку глотков.

На лице миссис Фарнхэм отразилось полное непонимание. Дьюк явно испытывал неудобство. Карен поспешно сказала:

— Папа, вспомни, что я тебе говорила.

— Ах да!.. Дьюк, твоя сестра отказывается от своей доли. Поэтому храни ее в качестве медицинского средства. Если, конечно, Карен снова не передумает.

— Мне не нравится моя новая должность, — сказал Дьюк.

— Дьюк, мы должны распределить обязанности. Да, кстати, то же самое сделай и с сигаретами. Уж если они кончатся, так кончатся навсегда, а вот насчет спиртного у меня есть надежда, что нам когда-нибудь удастся получить самогон. — Он повернулся к жене. — Может быть, тебе лучше принять милтаун, дорогая?

— Таблетки?! Хьюберт Фарнхэм, ты, кажется,

хочешь сказать, что я не имею права выпить?

— Ничуть. Две бутылки уцелели во всяком случае. На твою долю придется как минимум полпинты. Если хочешь выпить — ради бога.

— Джозеф, будь добр, сбегай и принеси мне бутылочку бренди.

— Нет! — резко вмешался ее супруг. — Если хочешь выпить, Грейс, принеси ее сама.

— Ерунда, Хью, я сбегаю.

— Я против! Грейс, у Джо сломано несколько ребер. Лаз в убежище не доставит ему приятных ощущений. А ты запросто можешь забраться туда — ведь ты единственная, кто не пострадал.

— Неправда!

— На тебе ни царапинки. А все остальные — кто в синяках, кто с чем-нибудь похуже. Теперь о распределении обязанностей. Я хочу, чтобы ты взяла на себя готовку. Карен будет твоей помощницей. Да, Карен?

— Конечно, папочка.

— Таким образом, вы обе будете заняты. Мы соорудим жаровню и голландскую печь, но это со временем, а пока придется готовить на костре и мыть посуду в ручье.

— Ах вот как? Тогда, будьте добры, скажите мне, мистер Фарнхэм, что в это время будет де-

лать Джозеф, чтобы оправдать расходы на свое содержание?

— А может быть, *ты* скажешь мне, как мы все будем оправдывать эти расходы? Дорогая, дорогая… разве ты не понимаешь, что теперь все по-иному?

— Не говори ерунды! Когда ситуация переменится, Джозеф получит до цента все, что ему причитается. Он и сам прекрасно это знает. Кроме того, мы спасли ему жизнь. И вообще были всегда добры к нему, так что он вполне может немного подождать с платой. Верно, Джозеф?

— Грейс! Помолчи и послушай. Джо больше не слуга. Он наш товарищ по несчастью. Нам больше никогда не придется платить ему. Перестань вести себя как дитя и посмотри фактам в лицо. У нас больше ничего нет. У нас никогда не будет денег. У нас нет дома. С моим бизнесом покончено. Нет больше «Маунтин эксчендж бэнк». Нет ничего, кроме того, что мы запасли в убежище. Но нам повезло. Мы живы и к тому же каким-то чудом получили возможность прожить оставшуюся жизнь не под землей, а на земле. Счастье! Ты понимаешь?

— Я понимаю только одно: ты пытаешься найти оправдание своей грубости.

— Ты получила работу по своим способностям.

— Кухарка! Я и так влачила ярмо кухонного рабства в твоем доме двадцать пять лет! Это вполне достаточный срок. Я отказываюсь! Ты понял? Я отказываюсь!

— Ты не права ни в одном, ни в другом. Бóльшую часть нашей совместной жизни ты имела прислугу. Да и Карен начала мыть посуду, как только смогла заглянуть через край раковины на кухне. Не спорю, у нас бывали тяжелые времена. Теперь же предстоят — тяжелее некуда, и ты должна помочь, внести свою лепту, Грейс. Ведь ты отличная кулинарка, стоит тебе только захотеть. Ты будешь готовить… или не будешь есть.

— О-о-о! — Она разрыдалась и бросилась к убежищу.

Ее спина уже исчезла в туннеле, когда Дьюк встал, чтобы последовать за матерью. Отец остановил его:

— Дьюк!

— Да?

— Подожди минутку, а потом можешь идти. Я собираюсь выбраться на разведку и хотел бы, чтобы ты сопровождал меня.

Дьюк поколебался.

— Ладно.

— Тогда смотри. Мы скоро отправляемся. Думаю, тебе лучше взять на себя роль охотника. Стреляешь ты гораздо лучше меня, а Джо вообще никогда не охотился. Как ты считаешь?

— Ну что ж… хорошо.

— Отлично. А теперь пойди успокой ее и… Дьюк, постарайся заставить ее понять, что происходит.

— Попробую. Но я согласен с матерью. Ты ведешь себя с ней грубо.

— Может быть. Ступай.

Дьюк резко повернулся и ушел. Карен тихо заметила:

— Я тоже так думаю, папа. Ты вывел ее из себя.

— Я решил, что иначе нельзя, Карен. Если бы я не сделал этого, она вообще бы палец о палец не ударила, а только гоняла Джо взад-вперед, обращаясь с ним как с наемным поваром.

— Да ладно, Хью, я не против того, чтобы готовить. Например, приготовление сегодняшнего ланча было для меня сплошным удовольствием.

— Она готовит гораздо лучше, чем ты, Джо, и она, именно она будет заниматься стряпней. Не приведи господь поймать мне тебя помогающим ей.

Юноша улыбнулся:

— Не поймаешь.

— Надеюсь. В противном случае я сниму с тебя шкуру и прибью ее к стене. Барбара, что ты знаешь о сельском хозяйстве?

— Очень мало.

— Но ведь ты ботаник.

— Нет, в лучшем случае я могла бы им стать когда-нибудь.

— Что делает тебя втрое лучшим фермером по сравнению с нами. Я, например, едва отличаю розу от одуванчика, Дьюк знает еще меньше, а Карен вообще считает, что картошка образуется в подливке. Ты слышала, как Джо назвал себя горожанином. В убежище должны быть семена, небольшой запас удобрений, кое-какой сельскохозяйственный инвентарь и книги по сельскому хозяйству. Осмотри все это и постарайся найти место для огорода. А уж мы с Джо вскопаем, что нужно, и все такое прочее. Но тебе придется руководить нами.

— Хорошо. А есть семена каких-нибудь цветов?

— Как ты догадалась?

— Просто мне очень хотелось, чтобы они были.

— Есть. И однолетних, и многолетних. Сегодня выбирать место не нужно. Я не хочу, чтобы вы, девочки, далеко отходили от убежища, пока мы хорошо не разнюхаем обстановку. Джо, сегодня

нам нужно сделать две вещи: лестницу и две уборных. Барбара, как у тебя с плотницким искусством?

— Так… средне. Могу вбить гвоздь.

— Тогда не разрешай Джо делать то, что способна сделать сама. Его ребра должны срастись. Но лестница нам необходима. А тебе, Карен, мой цветочек, предоставляется почетная обязанность выкопать два туалета.

— О боже! Ну спасибо!

— Просто два углубления. Одно для вас, эфемерных созданий, другое для нас, грубых мужчин. Потом мы с Джо соорудим сначала что-нибудь вроде небольших будочек. Потом возьмемся за дом — бревенчатый или даже каменный.

— Интересно, папочка, ты сам-то собираешься что-нибудь делать?

— Конечно, дорогая. В основном умственную работу. Планирование, управление, контроль. По-твоему, это не адский труд? — Он зевнул. — Ну ладно, всего хорошего. Я, пожалуй, прошвырнусь в клуб, зайду в турецкую баню, а остаток дня проведу за добрым крепким плантаторским пуншем.

— Папочка, может, ты лучше примешь холодный душ из ручья? Выдумал тоже, туалеты!..

— Отчизна будет гордиться тобой, дорогая!

Хью с сыном вышли через полчаса.

— Джо, — предупредил Хью, — мы собираемся вернуться до темноты, но в случае вынужденной задержки мы до утра будем жечь костер и возвратимся завтра. Если тебе придется идти искать нас, ни в коем случае не ходи один, а возьми с собой любую из девушек. Впрочем, нет, возьми лучше Карен. У Барбары не во что обуться, только босоножки на шпильках. Проклятье! Придется изготовить мокасины. Ты понял?

— Конечно.

— Мы пойдем по направлению к тому холму — видишь? Я хочу подняться на него, чтобы осмотреть как можно большую территорию. Может быть, удастся заметить какие-нибудь признаки цивилизации.

Они отправились в путь. Их снаряжение состояло из ружей, фляжек, топора, мачете, спичек, сухих пайков, компасов, биноклей, горных ботинок и плащей. Плащ и ботинки оказались Дьюку впору: он сообразил, что отец запас одежду специально для него.

Они шли, по очереди меняясь местами; тот, кто шел позади, старался не отставать и считал шаги, а идущий впереди изучал окрестности,

определяя направление по компасу и запоминая увиденное.

Высокий холм, избранный Хью в качестве наблюдательного пункта, находился за ручьем. В поисках брода они немного прошли вниз по течению. Вокруг было много всякой живности. Особенно изобиловали эти места миниатюрными оленями, на которых, очевидно, никто не охотился, по крайней мере люди, так как по пути Дьюк заметил пуму и дважды им встречались медведи.

Когда они достигли вершины, было уже примерно три часа пополудни. Подъем оказался довольно утомительным — мешал густой кустарник, к тому же они никогда не занимались альпинизмом. Как только они забрались наверх, у Хью возникло горячее желание рухнуть на землю и больше не вставать. Но он преодолел эту минутную слабость и огляделся. К востоку местность казалась более ровной. Его взгляду предстало бесконечное пространство прерий.

И ни малейших признаков присутствия человека.

Хью настроил бинокль и стал изучать окрестности. Заметив движущиеся вдали силуэты, он решил, что это антилопы, а может, и кто-то

покрупнее, и подумал, что за ними стоит понаблюдать внимательнее. Но все это потом, потом…

— Хью!

Он опустил бинокль.

— Да, Дьюк?

— Видишь тот пик? Так вот, его высота равняется тысяче ста десяти футам.

— Не спорю.

— Это Маунтин-Джеймс. Отец, мы дома!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Посмотри на юго-запад. Видишь там три глыбы? В тринадцать лет я сломал ногу, упав со средней из них. А вон та остроконечная гора между ними и Маунтин-Джеймс — это Хантерс-Хорн. Неужели ты не видишь? Ведь линия горизонта уникальна, как отпечатки пальцев. Это Маунтин-Спрингс!

Хью пригляделся. Действительно, вид был ему знаком. Даже окно его спальни было расположено с таким расчетом, чтобы на рассвете из него была видна вся панорама. Сколько раз он сиживал на закате и смотрел на эти горы!

— Ты прав.

— Конечно прав, — с иронией согласился Дьюк. — Будь я проклят, если понимаю, как это

произошло! Сдается мне, — он топнул ногой, — что мы на вершине водонапорной башни. На том месте, где она раньше находилась. А… — Он сощурился. — Насколько я понимаю, убежище располагается прямо на лужайке перед нашим домом. Отец, мы вовсе не двигались с места!

Хью достал блокнот, в который они записывали количество пройденных шагов и курсы по компасу, и что-то посчитал.

— Да. Все в пределах погрешности.

— Ну и что ты думаешь по этому поводу?

Хью взглянул на небо.

— Ничего я не думаю. Дьюк, скоро наступит ночь?

— Пожалуй, часа через три. Солнце скроется за горами часа через два.

— Сюда мы добирались два часа, следовательно, дорогу обратно одолеем значительно быстрее. У тебя есть сигареты?

— Да.

— Можешь дать мне одну? И запиши на меня, разумеется. Выкурим по одной, тогда можно и возвращаться. — Он огляделся. — Место здесь открытое, так что ни один хищник не сможет подкрасться к нам незамеченным. — Он положил ружье на землю возле себя, затем снял ремень и

уселся сам.

Дьюк протянул отцу сигарету. Они закурили.

— Отец, ты невозмутим, как рыба. Ничто тебя не удивляет.

— Ты так считаешь? Вовсе нет. Просто я раньше так часто всему удивлялся, что постепенно приучил себя не демонстрировать этого.

— Это не у всех получается.

Некоторое время они курили молча. Дьюк сидел, Хью улегся на траву. Он был в полном изнеможении, и ему сейчас больше всего хотелось, чтобы никуда не нужно было возвращаться.

Неожиданно Дьюк произнес:

— Кроме того, ты очень любишь издеваться над людьми.

— Возможно, ты и прав, если, по-твоему, то, как я поступаю, — издевательство. Человек всегда старается делать только то, что ему хочется, то, что его «радует», — в пределах собственных возможностей. И если я меняю спущенное колесо, так только потому, что мне это доставляет большее удовольствие, чем бесконечное сидение на шоссе.

— Не нужно утрировать. Тебе просто приятно издеваться над мамой. Ты и меня любил в детстве шлепать за малейшую провинность… до тех пор,

пока мать не топнула ногой и не заставила тебя прекратить это.

— Пора нам двигаться, — сказал отец и стал надевать ремень.

— Еще минутку. Я хочу кое-что тебе показать. Не беспокойся, мы не опоздаем. Мне нужны считаные секунды.

Хью выпрямился.

— Что такое?

— А вот что: твоя роль отважного капитана окончена. — Дьюк дал отцу сильную затрещину. — Это тебе за издевательство над мамой! — Он ударил еще раз — на этот раз с другой стороны и настолько сильно, что сбил отца с ног. — А это за то, что ты приказал ниггеру наставить на меня ствол!

Хью Фарнхэм лежал совершенно спокойный.

— Не ниггер, Дьюк. Негр.

— Он для меня негр только до тех пор, пока знает свое место. А то, что он прицелился в меня, делает его поганым ниггером. Можешь встать. Больше я тебя бить не собираюсь.

Хью Фарнхэм поднялся:

— Нам пора идти обратно.

— И это все, что ты можешь мне сказать? Давай-давай. Можешь тоже меня ударить. Отвечать

тебе я не стану.

— Нет.

— Я не нарушал клятвы. Я ждал, пока мы покинем убежище.

— Согласен. Кто пойдет первым? Я? Мне кажется, так будет лучше.

— Уж не думаешь ли ты, что я боюсь выстрела в спину? Отец, пойми, я просто *должен* был сделать это.

— Неужели?

— Да, черт возьми! Чтобы не потерять уважения к самому себе.

— Хорошо. — Хью застегнул ремень, взял ружье и направился к последней сделанной им по пути отметке.

Шли они молча. Наконец Дьюк произнес:

— Отец!

— Да, Дьюк?

— Прости…

— Забудем об этом.

Они продолжали идти и, дойдя до ручья, нашли место, которое переходили вброд. Хью торопился, так как быстро темнело.

— Только один вопрос, отец, — снова нарушил молчание Дьюк. — Почему ты не назначил поварихой Барбару? Ведь она чужая нам. Зачем тебе

снова было подковыривать мать?

Немного подумав, Хью ответил:

— Барбара теперь не более чужая, чем, например, ты, Дьюк, а приготовление пищи — единственное, что умеет делать Грейс. Или, ты считаешь, она должна бездельничать, в то время как остальные вкалывают?

— Естественно, нет. Все мы должны быть чем-то заняты, само собой разумеется. Но зачем ты издеваешься над ней при посторонних? Ты понимаешь меня?

— Дьюк!..

— Да?

— Последний год я занимался каратэ по три раза в неделю.

— Ну и что?

— Просто больше не пытайся драться со мной. Безопаснее будет выстрелить мне в спину.

— Вот как!

— Да, а пока ты не решишь застрелить меня, тебе придется мириться с моим руководством. Или ты хочешь взять ответственность на себя?

— Ты что, предлагаешь мне это?

— Я не могу делать такого предложения. Возможно, группа предпочтет тебя. Твоя мать — она точно. Может быть — и сестра. А вот что касается

мнения Барбары и Джо — тут ничего нельзя сказать наверняка.

— А как же *ты*, отец?

— Лучше я не буду отвечать тебе на этот вопрос: я ничего тебе не должен. Но я надеюсь, что до тех пор, пока ты не решишь сделать заявку на лидерство, ты будешь сознательно подчиняться мне так же, как делал это, дав клятву.

— Ну ты и сказанул! Сознательно подчиняться! Надо же!

— В нашем положении иначе быть не может. Я просто не в состоянии подавлять мятеж каждые несколько часов — а их с твоей стороны было уже два, — да и твоя мать страдает полным отсутствием дисциплины. В подобных условиях не может действовать ни один руководитель. Поэтому я могу принять от тебя только сознательное подчинение. Оно включает в себя и невмешательство с твоей стороны в то, что ты назвал «издевательством».

— Но послушай, ведь я же сказал тебе, что я…

— Тихо! Если ты сам не решишь, как вести себя в подобных условиях, то самый лучший выход для тебя — выстрелить мне в спину. И не думай взять меня голыми руками или дать возможность выстрелить первым. В следующий раз, Дьюк, если

я замечу угрозу с твоей стороны, я убью тебя. Если смогу. Но один из нас наверняка будет мертв.

Некоторое время они шли, не разговаривая. Мистер Фарнхэм так и не обернулся. Наконец Дьюк спросил:

— Отец, скажи же, ради бога, почему ты не можешь руководить демократично? Я вовсе не собираюсь захватывать власть, я просто хочу, чтобы все было честно.

— Да, ты не хочешь власти. Ты просто хочешь быть пассажиром на заднем сиденье, который указывает водителю, куда ему ехать.

— Чепуха! Я хочу, чтобы все было демократично.

— Неужели? Следовательно, нам придется устраивать голосование по вопросу о том, должна ли Грейс работать наравне со всеми и имеет ли она право накачиваться виски? А как нам вести заседания? Может быть, попробуем процессуальный кодекс Роберта? А удалять ее из зала во время дебатов будем или нет? Может, ей следует остаться и защищать себя от обвинений в лености и пьянстве? Значит, ты согласен подвергнуть родную мать такому позору?

— Не говори глупостей!

— Я просто пытаюсь выяснить для себя, что ты

подразумеваешь под демократичностью. Если ты понимаешь ее как постановку любого вопроса на голосование — ладно, готов помочь тебе попробовать, — разумеется, если ты сам будешь подчиняться любому решению большинства. Пожалуйста, выдвигай свою кандидатуру в председатели. Я устал от ответственности и знаю, что Джо тоже не очень доволен ролью моего заместителя.

— Это еще один вопрос. С чего это у Джо должно быть право голоса в этих вопросах?

— А я думал, ты хочешь, чтобы все было «демократично».

— Да, но ведь он…

— Кто же он, Дьюк? Ниггер? Или просто слуга?

— Ты любишь все вывернуть наизнанку.

— Это у тебя вывернутые наизнанку идеи. Можем использовать формальную демократию — правила порядка, дебаты, тайное голосование, все такое — в любой момент, когда тебе захочется испробовать эту чушь. Особенно — в такой момент, когда тебе захочется поставить вопрос о недоверии и перехватить лидерство, а мне все так осточертеет, что я сам буду надеяться на твой успех. Но пока что у нас и так самая *настоящая* демократия.

— Вот как?

— Я действую в интересах и от имени большинства — четверых против двоих. Так мне, по крайней мере, кажется. Но меня это не устраивает. Мне необходимо абсолютное большинство, я не могу бесконечно пререкаться с меньшинством. Я имею в виду тебя и твою мать. И я хочу, чтобы нас стало пятеро против одного еще до того, как мы вернемся в убежище. Я жду от тебя заверений в том, что ты не будешь вмешиваться в мои попытки заставить, принудить, пусть даже путем «издевательств», твою мать принять на свои плечи равную долю нашего общего груза, — это в том случае, если ты не намерен бороться за лидерство.

— Ты просишь, чтобы я согласился на *такое*?

— Нет, я настоятельно *советую* тебе это сделать. Или сознательное подчинение с твоей стороны… или при следующем столкновении один из нас умрет. Учти, я ни словом, ни жестом не стану предупреждать тебя. Вот поэтому-то наилучший для тебя выход — выстрелить мне в спину.

— Перестань болтать чепуху! Ты же прекрасно знаешь, что я никогда не выстрелю тебе в спину!

— Уверен? Потому что я-то выстрелю тебе в спину или куда придется, если проблемы снова

возникнут. Дьюк, я вижу только один выход из этой ситуации. Если ты не согласен на добровольное подчинение, если ты не считаешь, что способен сместить меня, если ты не можешь заставить себя убить меня и если ты опасаешься, что во время очередного конфликта один из нас будет убит, то тогда есть вполне мирное решение этой проблемы.

— Какое?

— Ты можешь уйти в любое время, когда захочешь. Я дам тебе ружье, патроны, соль, спички, нож и все, что ты посчитаешь необходимым. Хоть ты этого и не заслуживаешь, но я не могу тебе позволить уйти ни с чем.

Дьюк зло рассмеялся:

— Предоставляешь мне возможность сыграть роль Робинзона Крузо, а всех женщин оставляешь себе?

— Отчего же? Любой, кто захочет, может уйти с тобой. Со своей законной и равной с остальными долей всего, что у нас есть. Можешь взять с собой всех трех женщин, если, конечно, тебе удастся увлечь их своей идеей.

— Что ж, я подумаю.

— Подумай, подумай. А пока займись-ка лучше политикой, чтобы увеличить свои шансы на по-

беду в «демократических» выборах, и постарайся быть осторожным, чтобы не схватиться со мной раньше, чем ты будешь готов к этому. Я честно предупреждаю тебя. Тем более что мое терпение кончилось — ты выбил мне зуб.

— Прости, я не хотел.

— Когда ты бил, этого не чувствовалось. Вот и убежище, так что можешь начинать «добровольно подчиняться» с того, что сделаешь вид, будто мы прекрасно провели время.

— Слушай, отец, если ты не хочешь, чтобы…

— Помолчи. Меня от тебя тошнит.

Когда они подошли к убежищу совсем близко, их заметила Карен и радостно закричала. Из туннеля тут же вылезли Джо и Барбара. Карен помахала лопатой:

— Посмотрите, что я уже сделала!

Она выкопала туалеты по обе стороны от убежища. Каркасы их составляли щиты, сбитые из стволов молоденьких деревьев и обшитые листами картона от ящиков со спиртным. Сиденья были сделаны из дощечек, которыми была обшита кладовая.

— Ну как? — требовательно спросила она. — Разве они не великолепны?

— Да, — согласился Хью, — значительно более

основательно, чем я ожидал от тебя. — Он не стал говорить, что на туалеты Карен извела почти всю их древесину.

— Я работала не одна. Бóльшую часть плотницкой работы проделала Барбара. Слышали бы вы, как она ругается, когда попадает молотком по пальцу!

— Ты ушибла палец, Барбара?

— Ничего страшного. Лучше идите опробуйте лестницу.

— Обязательно. — Он полез было в туннель, но Джо остановил его:

— Хью, пока не стемнело, давай кое-что обсудим.

— Ради бога. Что именно?

— Ты как-то упоминал о том, что нужно построить хижину. Допустим, мы соорудим ее: что мы будем иметь? Земляной пол и вечно текущую крышу, окна без стекол и дверной проем без двери. Мне кажется, что в убежище нам будет лучше.

— Что ж, возможно, — согласился Хью. — Я предполагал, что мы будем использовать его в качестве пристанища, пока не обзаведемся чем-нибудь получше.

— Думаю, оно не так уж радиоактивно, Хью.

Стрелку дозиметра зашкалило бы, если бы крыша была по-настоящему «горячей». Ведь этого не произошло.

— Радостная весть. Ну, Джо, сам посуди, уклон в тридцать градусов более чем неудобен. Нам необходимо жилище с ровным полом.

— Это я и имел в виду, Хью. Что, если использовать гидравлический домкрат? Его грузоподъемность — тридцать тонн. А сколько весит убежище?

— Сейчас, сейчас. Нужно вспомнить, сколько ушло бетона и стали. — Хью достал блокнот. — Ну, скажем, тонн двести пятьдесят.

— Ладно, это была просто идея.

— Возможно она совсем не плоха. — Хью задумчиво обошел вокруг убежища — прямоугольной глыбы двадцати футов в длину, двадцати в ширину и двенадцати в высоту, прикидывая углы, вымеряя расстояния.

— Можно попробовать, — решил он наконец. — Мы подкопаем приподнятую часть до середины так, чтобы убежище встало ровно. Черт, жаль, что у нас нет отбойных молотков.

— А сколько времени может занять такая работа?

— Думаю, вдвоем можно управиться за неделю,

если не попадутся валуны. Когда под рукой нет динамита, валуны могут стать проблемой.

— Совсем неразрешимой?

— Любую проблему, в принципе, можно решить. Будем надеяться, что скальные породы нам не встретятся. Подкопанный край будем укреплять бревнами. Когда закончим, выдернем бревна с помощью талей и блока. Затем выровняем убежище домкратом и закрепим. Вынутой землей мы подсыплем ту часть, которая окажется в воздухе. В общем, потная работенка.

— Тогда я начну завтра с утра.

— Как бы не так! И думать не смей, пока не заживут твои ребра. Завтра утром начну я с нашими лихими девицами. Да и Дьюка подключим, после того как он подстрелит нам оленя, — консервы, я думаю, лучше экономить. Кстати, что вы сделали с пустыми консервными банками?

— Зарыли.

— Их нужно выкопать и вымыть. Жестяная банка для нас дороже золота — она годится для чего угодно. Ладно, поднимемся, а то я еще не насладился лестницей.

Лестницу смастерили из двух обтесанных стволиков, к которым прибили ступеньки все из тех же ящичных дощечек. Хью отметил про себя, что

древесина расходуется более чем неэкономно, ступеньки следовало делать из обрубленных веток. Черт побери, сколько теперь появилось всего, чего нельзя получить, просто сняв телефонную трубку! Например, эти рулоны туалетной бумаги — по одному в каждой кабинке. Их не следовало оставлять там — а вдруг пойдет дождь? Иначе очень скоро придется пользоваться листьями, или вообще ничем.

Многое, очень многое они привыкли принимать как само собой разумеющееся. Гигиенические пакеты — насколько их хватит? И как обходились без них первобытные женщины? Они наверняка чем-то пользовались, но чем?

Нужно предупредить всех, что изготовленное фабричным способом, будь то клочок бумаги, грязная тряпка, булавка, — все следует беречь как зеницу ока. Нужно без устали следить за тем, чтобы это правило неукоснительно соблюдалось, постоянно удерживать их от бездумной траты чего бы то ни было.

— Замечательная лестница, Барбара!

Она, казалось, очень обрадовалась похвале.

— Самое трудное сделал Джо.

— Вовсе нет, — стал отпираться Джо. — Я только давал советы и подправил стамеску.

— Все равно, кто бы ни сделал ее, она сделана прекрасно. Теперь посмотрим, выдержит ли она меня.

— О, конечно же выдержит! — с гордостью воскликнула Барбара.

В убежище были включены все лампы. Значит, следует предупредить и насчет батарей. Нужно сказать девушкам, чтобы разыскали в книгах, как делают свечи.

— Где Грейс, Карен?

— Маме нездоровится. Она прилегла.

— Вот как? Тогда тебе лучше заняться обедом. — Хью вошел в женскую комнату, чтобы посмотреть, что за недуг сразил жену.

Грейс лежала на койке в одежде, забывшись в тяжелом сне, и громко храпела. Он нагнулся, приподнял ей веко. Она даже не пошевелилась.

— Дьюк!

— Да?

— Иди сюда. Все остальные выйдите.

Хью спросил у подошедшего сына:

— Ты давал ей выпить после ланча?

— Да. Но ведь ты и не запрещал.

— Я не обвиняю тебя. Сколько ты ей дал?

— Только один хайболл. Полторы унции скотча с водой.

— Как по-твоему, похоже это на один хайболл? Попробуй-ка разбуди ее.

Дьюк попытался, но безуспешно. Отчаявшись, он сказал:

— Отец, я понимаю, ты считаешь меня дураком. Но я действительно дал ей выпить только одну порцию. Проклятье, ведь ты прекрасно знаешь, что я не меньше тебя ненавижу ее пьянство.

— Не волнуйся, Дьюк. Надо думать, она добралась до бутылки уже после того, как ты ушел.

— Может быть, — нахмурился Дьюк. — Я дал матери выпить, как только обнаружил первую уцелевшую бутылку. Затем я занялся инвентаризацией. Кажется, нашел все, что осталось, если только ты не припрятал где-нибудь еще про запас…

— Нет, все ящики находились в одном месте. Шесть ящиков.

— Правильно. Я нашел тринадцать целых бутылок — двенадцать по три четверти литра и литровую бутылку бурбона. Я еще прикинул, что это будет по две бутылки на человека, а бутылку бурбона оставил на всякий случай. Я открыл «Кингс Ронсом», налил порцию матери и отметил уровень виски на этикетке карандашом. Сейчас мы узнаем, прикладывалась она еще раз к нему

или нет.

— Ты спрятал спиртное?

— Да, я спрятал весь запас на самую верхнюю полку в противоположном конце убежища. Я прикинул, что ей довольно трудно будет забраться туда, — ведь я не такой уж идиот, отец. Она была в своем отсеке и не могла видеть, как я прячу ящик. Правда, она могла догадаться…

— Давай проверим.

Все двенадцать бутылок были на месте, нетронутые, тринадцатая — едва начата. Дьюк поднял ее повыше.

— Вот! Ровно до отметки. Но ведь была еще одна, помнишь? Мы открыли ее, когда все началось, после второго взрыва. Куда она делась?

— Когда вы заснули, мы с Барбарой слегка приложились к ней, но до дна там было далеко. Я больше ее не видел. Она осталась в кладовой.

— А! Все ясно. Разбита вдребезги. Я заметил ее, когда мы наводили там порядок. Но тогда я не понимаю, *где* мать могла взять спиртное?

— Она не брала его, Дьюк.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Это не виски. — Хью подошел к аптечке и взял оттуда пузырек со сломанной печатью на горлышке. — Посчитай, сколько здесь капсул се-

конала. Ты вчера сколько выпил вечером — две?

— Да.

— Карен выпила одну перед сном, одну позже. Одну выпил Джо. Ни я, ни Барбара, ни Грейс не принимали его. Итого пять капсул секонала.

— Подожди, я считаю.

Отец принялся считать капсулы, которые откладывал Дьюк.

— Девяносто одна, — объявил Дьюк.

— Правильно. — Хью ссыпал капсулы обратно в пузырек. — Следовательно, она приняла четыре.

— Что же делать, папа? Промывание желудка? Рвотное?

— Ничего.

— Но как же? Неужели у тебя нет сердца… Ведь она пыталась покончить с собой!

— Успокойся, Дьюк. Она и не думала делать ничего подобного. Четыре капсулы — шесть гран — у здорового человека вызывают просто ступор, а она здорова как бык: месяц назад она была на осмотре у врача. Нет, она выпила секонал, чтобы подольше оставаться в состоянии опьянения. — Хью нахмурился. — Алкоголик — это уже само по себе достаточно плохо. Но люди часто, сами того не желая, убивают себя снотворными таблетками.

— Отец, а что ты подразумеваешь под тем, что она выпила его, чтобы подольше оставаться в состоянии опьянения?

— Ты не пользовался ими?

— Ни разу в жизни, только те две прошлой ночью.

— Помнишь, что ты сам чувствовал, когда принял две капсулы прошлым вечером? Тепло, радость и беспечность?

— Нет, я просто лег и отключился, а потом сразу очнулся стоящим на голове.

— Значит, у тебя еще не развилось привыкание к лекарству. А Грейс прекрасно знает, что за эффект оно дает. Опьянение, счастливое опьянение. Правда, я раньше не замечал, чтобы она принимала больше одной капсулы, но раньше и в спиртном ее никто не ограничивал. Если человек начинает пить снотворное, потому что не может раздобыть спиртное, его дела плохи.

— Отец, ты должен был подальше убирать от нее спиртное давным-давно!

— А как, Дьюк? Постоянно твердить, что выпивки она не получит? На вечеринках вырывать рюмку из рук? Ссориться на людях? Спорить с ней в присутствии Джо? Не давать ей карманных денег, закрыть ее счет в банке, следить, чтобы ей

не давали в кредит? Разве что-нибудь удержало бы ее в таком случае от соблазна начать закладывать вещи в ломбард?

— Мама никогда не опустилась бы до этого.

— Это типичное поведение в таких случаях. Дьюк, пойми, нельзя удержать взрослого человека, желающего получить спиртное. Даже правительство Соединенных Штатов оказалось в свое время в этом плане бессильным. Более того. Невозможно быть ответственным за чье-либо поведение. Я говорил о том, что отвечаю за нашу группу. Не совсем так. Самое большое, что я, или ты, или любой другой руководитель мог бы сделать, — это заставить каждого нести ответственность за себя. — Хью глубоко задумался, лицо его выражало тревогу. — Вероятно, моя ошибка состояла в том, что я дал Грейс возможность бездельничать. Но она и так считала меня скупцом из-за того, что я позволял ей иметь только одного слугу и женщину, которая убирала в доме. Дьюк, сам посуди, *что* тут можно было придумать, кроме как бить ее?

— Ну… эта проблема потеряла актуальность. Что нам делать сейчас?

— Вот именно, мистер юрист. Что ж, спрячем для начала пилюли подальше.

— А я уничтожу эти проклятые бутылки!

— Этого я не стал бы делать.

— Ты бы не стал? Я не ослышался, что ты назначил меня хранителем спиртного?

— Нет, решать тебе. Я просто сказал, что, будь я на твоем месте, я бы не стал этого делать. Такой поступок был бы необдуманным.

— Ну, я так не считаю. Отец, я не буду разбираться в том, мог ли ты не дать матери дойти до состояния, в котором она сейчас пребывает. Но лично я намерен прекратить это.

— Очень хорошо, Дьюк. Виски так и так скоро кончится. Может, лучше было бы не мешать ей пока. Если ты согласишься, я мог бы вложить в это дело одну из своих бутылок. Да кой черт, хоть обе! Я люблю пропустить стопарик не меньше любого другого, но Грейс это необходимо.

— Это не имеет значения, — решительно заявил его сын. — Я не собираюсь давать ей ни глотка. Чем быстрее с проклятым зельем будет покончено, тем быстрее она станет нормальным человеком.

— Конечно, решать тебе. Но если можно, я внесу предложение.

— Какое?

— Утром встань пораньше, пока она еще спит.

Вынеси все спиртное наружу и зарой его в месте, известном только тебе. А потом открывай по мере надобности по одной бутылке и распределяй примерно по унции на каждого. Пусть остальные пьют так, чтобы она этого не видела. Открытую бутылку тоже лучше хранить где-нибудь за пределами убежища.

— Звучит разумно.

— Перед нами стоит еще одна проблема — держать от матери подальше снотворное.

— Его тоже закопать?

— Нет, оно необходимо здесь. И не только снотворное. Демерол, иглы для шприца, некоторые лекарства, среди которых есть ядовитые и наркотические, совершенно незаменимые. Если она не сможет найти секонал — пять пузырьков по сто капсул в каждом, — нельзя предсказать заранее, что она попытается принять. Придется воспользоваться сейфом.

— Чем?

— В толщу бетона вмонтирован небольшой сейф. Там ничего нет, кроме ваших свидетельств о рождении и других документов. Да, еще немного патронов и две тысячи серебряных долларов. Деньги хорошо бы куда-нибудь выложить, мы потом сможем использовать их в качестве ме-

талла. Ключ к сейфу — комбинация «4 июля 1776 года»[6].

— «47-17-76». Но лучше изменить ее, так как Грейс она может быть известна.

— Тогда я сразу так и сделаю!

— Не спеши, она не скоро проснется. Насчет запасных патронов… Дьюк, до сих пор ты был распорядителем спиртных напитков и сигарет, а теперь ты назначаешься еще и распорядителем лекарств. Поскольку я на некоторое время по уши зароюсь в землю, ты становишься моим заместителем по распределению и отныне отвечаешь за все, что не может быть возмещено: за спиртное, табак, патроны, гвозди, туалетную бумагу, спички, батареи, «клинекс», иглы…

— Боже милостивый! А погрязней работенки не найдется?

— Сколько угодно, Дьюк. Каждому я пытаюсь поручить ту работу, которая соответствует его талантам. Джо слишком не уверен в себе, к тому же он пока не воспользовался ни единой возможностью что-нибудь сэкономить; Карен живет только сегодняшним днем. Барбара чувствует себя безбилетным пассажиром, хотя это и не

---

[6] Примечания: 6

4 июля 1776 года — День независимости, национальный праздник США. — *Примеч. С. В. Голд.*

так, она не сможет ни на кого прикрикнуть. Я бы сам занялся этим, но меня ждут другие, не менее важные дела. Ты же самый подходящий для этого человек! Ты не колеблясь отстаиваешь свои права и, случается, проявляешь даже дальновидность, правда не слишком часто.

— Большое спасибо. Мне сразу стало понятно.

— Самое сложное, что тебе предстоит, — это вбить им всем в головы, что необходимо беречь каждый кусочек металла, бумаги, ткани и дерева — те вещи, которые американцы за долгие годы привыкли бездумно транжирить. Что еще? Рыболовные крючки. Продукты не так важны — мы постоянно будем пополнять запас: ты — охотой, Барбара — огородничеством. И тем не менее возьми на строгий учет продукты, которые невозможно возместить. Соль. Ты должен следить за тем, чтобы соль расходовалась особенно бережно.

— Соль?

— Если ты не наткнешься на солончак во время охоты. Соль… Черт побери, ведь нам наверняка придется дубить кожу. Обычно я всегда только просаливал кожи перед тем, как отдать их мехов-щику. Но так ли это было необходимо?

— Не знаю.

— Нужно посмотреть. Проклятье, очень скоро мы обнаружим, что я не догадался запастись множеством вещей, без которых нам просто не обойтись.

— Отец, — возразил Дьюк, — по-моему, ты и так сделал все, что мог.

— Ты так думаешь? Приятно слышать. Тогда мы попробуем…

— Папа!

— Да? — Хью выглянул в кладовую.

Из люка показалась голова Карен.

— Папа, нельзя ли нам войти? Пожалуйста! Снаружи уже темно и страшно. Что-то большое и ужасное загнало Дока внутрь. А Джо не разрешает нам, пока ты не скажешь.

— Прости, детка. Конечно, входите. А потом мы закроем люк крышкой.

— Есть, сэр! Отец, ты обязательно должен выглянуть наружу. Звезды! Млечный Путь похож на неоновую вывеску. И Большая Медведица… Может, это все-таки не другая планета? Или мы и с другой планеты будем видеть тот же небосвод?

— Точно не могу сказать. — Тут он вспомнил, что женщины и Джо еще не знают об их открытии — о том, что они находятся в графстве Джеймс, район Маунтин-Спрингс. Но рассказать об этом

должен Дьюк — ведь это он определил их местонахождение. — Дьюк, хочешь еще раз оглядеться перед тем, как мы закроемся?

— Спасибо, я уже видел звезды.

— Ну, как знаешь. — Хью выбрался наружу, подождал, пока его глаза привыкнут к темноте, и убедился, что Карен была права: никогда еще не приходилось ему видеть такое глубокое в своей чистоте небо, не загрязненное ни малейшим признаком смога.

— Изумительно!

Карен взяла его за руку.

— Да, — согласилась она, — но я бы все-таки предпочла обычные уличные фонари этим звездам. Там, в темноте, кто-то ходит. И мы слышали, как воют койоты.

— Здесь водятся медведи, а Дьюк слышал рычание пумы. Джо, ты держи кота ночью взаперти, да и днем лучше не давать ему отлучаться.

— Далеко не убежит, он не такой храбрый. К тому же кто-то уже поучил его уму-разуму.

— Меня тоже! — провозгласила Карен. — Это медведи! Барбара, ползи внутрь. Папа, если взойдет луна, то это уж точно Земля, — в этом случае я больше никогда ни на грош не поверю комиксам.

— Лучше спроси у своего брата, где мы находимся.

За ужином открытие Дьюка было основной темой разговоров. Разочарование Карен немного возмещалось ее интересом к тому, отчего никто из них раньше не смог определить, что они находятся в Маунтин-Спрингсе.

— Дьюк, ты действительно уверен в том, что говоришь?

— Ошибки быть не может, — ответил Дьюк. — Если бы не деревья, ты бы сама с легкостью это установила. Чтобы как следует оглядеться, нам пришлось взобраться на самую вершину Водонапорного холма.

— Так вы, значит, столько времени потратили на дорогу к Водонапорному холму? Но ведь до него пять минут ходу.

— Дьюк, объясни сестре насчет автомобилей.

— Думаю, что это из-за бомбы, — вдруг сказала Барбара.

— Конечно, Барбара. Вопрос только в том, как…

— Я имею в виду гигантскую водородную бомбу, которую, как утверждали русские, они имели на орбите. Ту, которую обычно называли «космической бомбой». Скорее всего, она-то и накрыла

нас.

— Продолжай, Барбара.

— Так вот, первая бомба была просто ужасна, вторая — еще хуже: они нас едва не поджарили. Третья же просто здорово встряхнула нас — бабах! — а потом не было ничего — ни шума, ни жара, ни сотрясений, а радиоактивность стала меньше, вместо того чтобы возрасти. И вот что я думаю: слышали ли вы когда-нибудь о параллельных мирах? Миллионы миров бок о бок, почти одинаковые, но не совсем. Миры, в которых королева Елизавета вышла замуж за графа Эссекса[7], а Марк Антоний искренне ненавидел рыжих. Мир, в котором Бен Франклин был убит током от воздушного змея[8]. Так вот: это один из таких миров.

— Сначала автомобили, а теперь еще и Бенджа-

---

[7] Примечания: 7

Роберт Эссекс (1567–1601) был фаворитом английской королевы Елизаветы I (1533–1603). После заключения перемирия с ирландскими повстанцами был предан суду, попытался поднять восстание, но был арестован и осужден. Казнен в 1601 году. — *Примеч. ред.*

[8] Примечания: 8

Бенджамин Франклин (1706–1790) — ученый, исследователь атмосферного электричества, один из авторов Декларации независимости США и американской Конституции 1787 года. — *Примеч. ред.*

мин Франклин! Я пошла смотреть Бена Кейси[9].

— Это ты зря, Карен. Космическая бомба угодила в нас прямым попаданием и вышвырнула в параллельный мир. В мир, где все точно такое же, как у нас, за исключением одного — в нем никогда не было людей[10].

— Не уверена, что мне понравится мир без людей. Я бы предпочла другую планету с воинами верхом на тоатах… Или это были зитидары?[11]

— Ну и как тебе моя гипотеза, Хью?

— Я стараюсь быть беспристрастным и пока одно могу сказать: мы не должны рассчитывать на то, что встретим других людей.

— Мне нравится твоя теория, Барбара, — заявил Дьюк. — Она объясняет все. Выстрелены, как арбузная косточка из пальцев. Фьюйть!

— Да, и оказались здесь.

Дьюк пожал плечами:

---

[9] Примечания: 9

Бен Кейси — герой одноименного популярного медицинского сериала, который выходил в эфире Эй-би-си в 1961–1966 годах. — *Примеч. С. В. Голд.*

[10] Примечания: 10

Здесь и далее игра слов: «world with no men» может означать «мир без людей» и «мир без мужчин». — *Примеч. С. В. Голд.*

[11] Примечания: 11

Тоаты — восьминогие верховые животные, *зитидары* — слоноподобные существа, населяющие Марс (Барсум) в знаменитом цикле романов Э. Р. Берроуза. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Пусть эта гипотеза войдет в историю как теория пространственного переноса Барбары Уэллс и будет безоговорочно принята всеми. Принято единогласно, на этом заканчиваем. Я, например, чертовски хочу спать. Кто где спит, Хью?

— Минутку. Друзья, позвольте представить вам моего заместителя по распределению. Сын мой, поклонись публике. — Хью объяснил свою программу жесткой экономии. — Дьюк с течением времени усовершенствует ее, но суть я вам изложил. Допустим, я нахожу согнутый гвоздь на полу в дамской комнате — виновный получает соответствующее количество плетей. За серьезное нарушение, например за трату спички, — протаскивание под килем. Еще одно нарушение — и виновного вешают на городской площади при большом стечении народа.

— Ха! А мы все будем смотреть!

— Помолчи, Карен. Конечно я шучу. Никаких наказаний не будет, только суровое осознание того, что ты лишил остальных чего-то необходимого для жизни, здоровья или комфорта. Так что не смейте пререкаться с Дьюком. И я хочу произвести еще одно назначение. Доченька, ты, кажется, владеешь стенографией?

— Ну, это слишком сильно сказано. Мистер

Грегг, наш преподаватель, так не думал.

— Хью, я знаю стенографию. А тебе она зачем?

— Ладно, Барбара. Назначаю тебя нашим историографом. Сегодня — День первый. Ну, или продолжай использовать привычный календарь. Только придется его немного сдвинуть, — судя по звездам, сейчас зима. Каждый день ты должна фиксировать события, а потом расшифровывать записи. Тебе также присваивается звание «хранительница огня». Я полагаю, что вскоре ты станешь ею на самом деле: нам придется разжигать огонь и сохранять его. Ну вот и все. Прошу прощения, Дьюк, что задержал.

— Хью, я буду спать в кладовой. А ты ложись на койку.

— Погоди еще секунду, братишка. Папа, а нельзя нам с Барбарой помыться в кладовой? Мы можем использовать воду? Нам это просто необходимо. Девушки, которые копают выгребные ямы, *обязаны* мыться.

— Конечно, Карен, — согласился Дьюк.

— С водой проблемы нет, — сказал Хью, — но вы с не меньшим успехом можете утром выкупаться в ручье. Помните только одно: пока одна купается, вторая должна быть начеку. Я ведь не шутил насчет медведей.

Карен вздрогнула:

— Я и не думала, что ты шутишь. Кстати, папочка, где нам справлять нужду? В туалете? Или терпеть всю ночь до утра? Правда, я не уверена, что дотерплю. Я, конечно, постараюсь: очень не хочется среди ночи играть в прятки с медведями, но…

— Надо думать, туалет остался на своем месте.

— Ну… я думала, что теперь, когда у нас эти новехонькие отхожие места…

— Да пользуйтесь, пользуйтесь.

— Хорошо! Братишка, тогда дай нам с Барбарой водички для туалета и можешь отправляться спать.

— Мыться вы раздумали?

— Помыться мы можем и в женской спальне, когда вы все уляжетесь почивать. Так что мы не будем вгонять вас в краску.

— Я не краснею.

— А должен бы.

— Тихо, — вмешался Хью. — Мы должны следовать правилу «Нет — ложному стыду». Здесь мы скучены хуже, чем в московской коммунальной квартире. Вы знаете, что говорят японцы по поводу наготы?

— Я слышала, что они моются совместно, — ска-

зала Карен. — И была бы очень рада последовать их примеру. Горячая водичка! Это, я вам скажу, вещь!

— Так вот, они говорят следующее: «Видят наготу часто, но рассматривают редко». Не подумайте, что я призываю вас расхаживать в чем мать родила. Но стыдиться друг друга просто глупо. Если нужно переодеться, а уединиться негде — переодевайтесь спокойно. Или взять, например, купание в ручье. Тот, кому предстоит охранять купающегося, может оказаться человеком другого пола, — иначе возникает множество сложностей. Поэтому советую: меньше обращайте на это внимания. — Он посмотрел на Джозефа. — Я и о тебе говорю. Я заметил, что ты особенно щепетилен в этих делах.

— Так уж я воспитан, Хью, — упрямо ответил Джо.

— Меня тоже «так воспитали», но я стараюсь изо всех сил. После целого дня тяжелой работы, может статься, только Барбара будет в состоянии охранять тебя от медведей.

— Я все-таки рискну выкупаться в одиночку. Что-то я не видел поблизости медведей.

— Джо, не мели чепухи. Ты мой заместитель.

— Не по своей инициативе.

— И перестанешь им быть, если не сменишь пластинку. Будешь купаться, когда тебе нужно и под охраной любого из нас.

— Нет уж, благодарю покорно, — заупрямился Джо.

Хью Фарнхэм вздохнул:

— Вот уж от кого, а от тебя я глупостей не ожидал. Дьюк, ты не поможешь мне? Я имею в виду «ситуацию номер семь».

— С удовольствием! — Дьюк схватил ружье и начал деловито заряжать его. У Джо отвисла челюсть, но он не пошевелился.

— Это лишнее, Дьюк. Оружие ни к чему. А теперь, Джо, возьми только ту одежду, в которой был вчера вечером. За одежду, которая припасена для тебя, платил я. Так что тебе больше ничего не причитается, даже спички. Можешь переодеться в кладовой — ведь превыше всего ты ценишь свою скромность. Но твоя жизнь — это твоя проблема. Давай пошевеливайся.

Джозеф медленно спросил:

— Мистер Фарнхэм, вы это серьезно?

— Сейчас я не менее серьезен, чем ты, когда прицеливался в Дьюка. Ты помог мне прижать его. Ты слышал, как я сам прижал свою жену. Так могу ли я после этого спустить *тебе* то, чего

я не стерпел от них? Боже всемогущий, да ведь тогда в следующий раз мне придется схватиться с девицами, после чего группа распадется и мы все погибнем. Поэтому я предпочту, чтобы ты ушел один. Даю тебе еще две минуты на прощание с Доктором Ливингстоном. Кота с собой взять не позволю: я не желаю, чтобы он был съеден.

Док сидел на коленях у негра. Джо медленно поднялся, все еще придерживая кота руками. Он был ошеломлен.

— Если, конечно, ты не предпочтешь остаться с нами, — добавил Хью.

— А можно?

— Можно, но только на общих для всех условиях.

По щекам Джо медленно скатились две слезы. Он потупился, погладил кота и тихо сказал:

— Тогда я останусь. Я согласен.

— Отлично. В таком случае для подтверждения своего согласия извинись перед Барбарой.

Барбара была поражена. Она хотела что-то сказать, но потом решила, что лучше не вмешиваться.

— Э-э-э… Барбара, прости меня.

— Не стоит, все в порядке, Джо.

— Я буду… счастлив и горд, если мне когда-

нибудь доведется купаться под вашей охраной. Разумеется, если вы согласитесь.

— Всегда пожалуйста, Джо. Буду рада.

— Благодарю вас.

— А теперь, — возвестил Хью, — предлагаю перекинуться в бридж. Карен, ты как?

— А почему бы и нет?

— Дьюк?

— Я лучше прикорну. Если кому-нибудь приспичит на горшок — смело шагайте через меня.

— Ложись на полу, рядом с койками, Дьюк, и старайся не мешаться под ногами. Впрочем, нет, лучше забирайся на верхнюю койку.

— А где ты будешь спать?

— Я лягу последним. Мне нужно кое-что обдумать. Джо, играть будешь?

— Сэр, я не горю желанием играть сейчас в карты.

— Пытаешься поставить меня на место?

— Отнюдь нет, сэр.

— Не стоит, Джо. Предлагаю тебе трубку мира. Всего лишь один роббер. Сегодня выдался трудный денек.

— Благодарю. Я все-таки предпочел бы не играть.

— Черт возьми, Джо! Неужели мы будем дер-

жать обиду друг на друга? Вчера вечером Дьюку, например, пришлось куда хуже, чем тебе сегодня. Его-то ведь чуть было не вышвырнули в радиоактивный ад, а не отправили порезвиться с игривыми мишками, как тебя. Разве он обиделся?

Джо опустил глаза, почесал Доктора Ливингстона за ухом. Потом внезапно вскинул голову и улыбнулся:

— Один роббер. И я оберу тебя до нитки.

— Черта с два! Барби! Будешь четвертой?

— С удовольствием!

Джо выпало играть в паре с Карен. Он разобрал карты и угрожающе произнес:

— Ну, теперь держитесь!

— Следи за ним, Барби.

— Хочешь побочную ставку, па?

— А что ты мне можешь предложить?

— Ну… хотя бы мое юное тело.

— Не пойдет, чересчур толстовато.

— Ты просто ужасно несправедлив ко мне! Я не толстая, а пикантно пухленькая. Ну ладно, а как насчет моей жизни, судьбы и девичьей чести?

— И что ты за все это хочешь?

— Браслет с бриллиантами.

Барбара с удивлением заметила, что на сей раз

Хью играет из рук вон плохо: он то и дело обсчитывался, часто сбрасывал не в масть. Она поняла, что Хью еле жив от усталости, милый, бедняжка! Видно, кому-то придется прижать и его, не то он просто убьет себя, пытаясь в одиночку вынести груз на своих плечах.

Через сорок минут Фарнхэм написал долговую расписку на бриллиантовый браслет, и они стали укладываться спать. Хью с удовлетворением заметил, что Джо разделся и нагишом лег на нижнюю койку. Именно так, как ему и было велено. Дьюк, тоже голый, растянулся на полу. В убежище было жарко: такая груда железобетона не могла быстро остыть, а воздух снаружи перестал поступать, как только закрыли крышкой люк. С духотой не справлялись даже вентиляционные отверстия. Хью отметил про себя, что нужно придумать какую-нибудь решетку, которая бы не впускала внутрь медведей и не выпускала наружу кота. Но все это потом, потом…

Он взял фонарик и вошел в кладовую.

Книги снова были кем-то расставлены по полкам, кроме тех, которые еще лежали раскрытыми для просушки. Он задумчиво перелистал несколько штук, искренне надеясь, что вред им причинен небольшой.

Последние книги на свете… Похоже на то, во всяком случае.

Он вдруг почувствовал такую жалость, которой не испытывал даже при абстрактной мысли о гибели миллионов людей. Каким-то образом сожжение миллионов книг казалось ему событием более страшным и делом более жестоким, чем убийство людей. Все люди рано или поздно умирают. Смерть ни для кого не делает исключения. Но книга не должна умирать, и грешно убивать ее, ведь книги были бессмертной душой человечества. Сжигатели книг учинили зверство над беззащитными и не ожидавшими удара книгами.

Книги всегда были его лучшими друзьями. Они учили его всему на свете в сотнях публичных библиотек. Купленные в газетных киосках, они согревали его в момент одиночества. Внезапно он почувствовал, что, если бы ему не удалось сохранить некоторые из них, жизнь потеряла бы для него смысл.

Бóльшую часть библиотеки он собрал ради практической пользы: «Британская энциклопедия»… Грейс считала, что лучше на это место водрузить телевизор: «Ведь их потом, возможно, будет трудно купить». Объемистость энцикло-

педии его тоже не совсем устраивала, но это издание являлось самым компактным хранилищем знаний из всего того, что мог предложить рынок. Книга Че Гевары «Партизанская война» — слава богу, что она им не понадобится! Да и соседние с ней: справочник Янки Леви о методах Сопротивления, книга «О партизанской войне» Мао Цзэдуна в переводе Гриффита и книга Тома Уинтрингема «Новые способы ведения войны» (пособие для войск специального назначения) — можно забыть!

Я не хочу воевать,

Я не пойду воевать,

Мне не нужна война опять![12] —

вспомнил он.

«Настольная книга бойскаута», «Справочник по конструированию» Эйшбаха, «Пособие по ремонту радиоаппаратуры», «Охота и рыболовство», «Съедобные грибы и как их распознать», «Домоводство в колониальную эпоху», «Ваш загородный дом: печи и трубы», «Поваренная книга бродяги», «Медицина без докторов», «Пять акров

[12] Примечания: 12

Слова из «Down by Riverside», негритянского спиричуэла позапрошлого века. — *Примеч. С. В. Голд.*

и независимость», самоучитель русского языка, русско-английский и англо-русский словари, справочник растений, «Пособие по выживанию», разработанное отделом ВМФ, «Техника выживания» штаба ВВС, «Практическое пособие по плотницкому делу» — все известные ему книги, точнее, самые практичные и дешевые.

«Антология английской поэзии» оксфордского издания, «Сокровища американской поэзии», «Книга игр» Хойла, «Анатомия меланхолии» Бертона, его же «Тысяча и одна ночь», старая добрая «Одиссея» с иллюстрациями Вайета, полное собрание стихотворений Киплинга и его «Сказки просто так», однотомник Шекспира, молитвенник, Библия, «Занимательная математика», «Так говорил Заратустра», «Учебник старого опоссума по котоведению» Т. С. Элиота, «Человек и море» Р. Фроста…

Жаль, что ему не хватило времени собрать всю художественную литературу, как он планировал. И особенно жаль, что нет здесь произведений Марка Твена, — для них он нашел бы место. Как жаль, что…

Поздно, слишком поздно. Его скромная библиотека — это все, что осталось от некогда могучей культуры. «Верхушка башни окунулась в обла-

ка…»

Он очнулся и понял, что заснул стоя. Зачем он пришел сюда? Что-то важное… Ах да! Дубление кожи. Кожа! Барбара ходит босая. Нужно сделать ей мокасины. Наверное, самое лучшее — заглянуть в «Британнику» или в томик «Домоводства в колониальную эпоху».

Нет, слава богу, соль не нужна. «Найдите дуб…» — впрочем, лучше, если Барбара сама найдет его, это заставит ее ощутить себя полезной. И для Джо нужно подыскать какое-нибудь дело, которое только он один будет способен довести до конца. Пусть бедняжка потешится общим восхищением, почувствует, что действительно нужен всем. Что его любят. Главное — не забыть…

Хью с трудом дошел до главной комнаты, взглянул на верхнюю койку и понял, что не испытывает ни желания, ни сил забираться на нее. Он улегся на одеяло, на котором они играли в карты, и мгновенно заснул.

5

К завтраку Грейс не вышла. Девушки быстро покормили мужчин и остались, чтобы вымыть посуду и прибраться. Дьюк отправился на охоту, взяв с собой кольт сорок пятого калибра и охотничий лук. Он сам так решил: стрелы можно собрать или сделать новые, а пули пропадали безвозвратно. Дьюк несколько раз выстрелил из лука и пришел к выводу, что его плечо в норме.

Он сверил часы и договорился, что если его не будет к трем часам, то возле убежища зажгут дымный костер.

Хью велел девушкам вынести на солнце все книги, которые хоть немного отсырели, а затем, вооружившись киркой и лопатой, принялся вгрызаться в землю. Джо хотел было помочь, но Хью категорически отказался от всякой помощи.

— Слушай, Джо, ведь нужно сделать тысячу дел. Пожалуйста, займись ими. И никакой тяжелой работы.

— Что бы мне такое сделать?

— Ну, например, составь инвентарные списки. Помоги Дьюку в учете всего, что невозможно восстановить. По ходу дела у тебя будут возникать

разные соображения, записывай их. Посмотри по книгам, как изготовляются мыло и свечи. Проверь оба дозиметра. Только возьми оружие и будь начеку. Следи, чтобы девицы не выходили невооруженными. Черт побери, да хоть придумай, как устроить канализацию и водопровод без труб, унитазов, свинца и цемента.

— Разве такое возможно?

— Но ведь кто-то же сделал это первым! И объясни этому хвостатому надсмотрщику, что помощники мне не нужны.

— Хорошо. Док, иди сюда! Сюда, сюда!

— Да, и еще, Джо. Можешь предложить девушкам свои услуги в качестве охраны, пока они купаются. Смотреть на них при этом необязательно.

— Хорошо. Но только я скажу им, что это не мое предложение. Я не хочу, чтобы они думали…

— Послушай, Джо. Эти девушки — пара нормальных, здравомыслящих, злых на язычок американских девчонок. Можешь им говорить что угодно, они все равно будут уверены, что ты подглядываешь. Ведь основой их мировоззрения является чувство собственной неотразимости. Так что, по их понятиям, мужчина просто не может не подсматривать за ними. Так что не

будь слишком убедительным, ты оскорбишь их чувства.

— Кажется, я понял, — сказал Джо и удалился.

Хью начал копать, думая при этом, что он-то никогда не упускал случая в таких делах — если его не могли застукать. Но этот неисправимый питомец воскресной школы, вероятно, и на обнаженную леди Годиву[13] постеснялся бы взглянуть. Хороший парень — а воображения ни на грош. Правда, положиться на него можно полностью. Досадно, что пришлось обойтись с ним так круто прошлым вечером…

Очень скоро Хью понял, что его худшие опасения подтвердились: работать без тачки оказалось невозможно. Он пришел к такому заключению, не успев еще выкопать достаточно большой ямы. Трудиться без всякой механизации было, конечно, тяжело, но таскать землю в ведрах было просто оскорблением здравого смысла!

Тем не менее он начал выносить землю вручную, напряженно думая при этом, как соорудить колесо, не имея металла, паяльного инструмента,

---

[13] Примечания: 13

Леди Годива, графиня Ковентри, на спор проехала по улицам города обнаженной, чтобы избавить подданных от непосильных податей, наложенных ее супругом Леофриком, графом Мерси и лордом Ковентри. — *Примеч. ред.*

мастерской, плавильной печи — одним словом, ничего…

Постой-постой… Ведь есть стальные баллоны. Койки сделаны с применением металлических полос, а в корпусе перископа имеется ковкое железо. Уголь можно получить из дерева, а меха — это просто шкуры животных да каркас из веток. Вот так-то! А идиот, который при наличии всего этого не сумеет сварганить колесо, простотаки заслуживает того, чтобы таскать землю на собственном горбу.

Вокруг него растут тысячи деревьев… Например, в Финляндии больше ничего и нет, кроме деревьев. А все же Финляндия — самая симпатичная маленькая страна в мире…

— Док, брысь из-под ног!

…Конечно, если только Финляндия еще существует.

Девушкам, должно быть, понравится финская баня, где они могли бы попариться, взвизгивая от удовольствия, и снова почувствовать себя нормальными людьми. Бедняжки, больше они никогда не увидят ни парикмахерских, ни салонов красоты. Может быть, хоть сауна послужит для них утешением. Да и Грейс, наверное, не прочь будет помыться. Вдруг в парилке спадет с

нее нынешняя одутловатость и она снова станет стройной? Какой она раньше была красавицей!..

Показалась Барбара с лопатой.

— Где ты ее взяла? И что собираешься делать?

— Это лопата, которой работал Дьюк. Я собираюсь копать.

— Босиком? Ты с ума со… Ба, да на тебе ботинки!

— Это ботинки Джо. И джинсы тоже его. А рубашка Карен. Где мне начинать?

— Вот тут, чуть подальше. Если встретится валун тяжелее пятисот фунтов — зови на помощь. Где Карен?

— Купается. А я решила пропотеть посильнее, а потом помыться поосновательнее.

— Мойся, когда захочешь. И не вздумай работать здесь полный день. Тебе это не под силу.

— Мне нравится работать с тобой, Хью. Почти так же, как и… — Она не договорила.

— Как играть в бридж?

— Да, как играть в бридж на пару с тобой. Да, можно сказать и так. Тоже.

— Барби, девочка моя…

После этого он почувствовал, что и копать можно с удовольствием. Дайте разуму отдыхать, а мышцам — тренировку. Отличное занятие. Он

слишком долго обходился без этого.

Барбара работала уже с час, когда из-за угла появилась миссис Фарнхэм.

— Доброе утро! — Барбара добавила по лопате земли в каждое из ведер, подняла их наполненными наполовину и исчезла за углом.

Грейс Фарнхэм обратилась к мужу:

— Ага! А я-то все думала, куда это ты запропастился. Все меня бросили. Ты понимаешь? — Она была в том же наряде, в котором спала. Ее лицо опухло от сна.

— Просто тебе дали возможность отдохнуть, дорогая.

— Думаешь, приятно просыпаться в одиночестве в незнакомом месте? Я к этому не привыкла.

— Грейс, никто не хотел тебя обидеть. О тебе просто позаботились.

— Это называется забота? Ладно, не будем больше об этом.

— Хорошо.

— А ты и рад. — Заметно было, что она старается взять себя в руки. Затем она спросила напрямик: — Может быть, ты все-таки прервешься ненадолго и сообщишь мне, куда спрятал мою выпивку? Мою! Мою долю. Я бы и не подумала

прикоснуться к твоей, после того как ты так обошелся со мной. На глазах у слуг и посторонних людей к тому же!

— Грейс, тебе придется поговорить с Дьюком.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Все спиртное находится в ведении Дьюка. И я не знаю, где он держит его.

— Ты лжешь!

— Грейс, за двадцать семь лет я не солгал тебе ни разу.

— О! Какой ты все-таки жестокий!

— Возможно. Но я не лжец, и в следующий раз, когда ты позволишь себе обвинить меня во лжи, тебе это даром не пройдет.

— Где Дьюк? Он не позволит тебе разговаривать со мной в таком тоне! Он обещал мне это!

— Дьюк ушел на охоту. Намеревался вернуться к трем часам.

Она некоторое время молча смотрела на него, потом резко повернулась и бросилась за угол.

Тут же появилась Барбара, взяла лопату, и они продолжили работу.

— Мне очень жаль, что ты стала невольной свидетельницей этого разговора, — сказал Хью.

— Какого?

— Если только ты не отходила отсюда более

чем на сто ярдов, то сама знаешь какого.

— Хью, это не мое дело.

— В нынешних обстоятельствах всем до всего должно быть дело. Теперь ты составила плохое мнение о Грейс.

— Хью, да мне и в голову никогда бы не пришло критиковать твою жену.

— Тем не менее у тебя складывается какое-то впечатление о людях. Я хочу, чтобы твое представление о Грейс не было поверхностным. Представь себе, какой она была двадцать пять лет назад. Вспомни Карен.

— Должно быть, Карен очень похожа на нее?

— Да, похожа, но Карен никогда не отличалась ответственностью. На Грейс же всегда во всем можно было положиться. Я находился на действительной службе — офицерский чин я получил только после Перл-Харбора. Ее родители были, что называется, добропорядочными бюргерами. И они вовсе не желали, чтобы их дочь вышла замуж за нищего солдата.

— Еще бы!

— А она все же вышла. Барбара, ты даже представить себе не можешь, что значило в те дни быть женой молодого парня, призванного в армию! При полном отсутствии денег. Родители

Грейс хотели, чтобы она вернулась домой, но не присылали ей ни гроша, пока она находилась со мной. Грейс не бросила меня.

— Она молодец.

— Да. Учти притом, что до этого ей никогда не приходилось жить в одной-единственной комнате, пользоваться общей с другими жильцами ванной, сиживать в приемных покоях военно-морских госпиталей. Экономить буквально на всем. Оставаться совершенно одной, пока я был в море. Молодая и красивая женщина могла бы найти себе кучу развлечений в Норфолке, а она вместо этого нашла себе работу в прачечной — сортировать грязное белье. И все же, когда бы я ни приехал на побывку, она была неизменно красива, жизнерадостна и ни на что не жаловалась. Александр родился на второй год…

— Александр?

— Дьюк. Его назвали в честь дедушки по материнской линии и крестили без меня. Ее родители после рождения внука пошли на попятную: теперь они были согласны принять меня в свою семью. Но Грейс не растаяла и так никогда и не взяла от них ни цента. Она снова устроилась на работу, а с ребенком целыми днями нянчилась наша квартирная хозяйка.

Эти годы были самыми тяжелыми. По службе я продвигался довольно быстро, и деньги уже не были такой проблемой. Началась война, я был произведен из старшин в младшие лейтенанты, а закончил ее лейтенантом-коммандером у «морских пчелок»[14]. В сорок шестом мне пришлось выбирать: снова переходить в старшины или увольняться в запас. С согласия Грейс я стал гражданским и оказался на берегу, без работы, но с женой, с сыном, посещавшим начальную школу, и трехлетней дочерью. Жить нам пришлось в трейлере. Была безумная инфляция, и цены непрестанно росли. Все, что мы имели, — это несколько облигаций военного времени.

Настал второй тяжелый период нашей жизни. Я ввязался в подряды, потерял на этом все сбережения, после чего мне пришлось устроиться на работу в водопроводную компанию. Мы не голодали, хотя подчас приходилось варить суп из топора. Грейс все невзгоды переносила очень мужественно: трудолюбивая домохозяйка, активный член местной ассоциации родителей и преподавателей, а самое главное — всегда оптимистично настроенная.

---

[14] Примечания: 14

«Морские пчелки» — инженерно-строительные части ВМФ США. — *Примеч. С. В. Голд.*

Вскоре я стал начальником в строительной компании. Поскольку я когда-то занимался подрядами, через некоторое время я решил еще раз попробовать свои силы в этой области бизнеса. На сей раз мне повезло. Кое-как я наскреб с мира по нитке и ухитрился построить дом. Продал его еще до окончания строительства и тут же построил еще два. С тех пор удача не покидала меня.

Лицо Хью Фарнхэма стало задумчивым.

— Вот тут-то она и стала сдавать. Когда мы наняли прислугу. Когда стали держать в доме спиртное. Мы не ссорились — мы вообще никогда не ссорились, если не считать вопроса о воспитании Дьюка, которого я хотел вырастить в строгости, а Грейс не выносила рукоприкладства по отношению к мальчику.

Она стала опускаться именно тогда, когда я стал делать деньги. Пережить процветание ей было не под силу. Она привыкла выкручиваться в неблагоприятных обстоятельствах и, когда мы разбогатели, ощутила себя не у дел. Но я все же надеюсь, что ей удастся перебороть себя.

— Конечно, Хью.

— Надеюсь.

— Я рада, что ты рассказал мне о ней, Хью. Теперь я буду лучше понимать ее.

— Черт возьми, в этом нет никакой нужды. Я просто хотел, чтобы ты знала: эта толстая, глупая и эгоистичная женщина — не вся Грейс и в том, что она покатилась по наклонной плоскости, — не только ее вина. Со мной не так просто ужиться, Барбара, как ты думаешь.

— Вот как?

— Да! Когда я получил возможность отойти от дел, я не оставил свой бизнес. Я позволил себе задерживаться в конторе вечерами. А когда женщина часто остается одна, она может начать с лишнего бокала пива перед телевизором, пока идет реклама, потом выпить еще один, и еще… Впрочем, все равно, если бы я даже и бывал по вечерам дома, то посвятил бы свой досуг чтению. Но я не только ушел в бизнес с головой, я вступил в местный бридж-клуб. Сначала она посещала его, но скоро перестала. Она неплохо играла, но без энтузиазма, а мне нравится бороться за каждое очко. Я не могу ее критиковать за это — нет никакой добродетели в том, чтобы бороться за выигрыш, будто это вопрос жизни и смерти. Метод Грейс лучше, а если бы и я тоже был поспокойнее… ну, возможно, она не стала бы такой, как сейчас.

— Чепуха!

— Что?

— Хью Фарнхэм! Никто не виноват в том, кем становится человек. Убеждена, что это так. Я являюсь такой, какая есть, потому что сама пожелала этого. То же и с Грейс. И с тобой. — И уже тише она добавила: — Я люблю тебя. И судьба Грейс — не твоя вина. И ни в чем из того, что мы сделали, твоей вины нет. Я просто слышать не могу и не хочу, как ты бьешь себя в грудь и причитаешь: «Mea culpa!»[15] Ты не приписываешь себе в заслугу достоинства Грейс. Зачем же брать на себя вину за ее недостатки?

Он заморгал и улыбнулся:

— Семь без козыря.

— Вот так-то лучше.

— Я тебя люблю. Считай, что я тебя поцеловал.

— Я тебя тоже. Большой шлем. Внимание, сюда идут копы, — вдруг сказала она уголком рта.

Это оказалась Карен, чистая, сверкающая, с расчесанными волосами, накрашенными губами и улыбающаяся.

— Какое вдохновляющее зрелище! — воскликнула она. — Может быть, несчастные рабы желают корочку хлеба и глоток воды?

---

[15] Примечания: 15
«Моя вина!» *(лат.). — Примеч. ред.*

— Скоро захотим, — согласился отец. — А пока не слишком перегружай эти ведра, а то не донесешь.

Карен попятилась:

— Но я не вызывалась работать с вами!

— Ладно, не будем формалистами.

— Но, папа, я ведь только что помылась!

— А что, разве ручей пересох?

— Папа! Я уже приготовила ланч. На свежем воздухе. А вы слишком грязные, чтобы появляться в моем хорошеньком, чистеньком домике.

— Ты права, детка. Пошли, Барбара. — Он поднял ведра.

К ланчу миссис Фарнхэм не вышла. Карен передала ее заявление, что она решила поесть в убежище. Хью не стал вмешиваться: и так, когда вернется Дьюк, предстоит вынести черт-те что.

— Хью… я вот насчет канализации… — нерешительно начал Джо.

— Есть какие-нибудь соображения?

— Кажется, я придумал, как получить проточную воду.

— Если у нас будет водопровод, я гарантирую, что обеспечу нас сантехникой.

— Папа, правда? Я знаю, чего мне хочется. Облицовку цветным кафелем. Лучше цвета лаванды, я

думаю. И туалетный столик с…

— Помолчи, детка. Так что же ты придумал, Джо?

— Я вспомнил римские акведуки. Ручей стекает с возвышенности, так что наверняка какой-нибудь его участок расположен выше убежища. Насколько я помню, римские акведуки были беструбными. Вода по ним текла под открытым небом.

— Понимаю. — Фарнхэм обдумывал идею. В сотне ярдов выше по течению был небольшой водопад. Возможно, чуть подальше найдется нужная высота. — Но ведь это означает массу строительных работ, будь то сухая кладка или раствор из грязи. И для каждой арки еще понадобится рама.

— А может, мы просто выдолбим половинки стволов? И укрепим их на опорах из бревен?

— Можно и так. — Хью подумал, затем добавил: — Но можно и еще проще, таким образом мы убьем сразу двух зайцев. Барбара, какова эта местность?

— Не поняла…

— Ты сказала, что здесь субтропики. А ты можешь определить, какое сейчас время года? И чем грозит смена сезона? Я вот к чему клоню:

нужна ли нам ирригация?

— Господи, Хью, я понятия не имею.

— Подумай хорошенько.

— Ну, — она оглянулась, — не думаю, чтобы тут когда-нибудь свирепствовали морозы. Будь у нас вода, мы могли бы снимать урожай круглый год. Это не тропический дождевой лес, иначе подлесок был бы гораздо гуще. Похоже, что здесь дождливые периоды сменяются засушливыми.

— Но наш ручей не пересыхает: в нем много рыбы. Где ты собираешься разбить огород?

— Может быть, на той поляне, немного ниже по течению, к югу? Правда, придется выкорчевать там несколько деревьев и довольно много кустов.

— Деревья и кусты — не проблема. Джо, пошли прогуляемся. Я возьму ружье, а ты захвати свой сорок пятый. Девочки, не выкапывайте столько, чтобы вас завалило. Нам будет очень не хватать вас.

— Папа, я думала немного вздремнуть.

— Отлично! В процессе работы обдумай этот вопрос как следует.

Хью и Джо стали пробираться вверх по ручью.

— Что ты придумал, Хью?

— Канаву с постоянным наклоном к убежищу.

Мы должны подвести ее к вентиляционному отверстию на крыше. Если нам это удастся, значит все в порядке. Тогда у нас будет нормальный туалет, проточная вода для приготовления пищи и мытья посуды. И для огорода, причем она будет течь с места настолько высокого, что ее можно будет отвести, куда только пожелает Барбара. Но самым главным удовольствием и роскошью для наших женщин станет возможность с удобствами мыться и нормально мыть посуду. Мы освободим хранилище и устроим там ванную и кухню.

— Хью, как ты собираешься подвести воду — я понял. Но ведь не может она просто стекать вниз через вентиляционное отверстие? Нужно сделать что-то вроде трубы.

— Я еще не обмозговал детали, но мы обязательно устроим все как надо. Туалет с бачком нам не осилить, значит придется сделать такой, в котором постоянно течет вода. Подобные туалеты — обычное дело на военных кораблях. Там это просто: доска с небольшим стульчаком. Вода стекает под доску с одной стороны и вытекает с другой. Мы пустим ее через лаз, а затем подальше от дома отведем. Ты нигде не встречал глину?

— Ниже по течению в одном месте берег гли-

нистый. Карен еще пожаловалась, что очень скользко. Из-за этого она купалась выше по течению — там песчаный пляжик.

— Потом пойду взгляну. Если мы сможем обжигать глину, то обзаведемся очень многими вещами: унитазом, раковиной, посудой, трубами. Построим печь для обжига из сырой глины и будем использовать ее и для приготовления пищи, и для гончарных дел. Но глина — дело второе, она только облегчает задачу. Вода — вот настоящее золото. Недаром все цивилизации возникли близ воды. Джо, мне кажется, мы забрались достаточно высоко.

— Может, поднимемся еще повыше? Обидно будет, если придется копать канаву длиной в двести метров.

— Гораздо длиннее.

— Тем более. Выкопаем, а потом увидим, что она проходит слишком низко и ее не провести на крышу.

— Мы сначала все обследуем.

— Обследуем? Хью, ты шутишь! У нас нет никаких геодезических инструментов, даже обычного ватерпаса. При взрыве в нем разбилось стекло. И у нас нет ни треноги, ни теодолита, вообще ничего!

— Египтяне обмеряли свои земли, имея еще меньше, Джо. Не важно, что у нас нет уровня. Мы сделаем его.

— Ты смеешься надо мной, Хью?

— Ничего подобного. Древние механики делали эти нехитрые приборы задолго до того, как их стала производить промышленность. Мы соорудим обычный отвес. Он похож на перевернутую букву «Т», к которой прикреплен шнурок с грузом, отмечающий вертикаль. Лучше сделать его шести футов в длину и шести в высоту, чтобы уменьшить погрешность. Придется разобрать одну из коек на доски. Работа легкая, но требующая аккуратности. Ты как раз и займешься этим, пока заживают твои ребра. А девицы пусть трудятся на выемке грунта.

— Ты мне только начерти этот злосчастный прибор, а уж сделать-то я его сделаю.

— Когда выровняем убежище, мы поставим эту штуку на крышу и с ее помощью найдем точку ручья, которая на той же высоте. Когда выровняем убежище, сразу же проведем воду. Правда, пока мы будем рыть канаву, по пути нам придется убрать пару деревьев. Надеюсь, никаких других трудностей не возникнет. Не дрейфь, Джо! Все будет нормально!

— Непыльная работенка, да?

— Непыльная, но потная. Если за день мы будем делать футов по двадцать неглубокой канавы, то вода для орошения появится у нас как раз к началу сухого сезона. Ванна может подождать. Девочки будут рады уже и тому, что она должна будет появиться в перспективе. Джо, мне кажется, отвод нужно делать здесь. Понимаешь почему?

— А что здесь понимать?

— Чтобы перегородить ручей, мы срубим вон те два дерева. Потом навалим в их кроны кустов и грязи — всего, что попадется под руку, — и получим отличный пруд. Нужно было бы сделать шлюз, — добавил Хью, — но я пока не знаю как. Да, решение одной проблемы неизбежно ведет к возникновению следующих. Проклятье!

— Хью, ты пытаешься пересчитать цыплят еще до наступления осени.

— Пожалуй, что и так… Ладно, пошли посмотрим, много ли девицы накопали, пока мы валяли дурака.

Выкопали за время их отсутствия немного. Вернувшийся с охоты Дьюк принес небольшого оленя. Девушки теперь безуспешно пытались освежевать его. Карен с ног до головы была забрызгана кровью.

Они оторвались от своего занятия, заметив, что мужчины возвратились. Барбара вытерла пот со лба, испачкав его при этом кровью.

— Никогда бы не подумала, что внутри у него столько всего.

— И оно такое гадкое, — вздохнула Карен.

— Так это еще очень маленький олень.

— Сами видим. Папа, покажи нам, как это делается. Мы хотим поучиться.

— Я? Но я занимался спортивной охотой. А всю грязную работу обычно делал егерь. Впрочем… Джо, дай-ка мне вон тот маленький топорик.

— Сейчас. Я как раз вчера наточил его. Он очень острый.

Хью разрубил тушу и извлек внутренности, в душе порадовавшись, что девушки не успели проткнуть кишечник.

— Ну вот и все. Остальное — ваша забота. Барбара, если бы ты сумела снять шкуру, то вскоре могла бы уже щеголять в ней. Ты не видела поблизости дубов?

— Только карликовой формы. И еще сумах[16].

---

[16] Примечания: 16

Сумах — род деревьев и кустарников, растущих в Америке, Африке и Азии и богатых дубильными веществами. Некоторые виды употребляются как приправа в пищу. — *Примеч. ред.*

Ты ломаешь голову, как получить танин?[17]

— Да.

— Я знаю, как извлечь его из коры.

— Тогда ты, видимо, знаешь о дублении больше меня. Признаю свое поражение. На всякий случай: в книгах есть описание процесса.

— Это нам известно. Я уже туда заглядывала. Док! Не смей ничего трогать!

— Он не будет есть, — заверил ее Джо, — особенно если это что-то вредное. Коты очень разборчивы в еде.

Пока разделка туши продолжалась, из убежища появились Дьюк с матерью. Миссис Фарнхэм была в хорошем настроении, но здороваться ни с кем не стала и уставилась на оленью тушу.

— О, бедняжка! Дьюк, дорогой, как ты мог убить его?

— Я несколько раз промахивался и потому очень разозлился на него.

— Отличная добыча, Дьюк, — похвалил Хью. — И прекрасная еда.

Грейс смерила мужа презрительным взглядом:

— Может быть, ты и станешь есть ее, а я на это

---

[17] Примечания: 17

Танин — фенольное соединение, содержащееся во многих растениях; применяется для дубления кожи, протравливания тканей и в медицине в качестве вяжущих средств. — *Примеч. ред.*

не способна.

Карен изобразила искреннее удивление:

— Мама, ты что, стала вегетарианкой?

— Я не это имела в виду. Я возвращаюсь в убежище. Не могу больше этого видеть. Карен, прежде чем заходить внутрь, обязательно помойся. Я не желаю, чтобы ты перепачкала кровью все то, что я вылизала до блеска. — Она направилась к убежищу. — Пошли, Дьюк.

— Сейчас иду, мама.

Карен со злостью рубанула тушу.

— Где ты подстрелил ее? — поинтересовался Хью.

— На той стороне гряды. Я бы вернулся еще раньше.

— Что же тебя задержало?

— Да промахнулся и расщепил стрелу о валун. Охотничья лихорадка. Ведь последний раз я стрелял из лука много лет назад.

— Две стрелы и одна туша — это совсем неплохой результат. Ты сохранил наконечник?

— Конечно, а что, я похож на глупца?

— Ты-то нет, а вот из меня точно сделали дурочку, — сказала Карен. — Братишка, ведь это я навела порядок в убежище. Если мать что-то и убрала, то только за собой.

— Я знаю.

— Бьюсь об заклад: как только мать учует запах жаркого, она сразу передумает.

— Ладно, не надо об этом.

Хью отошел в сторону, сделав знак Дьюку следовать за собой.

— Я рад, что Грейс выглядит довольной и умиротворенной. Видимо, ты успокоил ее…

Дьюк смутился:

— Понимаешь, ты ведь сам говорил, что сразу лишать ее нельзя… Я дал ей совсем немного, только одну порцию, и пообещал, что разрешу выпить еще одну перед обедом.

— Кажется, этого вполне достаточно.

— Лучше бы мне пойти за ней. Ведь бутылка осталась там, внутри.

— Пожалуй.

— О, не беспокойся! Я взял с нее честное слово. Ты просто не умеешь с ней обращаться, папа.

— Это верно. Не умею.

6

Из дневника Барбары Уэллс

Я вывихнула лодыжку и поэтому ходить не могу. На досуге я решила заняться дневником. Вообще-то, стенографические записи я делаю каждый вечер, но расшифрованы из них пока очень немногие.

Пишу я на чистых листах «Британники» — их в конце каждого тома по десять страниц. А всего энциклопедия насчитывает двадцать четыре тома. На каждой странице я постараюсь умещать по тысяче слов. Таким образом, у меня будет место для двухсот сорока тысяч слов — вполне достаточный объем для записи нашей истории до тех пор, пока мы сами не научимся делать бумагу, особенно потому, что рукописный вариант я подвергаю строгой цензуре.

Потому что мне некому поплакаться в жилетку, а девушке это порой так необходимо! Этот стенографический вариант — заодно и мой дневник, который никто, кроме меня, прочесть не сможет, потому что Карен действительно полный профан в стенографии (в чем она сама честно

призналась).

Хотя, быть может, Джо знаком со стенографией. Ведь ее наверняка преподают в экономических колледжах. Но Джо — настоящий джентльмен и никогда не станет читать чужой дневник без разрешения. Мне нравится Джозеф. Его доброта не напускная. Я уверена, что он в душе переживает очень многое, но никогда не позволяет себе говорить об этом вслух. Его положение здесь так же ненормально, как и мое, только оно гораздо более тяжелое.

Грейс, кажется, перестала посылать его туда-сюда, что, впрочем, не мешает ей теперь гонять за каждой мелочью нас. Хью тоже отдает распоряжения, но всегда для общего блага. Да и не так уж часто он распоряжается: мы уже вжились в обстановку и погрязли в рутине. Я — фермер и решаю самостоятельно, чем заниматься. Дьюк снабжает нас мясом и помогает мне, когда не охотится. Карен в доме делает все, что считает нужным. Хью запланировал свою работу, кажется, уже столетия на два вперед. Джо ему помогает.

Грейс же своей обязанностью считает донимать всех своими капризами. Обычно мы потакаем им — так легче. Она живет по-своему, и особенностью ее образа жизни является то, что она

старается причинить окружающим как можно больше беспокойства и неприятностей.

Миссис Фарнхэм уже прикончила львиную долю спиртного. Сама я к нему равнодушна и, слава богу, пока в нем не нуждаюсь. Но, находясь в приятной компании, я не прочь пропустить глоток-другой, хотя при этом меня преследует мысль, что это не мое виски, а Хьюберта.

Грейс разделалась со своей долей в три дня. Ту же участь она уготовила доле Дьюка. Как оказалось, виски ожидал скорый конец. И вот осталось только кварта бурбона, которую мы назвали «медицинской». Грейс выследила Дьюка, узнала, где он закопал ее, и извлекла бутылку. Когда Дьюк вернулся домой, он обнаружил, что мать отключилась, а бутылка валяется рядом пустая.

Следующие три дня были каким-то кошмаром. Грейс кричала. Она плакала. Она грозила покончить жизнь самоубийством. Хью и Дьюк объединились, и один из них всегда находился подле нее. Хью заработал огромный фингал под глазом, а на симпатичном лице Дьюка было полно царапин. Думаю, что им пришлось накачивать ее витамином B_1 и кормить силой.

На четвертый день она просто лежала на койке. На пятый встала и выглядела почти нормально.

Но за обедом она заявила как о чем-то общеизвестном, что русские начали войну как раз потому, что Хью построил убежище.

Она не казалась рассерженной этим, скорее, в ее словах было смирение. В конце концов миссис Фарнхэм заключила, что война скоро закончится и мы все вернемся домой.

Никто не спорил с ней. К чему? Кажется, ее помешательство безобидно. К удивлению, она наконец безропотно приступила к выполнению обязанностей повара, правда еще вопрос, лучше ли она готовит, чем Карен. Пока она больше ведет разговоры о том, какие замечательные блюда могла бы приготовить, будь у нее то-то и то-то. Карен, как и раньше, много работает и временами так злится, что кричит даже на меня, а потом ходит сама не своя.

Дьюк постоянно напоминает ей о том, что она должна быть более терпимой.

Мне не следует задевать Дьюка: возможно, он станет моим мужем. То есть я хочу сказать, кто же еще может им стать? Я нормально переношу его, но не представляю, как буду относиться к Грейс в качестве свекрови. Дьюк очень мил и всегда заботится обо мне и Карен. Поначалу он все ссорился с отцом (мне казалось это очень глупым),

но теперь они уживаются более чем мирно.

Да, пожалуй, в этих краях он — завидная партия.

Что касается меня, то я совершенно не тороплюсь устраивать свою судьбу, хотя и против ничего не имею. Правда, я один раз уже обожглась… Но Хью считает, что род человеческий должен продолжаться. Что ж, вполне возможно.

(Полигамия? Я согласна! Даже если Грейс будет старшей женой. Но меня никто не спрашивает об этом. Да я и не уверена, что Грейс это понравилось бы. Мы с Хью не обсуждаем таких вещей и вообще стараемся не прикасаться друг к другу и не оставаться наедине, а я больше не строю ему глазки. Кончено.)

Вся беда в том, что, хотя мне и нравится Дьюк, между нами не вспыхивает искра. Поэтому я инертна и стараюсь избегать обстоятельств, при которых он может ущипнуть меня за задницу. Будет просто очаровательно, если я как-нибудь в одну из ночей после нашей свадьбы, будучи до предела раздраженной поведением его матери и его попустительствам ей, заявлю ему, что он и наполовину не тот мужчина, каким является его отец.

Нет, такого не должно случиться. Дьюк не за-

служивает подобного обращения.

Джо? Мое восхищение им совершенно искреннее, и у него нет проблем с матерью.

Джо — первый негр, с которым мне удалось познакомиться поближе, и впечатления от этого знакомства у меня наилучшие. Он лучше меня играет в бридж, я даже подозреваю, что он вообще умнее меня. Он очень чистоплотен и никогда не появляется в убежище, не вымывшись. О, конечно, после дня тяжелой работы от него воняет как от козла. Но ведь и от Дьюка разит, а от Хью еще сильней. Я вообще не верю в эти слухи о специфическом «мускусе ниггеров».

Вы когда-нибудь были в грязной дамской комнате? Женщины воняют хуже мужчин.

С Джо та же беда, что и с Дьюком. Не хватает искры. К тому же он застенчив и вряд ли осмелится ухаживать за мной. Одним словом, Джо отпадает.

Но он мне нравится… как мог бы нравиться младший брат. Он всегда готов оказать помощь. Именно он, как правило, охраняет нас с Карен во время купания, и всегда приятно знать, что Джо начеку. Дьюк уже убил пять медведей, а одного убил Джо — как раз когда охранял нас. Он выпустил в него три пули. Медведь упал у

самых его ног, но наш верный страж не отступил ни на шаг.

Между купаниями мы отдыхаем на берегу, и, кажется, наше бесстыдство огорчает Джо больше, чем медведи, волки, койоты, пумы… или кошка, рассмотрев которую, Дьюк заявил, что это кот, который, по мнению Дьюка, мутировал из леопарда, а потому особо опасен, так как бросается на жертву с дерева. Мы не купаемся под деревьями и не рискуем удаляться с открытого места без сопровождения вооруженного человека. Это так же опасно, как пересекать Уилшир-авеню на красный свет.

Змеи здесь тоже водятся. И, по крайней мере, один из видов ядовит.

Джо и Хью как-то утром продолжали работу по выравниванию убежища. Когда Джо спустился в яму, Доктор Ливингстон — Я Полагаю спрыгнул за ним. Как оказалось, внизу притаилась змея.

Док учуял ее и зашипел. Джо заметил змею только тогда, когда она уже успела укусить его в лодыжку. Он убил ее лопатой и рухнул на землю, держась за ногу.

Бросившийся на помощь Хью тут же разрезал ранку ножом и через считаные мгновения отсосал кровь. Он наложил жгут и насыпал в рану

марганцовки. Когда я прибежала к ним, услышав крик, почти все уже было сделано. Потом он ввел Джо противоядие от укусов гремучих змей.

Перетащить Джо в убежище оказалось целой проблемой. В туннеле он потерял сознание. Хью пришлось переползти через него и тянуть за собой. Я толкала неподвижное тело сзади. А чтобы поднять его по лестнице, понадобились уже усилия трех человек: помогла Карен. В помещении мы раздели Джо и уложили в постель.

Около полуночи, когда дыхание Джо стало совсем слабым, а пульс едва прощупывался, Хью принес в комнату последний оставшийся у нас баллон с кислородом, надел на голову Джо полиэтиленовый мешок, в котором раньше хранилось белье, и пустил туда газ.

К утру Джо стало лучше.

А через три дня он уже был на ногах и чувствовал себя прекрасно. Дьюк сказал, что это была какая-то гадюка, возможно бушмейстер — одна из разновидностей гремучих змей. Поэтому противоядие, которое ввели Джо, и спасло ему жизнь.

Я, во всяком случае, до смерти боюсь *любых* змей.

Земляные работы заняли три месяца. Камни! Вокруг убежища — ровная, обширная долина,

которая просто-таки усеяна валунами разных размеров. Когда мы натыкались на большие валуны, то женщины обкапывали, а мужчины разбивали их и вытаскивали наружу с помощью веревок и блоков.

Бóльшую часть булыжников удалить было довольно просто. Но однажды Карен наткнулась на валун, который, казалось, проходит планету насквозь и снова выходит наружу где-нибудь в Китае. Хью окинул его взглядом и бодро сказал:

— Отлично. А теперь нужно выкопать яму рядом с ним с северной стороны, и достаточно глубокую.

Карен ничего не сказала на это, только непонимающе взглянула на Хью.

Пришлось нам копать. Вскоре мы наткнулись на второй валун, почти такой же, как и первый.

— Прекрасно, — сказал Хью. — Теперь копайте еще одну яму к северу от этого.

Мы напоролись на третий валун, еще большего размера. Уже через три дня последний из валунов очутился в яме, вырытой рядом с ним, второй успокоился в яме из-под третьего, а первый, с которого все началось, благополучно оказался в яме из-под второго.

По мере того как отдельные участки подкопа

становились достаточно глубокими, Хью подпирал их бревнами. Он очень торопился, боясь, как бы убежище не качнулось и не придавило кого-нибудь из нас. Поэтому, когда работа подошла к концу, под убежищем был целый лес подпорок.

Наконец Хью укрепил два угла убежища, нависшие над подготовленной площадкой, могучими бревнами и начал постепенно извлекать остальные подпорки с помощью блока и веревки. Некоторые из них даже приходилось подкапывать. Делая это, Хью очень волновался и, опасаясь несчастного случая, старался обойтись собственными силами. Теперь убежище удерживали в равновесии только два крайних бревна.

Вынуть их было невозможно.

На них приходилась такая огромная нагрузка, что они просто смеялись над нашими усилиями. Я спросила:

— Что же теперь делать, Хью?

— Попробуем применить предпоследнее средство.

— Какое?

— Сжечь бревна. Но для этого придется сначала удалить траву и кусты в тех местах, где они могут загореться. Карен, ты знаешь, где у нас нашатырный спирт и йод? Мне необходимо и то и другое.

Я все удивлялась, зачем это Хью понадобилось столько нашатыря. Запас был действительно велик и хранился в больших пластиковых бутылях, которые, как ни странно, благополучно перенесли все испытания. Я не знала, что заготовлена такая уйма йода: я не занимаюсь лекарствами.

В импровизированной химической лаборатории закипела работа.

— Что ты делаешь, Хью? — спросила я.

— Эрзац-динамит. Посторонних прошу удалиться, — ответил он. — Штука опасная: взрывается даже от неосторожного взгляда.

— Прошу прощения, — пролепетала я, попятившись.

Он поднял голову и улыбнулся:

— Эта смесь безопасна, пока не высохнет. Я припас ее на случай партизанской войны. Оккупационные войска довольно косо смотрят на людей, хранящих дома взрывчатые вещества, а в обычном йоде или нашатыре нет ничего подозрительного. Каждый из них в отдельности совершенно безопасен. Но стоит их только соединить... Правда, я никогда не рассчитывал использовать такую взрывчатку в строительстве. Уж больно она капризна.

— Хью, кстати, мне совершенно безразлично,

ровный пол или нет.

— Если нервничаешь, пойди прогуляйся.

Сделать взрывчатку оказалось делом нехитрым. Хью слил вместе раствор йода и обыкновенный нашатырный спирт, в результате чего выпал осадок. Он отфильтровал ее через «клинекс». Полученную кашицу он разложил на несколько порций, завернул каждую из них в бумагу, а затем заложил пакетики в отверстия, которые Джо высверлил в упрямых столбах.

— Теперь придется ждать, пока высохнет.

Хью вымыл все то, с чем работал, искупался прямо в одежде, снял ее в воде и оставил, придавив камнями. На том день закончился.

В нашем арсенале имеются два прекрасных карабина двадцать второго калибра с оптическим прицелом. Хью велел Дьюку и Джо пристрелять их. Они оборудовали позиции мешками с песком… на самом деле кучками земли. Я поняла, что намерения у Хью самые серьезные: он разрешил истратить по пять патронов на каждый карабин. Обычно его девиз: «Одна пуля — один медведь».

Когда взрывчатка наконец высохла, мы вынесли из убежища все, что могло разбиться. Нас, женщин, отогнали на безопасное расстояние. Карен поручили держать Дока Ливингстона, а я,

вооружившись ружьем Дьюка, несла караул.

Отмерив от убежища сто футов, Хью уложил Дьюка и Джо с карабинами на землю, а сам встал между ними и спросил:

— Можно начинать отсчет?

— Можно, Хью.

— Давай, отец.

— Сделайте глубокий вдох. Немного выдохните, задержите дыхание. Начинайте целиться… Пять… четыре… три… два… один… ОГОНЬ!

Раздался грохот, как будто великан в сердцах хлопнул гигантской дверью, и середины обоих столбов как не бывало. Какую-то долю секунды убежище торчало без опоры, словно полка, затем оно грузно качнулось, дошло концом до земли и осталось в ровном положении.

Мы с Карен разразились приветственными криками. Грейс захлопала в ладоши. Док Ливингстон помчался обследовать место происшествия. Хью, улыбаясь, наслаждался представшей его глазам картиной.

В этот момент земляной гребень, на котором стояло убежище, просел, оно дрогнуло и стало медленно сползать по склону вниз, вращаясь по ходу вокруг выступа, скрывавшего лаз. Оно скользило все быстрее и быстрее, и я уже думала,

что его путешествие закончится в ручье. В этот момент оно было похоже на большие сани, катящиеся с горы.

Но немного ниже склон выравнивался, и вскоре убежище остановилось. Туннель был теперь забит землей, а вся эта штука накренилась еще сильнее, чем раньше!

Хью взял лопату, спустился к убежищу и, как ни в чем не бывало, начал копать. Я побежала вниз; по щекам у меня ручьем текли слезы. Джо опередил меня.

Хью поднял голову и распорядился:

— Джо, очисти туннель. Я хочу знать, все ли в порядке внутри, а девушкам, наверное, пора заняться ужином.

— Босс… — Джо поперхнулся. — Босс… Какая беда!

Тогда Хью тоном, которым разговаривают с детьми, сказал:

— Чем ты огорчен, Джо? Это избавило нас от лишней работы.

Я решила, что он шутит. Джо тупо спросил:

– *Что?*

— Да-да, — уверил его Хью. — Смотри, насколько ниже теперь расположена крыша. Каждый фут, на который убежище опустилось, сэконо-

мит нам по крайней мере, футов сто акведука. А выровнять снова убежище здесь уже гораздо проще — тут земля глинистая и валунов меньше. Если мы все дружно возьмемся за дело, то максимум через неделю все будет в порядке. Тогда мы сможем заняться проведением воды в дом и на огород. И закончим все недели на две раньше, чем планировали.

Он оказался прав. Через неделю мы выровняли убежище, и на сей раз Хью установил последние опорные столбы с перемычками так, что взрывать их не понадобилось. И, что самое главное, бронированная дверь стала открываться совершенно свободно. Теперь в нашем доме в изобилии свежий воздух и солнечный свет. Раньше в убежище было душно, а от свечей сильно воняло. В тот же день Хью и Джо приступили к рытью канавы. В предвкушении торжественного дня Карен на стенах кладовой сделала наброски умывальника, ванны и унитаза в натуральную величину.

Честно говоря, нам вполне хватает удобств. Когда Карен набила два наматрасника сухой травой, спать на полу стало не менее удобно, чем на койке. Сидим мы за столом на стульях и каждый вечер играем в бридж. Удивительно, насколько

лучше жить в убежище, когда пол горизонтальный и когда не нужно спускаться по лестнице и пробираться через узкий туннель, а можно просто по-людски войти в открытую дверь.

Поскольку печь не перенесла выпавших на ее долю испытаний, готовить приходится на костре. Но мы с Карен не жалуемся, так как Хью обещал, что после подведения воды он займется гончарным делом и изготовит не только ванну и раковину, но и плиту с трубой, выходящей в отверстие от перископа. Какая роскошь!

Моя кукуруза растет не по дням, а по часам. Вот еще вопрос: как размолоть зерно. От мыслей о горячем, свежеиспеченном кукурузном хлебе с ломтиком оленьего сала у меня бегут слюни.

25 декабря. С РОЖДЕСТВОМ!

Во всяком случае, будем считать, что оно наступило. Хью полагает, что если мы и ошибаемся, то всего на один день.

Вскоре после того, как мы попали сюда, Хью выбрал небольшое деревце, около которого с северной стороны лежал большой плоский камень, и обтесал его ствол так, чтобы он отбрасывал на камень ровную тень. Мне, как хранителю огня, вменили в обязанность сидеть ежедневно у этого камня в районе предполагаемого полудня и отме-

чать конец тени, когда она становится наиболее короткой.

Тень постепенно становилась все длиннее, а дни короче. С неделю назад изменения перестали быть заметными. Я сообщила об этом Хью, и мы взялись наблюдать вместе. А три дня назад наступил поворотный момент… Тот день мы сочли двадцать вторым декабря, и сегодня празднуем Рождество, а не Четвертое июля. Но мы все же подняли наш флаг, как и планировал Хью, — на вершине самого высокого из растущих поблизости деревьев. Оставленное без сучьев, оно казалось настоящим флагштоком. Я, как хранитель огня, ежедневно поднимаю и опускаю флаг, но в первый раз был особый случай. Мы стали тянуть жребий, и честь первый раз осуществить церемониал выпала Джо. Когда он начал медленно поднимать полотнище наверх, все выстроились в шеренгу и запели «Звездно-полосатый флаг». Петь было трудно. Все при этом так плакали, что едва могли петь.

Затем мы принесли присягу. Эта процедура в исполнении несчастных оборванцев, возможно, могла показаться сентиментальной чепухой, но я думаю иначе. Мы по-прежнему единая нация, верующая в Господа и провозгласившая свободу

и справедливость для всех.

Хью отслужил праздничную службу и зачитал вслух главу о Рождестве Христовом из Евангелия от Луки. Потом Карен помолилась, а мы пели рождественские песни. У Грейс оказалось сильное, уверенное сопрано, у Джо — звонкий тенор, а у Карен, меня, Хью и Дьюка — соответственно сопрано, контральто, баритон и бас. На мой взгляд, хор звучал неплохо. Во всяком случае, мы остались довольны, даже несмотря на то что во время пения «Белого Рождества» Грейс начала всхлипывать и едва не заразила остальных.

Служба у нас была бы и без Рождества, потому что сегодня воскресенье по старому календарю, а Хью проводит службы каждое воскресенье. Присутствуют на них все, в том числе и Дьюк, хотя он убежденный атеист. Хью читает псалом или одну из глав Священного Писания, потом мы поем гимны. Затем Хью или сам читает молитву, или просит кого-нибудь сделать это. Служба заканчивается чтением «Благослови этот дом…». Кажется, мы возвращаемся ко временам, когда старейшина одновременно являлся и священником.

Странно, Хью никогда не использует «Верую», и его молитвы всегда настолько нейтральны, что он даже не заканчивает их воззванием к Господу

и непременным «аминь».

В один из тех редких случаев, когда нам удалось поговорить наедине (на прошлой неделе мы наблюдали с ним за приближением полудня), я спросила его, как он относится к вере (для меня всегда было важно знать, какой веры придерживается мой мужчина, хотя Хью и не мой мужчина и никогда им не будет).

— Можешь считать меня экзистенциалистом.

— Так ты не христианин?

— Я так не говорил. «Не христианин» — это не отрицание, а утверждение. Не буду заниматься определениями, чтобы не сбить тебя совсем с толку. Ведь тебя интересует, почему я провожу службу, не будучи в то же время набожным?

— В общем… да.

— Потому что это моя обязанность. Богослужения должны быть доступны тем, кто в них нуждается. Если в мире нет добра и нет Бога, эти ритуалы безвредны. Если же Бог есть, они подобающи — и по-прежнему безвредны. Ведь мы не обираем крестьян, не приносим кровавые жертвы и не тешим свое тщеславие под видом религии. По крайней мере, я так считаю, Барбара.

Вот и все, что мне удалось вытянуть из него. В прошлой моей жизни религия всегда была для

меня чем-то красивым, теплым и удобным, чему я отдавалась по воскресеньям. Не могу сказать, что я отличалась особым религиозным рвением. Но безбожное служение Хью Богу неожиданно стало для меня чем-то высоким и важным.

Воскресенье отличается от прочих дней не только проведением службы. Хью не разрешает нам работать в этот день. Мы приводим себя в порядок, моемся, предаемся любимым занятиям, играем или забавляемся как-нибудь. Шахматы, бридж, скребл, лепка, пение хором и все такое прочее… или просто болтовня. Игры очень важны: они не позволяют нам постепенно превращаться в животных, единственная цель которых — выжить во что бы то ни стало, и дают нам возможность оставаться людьми, наслаждающимися жизнью и знающими ей цену. Поэтому мы никогда не пропускаем ежевечерний роббер. Он как бы служит символом того, что наша жизнь не заключается только в прополке, рытье канав и разделке туш.

Мы следим за собой. Я, например, довольно сносно научилась парикмахерскому делу. Дьюк отрастил было бороду, но затем, увидев, что Хью каждое утро тщательно бреется, последовал его примеру. Не знаю уж, как они выйдут из поло-

жения, когда закончатся лезвия. Я заметила, что Дьюк уже подправляет их на мыльном камне.

Рождество еще не прошло: сейчас мы как раз играем в бридж. Праздничный обед был просто роскошен: Грейс и Карен убили на него целых два дня. Мы отведали речную форель в специях, речных раков на пару, стейки с жареными грибами, копченые языки, медвежий бульон, крекеры (довольно удачные), редис, салат латук, зеленые огурцы и лук, салат из свеклы «Грейс продакшн» и, что самое главное, целую кастрюльку домашней тянучки, так как сгущенное молоко, шоколад и сахар невосстановимы. Обед завершился растворимым кофе и сигаретами. На долю каждого пришлось по две чашки и по две сигареты.

Все получили подарки. Единственное, что я имела при себе, кроме одежды, когда так неожиданно оказалась в убежище, — это сумочка. На мне были нейлоновые чулки, но вскоре я их сняла, и они сохранились почти новыми. Я подарила их Карен. В косметичке была помада — она досталась Грейс. Из кожи сумочки я сплела ремень — его получил Джо. В сумочке был вышитый носовой платок. Я его выстирала, выгладила, прижимая к гладкому бетону, и преподнесла Дьюку.

И только сегодня утром я придумала, что

подарить Хью. Много лет я таскала в сумочке маленький блокнотик, на обложке которого золотом была вытеснена моя девичья фамилия. В нем осталась чистой добрая половина листов. Хью он может пригодиться, но самое главное — это мое имя на обложке.

Ну, мне пора бежать. Сейчас мы с Грейс должны попытаться оставить с носом Хью и Джо: карты сданы.

Никогда еще в жизни у меня не было такого счастливого Рождества.

7

Карен и Барбара занимались всеми делами сразу: купались, мыли посуду в ручье и стирали белье. Джо невдалеке бдительно нес вахту. Вокруг места, где они обычно располагались, кусты, а затем и деревья были постепенно вырублены, чтобы хищник, если он появится, не остался незамеченным. Юноша непрерывно оглядывал окрестности, ни на секунду не отвлекаясь на созерцание охраняемой им райской сцены.

— Барби, эта простыня не выдержит еще одной стирки. Она совсем обветшала, — сказала Карен.

— Ничего, ветошь нам тоже пригодится.

— Да, но что же мы будем использовать вместо простыней? А все это мыло. — Карен зачерпнула ладонью массу из миски, стоявшей на берегу. Масса была серой, мягкой, неприятной на ощупь и сильно напоминала овсяную кашу. — Эта дрянь прямо-таки проедает белье насквозь.

— Простыни — еще полбеды, а вот что будет, когда не останется ни одного полотенца?

— Да, притом последнее непременно окажется мамочкиным, — с иронией добавила Карен. — Наш хранитель обязательно выдумает причину

для такого распределения.

— Зря ты так, Карен. Не забывай, что Дьюк проделал колоссальную работу.

— Да знаю я, знаю. Дьюка и в самом деле нельзя винить. Это происки его приятеля Эдди.

— Какого еще Эдди?

— Эдипова комплекса, дорогуша.

Барбара отвернулась и стала полоскать пару заношенных джинсов.

— Ты согласна со мной? — спросила Карен.

— У каждого могут быть слабости.

— Да. Вон даже у папочки есть дефект. Его все еще беспокоит шея.

Барбара выпрямилась:

— А разве у него болит шея? Может быть, ему помог бы массаж?

Карен хихикнула:

— Знаешь, сестричка, в чем твоя слабость? Ты абсолютно не понимаешь шуток. Просто у отца несгибаемая шея упрямца, и этого уже ничем не вылечишь. Его слабость в том, что у него нет слабостей. Не надо хмуриться. Я люблю папочку. Я просто восхищаюсь им, но тем не менее рада, что не похожа на него. — Она отнесла белье к кустам терновника и принялась его развешивать. — Проклятье! Почему отец не догадался

запастись бельевыми прищепками? Эти шипы еще хуже, чем мыло.

— Без прищепок мы вполне можем обойтись. Хью и так запасся невероятным количеством необходимого. Буквально всем, начиная с будильника с восьмидневным заводом…

— Который, к слову сказать, сразу же разбился.

— …и кончая инструментами, семенами, книгами и еще бог знает чем. Карен, не вылезай на берег голышом.

Карен остановилась. Одна нога ее уже стояла на берегу.

— Чепуха. Старина Каменное Лицо не будет подглядывать. Издевательство, самое настоящее издевательство — вот что это такое. Мне кажется, что когда-нибудь я сама наброшусь на него.

— Чем ты недовольна? Джо в экстремальной ситуации показал себя настоящим джентльменом. Так что умерь свой пыл. Подожди, сейчас я закончу полоскать белье, и мы отнесем сушить все сразу.

— Хорошо, хорошо. Но я все время спрашиваю себя: мужчина ли он?

— Конечно. Готова поклясться в этом. Он настоящий мужчина.

— Хм… Барби, уж не хочешь ли ты сказать, что

наш святой Иосиф подкатывался к тебе?

— Господи, конечно же нет! Но он краснеет каждый раз, когда я прохожу мимо него.

— Откуда ты знаешь?

— Он становится еще чернее. Карен, Джо очень милый. Жаль, что ты не слышала, как он объяснял мне насчет Дока.

— Что объяснял?

— Ну, понимаешь, Док начинает признавать меня. Вчера он сидел у меня на руках, и я кое-что заметила и сказала Джо: «Джо, Док что-то очень сильно растолстел. Или он всегда был такой?» Вот тут-то Джо и покраснел. Но ответил мне с очаровательной серьезностью: «Барбара, Док Ливингстон, в сущности, не такой уж кот, каким он себя считает. Старина Док скорее относится к кошкам. Это вовсе не ожирение. Э-э-э… видишь ли… у Дока должны появиться детки». Он буквально выдавил это из себя. Наверное, ему показалось, что меня этим можно смутить. Смутить ему меня не удалось, но удивлена я была чрезвычайно.

— Как, Барбара, ты в самом деле не знала, что Док Ливингстон — кошка?

— Откуда мне знать? Все называли его «он», да и имя у него… у нее мужское.

— Но ведь доктор может быть и женщиной. Ты

что же, не можешь отличить кота от кошки?

— Я никогда над этим не задумывалась. У Дока такая густая шерсть!

— Мм-да, с персидскими кошками действительно трудно сразу разобраться, кто есть кто. Но котов всегда отличают царственные манеры, да и другие признаки у них довольно внушительных размеров.

— Даже если бы я и обратила на это внимание, то просто подумала бы, что он кастрирован.

Карен, казалось, была потрясена.

— Смотри, чтобы папа этого не услышал! Он никогда в жизни не позволил бы кастрировать кота. Папа считает, что коты являются равноправными с людьми гражданами. Но ты все-таки удивила меня. Котята, надо же!

— Так мне сказал Джо.

— А я и не заметила. — Карен выглядела озадаченной. — Впрочем, если вспомнить, я давно не брала его на руки. Только несколько раз гладила да удерживала от опрометчивых поступков. А то он буквально ничего не давал делать. Стоило открыть какой-нибудь ящик, как Док уже оказывался там. Теперь я понимаю: это он выбирал место для котят. Мне следовало бы быть повнимательней.

— Карен, почему ты продолжаешь говорить «он», «его»?

— Почему? Но ведь Джо тебе объяснил. Док *считает* себя котом — а почему я, собственно, должна разубеждать его? Он всегда так считал, и он был самым злющим из наших котят. Хм… котята. Барби, когда Док достиг зрелости, мы устроили ему встречу с котом самого что ни есть аристократического происхождения. Но тот чем-то не понравился Доку и был им изрядно потрепан. Поэтому мы потеряли всякую надежду и с тех пор никогда не пытались навязывать ему друга. Кстати, летописец ты наш, скажи-ка, сколько дней мы уже здесь?

— Ровно шестьдесят два дня. Я уже справлялась: нормальный для кошек срок — от шестидесяти до семидесяти дней.

— Следовательно, это может случиться в любой момент. Готова биться об заклад, что сегодня ночью мы не сомкнем глаз. Кошки никогда не производят на свет свое потомство в нормальное время суток. — Карен вдруг резко сменила тему разговора: — Барбара, чего тебе больше всего не хватает? Сигарет?

— Я уже и думать про них забыла. Скорее всего, яиц. Яиц к завтраку.

— Отец думал об этом. Оплодотворенные яйца и инкубатор. Но он не построил его; и яйца все равно разбились бы. Да, мне их тоже, пожалуй, не хватает. Лучше всего, если бы яйца несли коровы, а отец придумал бы способ запасти коров. Тогда бы у нас были и яйца, и молоко. Представляешь? Мороженое! Холодное молоко!

— Масло, — добавила Барбара. — Мелко нарезанные бананы со взбитыми сливками. Горячий шоколад.

— Перестань, Барби, я, кажется, сейчас умру голодной смертью прямо у тебя на глазах.

Барбара ущипнула ее:

— Про тебя никак не скажешь, что ты похудела.

— Возможно. — Карен замолчала и принялась мыть посуду.

Наконец она тихо произнесла:

— Барби, то, что собирается сделать наш Док, и наполовину так не удивит всех наших, как тот сюрприз, который преподнесу им я.

— Что за сюрприз, милая?

— Я беременна.

— Что?!

— То, что слышала. Беременна. Жду ребенка, если тебе так понятней!

— А ты уверена, дорогая?

— Конечно же уверена! Я сдала тест и обнаружила, что залетела. Я уже на четвертом месяце. — Карен бросилась в объятия подруги. — Я ужасно боюсь!

Барбара принялась утешать ее:

— Ну-ну, дорогая, все будет хорошо.

— Черта с два! — воскликнула Карен. — Мать устроит тут такое… и больниц здесь нет… и врачей. Господи, и почему Дьюк не пошел в медицинский? Барби, я, наверное, умру. Я знаю.

— Карен, не болтай чепухи. Детей, родившихся без больниц и докторов, гораздо больше, чем тех, что появились в родильных отделениях. И ты боишься не умереть, ты боишься признаться родителям.

— Да, и это тоже. — Карен вытерла глаза и шмыгнула носом. — Барби, ты только не обижайся… но я именно поэтому пригласила тебя к себе на тот уик-энд.

— Вот как?

— Я подумала, что мать не станет устраивать большого шума при постороннем человеке. Большинство девиц в нашем заведении были или мещанками, или потаскушками, да к тому же еще и абсолютными дурами. А ты не то и не другое, и

я знала, что ты заступишься за меня.

— Ну спасибо…

— Это мне-то спасибо? Да ведь я просто собиралась использовать тебя.

— Мне никто никогда еще не делал лучшего комплимента. — Барбара вытерла Карен слезы и потрепала ее по щеке. — Я рада, что оказалась здесь. Так ты, значит, пока ничего не сообщила родителям?

— Ну… я собиралась. А потом началась эта война… а потом мама расклеилась… а папа все время был страшно занят, и я не нашла подходящего момента.

— Карен, а ведь ты не боишься признаться отцу, ты опасаешься только матери.

— Да… в основном матери. Но и папу тоже. Мало того что он будет потрясен и шокирован… он подумает еще, что с моей стороны было просто глупо залететь.

— Согласна, что он будет удивлен, но не согласна со всем остальным. — Барбара заколебалась. — Карен, ты не должна носить это в себе. Я постараюсь разделить все твои тревоги.

— Я так и думала. Потому-то я и попросила тебя поехать со мной.

— Я имею в виду — на самом деле разделить. Я

тоже беременна.

— Что?

— Да-да. Так что мы можем сообщить всем сразу два радостных известия.

— Боже мой! Барбара! Но как же?..

Барбара пожала плечами:

— Неосторожность. А как это произошло с тобой?

Карен вдруг улыбнулась:

— Как? Меня просто опылила пчелка, как же еще? Ты, наверное, хотела спросить «кто»?

— «Кто» меня совершенно не интересует. Это твое личное дело. Ну так как, может, пойдем и скажем им? Я готова говорить от нас обеих.

— Погоди минутку. Ты сама-то собиралась извещать об этом кого-нибудь? Или не собиралась?

— В общем-то, нет, — честно ответила Барбара. — Я хотела подождать, пока не станет заметно.

Карен взглянула на талию Барбары:

— Ничего не заметно. А ты уверена?

— У меня уже два раза ничего не было. Я беременна. Или больна, что гораздо хуже. Давай соберем белье, пойдем и все им расскажем.

— Но ведь по тебе ничего не видно, да и по мне тоже, если специально не приглядываться. И я

стараюсь не раздеваться, когда мама рядом. Может, нам пока ничего не говорить, а приберечь эти новости на крайний случай?

— Как хочешь. Карен, почему бы тебе не признаться сначала Хью? А он уж пускай сообщает матери.

Карен обрадовалась:

— Ты думаешь, так можно сделать?

— Я просто уверена, что Хью предпочел бы услышать об этом в отсутствие твоей матери. Так что иди найди его и все ему расскажи. А я развешу белье.

— Уже бегу!

— И ни о чем не беспокойся. Мы спокойно родим наших детей и будем вместе их воспитывать. Ничего плохого с ними не случится. Знаешь, как нам будет весело! Мы будем просто счастливы.

Глаза Карен засияли.

— Да, и у тебя будет девочка, а у меня мальчик. Потом мы их поженим и обе станем бабушками!

— Вот теперь ты снова настоящая Карен. — Барбара поцеловала ее. — Беги и расскажи обо всем отцу.

Карен застала Хью за выкладыванием печи. Когда она сказала, что хотела бы поговорить с ним наедине, он охотно согласился:

— Хорошо, только я скажу Джо, чтобы продолжал вместо меня. Пойдем вместе посмотрим, как там канал, заодно и поговорим.

Отец дал ей лопату, а сам взял ружье.

— Ну так что у тебя на уме, девочка моя?

— Давай отойдем немного подальше.

Они отошли уже довольно далеко, когда Хью остановился, взял у нее из рук лопату и стал подравнивать край канавы.

— Папа! Ты, может быть, заметил, что у нас не хватает мужчин?

— Нет. Трое мужчин и три женщины. Совершенно нормальное соотношение.

— Я имела в виду не это. Наверно, мне следовало сказать «подходящих холостяков».

— Тогда так и говори.

— Хорошо. Я уже поправилась. Мне нужен совет. Что хуже: кровосмешение, межрасовый брак или положение старой девы?

Он еще раз копнул и остановился.

— Я не собираюсь заставлять тебя оставаться старой девой.

— Я так и думала. А как насчет двух вытекающих отсюда возможностей?

— Кровосмешение, — медленно проговорил он, — обычно ни к чему хорошему не приводит.

— Следовательно, у меня остается только один выход.

— Подожди. Я сказал «обычно». — Он уставился на лопату. — Честно говоря, я никогда не задумывался над этим… у нас и так проблем по горло. Браки между братьями и сестрами не такая уж и редкость в истории. И результаты не обязательно плохие. — Он нахмурился. — Но ведь есть еще Барбара. Может быть, нам придется примириться с полигамией?

— Не то, папа. Кровосмешение может произойти не обязательно с братом.

Он изумленно уставился на нее:

— Если ты хотела удивить меня, то добилась успеха, Карен.

— Шокировать тебя, ты хотел сказать?

— Нет, удивить. Ты что, серьезно собираешься предложить то, о чем говорила?

— Папочка, — грустно сказала она, — это единственное, над чем я никогда бы не стала шутить. Если бы мне пришлось выбирать между тобой и Дьюком — как между мужьями, естественно, — я бы без колебаний предпочла тебя.

Хью вытер лоб:

— Карен, мне очень не хочется принимать твои слова всерьез…

— Но я серьезно говорю!

— Похоже на то, к сожалению. Следовательно, я должен понимать тебя так, что Джозефа ты отметаешь начисто? Ты думала об этом?

— Конечно!

— Ну и что?

— Сам понимаешь, что не просчитать этот вариант я не могла. Джо очень мил, но, увы, он совсем мальчишка, хотя и немного старше меня. И если я когда-нибудь скажу ему: «Бу!» — он, по-моему, просто выскочит из собственной кожи. Нет, это не то.

— Может быть, на твое решение оказывает влияние цвет его кожи?

— Папа, знаешь что? Мне очень хочется плюнуть тебе в лицо за такие слова. Ты ведь прекрасно знаешь, что я не наша мамочка.

— Я просто хотел быть уверен. Карен, тебе хорошо известно, что для твоего отца цвет кожи не имеет никакого значения. В человеке меня больше всего интересуют другие вещи. Крепко ли он держит свое слово? Выполняет ли он свои обещания? Честно ли он трудится? Храбр ли он? Выступит ли он в защиту справедливости? И Джо во всех этих отношениях очень импонирует мне. Мне кажется, ты относишься к нему предвзято. —

Он вздохнул. — Если бы мы по-прежнему жили в Маунтин-Спрингсе, я бы не стал вынуждать тебя выходить замуж за негра. Слишком паршиво относятся к этому окружающие. Настолько, что подобные браки почти всегда трагедия. Здесь же, слава богу, эти варварские пережитки над нами не довлеют. И я советую тебе серьезно подумать насчет Джо.

— Да думала я, много думала! Я могу выйти за Джо, но хочу, чтобы ты знал: если бы я могла выбирать свободно, то выбрала бы *тебя*!

— Благодарю.

— Он еще меня благодарит, черт возьми! Я женщина, а ты мужчина, который нравится мне больше всех. Но мне тут все равно ничего не светит. И ты знаешь почему. Из-за мамочки.

— Я знаю. — Его лицо внезапно приняло усталый вид. — Обычно приходится делать не то, что хочется, а то, что можно. Карен, мне ужасно жаль, что ты лишена возможности выбирать из гораздо более длинного списка кандидатов.

— Папочка, ты научил меня главному — не проливать слез над тем, чему не поможешь. Это любимое занятие матери, но не мое. Да и Дьюк не прочь порой, хотя ему это свойственно в меньшей степени, чем ей. В данном вопросе я больше

похожа на тебя. Мой принцип — считай свои очки и играй соответственно. Глупо жаловаться на то, что пришли плохие карты. Ты понимаешь меня, отец?

— Да.

— Но я пришла сюда не для того, чтобы предложить тебе руку и сердце. И даже не за тем, чтобы соблазнить тебя, хотя, раз уж я зашла так далеко, я могла бы добавить и то, что ты можешь получить меня, если захочешь… Впрочем, ты, конечно, догадывался об этом и раньше. Но я пришла сюда не за этим, я пришла, чтобы выяснить для себя кое-что, прежде чем сообщить тебе одну вещь. Я уже оценила свои шансы и решила играть ва-банк. Тут уж ничего не поделаешь…

— Что-что? Может быть, я смогу помочь?

— Вряд ли. Я беременна, папа.

Он выпустил лопату из рук и порывисто обнял дочь:

— О, это же замечательно!

— Папа, — сказала она, — если ты не отпустишь меня, я не смогу застрелить медведя.

Он тут же разжал объятия, схватил ружье и оглянулся:

— Где он?

— Нигде. Но ты сам всегда напоминал нам о

бдительности.

— Ах да! Ну, теперь я буду настороже. Кто же отец ребенка? Джо или Дьюк?

— Ни тот ни другой. Это случилось еще раньше, в колледже.

— О! Это еще лучше!

— Почему? Черт возьми, папа, все идет совсем не так, как я предполагала. Дочь является домой испорченной. В таких случаях, само собой разумеется, папаша должен быть вне себя от ярости. А ты вдруг заявляешь: «Как здорово!» Честно говоря, я от тебя такого не ожидала.

— Прошу прощения. При других обстоятельствах я, возможно, попенял бы, что ты была неосторожна…

— О, еще как! Я рискнула так же, как одна негритянская матрона, которая сказала: «Да тыщу раз ничего не случалось». Сам знаешь.

— Боюсь, что да. Но в нашем нынешнем положении этому приходится только радоваться. До сих пор я считал, что моя дочь еще девочка. И вдруг узнаю, что она женщина, что моя дочь собирается подарить нам ребенка, отец которого находится вне нашей группы. Разве ты *не понимаешь*, дорогая? Ты почти удвоила шансы нашей колонии на выживание.

— Это я-то?

— Подумай сама, ведь ты достаточно умна. Кстати, отец твоего ребенка, он качественный мужик?

— А как ты думаешь, папа, связалась бы я с ним, если бы он был небезупречен?

— Извини, доченька. Вопрос, конечно, глупый. — Хью улыбнулся. — Мне что-то расхотелось работать. Пойдем-ка лучше поделимся с другими этой доброй вестью.

— Хорошо, но, папа, что же мы скажем матери?

— Правду. Причем говорить буду я. Не беспокойся, девочка моя. Ты только роди ребенка, а уж я позабочусь обо всем остальном.

— Есть, сэр! Знаешь, папа, только сейчас я по-настоящему хорошо себя почувствовала.

— Вот и отлично.

— Я почувствовала себя так хорошо, что даже забыла кое о чем. Ты знаешь, Доктор Ливингстон — Я Полагаю тоже собирается иметь детей…

— Знаю.

— А почему же мне ничего не сказал?

— Ты имела столько же возможностей обратить на это внимание, сколько и я.

— Верно, но, вообще-то, это бестактно с твоей

стороны — заметить, что Док беременна, и не заметить, что беременна твоя родная дочь.

— Я подумал было, что ты в последнее время слишком много ешь…

— А, так ты, значит, все-таки что-то заметил! Папочка, иногда ты мне ужасно нравишься! А отныне будешь нравиться всегда. Всегда!

Хью решил поужинать и только потом подступиться к Грейс.

Его решение себя оправдало. Из напыщенных речей жены, которые ему пришлось выслушать, следовало, что Карен всегда была неблагодарной дочерью, позором семьи, бесстыдной маленькой шлюхой, а Хью, в свою очередь, дрянным отцом, негодным мужем и, наконец, человеком, каким-то образом виновным в беременности собственной дочери.

Хью позволял ей нести всю эту несусветную чушь до тех пор, пока она не остановилась, чтобы перевести дыхание.

— Успокойся, Грейс.

— Что? Хьюберт Фарнхэм, вы еще считаете себя вправе затыкать мне рот? Как вы вообще смеете сидеть здесь, в то время как ваша дочь так нагло през…

— Заткнись, или мне придется заставить тебя

сделать это.

— Мама, сбавь обороты, — сказал Дьюк.

— Ах, и ты с ними заодно? Боже, могла ли я подумать, что когда-нибудь настанет день…

— Мама, ты можешь успокоиться? Давай послушаем, что скажет отец.

Грейс постаралась сдержать гнев, затем обратилась к Джо:

— Оставь нас.

— Джо, сиди где сидишь, — приказал Хью.

— Да, Джо, останься, пожалуйста, — поддержала Карен.

— Ну что ж, если ни у одного из вас нет элементарного чувства приличия…

— Грейс, сейчас я гораздо ближе, чем когда бы то ни было, к тому, чтобы ударить тебя. Уймешься ты или нет? Ты должна послушать, что скажут другие.

Она взглянула на сына. Дьюк старательно избегал ее взгляда.

— Хорошо, я послушаю. Только толку от этого не будет никакого.

— А мне кажется, что будет, потому что это чрезвычайно важно. Грейс, нет никакого смысла измываться над Карен. Кроме того, твоя жестокость по отношению к ней просто странна. Ведь

ее беременность — это радостное событие для нас.

— Хьюберт Фарнхэм, сдается мне, что вы совсем выжили из ума.

— Прошу тебя! Ты руководствуешься критериями обывательской морали, что при данных обстоятельствах довольно глупо.

— Вот как? Значит, по-твоему, принципы морали глупы, не так ли? Да ты просто распевающий гимны лицемер!

— Моральные принципы не глупы сами по себе. Именно мораль есть краеугольный камень наших отношений. Но даже если беременность Карен и выглядела аморально в глазах общества, которое перестало существовать, сейчас это потеряло всякое значение. Поэтому не будем больше обсуждать ее поведение. То, что произошло, для нашей маленькой общины — сущее благо. Подумайте хорошенько: нас здесь шестеро, причем четверо — близкие родственники. С генетической точки зрения, у нас очень ограниченный генофонд. И все же мы должны как-то продолжать свой род, иначе нет смысла бороться за выживание. Теперь появился седьмой человек, хотя и не собственной персоной. Это лучшее, на что мы могли надеяться. Молю Бога, чтобы у Карен

родились близнецы, которыми моя семья всегда изобиловала. Это еще усилит наших потомков.

— Ты говоришь о собственной дочери как о племенной корове!

— Она моя дочь, и я люблю ее, но самое главное сейчас в ней то, что она женщина и ждет ребенка. Я хотел бы, чтобы и ты, и Барбара тоже были беременны… и причем от совершенно посторонних людей. Нам необходимо смешение самой разной крови, чтобы предотвратить опасность вырождения будущих поколений.

— Я не собираюсь сидеть здесь и выслушивать твои оскорбления!

— Я всего лишь сказал «хотел бы», и в лице Карен мы неожиданно получили это чудо. Нам следует просто-таки лелеять ее, Грейс, и проявлять по отношению к ней максимальную заботу на протяжении всего периода ее беременности. И больше всех других заботиться о Карен должна ты.

— Ты хочешь сказать, что я вовсе не собираюсь заботиться о ней? Это ты, ты никогда не заботился о собственной дочери!

— То, что она моя дочь, не имеет значения. Я сказал бы то же самое в случае беременности Барбары, тебя или любой другой женщины. Отныне

Карен освобождается от всякой тяжелой работы. Стирка, которой она занималась сегодня, возлагается на тебя. Довольно бить баклуши. Будешь во всем ей помогать. И самое главное: больше никаких обвинений, грубости, нравоучений в ее адрес. Ты будешь мила и добра с ней! Постарайся не забываться, Грейс. Или мне придется наказать тебя.

— Ты не посмеешь!

— Надеюсь, ты не станешь давать мне повод для репрессий.

Хью повернулся к сыну:

— Дьюк, могу я рассчитывать на твою поддержку? Отвечай!

— А что ты подразумеваешь под наказанием, отец?

— Любые меры, которые мы будем вынуждены принять. Слова. Общественные меры принуждения. Физические наказания, если потребуется. Все, вплоть до исключения из группы, коли иного выхода не останется.

Дьюк побарабанил пальцами по столу.

— Все это довольно жестоко, па.

— Да, и я хочу, чтобы ты подумал о самых крайних мерах.

Дьюк взглянул на сестру:

— Хорошо. Я поддерживаю тебя. Мама, придется вести себя соответственно…

— Мой собственный сын пошел против меня! — простонала Грейс. — О господи, зачем я вообще появилась на свет?

— Барбара?

— Что я думаю? Я согласна с тобой, Хью. Карен необходимо доброе отношение. Ее нельзя нервировать.

— А ты не лезь не в свое дело!

Барбара спокойно взглянула на Грейс:

— Прошу прощения, но моим мнением поинтересовался Хью. Да и Карен просила меня присутствовать здесь. Мне кажется, Грейс, что вы вели себя отвратительно. Ребенок — это не стихийное бедствие.

— Тебе легко говорить!

— Может быть. Но вы постоянно придираетесь к Карен… Вы не должны так поступать.

— Скажи им, Барбара, — вдруг вмешалась Карен, — о себе.

— Ты этого хочешь?

— Лучше скажи. Или теперь она тебя начнет изводить.

— Хорошо. — Барбара прикусила губу. — Я тоже беременна… и очень рада этому. Ребенок и несча-

стье — понятия взаимоисключающие.

Наступившая тишина показала Барбаре, что она добилась цели — отвела огонь от Карен. Сама же она чувствовала себя совершенно спокойной — впервые с тех пор, как заподозрила, что беременна. Она не проронила ни слезинки — о нет! — но обнаружила, что напряжение, о котором она не подозревала, покинуло ее.

— Ах ты, шлюха! Ничего удивительного, что моя дочь пошла по кривой дорожке, если попала под влияние такой…

— Помолчи, Грейс!

— Да, мама, — поддержал отца Дьюк, — лучше успокойся.

— Я только хотела сказать…

— Ты ничего не скажешь, мама. Я не шучу.

Миссис Фарнхэм сдалась. Хью снова заговорил:

— Барбара, надеюсь, ты придумала это ради того, чтобы защитить Карен.

Барбара взглянула на него и ничего не смогла прочесть на его лице.

— Нет, не шучу, Хью. Я сейчас на втором или третьем месяце.

— В таком случае у нас двойная радость. Придется нам и тебя освободить от тяжелой работы. Дьюк, ты не взял бы на себя сельское хозяйство?

— Конечно.

— Да и Джо мог бы кое-чем помочь. Ммм… значит, мы должны поторопиться с кухней и ванной. Вам обеим понадобятся такого рода удобства еще задолго до того, как родятся дети. Джо, нужно незамедлительно строить медведеустойчивую хижину. Здесь нет места для детской, и нам, мужчинам, придется выметаться. Я думаю…

— Хью…

— Что, Барбара?

— Не беспокойся за меня. Я пока могу спокойно заниматься садоводством. У меня не такой большой срок, как у Карен, и я не испытываю тошноты по утрам. Когда понадобится помощь, я сама дам знать.

Он задумался.

— Нет. Так дело не пойдет.

— Господи, но я обожаю возиться на огороде. Матери пионеров всегда работали, будучи беременными. Они переставали трудиться только тогда, когда у них начинались схватки.

— Что часто убивало их, Барбара. Мы не можем рисковать. Поэтому будем обращаться с вами обеими как с драгоценными сосудами. — Он огляделся. — Правильно я говорю?

— Правильно, отец.

— Конечно, Хью.

Миссис Фарнхэм встала:

— От такого разговора мне стало дурно.

— Спокойной ночи, Грейс. Помни, Барбара: никакого огорода.

— Но мне нравится мой огород! Хью, пожалуйста, когда придет время, я сама откажусь от него.

— Займись общим руководством. И смотри, чтобы я не застал тебя с лопатой. Или за прополкой. Ты можешь повредить себе что-то и потерять ребенка. Отныне ты фермер-теоретик.

— А разве в твоих книгах ничего не сказано о том, какую работу может выполнять беременная женщина?

— Я почитаю об этом. В любом случае мы будем придерживаться самой консервативной точки зрения. Некоторые врачи вообще томят своих пациенток в постели целыми месяцами, чтобы избежать выкидыша.

— Папа, надеюсь, ты не собираешься держать нас в постели?

— Скорее всего, нет, Карен. Но мы обязаны быть предельно осторожными, — сказал он и добавил: — Барбара права: сегодня уже поздно окончательно решать что-либо. Кто желает сыграть в бридж? Или он слишком сильно воз-

буждает?

— Господи, конечно нет! — воскликнула Карен. — Я думаю, что уж бридж-то никак не может послужить причиной выкидыша.

— Разумеется, — согласился Хью, — но то, как ты объявляешь ставки, может вызвать сердечный приступ у любого из нас.

— Ха! И что хорошего, если делать ставки, как компьютер? Жить надо рискуя. Я всегда была за это.

— Что верно, то верно.

Но дальше торговли дело у них не пошло. Доктор Ливингстон, который обычно спал в «ванной», появился в комнате. Походка его была странной — ноги почти не сгибались, а зад он буквально волочил по земле. «Джозеф, — всем своим видом, казалось, говорит кот, — эти самые котята родятся у меня *прямо сейчас*!»

Тревожное мяуканье и странное поведение кота дали ясно понять, что происходит. Джо мгновенно оказался на ногах.

— Док, что с тобой, Док?

Он хотел было поднять кота, но тот замяукал еще громче и стал вырываться.

Хью сказал:

— Джо, оставь его в покое.

— Но старине Доку больно!

— В таком случае ему надо помочь. Дьюк, нам придется воспользоваться электричеством и переносным фонарем. Задуйте свечи. Карен, постели на стол одеяло и чистую простыню.

— Один момент.

Хью склонился над столом:

— Спокойно, Док. Тебе больно, да? Ничего, потерпи еще немножко. Мы здесь. С тобой. — Он погладил кота по спине, затем осторожно пощупал живот. — У него схватки. Карен, поторопись!

— Уже готово, папа.

— Помоги мне поднять ее, Джо.

Они уложили кошку на стол.

Джо встревоженно спросил:

— Что нам теперь делать?

— Прими таблетку милтауна.

— Но ведь это Доку больно.

— Конечно. Но мы ничем не можем тут помочь. Сейчас ей придется туго. Это ее первые роды, и она перепугана. К тому же Док довольно стара для первых родов. Это плохо.

— Но мы просто обязаны *что-нибудь* сделать.

— Самое полезное, что ты можешь сейчас сделать, — это успокоиться. Ты передаешь ей свой страх. Джо, если бы можно было как-то помочь,

я бы это сделал. Единственное, что в наших силах, — это стоять рядом, давая тем самым понять, что она не одинока. И не позволять ей бояться. Так дать тебе успокоительное?

— Да, если можно.

— Дьюк, достань таблетку. Джо, не отлучайся: Док доверяет тебе больше всех.

— Хьюберт, если ты собираешься простоять всю ночь над кошкой, мне понадобится снотворное. Ни один нормальный человек не заснет в такой суете! — воскликнула Грейс.

— И таблетку секонала для твоей матери, Дьюк. У кого есть идеи, где можно устроить котят? — Хью Фарнхэм порылся в памяти. Каждая коробка, каждая досочка были использованы и еще раз использованы в бесконечном благоустройстве. Построить им логово из кирпичей? Но этим можно заняться только с наступлением дня, а бедная зверюшка нуждается в гнезде, безопасном и уютном, прямо сейчас. Может быть, разобрать какие-нибудь стеллажи?

— Папа, что ты скажешь по поводу нижнего ящика шкафа с одеждой?

— Отлично! Выложите из него все вещи и постелите туда что-нибудь мягкое. Например, мою охотничью куртку. Дьюк, сооруди раму, которая

поддерживала бы одеяло. Ей понадобится нечто вроде маленькой пещерки, в которой она будет чувствовать себя в безопасности. Сам понимаешь.

— Не суетись, папа, разберемся, — произнесла Карен. — Это не первые роды в нашей семье.

— Прости, доченька. Кажется, сейчас у нас появится первый котенок. Видишь, Джо?

Шерсть от головы до хвоста у Дока вдруг вздыбилась, затем улеглась обратно. Еще раз…

Карен, торопливо освободив ящик от вещей, разостлала в нем куртку отца и поставила его у стены. Затем бросилась к столу.

— Ну как, я не опоздала?

— Нет, — успокоил ее Хью. — Но вот-вот все должно случиться.

Док на мгновение перестал тяжело вздыхать, испустил стон и после двух конвульсивных движений разродился котенком.

— Да он вроде завернут в целлофан, — с удивлением заметила Барбара.

— Разве ты не знала? — поразилась Карен. — Папа, смотри, он *серенький*! Док, как же так? Впрочем, сейчас не время задавать вопросы.

Но ни Хью, ни Доктор Ливингстон и не собирались отвечать ей. Роженица стала тщательно

вылизывать новорожденного, пленка лопнула, и маленькие, почти крысиные лапки беспомощно зашевелились. Писк, настолько тонкий и высокий, что его едва можно было различить, возвестил о первом знакомстве юного существа с миром. Док перекусил пуповину и продолжал вылизывать отпрыска, очищая его от крови и слизи и не переставая в то же время довольно урчать. Котенку это явно не нравилось, и он снова заявил свой почти неслышный протест.

— Босс, — сказал Джо, — с ним что-то неладно. Почему он такой маленький и худой?

— Это просто отличный котенок. У тебя родился замечательный наследник, Док. Не слушай Джо, он холостяк и в этом не разбирается, — ласково приговаривал Хью, почесывая кошку между ушами. Затем он продолжил уже обычным тоном: — И наихудший образчик подзаборника, который мне когда-либо попадался: гладкошерстный, полосатый и серый.

Док неодобрительно взглянул на Хью и, исторгнув из себя послед, принялся жевать кровавую массу. Барбара нервно сглотнула и кинулась к двери, нащупывая засов. Карен бросилась за ней, открыла ей дверь и поддерживала ее до тех пор, пока та полностью не очистила желудок.

— Дьюк! — позвал Хью. — Охраняй.

Дьюк последовал за девушками и высунул голову наружу.

Карен сказала ему:

— Можешь уйти. Здесь мы в полной безопасности. Сегодня очень яркая луна.

— Ладно. Только оставьте дверь открытой. — И он исчез внутри убежища.

Карен заметила:

— Я думала, что у тебя нет токсикоза.

— Так оно и есть. О-о-о! — Барбару снова стошнило. — Это из-за того, что сделал Док.

— Ах, это. Ну, кошки всегда так делают. Позволь, я протру тебе лицо, дорогая.

— Это ужасно.

— Это нормально. И к тому же полезно для них. Гормоны или что-то в таком роде. Можешь спросить у Хью. Ну как, тебе полегчало?

— Кажется, да. Карен! Нам ведь не нужно будет делать *это*? Или придется? Я не хочу, не хочу!

— Что? О! Никогда об этом не думала. Нет, точно нет! Иначе нам сказали бы об этом в школе.

— На сексологии нам не говорили очень многих вещей, — мрачно заметила Барбара. — У нас, например, этот курс вела старая дева. Но я просто не могу… Кажется, я расхотела иметь ребенка.

— Геноссе, — мрачно произнесла Карен, — уж кому-кому, а нам обеим об этом нужно было думать раньше. Отойди немного, кажется, настал мой черед.

Они вернулись в комнату бледные, но с виду довольно спокойные.

Доктор Ливингстон произвел на свет еще трех котят после их возвращения, и Барбара наблюдала за родами и последующими операциями Дока, уже не испытывая потребности бежать за дверь. Из новорожденных только третий потребовал внимания. Это был крошечный котик, но он оказался великаном среди прочих. Он был неправильно расположен, его голова застряла, а Док, обезумевший от боли, зажал ее еще сильнее.

Хью по мере возможности старался помочь родиться маленькому тельцу. При этом он вспотел, совсем как настоящий хирург. Док взвыл и укусил его за палец. Но это ничуть не повлияло на поведение акушера.

Внезапно котенок высвободился. Хью склонился над ним и подул ему в рот. Котенок тут же ответил тоненьким негодующим писком. Тогда Хью положил его к матери и позволил ей его вычистить.

— Еле спасли, — выдохнул он, стараясь унять

дрожь в руках.

— Док не виноват, он не мог с собой ничего поделать, — заметил Джо.

— Да, я понимаю. Кто из вас, девочки, займется моим пальцем?

Барбара перевязала ему палец, повторяя про себя, что она, когда настанет ее черед, не должна, *не должна* кусаться.

По старшинству котята располагались следующим образом: гладкошерстный серый, пушистый белый, угольно-черный с белой грудкой и чулочками и пестрый. После долгих споров между Карен и Джо они были названы: Счастливый Новый Год, Снежная Принцесса Великолепная, Доктор Черная Ночь и Лоскутная Девочка Страны Оз. Кратко: Счастливчик, Красотка, Полночь и Заплатка.

К полуночи мать и новорожденные были размещены в ящике и снабжены водой, пищей и тарелкой с песком неподалеку. С чувством исполненного долга все отправились спать. Джо улегся на полу, прислонившись головой к кошачьему гнездышку.

Когда все затихло, он поднялся и, включив фонарь, заглянул в ящик. Док Ливингстон держал одного из котят в лапках, а трое других сосали

молоко. Перестав вылизывать Красотку, Док вопросительно взглянул на Джо.

— Твои котятки просто прелесть, — сказал Джо, — самые лучшие детишки на свете.

Док расправил свои королевские усы и довольно заурчал.

8

Хью оперся о лопату.

— Достаточно, Джо.

— Я еще немного подчищу возле шлюза.

Они стояли у верхнего конца траншеи, там, где была устроена запруда на случай жаркой погоды. А жара стояла сильнейшая. Лес начал увядать, солнце палило невыносимо. Поэтому приходилось быть особенно осторожными с огнем.

Зато о медведях не было необходимости беспокоиться так, как раньше, хотя невооруженным по-прежнему никто не ходил. Дьюк перебил столько плотоядных, как из рода медвежьих, так и кошачьих, что появление их стало редкостью.

Через запруду протекал только небольшой ручеек, но в нем хватало воды для поливки и хозяйственных нужд. Без этого водовода они просто потеряли бы свой сад.

Раз в день или пореже водный поток нужно было регулировать. Настоящего шлюза Хью сделать не смог. Его остановила нехватка инструментов и металла, а также отсутствие древесины. Но кое-что придумал. Место, где вода уходила из пруда в канал, было облицовано кирпичом, а водослив —

полукруглыми черепичными плитками. Чтобы усилить ток воды, покрытие снимали и, углубив дно, возвращали на место. Довольно неуклюжая процедура, но это работало.

Траншею выложили черепицей до самого дома, поэтому утечки воды практически не было. Печь для обжига работала день и ночь. В основном их достаток обеспечивала глина с отмели ниже по ручью, но добывать хорошую глину становилось все труднее.

Это не сильно беспокоило Хью: все самое необходимое у них уже было.

Ванная комната перестала казаться сказкой. А шикарный туалет с двумя отделениями, разгороженными оленьей шкурой, после долгих мытарств мужской половины все-таки был оснащен канализацией. Труба из обожженной глины спускалась в люк, проходила по туннелю и заканчивалась в выгребной яме.

Приступив к изготовлению канализационной трубы, Хью столкнулся с большими трудностями. После множества неудач он наконец выстрогал цилиндрическую основу, состоящую из трех сегментов. Глину приходилось намазывать на нее и затем подсушивать немного, чтобы основу можно было вынуть по частям до того, как пере-

сохшая глина начнет трескаться.

Со временем Хью стал настоящим мастером: ему удалось свести до минимума процент брака: двадцать пять процентов при формовке и двадцать пять процентов при обжиге.

Поврежденный бак для воды он разрубил с помощью зубила и молотка по средней линии и сделал две ванны. Одну решили установить в доме, а другую снаружи, под открытым небом. Прохудившиеся швы он загерметизировал выбритыми шкурами, и ванные не протекали — почти.

Приближение периода дождей заставило поторопиться с устройством на кухне очага. Его пока не использовали, так как дни стояли длинные и жаркие. Пищу готовили на улице и ели под навесом из медвежьих шкур.

Теперь их дом был двухэтажным. Хью справедливо рассудил, что надстройка, способная выдержать натиск медведей или нашествие змей, должна быть каменной, с прочной крышей. Это сделать, конечно, можно. А вот как насчет окон и дверей? Возможно, ему и удастся когда-нибудь сварить стекло, если будет решена проблема с содой и известью. Но не так скоро. Крепкую дверь и плотные ставни сделать нетрудно, но тогда

внутри будет слишком душно.

Поэтому они построили на крыше убежища нечто вроде сарайчика с травяной крышей. Теперь, при поднятой лестнице, медведь, пришедший помериться с ними силами, встретит на своем пути двенадцатифутовую стену. Не будучи вполне уверенным, что стена отпугнет всех визитеров, Хью расставил вдоль края пустые кислородные баллоны и протянул веревку так, что, если ее задеть, эти баллоны валились вниз. Сигнализация сработала на первой же неделе, отпугнув непрошеного гостя. Заодно страшно напугался и Хью, в чем он сам честно признался.

Все, что не портилось от дождя, было вытащено наружу, и главную комнату превратили в женскую спальню и — одновременно — в детскую.

Хью смотрел вниз по течению ручья, а Джо тем временем заканчивал подравнивать траншею. В долине виднелась крыша хижины.

«Смотрится вполне прилично», — подумал Хью. Все их хозяйство — в прекрасном состоянии, а на будущий год будет еще лучше. Настолько лучше, что у них появится возможность заняться разведкой. Даже Дьюк до сих пор не бывал дальше чем в двадцати милях отсюда. Для путешествий у них пока не было ничего, кроме ног, к тому же

слишком тяжело еще справляться с бесконечным множеством разнообразных дел…

А следующий год уже не за горами.

«Владенья человека должны быть более, чем досягнет рука, иначе для чего нам небеса?»[18] Когда они начинали, у них не было ни горшка, ни окошка. В этом году горшок… а в будущем, значит, окошко? Не следует торопиться. Пока все идет прекрасно. Даже Грейс как будто поуспокоилась. Он был просто уверен, что она возьмет себя в руки и в конце концов станет счастливой бабушкой. Грейс всегда любила детей и умела ухаживать за ними — он хорошо это помнил.

Теперь уже скоро. Малышка Карен, правда, точно не знает срока, но предполагает, что знаменательный день наступит примерно через две недели, и ее состояние подтверждает ее слова, насколько он может судить.

Чем скорее, тем лучше! Хью изучил в своей библиотеке все книги, касающиеся беременности и родов. Он приготовился, как только мог. Обе его пациентки как будто пребывали в отличном здравии: у обеих обмеры бедер давали прекрасные результаты, обе вроде бы избавились от

[18] Примечания: 18

Строчка из поэмы Роберта Браунинга «Андреа дель Сарто». — *Примеч. С. В. Голд.*

страхов и поддерживали друг друга дружеским подшучиванием, способствующим сохранению нормального настроения. Если Барбара будет поддерживать Карен, если Карен будет поддерживать Барбару, если они обе будут опираться на опыт материнства Грейс, то им нечего бояться.

Прекрасно все же будет иметь в доме детей!

И в этот момент радостного опьянения Хью Фарнхэм понял, что еще никогда в жизни он не был так счастлив.

— По-моему, нормально, Хью. А эти плитки захватим на обратном пути.

— Добро. Возьми ружье, а я понесу инструменты.

— Сдается мне, — сказал Джо, — что мы должны…

Его слова заглушил выстрел. Они замерли. За первым последовали еще два.

Они побежали.

Стоявшая на пороге Барбара подняла ружье, помахала им и вошла внутрь. Когда они подбежали к дому, она вышла навстречу, ступая босыми ногами и двигаясь медленно и осторожно, чтобы не упасть. Ее беременность была уже хорошо заметна. Большой живот покоился в просторных шортах, сделанных из старых джинсов Дьюка. На

ней была мужская рубашка, перешитая так, чтобы не стеснять увеличивающиеся груди. Ружья в ее руках уже не было.

Джо подбежал к ней раньше Хью.

— Карен? — быстро спросил он.

— Да. У нее началось.

Джо поспешно вошел в дом.

Подбежавший Хью спросил, задыхаясь:

— Ну что?

— У нее отошли воды. Затем начались схватки. Тогда я и выстрелила.

— Почему же ты… Впрочем, ладно, что еще?

— С ней Грейс. Но она хочет видеть тебя.

— Дай мне отдышаться. — Хью вытер пот и постарался успокоиться. Он сделал глубокий вдох, задержал воздух в легких, затем медленно выдохнул. Восстановив дыхание, он вошел в дом. За ним последовала Барбара.

Койки, прежде располагавшиеся возле двери, были сняты. Кровать частично занимала дверной проем, но полки у стены убрали, освободив узкий проход. Одну из коек превратили в диванчик в углу. На кровати лежал травяной матрас, застланный медвежьей шкурой. На ней развалился пестрый котенок.

Хью протиснулся мимо, почувствовав, как дру-

гой котенок потерся о его щиколотку. Он вошел в следующее помещение. Здесь из коек была сооружена кровать, на которой лежала Карен. Грейс сидела возле роженицы и обмахивала ее веером. Джо стоял тут же с выражением молчаливого сострадания на лице.

Хью улыбнулся дочери:

— Привет, толстушка! — Он нагнулся и поцеловал ее. — Ну как ты? Больно?

— Сейчас нет. Но я рада, что ты здесь.

— Мы спешили изо всех сил.

Котенок вскочил на постель и улегся на Карен.

— Ах ты! Черт бы тебя побрал, Красотка!

— Джо, — сказал Хью, — собери кошек и отправь их в изгнание.

Вход в туннель был заполнен кирпичом, оставлены только вентиляционные отверстия и кошачья дверь, которую при желании можно было заложить кирпичом. Кошкам все это не очень нравилось, однако так пришлось сделать после того, как пропал и, видимо, погиб Счастливый Новый Год.

Карен попросила:

— Папа, я хочу, чтобы Красотка была со мной.

— Джо, на Красотку моя просьба не распространяется. Когда наступит самый ответственный

момент, отправишь ее к остальным.

— Ясно, Хью. — Джо вышел, столкнувшись в дверях с Барбарой.

Хью потрогал щеки Карен, пощупал пульс. Затем спросил жену:

— Ее побрили?

— Пока не было времени.

— Тогда вы с Барбарой побрейте ее и вымойте. Детка, когда же разверзлись хляби твои?

— Только что. Я сидела на горшке. Тут-то все и началось. Сижу я себе, никого не трогаю… а потом вдруг — р-раз! — и Ниагарский водопад!

— Но схватки-то у тебя были?

— Еще какие!

— Это хорошо. Значит, о схватках можно не беспокоиться. — Он улыбнулся. — В принципе, беспокоиться вообще не о чем. Думаю, что бóльшую часть ночи ты проведешь за игрой в бридж. Дети, как и котята, имеют обыкновение появляться на свет под утро.

— Всю ночь? Я хочу, чтобы этот маленький ублюдок родился побыстрее, и делу конец.

— Я тоже хотел бы, чтобы все это кончилось поскорее, но у детей на этот счет свое мнение, — сказал Хью и добавил: — Ладно, тебе предстоят кое-какие дела, да и мне нужно кое-чем заняться.

Я в грязи с головы до ног. — Он собрался уходить.

— Папа, подожди секундочку. А я обязательно должна оставаться здесь? Здесь очень жарко.

— Нет. У двери светлее. Особенно если наш юный Тарзан соблаговолит появиться при свете дня. Барбара, убери с нее медвежью шкуру, будет прохладнее. И прикрой вон той простынкой. Или возьми чистую, если есть.

— Стерилизованную?

— Нет. Ее не распаковывай до тех пор, пока не начнутся роды. — Хью похлопал дочь по руке. — Постарайся, чтобы не было схваток, пока я не вымоюсь.

— Папа, тебе нужно было стать врачом.

— А я и есть врач. Самый лучший в мире.

Выйдя из дома, он встретил Дьюка, задыхающегося от долгого бега.

— Я слышал три выстрела. Сестренка?

— Да. Не волнуйся, у нее только начались схватки. Я собираюсь принять ванну. Не желаешь присоединиться?

— Сначала я хочу повидаться с сестренкой.

— Тогда поторопись: ее собираются купать. Мужчины там сейчас помеха. Заодно захвати Джо. Он размещает котов по камерам.

— Может быть, следует накипятить воды?

— Пожалуйста, займись, если это успокоит тебя. Дьюк, я уже заготовил все необходимое, по крайней мере то, что у нас имеется. Уже с месяц, как заготовил. В том числе и шесть бидонов кипяченой воды на то на се. Так что пойди поцелуй свою сестру и постарайся не показывать ей своей обеспокоенности.

— Ну и хладнокровен же ты, отец!

— Сынок, я сам не свой от страха. Я уже сейчас могу перечислить тринадцать возможных осложнений — и ни с одним из них мне не справиться. Я гожусь только на то, чтобы похлопывать ее по руке и уверять, что все идет как по маслу… а ей именно это и надо. Осматривая ее, я сохраняю видимость каменного спокойствия, а сам не знаю, на что обращать внимание. Я хочу одного: чтобы она обрела уверенность, и буду тебе очень признателен, если ты мне в этом поможешь.

— Вас понял, сэр. Буду поддерживать вашу игру, — с готовностью отозвался Дьюк.

— Только не переигрывай. Просто постарайся показать ей, что ты разделяешь ее уверенность в старом доке Фарнхэме.

— Я постараюсь.

— Если Джо начнет трястись, вытаскивай его оттуда. Он дергается больше всех. Грейс справ-

ляется прекрасно. Ладно, поспеши, а то они не пустят тебя.

Немного позже выкупавшийся и успокоившийся Хью выбрался из воды раньше Джо и Дьюка и направился к дому, неся одежду в руках, чтобы ветерок высушил его кожу. Он задержался у двери, натягивая шорты.

— Тук-тук!

— Нельзя, — отозвалась из-за двери Грейс. — Мы заняты.

— Тогда прикройте ее. Мне нужно вымыть руки перед операцией.

— Мама, перестань. Входи, папа.

Хью вошел, пробрался мимо Барбары и Грейс и зашел в ванную. Там он очень коротко остриг ногти, вымыл руки — сначала проточной водой, а затем кипяченой — и повторил процедуру еще раз. Помахав руками в воздухе, чтобы они высохли, он вернулся в комнату, стараясь ни до чего не дотрагиваться.

Карен лежала на широкой кровати около двери, прикрытая половинкой изношенной простыни. На плечи ее была накинута серая рубаха, которая была на Хью в ночь нападения. Грейс и Барбара сидели на кровати, Дьюк стоял в дверях, а Джо печально сгорбился позади кровати.

Хью улыбнулся дочери:

— Ну как дела? Еще схватки были?

— Ни единой, черт бы их побрал. Хоть бы он родился до обеда.

— Обязательно родится. Потому что никакого обеда тебе не видать как своих ушей.

— Чудовище! Мой отец просто чудовище.

— Доктор Чудовище, с вашего позволения, а теперь, друзья мои, прошу вас очистить помещение. Мне нужно осмотреть пациентку. Все свободны, кроме Грейс. Барбара, пойди и приляг.

— Я не устала.

— Возможно, нам всю ночь придется провести на ногах. Так что лучше вздремнуть заранее. Я не испытываю ни малейшего желания принимать преждевременные роды.

Он откинул простыню, осмотрел Карен и ощупал ее живот.

— Ты чувствуешь толчки?

— Еще бы! Когда он родится, его непременно нужно записать в команду «Грин бей пэкерз». У меня такое впечатление, что на ногах у него бутсы.

— Ничуть не удивлюсь, если это так. Ты была обута, когда зачинала его?

— Что? Папа, что за гадости ты говоришь! Да.

— Пренатальное воздействие. В следующий раз перед этим обязательно разуйся.

Беседуя с дочерью, Хью одновременно пытался определить, в каком положении находится ребенок — головкой вниз или, боже избави, поперек. Как оказалось, сделать это он был не в состоянии. Поэтому он улыбнулся Карен и солгал:

— Прекрасно, бутсы нас не побеспокоят, поскольку он расположен головкой прямо вниз, именно так, как надо. Надо думать, роды будут очень легкими.

— Откуда ты знаешь, папа?

— Положи руку вот сюда, где моя. Вот его выпуклая головка, вниз которой он и нырнет. Чувствуешь?

— Кажется, да.

— Если бы ты была на моем месте, посмотрела на себя со стороны, то могла бы даже и увидеть.

Он попытался определить, начало ли расширяться влагалище. Имело место небольшое кровотечение, поэтому он не решился произвести обследование руками: во-первых, он все равно не знал, как должно было все это быть на ощупь, а во-вторых, боялся занести инфекцию. Кое-что могло поведать ректальное обследование, но он опять же не знал, что именно, поэтому не было

никакого смысла подвергать Карен этой малоприятной процедуре.

Хью поднял голову и встретился взглядом с женой. Сначала он хотел посоветоваться с ней, но потом решил, что не стоит. Несмотря на то что дети у Грейс были, о деторождении она знала не больше его самого, а дав понять Карен, что он не уверен в себе, он может пошатнуть ее уверенность в благоприятном исходе.

Поэтому он взял свой «стетоскоп» (три последних чистых листа из энциклопедии, скатанные в трубочку) и стал прослушивать сердцебиение плода. Он много раз проделывал это за последнее время. Но и здесь его ожидала неудача: он услышал множество различных шумов, которые определил про себя как «бурчание в кишках».

— Тикает, как метроном, — заключил он, откладывая трубку и снова укрывая дочь. — Твое дитя в отличном состоянии, девочка, и ты сама тоже. Грейс, вы, кажется, завели журнал: когда начались первые боли?

— Им занималась Барбара.

— Будь добра, сохрани его. А сейчас скажи Дьюку, чтобы он снял ремни со второй кровати и принес их сюда.

— Хьюберт, ты уверен, что они понадобятся?

Ни один из моих врачей не советовал мне ничего подобного.

— Это самое последнее новшество, — заверил он ее. — Теперь его применяют во всех больницах. — Хью где-то читал, что некоторые акушерки заставляют рожениц тянуть во время потуг ремни. Он просмотрел все книги, ища подтверждения, но не нашел. Тем не менее здравый смысл подсказывал ему, что это действительно правильно — женщине так легче тужиться.

У Грейс на лице отразилось сомнение, но возражать она не стала и вышла из убежища. Хью собрался встать, но Карен схватила его за руку:

— Не уходи, папа!

— Больно?

— Нет. Я хотела сказать тебе одну вещь. Я попросила Джо взять меня в жены. На прошлой неделе. И он согласился.

— Рад слышать это, дорогая. Тебе достанется настоящее сокровище.

— Мне тоже так кажется. Конечно, в моем положении выбирать особенно не приходится, но Джо мне действительно нравится. Разумеется, мы не поженимся до тех пор, пока я полностью не оправлюсь после родов и не стану сильной и здоровой, как прежде. Сейчас я и подумать боюсь

о разговоре с матерью.

— Я ей ничего не скажу.

— И Дьюку тоже не говори. А Барбара все знает и считает, что это прекрасно.

Схватки у Карен начались, когда Дьюк прилаживал ремни. Она вскрикнула, застонала и ухватилась за концы ремней, которые торопливо протянул ей Дьюк. Хью положил руку ей на живот и почувствовал, как сильно он напрягается одновременно с приступами боли.

— Тужься, детка, — посоветовал он, — и старайся дышать глубже — это помогает.

Она глубоко вдохнула и закричала.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Карен немного расслабилась, выдавила улыбку и сказала:

— Ну наконец-то прошло. Искренне сожалею о звуковых эффектах, папа.

— Если хочешь, кричи на здоровье. Но лучше глубоко дышать. Отдохни немного, пока мы тут разберемся. Джо, тебя придется использовать в качестве повара: я хочу, чтобы Барбара отдохнула, а Грейс будет исполнять обязанности медсестры. Поэтому тебе придется приготовить обед и заодно что-нибудь холодненькое на ужин. Грейс, ты занесла в журнал, когда начались схватки?

— Да.

— Заметила, сколько времени они длились?

— Я засекла, — сказала Барбара. — Сорок четыре секунды.

Карен возмутилась:

— Барбара, да ты в своем ли уме! Они длились никак не менее часа.

— Ладно, пусть будет сорок пять секунд, — сказал Хью. — Засекайте время появления схваток и сколько они длятся.

Семь минут спустя начался следующий приступ. Карен постаралась последовать совету отца и дышать глубоко. На сей раз она только слегка вскрикнула. Но когда боль отошла, она уже не в состоянии была шутить и только отвернулась лицом к стене. Схватки были долгими и сильными. Хотя страдания дочери потрясли Хью, он все же немного приободрился: роды как будто обещали быть непродолжительными.

Он ошибался. Весь этот жаркий и трудный день женщина на кровати старалась избавиться от своей ноши. Лицо ее побелело, то и дело она вскрикивала, с каждой потугой живот ее напрягался, мышцы на руках и шее вздувались. Затем, когда схватки отпускали, она откидывалась на подушки, усталая и дрожащая, не в состоянии

разговаривать и обращать внимание на что-либо, кроме происходящего с ней.

Дальше стало хуже. Схватки теперь шли с трехминутными интервалами, причем каждая следующая была длиннее предыдущей и, казалось, более мучительной. Наконец Хью посоветовал ей не пользоваться ремнями: он не заметил, чтобы от них был какой-нибудь толк. Она тут же попросила дать их, как будто не слыша, что он сказал. Похоже, ремни помогали ей чувствовать себя немного удобнее.

В девять часов вечера началось кровотечение. Грейс заметалась: она слышала много рассказов о том, как опасно кровотечение. Хью заверил ее, что так и должно быть и что это свидетельствует о скором появлении ребенка. Да он и сам поверил в это, потому что кровотечение не было ни обильным, ни продолжительным, — и к тому же казалось невероятным, что роды могут затянуться еще.

Грейс на что-то рассердилась и встала. Барбара тут же плюхнулась в освободившееся кресло. Хью надеялся, что Грейс решила отдохнуть, — женщины дежурили по очереди.

Но через несколько минут его жена вернулась.

— Хьюберт! — сказала она высоким срываю-

щимся голосом. — Хьюберт, я собираюсь вызвать врача.

— Пожалуйста, — согласился он, не сводя глаз с Карен.

— Послушайте меня, Хьюберт Фарнхэм! Вам следовало вызвать врача с самого начала. Вы убиваете ее, слышите? Я намерена вызвать врача, и вам меня не остановить!

— Конечно, Грейс, о чем речь! Телефон вон там. — Он указал пальцем в другой отсек.

Казалось, Грейс была слегка озадачена, но затем она резко повернулась и вышла.

— Дьюк!

В комнату торопливо вбежал сын.

— Да, отец?..

Хью многозначительно произнес:

— Дьюк, твоя мать решила вызвать врача по телефону. Пойди помоги ей. *Ты меня понял?*

У Дьюка расширились глаза.

— Где у нас иглы?

— В маленьком пакетике на столе. Большой не трогай — он стерилизован.

— Ясно. Сколько ей ввести?

— Два кубика. Только смотри, чтобы она не видела иглу, а то может дернуться.

Тут он почувствовал, что у него самого закру-

жилась голова.

— Нет, лучше введи ей три кубика. Я хочу, чтобы она сразу вырубилась и проспала до утра. Она выдержит такую дозу.

— Иду, иду, — поспешно сказал Дьюк и последовал за матерью.

У Карен как раз наступил перерыв между схватками, и она, видимо, впала в полузабытье. Очнувшись, она прошептала:

— Бедный папочка! Твои женщины доставляют тебе столько огорчения!

— Отдохни, милая.

— Я... О боже, опять подступает!

Между приступами боли она выкрикивала:

— О, какая боль! Я больше не могу! Ох, папа, я хочу врача! Ну пожалуйста, папочка! Пусть придет доктор!

— Ты тужься, доченька, тужься!

Схватки все продолжались и продолжались до самой ночи. Облегчения не было, становилось только хуже. Не было смысла вести журнал схваток — они стали почти непрерывными. Карен уже не могла говорить. Среди стонов можно было с трудом различить только невнятные мольбы о помощи. В промежутках между схватками она иногда вдруг начинала что-то бормотать, но на

вопросы не отвечала.

Перед рассветом — Хью к тому времени стало казаться, что эта пытка длится не меньше недели, хотя часы утверждали, что схватки начались всего восемнадцать часов назад, — Барбара сказала с тревогой в голосе:

— Хью, она больше не выдержит.

— Я знаю, — согласился он, глядя на дочь. Она была на пике боли, лицо ее посерело и исказилось, рот искривился в агонии, сквозь зубы вырывались сдавленные стоны.

— Что же делать?

— Я думаю, необходимо кесарево сечение. Но я не хирург, к сожалению.

— А может, все-таки…

— Нет… Я тут бессилен.

— Но ведь ты же знаешь гораздо больше, чем первый человек, который решился сделать его! Ты знаешь, как обеспечить стерильность. У нас есть сульфаниламиды, и ее можно напичкать димедролом. — Барбара говорила громко, не боясь, что Карен может услышать ее: Карен уже ничто не интересовало.

— Нет!

— Хью, ты просто обязан. Она умирает.

— Я понимаю, — он вздохнул, — но делать кеса-

рево сечение уже поздно, даже если бы я знал, как его делать. Я имею в виду, чтобы спасти Карен. Но ребенка это могло бы еще спасти. — Он заморгал и покачнулся. — Но нам не спасти и ребенка. Где мы возьмем кормилицу? Ты кормить не можешь, по крайней мере сейчас. А коров у нас нет.

Он глубоко вздохнул и попытался взять себя в руки.

— Осталось одно. Попробовать эскимосский способ.

— Господи, а это что такое?

— Поставить ее на ноги и предоставить возможность действовать земному притяжению. Вдруг это поможет? Позови мужчин. Они нам потребуются. Мне снова нужно продезинфицировать руки. Может быть, придется делать надрез. О боже!

Через пять минут они были готовы. Пока Карен бессильно лежала после очередной схватки, Хью попытался объяснить ей, что предстоит сделать. Слова с трудом доходили до нее, но в конце концов она слегка кивнула и прошептала:

— Мне уже все равно.

Хью подошел к столу, на котором были разложены его инструменты, взял в одну руку скальпель, а в другую фонарь.

— Ладно, парни, как только начнется, берите ее под руки и поднимайте.

Схватки возобновились буквально через несколько секунд. Хью кивнул Дьюку:

— Давайте!

— Джо, помогай! — Они принялись поднимать ее, поддерживая за плечи и бедра.

Карен закричала:

— Нет, нет! Не трогайте меня... Я не вынесу этого! Папочка, пусть они отпустят меня! Папа!

Они остановились. Дьюк спросил:

— Так что будем делать, отец?

— Я сказал — поднимайте! Ну!

Они с трудом подняли ее с кровати. Барбара зашла сзади и, обхватив ее руками вокруг талии, сильно надавила на измученный живот несчастной. Карен снова закричала и стала вырываться. Они обхватили ее еще крепче. Хью лег навзничь и направил луч фонаря вверх.

— Тужься, Карен, тужься!

— О-о-о!

И тут он вдруг увидел темя ребенка, серовато-голубое. Он хотел уже отложить скальпель, но головка снова исчезла!

— Карен, попробуй еще раз!

Хью мучительно раздумывал о том, где следует

сделать разрез. Спереди? Или сзади? Или и сзади и спереди? Он снова увидел темя — оно появилось и пропало. Рука его вдруг стала твердой как камень, он потянулся совершенно бессознательно и сделал небольшой надрез.

Он едва успел отложить скальпель, как прямо ему в руки шлепнулся мокрый, скользкий, окровавленный ребенок. Хью помнил, что должен сделать еще что-то, но все, что он сообразил в данную минуту, — это взять ребенка за обе ножки, поднять и шлепнуть по крошечной попке. Раздался сдавленный крик.

— Теперь осторожно положите ее на кровать, но только полегче. Они все еще связаны пуповиной.

Мужчины бережно уложили Карен. Хью стоял на коленях. Руки его были заняты слабо попискивающей ношей. Поднявшись, он попытался вложить ребенка Карен в руки, но заметил, что та не в состоянии взять его. Казалось, что она в сознании, и глаза ее были открыты. Но она ничего не воспринимала.

Хью и сам был на грани обморока. Он мутным взором обвел комнату и вручил ребенка Барбаре.

— Никуда не отходи, — зачем-то сказал он ей.

— Отец, — спросил Дьюк, — а разве не нужно

перерезать пуповину?

— Пока еще нет. И куда только запропастился этот скальпель? — Он наконец нашел его, быстро протер йодом, надеясь, что этого окажется достаточно, и положил рядом с двумя прокипяченными шнурками, затем повернулся и пощупал пуповину — пульсирует или нет.

— Он просто замечательный, — мягко сказал Джо.

— Она, — поправил его Хью. — Ребенок — девочка. А теперь, Барбара, если ты…

Он замолчал. Дальнейшее произошло слишком быстро. Ребенок начал задыхаться. Хью схватил его, повернул головкой вниз, сунул палец в рот младенцу и извлек оттуда комок слизи. Отдав ребенка Барбаре, он снова принялся щупать пуповину и только тут заметил, что Карен в опасном состоянии.

С кошмарной мыслью о том, что ему нужно раздвоиться, чтобы все успеть, он взял один из шнурков и узлом перевязал пуповину около животика ребенка, пытаясь унять дрожь в руках. Затем он начал завязывать второй шнурок и понял, что этого уже не нужно: Карен внезапно исторгла послед, и началось кровотечение. Она застонала.

Одним движением скальпеля Хью перерезал пуповину, бросил Барбаре: «Закрой ее пластырем» — и повернулся, чтобы заняться матерью.

Кровь текла из нее ручьем. Лицо посерело, и она, казалось, уже потеряла сознание. Было бесполезно накладывать швы на разрез и последовавшие за ним разрывы: Хью видел, что кровь шла изнутри. Пытаясь остановить ее, он сделал тампон из последней оставшейся марли и крикнул Джо и Дьюку, чтобы те принесли бандаж: нужно было сжать живот Карен, чтобы оказать давление на ее матку.

Через мучительно долгий, как ему показалось, промежуток времени компресс был на месте, а марля подкреплена целым ворохом стерильных гигиенических салфеток.

«Их нечем заменить, — отрешенно подумал Хью, — не нужно было тратить столько».

Он поднял глаза, взглянул на лицо Карен и в панике начал нащупывать ее пульс.

Карен скончалась через семь минут после рождения дочери.

9

Кэтрин Джозефин пережила свою мать на день. Хью окрестил ее этим именем и каплей воды через час после того, как умерла Карен. Было ясно, что и девочка долго не протянет. У нее оказалось что-то не в порядке с дыханием.

Один раз, когда малышка стала задыхаться, Барбара вернула ее к жизни, прижавшись ртом к ее ротику и высосав из него что-то, что тут же с отвращением сплюнула. Некоторое время после этого малышка Джоди как будто чувствовала себя лучше.

Но Хью понимал, что это только отсрочка. Он не представлял себе, каким образом им удастся сохранить девочку живой достаточно длительное время — целых два месяца, до тех пор, пока Барбара не сможет кормить ее. У них в запасе остались только две банки сухого молока.

Тем не менее они старались сделать все возможное.

Грейс припомнила состав смеси: сухое молоко, кипяченая вода и немного сладкого сиропа. У них, правда, не из чего было кормить девочку. Отсутствовала даже соска. Осиротевший ребенок был

ситуацией, которой Хью никак не мог предвидеть. Теперь, задним числом, рождение младенца казалось ему одной из самых очевидных из всех чрезвычайных ситуаций. Он гнал мысли о своей непредусмотрительности, сосредоточившись на том, чтобы сохранить жизнь дочери Карен.

Пластиковая пипетка оказалась наиболее похожим на соску предметом. Ничего лучшего найти не удалось. С ее помощью они попытались дать малютке смесь, стараясь нажимать на бока капельницы в такт сосательным движениям ребенка.

Из этой затеи мало что получалось. Малютка Джоди по-прежнему дышала с трудом и начинала задыхаться каждый раз, когда они пытались покормить ее. На то, чтобы прочистить ей горлышко и дать возможность оправиться, они потратили почти столько же усилий, как и на то, чтобы покормить ее. Казалось, она просто не хочет брать в рот грубую подделку, а если они старались кормить ее насильно, она тут же начинала задыхаться. Дважды Грейс удавалось скормить ей почти унцию смеси. И оба раза она срыгивала ее. Барбаре и Хью не удалось даже этого.

На следующее утро Хью проснулся от крика

Грейс. Ребенок задохнулся и умер.

В тот страшный день, когда борьба за жизнь новорожденной еще продолжалась, Дьюк и Джо выкопали могилу высоко на солнечном склоне холма. Могила получилась глубокой, кроме того, они запаслись кучей булыжников. Оба боялись, что медведи или койоты могут разрыть могилу.

Когда работа была закончена, Джо с усилием спросил:

— Как мы будем делать гроб?

Дьюк вздохнул и вытер пот со лба.

— Джо, гроб нам не осилить.

— Но мы просто *должны* сделать его.

— Конечно, можно нарубить деревьев, расколоть их и получить немного досок — как мы и делали, например, для кухонного стола. Но сколько времени это у нас займет? Джо, погода стоит жаркая. Карен не может столько ждать!

— Тогда мы должны разобрать что-нибудь. Кровать, например, или книжные полки.

— Проще всего — шкаф для одежды.

— Ладно, не будем откладывать.

— Джо, любая вещь, из которой можно сделать гроб, находится в доме. Неужели ты думаешь, что Хью разрешит нам *сейчас* войти туда и начать ломать, колотить, прибивать? Он просто убьет того,

кто разбудит ребенка или напугает в то время, когда его с таким трудом пытаются покормить. Если раньше не убьют Барбара или мать. Нет, Джо. Придется нам обойтись без гроба.

Они сошлись на том, что устроят склеп. Использовав весь свой запас кирпичей, они сложили нечто вроде ящика на дне могилы, затем спилили навес, под которым обедали, и сделали из тонких стволов крышку, чтобы ящик можно было закрыть. Хотя все это выглядело довольно жалко, они почувствовали нечто вроде удовлетворения.

На следующее утро в этой могиле были похоронены мать и дочь.

Опускали их вниз Джо и Дьюк. Последний настоял на том, чтобы отец оставался в стороне и позаботился о Грейс и Барбаре. Дьюк вообще предпочел бы справиться со всем сам, но без помощника, к сожалению, обойтись было трудно.

Когда Дьюк предложил не отпускать Грейс на похороны, Хью отрицательно покачал головой:

— Я тоже думал об этом. Попробуй ее убедить. Мне это не удалось.

Дьюку тоже не удалось переубедить Грейс. Но к тому времени, когда Джо отправился звать остальных, его сестра и племянница уже мирно покоились, аккуратно прикрытые тканью. Не

осталось ни единого следа тех усилий, которых потребовало помещение их сюда: ни осыпавшейся земли, ни обломков отвалившейся кладки. А самый ужасный момент, когда крошечное тело выпало из простыни, пока они опускали мать и дочь в могилу, произошел без свидетелей. Лицо Карен выражало абсолютное спокойствие, а дочурка покоилась у нее на груди, как будто задремав.

Дьюк, встав на края кирпичной стенки, наклонился и прошептал:

— Прощай, сестричка. Прости меня за все.

Затем он прикрыл ей лицо и осторожно вылез из могилы. По склону холма поднималась небольшая процессия. Хью поддерживал под руку жену, Джо помогал Барбаре. За убежищем на флагштоке колыхался приспущенный флаг.

Подойдя к могиле, они встали так, что Хью оказался у изголовья, по правую руку от него стояла жена, по левую — сын. Барбара и Джо расположились с противоположной стороны. К облегчению Дьюка, никто не попросил приоткрыть лица усопших, да и мать воспринимала происходящее как будто спокойно.

Хью вынул из кармана небольшую черную книжечку и раскрыл ее на заложенном заранее

месте:

— «Я есьм воскресение и жизнь…[19]

Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него[20]. Господь дал, Господь и взял…»[21] — читал он.

Грейс всхлипнула, и колени у нее начали подгибаться. Хью вложил книгу в руки Дьюка и поддержал супругу.

— Продолжай, сынок.

— Отведи ее назад, отец!

— Нет-нет, я должна остаться, — совершенно убито пробормотала Грейс.

— Читай, Дьюк. Я отметил нужные места.

— «…напрасно он суетится, собирает и не знает, кому достанется то.

Ибо странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои.

Отступи от меня, чтобы я мог подкрепиться, прежде нежели отойду и не будет меня»[22].

---

[19] Примечания: 19
Ин. 11: 25. — *Примеч. С. В. Голд.*

[20] Примечания: 20
1 Тим. 6: 7. — *Примеч. С. В. Голд.*

[21] Примечания: 21
Иов. 1: 21. — *Примеч. С. В. Голд.*

[22] Примечания: 22
Пс. 38: 7, 13, 14. — *Примеч. С. В. Голд.*

«Человек, от женщины рожденный, обречен лишь на быстротечное бытие, и полон несчастий краткий путь его земной…»

«В руки Господа всемогущего нашего предаем мы душу сестры нашей — сестер наших — и предаем тела их земле. Землю — земле, прах — праху, и тлен — тлену…»[23]

Дьюк остановился и бросил в могилу маленький комок земли. Затем он снова заглянул в книгу, закрыл ее и сказал вдруг:

— Давайте помолимся.

Они отвели Грейс обратно в дом и уложили в постель. Джо и Дьюк вернулись, чтобы засыпать могилу землей. Хью, решив, что жена его теперь отдохнет, начал гасить свечи в задней комнате. Грейс открыла глаза:

— Хьюберт…

— Что, Грейс?

— Я ведь говорила тебе. Я предупреждала. Но ты не хотел меня слушать.

— О чем ты, Грейс?

— Я ведь говорила тебе, что ей нужен доктор. Но ты не вызвал его. Ты оказался слишком гордым. Ты принес мою дочь в жертву собственной

---

[23] Примечания: 23

Текст в основном взят из книги «Book of Common Prayer». — *Примеч. С. В. Голд.*

гордыне. Мое дитя. Ты убил ее.

— Грейс, но здесь же нет докторов. Ты прекрасно это знаешь.

— Будь ты хотя бы наполовину мужчиной, ты не стал бы оправдываться!

— Грейс, прошу тебя. Дать тебе чего-нибудь? Милтаун, например? А может, сделать укол?

— Нет, нет! — пронзительно вскрикнула она. — Именно так ты и помешал мне в тот раз вызвать врача. Наперекор тебе. Ты больше не заткнешь мне рот своими таблетками! Не прикасайся больше ко мне никогда. Убийца!

— Хорошо, Грейс. — Он повернулся и вышел.

Барбара сидела у двери, обхватив голову руками. Хью сказал:

— Барбара, приспущенный флаг нужно снова поднять. Я пойду и сам сделаю это.

— Так скоро, Хью?

— Да. Жизнь продолжается.

10

Жизнь продолжалась. Дьюк охотился и помогал Джо заниматься сельским хозяйством. Больше обычного трудился Хью. Грейс тоже работала. Качество приготовленных ею блюд улучшалось день ото дня, как и ее аппетит. Она растолстела и никогда больше не обвиняла мужа в смерти дочери.

Грейс вообще игнорировала его. Когда нужно было что-то обсудить, она разговаривала с Дьюком. Она перестала посещать и проводимые Хью службы.

Как-то в последний месяц беременности Барбары Дьюк остался один на один с отцом.

— Отец, ты однажды обронил, что любой из нас может уйти, когда захочет.

Хью был удивлен.

— Да.

— Ты, кажется, говорил, что выделишь уходящему равную долю имущества. Боеприпасы, инструменты и так далее.

— Все, что есть. Фирма гарантирует. Дьюк, неужели ты хочешь уйти?

— Да… и не я один. Уйти хочет мать. Именно

она настаивает на этом. У меня тоже есть мотивы, но основная причина в ней.

— Ммм… Что ж, давай обсудим твои мотивы. Может быть, ты недоволен моим руководством? Так я с радостью уступлю свое место. Я абсолютно уверен, что смогу уговорить Джо и Барбару согласиться с этим, так что у тебя будет единодушное одобрение. — Он вздохнул. — Я устал нести эту ношу.

Дьюк покачал головой:

— Не в том дело, папа. Я вовсе не хочу становиться боссом, да и справляешься ты прекрасно. Не могу сказать, чтобы мне понравилось, как ты вначале все взял в свои руки. Но самое главное — результаты, а результатов ты добился отличных. Лучше давай не будем обсуждать мое решение. Могу только сказать, что с тобой лично это никак не связано… и я бы ни за что не ушел, если бы на уходе не зациклилась мать. Она непременно хочет отделиться. А я не могу позволить ей уйти в одиночку.

— Ты не знаешь, почему Грейс хочет уйти?

Дьюк заколебался:

— Отец, я не думаю, что это имеет значение. Она уже все для себя решила. Я сказал ей, что не смогу устроить ей такую же безопасную и

удобную жизнь, как здесь. Но в этом вопросе она настоящий кремень.

Хью взвесил его слова.

— Дьюк, если твоя мать так считает, я не буду пытаться ее переубедить. Я уже давно истратил последние крохи влияния на нее. Но у меня есть две идеи. Может быть, какая-нибудь из них покажется тебе приемлемой…

— Вряд ли.

— Выслушай сначала. Ты знаешь, что у нас есть медные трубки — часть из них мы использовали при оборудовании кухни. Но, кроме них, я припас еще кое-что для изготовления самогонного аппарата. Я приобрел в свое время все необходимое, чтобы в случае войны иметь возможность торговать спиртным, которое было бы чистым золотом в любом примитивном послевоенном обществе.

Я не построил аппарат по известным нам обоим причинам. Но я могу соорудить его. И я знаю, как гнать самогон. — Он слегка улыбнулся. — Это не кабинетное знание. На юге Тихого океана во время службы я гнал самогон; командир закрывал на это глаза. Тогда-то я и узнал, как из зерна, картошки, да почти из чего угодно, гнать спиртное. Дьюк, возможно, твоя мать была бы счастлива, если бы всегда имела выпивку.

— Но она же сопьется до смерти!

— Дьюк, Дьюк… Если при этом она будет счастлива, кто мы такие, чтобы останавливать ее? Ради чего ей жить? Раньше она любила смотреть телевизор, бывать в гостях; она могла целый день провести в парикмахерской, затем пойти в кино, в гости и выпить там немного с подругой. Это была ее жизнь, Дьюк. А где теперь все это? Ушло безвозвратно. И только то, что я предлагаю, немного скрасило бы ее существование. Кто ты такой, чтобы указывать своей матери, спиваться ей до смерти или нет?

— Отец, дело не в этом!

— Так в чем же?

— Ну, ты знаешь, я не одобряю… не одобрял, что мать слишком много пьет. Но я бы, наверное, теперь смирился с этим. Если ты построишь аппарат, мы, возможно, будем твоими покупателями. Но уйти все равно уйдем, так как самогон не решает проблемы.

— Что же, остается второе предложение: уйду я, а не она. Только вот… — Хью нахмурился. — Дьюк, скажи ей, что я уйду, как только Барбара родит. Я не могу оставить своего пациента. Но ты можешь заверить Грейс…

— Отец, это тоже не решит проблемы!

— Тогда я не понимаю…

— О господи! Ну да ладно. Дело-то как раз в Барбаре. Она… Короче говоря, мать ополчилась на нее. Совершенно не может ее терпеть с тех пор, как умерла Карен. Она сказала мне: «Дьюк, эта женщина не будет рожать ребенка в моем доме! Своего выродка! Я этого не потерплю. Скажи отцу, что он должен выставить ее отсюда» — вот ее собственные слова.

— Боже мой!

— Именно. Я пытался урезонить мать. Я без конца повторял, что Барбара не может уйти. Я объяснил это с разных сторон. Я сказал, что нет никаких шансов, что ты когда-нибудь выгонишь Барбару. А что касается того, чтобы заставить ее уйти сейчас или даже просто отпустить ее, так это столь же невозможно, как если бы ты выгнал Карен. Я сказал ей, что и сам я настроен так же и что если ты обезумеешь настолько, что попытаешься ее выставить, то я и Джо будем защищать Барбару. Но ты, конечно, на такое свинство не способен.

— Спасибо и на этом.

— Мои слова решили исход дела. Мать верит мне, когда я высказываюсь начистоту. Поэтому она решила, что уйдет сама. Я не могу удержать

ее. Она уходит. А я иду, чтобы заботиться о ней.

Хью потер виски:

— Да, действительно, ситуация никогда не бывает столь плохой, чтобы ее нельзя было сделать еще хуже. Дьюк, но ведь даже вместе с тобой идти ей некуда.

— Не совсем так, отец.

— То есть?

— Все можно устроить, если ты согласишься нам помочь. Помнишь пещеру у начала каньона Коллинза, ну, ту, которую еще собирались превратить в туристический аттракцион? Так вот, она все еще существует. Или ее двойник, точнее сказать. Я охотился в той стороне еще в первую неделю нашего пребывания здесь. Каньон выглядел таким знакомым, что я поднялся наверх и нашел пещеру. Ты знаешь, отец, в ней вполне можно жить и обороняться.

— А вход? А дверь?

— Никаких проблем, если ты отдашь стальной щит, который загораживал вход в туннель.

— Конечно, о чем речь!

— В пещере есть небольшое отверстие, которое решает проблему дыма. По ней протекает ручей, не пересохший до сих пор, несмотря на жуткую жару. Одним словом, отец, пещера не менее

комфортабельна, чем наше убежище. Ее нужно только слегка оборудовать.

— Тогда сдаюсь. Можешь брать почти все, что захочешь. Постельные принадлежности, кухонную утварь. Вашу долю консервов. Спички, оружие, боеприпасы. Составь список, а я потом помогу тебе все перенести.

Дьюк покраснел так, что стало заметно даже сквозь загар.

— Отец, ты знаешь, кое-что уже там…

— Вот как? Ты считал, что я окажусь мелким скрягой?

— Э… я не говорю о последнем периоде. Я припрятал там кое-какие вещи еще в первые дни нашего пребывания здесь. Помнишь… ну, в общем, у нас с тобой произошла та стычка… а после нее ты назначил меня главным хранителем. Это навело меня на мысль, и я после этого неделю или две не выходил из дома ненагруженным, стараясь уйти, когда меня никто не видит.

— Попросту воровал.

— Я бы так не сказал. Я никогда не брал больше одной шестой наших запасов… и только самые необходимые вещи. Спички, патроны. То ружье, которое ты никак не мог найти. Одно одеяло. Нож. Немного провизии. Несколько свечей. Дело

в том, что… Поставь себя на мое место. Постоянно существовала угроза того, что ты рассердишься на меня и нам придется драться — причем один из нас непременно будет убит, как ты мне тогда заявил, — или я буду вынужден бежать сломя голову, не имея возможности *ничего* взять с собой. Я решил не вступать в борьбу с тобой. Поэтому мне пришлось заняться кое-какими приготовлениями. Но я ничего не крал: ты же сам сказал, что я могу взять свою долю. Одно твое слово — и я тут же принесу все обратно.

Хью Фарнхэм задумчиво поковырял мозоль, затем взглянул на сына:

— Иногда для человека украсть — значит выжить. Я хотел бы узнать только одну вещь. Дьюк, среди продуктов, которые ты унес, были банки с молоком?

— Ни единой. Отец, неужели ты думаешь, что, если бы там было молоко, я не принес бы его назад, когда умирала Карен?

— Да, прости. Зря я это спросил.

— Это я зря не утащил несколько банок. Тогда бы их не истратили.

— Ребенок все равно не прожил столько, чтобы выпить даже то молоко, которое у нас оставалось, Дьюк. Впрочем, что об этом сейчас говорить!

Нужно все вопросы решить побыстрее, но не забывай, что ты в любое время можешь вернуться. Понимаешь, твоя мать сейчас в таком возрасте, когда женщины на некоторое время становятся… несколько упрямыми… Но они потом перебарывают в себе это и остаток жизни доживают милыми старыми леди. Возможно, когда-нибудь наша семья и воссоединится вновь. Надеюсь, время от времени мы будем видеться. И… если захочешь овощей, приходи и бери, сколько нужно.

— Я как раз хотел поговорить на эту тему. Обрабатывать землю я там не смогу. Но если я, например, по-прежнему буду охотиться… нельзя ли мне будет, когда я принесу вам мясо, взять овощей?

Хью улыбнулся:

— Кажется, мы возродили торговлю. Кстати, мы можем снабжать тебя всякими горшками, да и дубление шкур тебе не стоит организовывать. Дьюк, одним словом, прикинь, что вам будет нужно, чтобы завтра же мы с Джо могли начать переносить все это в твою пещеру. Особенно не стесняйся. Вот только…

— Что?

— Книги — мои! Тебе придется каждый раз приходить сюда, чтобы заглянуть в ту или иную

книгу. В моей библиотеке они на дом не выдаются.

— Что ж, это справедливо.

— Я не шучу. Ты можешь одолжить у меня бритву, можешь взять мой лучший нож. Но попробуй только упереть хоть одну книжку — и я спущу с тебя шкуру и сделаю из нее переплет. Всему есть предел. Ну ладно, я пойду, предупрежу Джо и уведу куда-нибудь Барбару. Постараемся не появляться до темноты. Желаю тебе удачи. И передай Грейс, чтобы она не обижалась. Она, конечно, злится, но все же передай. Рай создать можно только вдвоем, а ад очень просто устроить и в одиночку. Не могу сказать, что в последнее время я чувствовал себя счастливым, и, возможно, Грейс умнее, чем мы ее считаем.

— Кажется, таким образом ты просто вежливо посылаешь нас к черту?

— Не исключено.

— Ладно… что бы ты ни имел в виду, желаю того же самого и тебе. То, что я ушел из дома при первой возможности и стал жить один, — вовсе не было случайностью.

— Туше! Ну ладно, ладно! — Отец повернулся и направился прочь.

Выслушав сообщение, Джо ничего не сказал.

Он только заключил, что ему лучше пойти и прорыть еще несколько оросительных канавок. Барбара ничего не говорила до тех пор, пока они не остались одни.

Хью захватил все для пикника: кукурузные лепешки, несколько кусочков вяленого мяса, два помидора и флягу с водой. Еще он взял винтовку и одеяло. Они поднялись на холм и расположились немного выше могилы, в тени дерева. Хью заметил, что на могильном холмике лежат свежие цветы, и подумал: неужели Барбара забиралась сюда? Ведь путь давался ей с большим трудом: чтобы подняться, им понадобилось довольно много времени. Или это сделала Грейс? Но это казалось еще менее вероятным. Затем разгадка пришла ему в голову: Джо.

Когда Барбара удобно расположилась, улегшись на спину и подогнув ноги, Хью спросил:

— Ну что ты по этому поводу думаешь?

Она долго молчала. Затем ответила:

— Хью, мне ужасно жаль, что так получилось. Ведь это я виновата, да?

– *Ты* виновата? Только потому, что больная на голову женщина испытывает ненависть к тебе? Ты же сама как-то говорила, что не стоит упрекать себя за недостатки других людей. Неплохо

бы тебе самой прислушаться к своему совету.

— Я не о том говорю, Хью. Я имею в виду потерю твоего сына. Грейс не смогла бы уйти без Дьюка. Он что-нибудь говорил? Обо мне?

— Ничего, кроме той навязчивой идеи, которая овладела Грейс. А что он должен был рассказать?

— Не знаю, имею ли я право разглашать… Но в любом случае расскажу. Хью, после смерти Карен Дьюк просил меня выйти за него замуж. Я отказала ему. Он был обижен. И удивлен. Понимаешь… ты знаешь насчет Карен и Джо?

— Да.

— Я не была уверена, сказала ли тебе Карен. Когда она решила выйти замуж за Джо, я решила, что мне придется выйти замуж за Дьюка. Карен считала это само собой разумеющимся, и я тоже как-то упомянула, что собираюсь сделать это. Возможно, она сообщила о нашем разговоре Дьюку. Во всяком случае, он ожидал, что я скажу ему «да». А я ответила «нет». Он был оскорблен. Прости меня, Хью. Если хочешь, я скажу ему, что передумала.

— Не спеши! Хотя, на мой взгляд, ты совершила ошибку, я не хочу, чтобы ты исправляла ее ради меня. Что ты теперь намерена делать? Может быть, собираешься выйти замуж за Джо?

— Джо? Нет, я и в голове не держала становиться женой Джо. Тем не менее я выйду замуж за него с не меньшей готовностью, чем за Дьюка. Хью, я всегда готова делать то, что мне нравится. А мне нравится то, что нравится тебе. — Она повернулась на бок и взглянула на него. — Да ты и сам знаешь это. Если ты хочешь, чтобы я вышла за Джо, — я выйду за него. Если ты хочешь, чтобы я стала женой Дьюка, — я стану ему женой. Ты только скажи — и я сделаю все, что угодно.

— Барбара, Барбара!

— Я не шучу, Хью. Я готова на все. Ты мой босс. Я полностью доверяюсь тебе. Не в чем-то одном, а целиком и полностью. Да разве ты не догадался об этом за все время, что мы здесь? Я играю строго по книге.

— Не говори чепухи.

— Если это чепуха, то это правдивая чепуха.

— Возможно. Но я хочу, чтобы ты вышла замуж за того, кто тебе нравится.

— Это единственно, чего я не могу сделать: ты уже женат.

— Ох!

— Ты удивлен? Может, я удивила тебя тем, что заговорила об этом после столь длительного молчания? Но так оно и есть, и так было всегда.

Поскольку я не могу выйти замуж за тебя, я выйду за того, на кого укажешь ты. Или никогда не выйду.

— Барбара, а ты согласилась бы выйти замуж за меня?

— Что ты сказал?!

— Ты согласилась бы стать моей женой?

— Да.

Он потянулся к ней и поцеловал ее. Она ответила на его поцелуй, прижавшись губами к его губам и полностью отдавшись его воле.

В конце концов он оторвался от нее.

— Еще кусочек кукурузной лепешки?

— Пока нет.

— Я подумал, что нам есть что отпраздновать. Для этого нужно шампанское. Но у нас только кукурузные лепешки.

— Ну ладно. Тогда я, пожалуй, откушу кусочек. И глотну воды. Хью, мой любимый Хью, а как же быть с Грейс?

— А никак. Фактически она развелась со мной еще месяц назад, в день… в тот день, когда мы похоронили Карен. И то, что она живет с нами, — вопрос чисто нехватки жилья. Для того чтобы развестись здесь, судья не нужен, равно как и нам с тобой, чтобы быть вместе, не требуется

свидетельство о браке.

Барбара обхватила руками свой большой живот:

— Мое свидетельство здесь! — Голос ее был спокоен и счастлив.

— Ребенок мой?

Она взглянула на него:

— Посмотри на восток.

— Куда?

— Ты видишь там трех волхвов?

— Господи, ну и дурак же я!

— Конечно же он твой, любимый. Это такая вещь, которую ни одна женщина не может доказать, но знает наверняка.

Он снова поцеловал ее. Когда он оторвался от ее губ, она погладила его по щеке:

— А вот теперь я, пожалуй, съела бы лепешку, даже несколько. Я голодна. Я чувствую, как жизнь переполняет меня. Ужасно хочется жить!

— Да! Завтра начинается наш медовый месяц.

— Сегодня. Он уже начался. Хью, я хочу сделать запись об этом в журнале. Милый, можно я сегодня буду спать на крыше? Я прекрасно управлюсь с лестницей.

— Ты хочешь спать вместе со мной? Распутная девчонка!

— Я имела в виду не это. Сейчас я вовсе не распутна, все мои гормоны восстают против этого. Никакой чувственности, дорогой. Только платоническая любовь. В медовый месяц от меня не будет никакого толка. О, я буду счастлива просто находиться рядом с тобой. Нет, дорогой, мне просто не хочется спать под одной крышей с Грейс. Я боюсь ее. Боюсь не за себя, а за ребенка. Хотя это, может быть, и глупо.

— Не так уж и глупо. Скорее всего, ничего не произойдет, но некоторые меры предосторожности мы все-таки предпримем. Барбара, а что ты вообще думаешь о Грейс?

— Я должна отвечать?

— Если можешь.

— Она мне не нравится. Это не имеет отношения к тому, что я боюсь ее. Она не нравилась мне задолго до того, как в ее присутствии у меня стало возникать неприятное чувство. Мне не нравится, как она ведет себя со мной; мне не нравится, как она обращается с Джозефом; мне не по душе было, как она относилась к Карен; я совершенно не переваривaю того, как она обращается с тобой — хотя я всегда была вынуждена делать вид, что не замечаю этого, — и я *презираю* ее за то, что она сделала с Дьюком.

— Мне она тоже перестала нравиться… и уже давно. Я рад, что она уходит от нас, Барбара, и был бы рад этому, даже если бы тебя с нами не было.

— Хью, я так счастлива! Ты знаешь, что я разведена?

— Да.

— Когда наш брак распался, я поклялась себе, что никогда в жизни не послужу причиной чьего-либо развода. Поэтому я чувствовала себя виноватой с самой ночи нападения.

Он покачал головой:

— Забудь об этом. Наш брак с Грейс распался давным-давно. Дети и обязанности — единственное, что связывало нас. По крайней мере, меня, так как она и обязанностей знать не хотела. Милая, если бы наш с Грейс брак был настоящим, ты могла бы, конечно, прийти ко мне в объятия в ту ночь, но все ограничилось бы утешениями и поглаживанием по головке. А так мы думали, что скоро умрем, а мне хотелось любви так же сильно, как и тебе. Я просто сгорал от желания любить — и получил тебя.

— Любимый, я больше никогда не дам тебе сгорать.

На следующее утро, около девяти часов, они все собрались возле убежища, где уже были сложены

вещи отбывающих.

Хью с кривой усмешкой окинул взглядом то, что отобрала для себя его бывшая жена. Грейс буквально восприняла его слова «берите, что хотите». Она дочиста обобрала убежище, взяв лучшие одеяла, почти всю кухонную утварь, включая чайник и сковородку, три поролоновых матраса из четырех, почти все оставшиеся консервы, весь сахар, львиную долю остальных невосполнимых продуктов и всю пластиковую посуду.

Хью возразил только в одном случае — соль. Когда он заметил, что Грейс прихватила всю имевшуюся соль, он настоял на разделе. Дьюк согласился и спросил, есть ли еще возражения.

Хью отрицательно покачал головой. Ведь Барбара не будет мелочиться — с милым рай и в шалаше.

Дьюк проявил сдержанность: взял лопату, топор, молоток, менее половины гвоздей и не тронул ни одного инструмента из имевшихся в единственном экземпляре. Он попросил, чтобы в случае необходимости ему одалживали их. Хью согласился и, в свою очередь, предложил помощь в работах, где одному не справиться. Дьюк поблагодарил его. Для обоих положение

было тягостным, и они тщательно скрывали это, проявляя чрезмерную учтивость.

Отправление откладывалось из-за сложностей со стальным щитом. Нести его было вполне по силам такому сильному мужчине, как Дьюк, но щит нужно было увязать так, чтобы ремни были удобны, чтобы выдержали весь поход и чтобы не мешали Дьюку стрелять при необходимости.

Кончилось тем, что в дело пошла единственная целая медвежья шкура, покрывавшая кровать, на которой умерла Карен. Хью жалел лишь о том, что было упущено время. Вещи, отобранные Грейс, унести втроем можно было только за шесть ходок. Дьюк считал, что две ходки в день — это максимум; но если они вскоре не выйдут, то этот день можно считать пропавшим.

В конце концов щит приспособили на спину Дьюку так, что густой мех смягчал давление металлической ноши.

— Кажется, удобно, — решил Дьюк. — Берите свои мешки и пойдем.

— Уже идем, — отозвался Хью и нагнулся над своей поклажей.

— Боже мой!

— Что-нибудь случилось, Дьюк?

— Смотрите!

Над восточным склоном показались очертания какого-то предмета, который скользил по воздуху курсом, пролегавшим в стороне от жилища. Однако, приблизившись, он вдруг замер в воздухе, развернулся и направился прямо к ним.

Он величественно проплыл над их головами. Хью сначала даже не смог оценить его размеры — не с чем было сравнивать. Это была темная фигура с пропорциями костяшки домино. Но когда «костяшка» была уже в пятистах футах над их головами, ему показалось, что она имеет около ста футов в ширину и трехсот в длину. Деталей рассмотреть он не мог. Двигался предмет быстро, но бесшумно.

Он пролетел над ними, развернулся, сделал круг. Затем остановился, еще раз развернулся и прошел теперь уже на небольшой высоте.

Хью заметил, что одной рукой он прижимает к себе Барбару. Когда загадочный предмет появился, она стояла в некотором удалении от всех, замачивая белье в установленной снаружи ванне. Теперь же она вдруг оказалась в его объятиях, и он чувствовал, как вздрагивает ее тело.

— Хью, что это?

— Люди.

Предмет теперь висел над их флагом. Можно

было уже различить людей. Над краями предмета появились головы.

Вдруг один из углов как будто отделился, резко спикировав вниз, и завис над самой верхушкой флагштока. Хью увидел, что это машина длиной футов в девять и шириной фута три, с одним пассажиром. Подробностей он различить не мог, равно как и понять, что́ приводит аппарат в движение. Нижняя часть туловища пилота была скрыта бортами. Видны были только плечи и голова.

Человек сорвал флаг, и его машина вернулась к большому аппарату, буквально втянувшись в него.

Прямоугольник распался.

Он разделился на машины, подобные той, что завладела их флагом. Большинство из них оставались в воздухе, около дюжины приземлились, причем три вплотную окружили колонистов. Дьюк закричал: «Внимание!» — и потянулся к ружью.

Но ему не удалось добраться до него. Он застыл под острым углом, растерянно хватая воздух руками, а затем был медленно возвращен в вертикальное положение.

Барбара испуганно выдохнула на ухо Хью:

— Хью, что это?

— Не знаю. — Ему не нужно было спрашивать, что она имеет в виду: в то самое мгновение, когда остановили его сына, он испытал ощущение, как будто по грудь погрузился в зыбучий песок. — Не сопротивляйся.

— А я и не думала даже…

Грейс завопила:

— Хьюберт, Хьюберт, сделай же что-нибудь… — Крик ее оборвался. Казалось, она потеряла сознание, но не упала.

Четыре машины футах в восьми над землей бок о бок прошли над огородом Барбары. Там, где они пролетали, кукурузные стебли, кустики картофеля, бобы, тыквы, салат, картофельные грядки — все, включая даже мелкие оросительные канавки, спрессовывалось в однородное ровное покрытие, которое тут же начала затапливать вода. Тогда одна из машин, отделившись от остальных, проделала вдоль границ свежеутрамбованной площадки канаву, и вода стала уходить по ней, попадая теперь в ручей немного ниже по течению.

Барбара спрятала лицо на груди Хью. Он успокаивающе похлопал ее по спине.

Машина тем временем двинулась вдоль канала

к его началу, и вода вскоре вообще перестала течь.

Когда огород был превращен в ровную площадку, на нее стали садиться другие машины. Хью не в состоянии был определить, чем они заняты, но за считаные секунды на площадке вырос большой павильон, иссиня-черный и украшенный красными и золотыми узорами.

— Отец! Ради бога, попробуй дотянуться до своего пистолета! — крикнул Дьюк.

У Хью на поясе был его сорок пятый, который он счел наиболее удобным для похода оружием. Неведомая сила лишь слегка сдерживала руки Хью. Однако он ответил:

— Не стану и пытаться.

— Неужели ты собираешься вот так просто стоять и смотреть…

— Да. Дьюк, включи мозги. Если мы постоим спокойно, то, возможно, поживем еще немного.

Из павильона появился человек. Он, казалось, был около семи футов роста — возможно, потому, что на нем был отполированный до блеска шлем с перьями. Человек был обнажен до пояса, на нем была свободная юбка красного цвета, расшитая золотом, один конец юбки был перекинут через плечо и свисал вперед, скрывая часть его широ-

кой груди. Ноги его были обуты в черные сапоги.

Остальные носили черные комбинезоны с красно-золотыми нашивками на правом плече. У Хью создалось впечатление, что человек (а в том, что он является предводителем этих людей, сомневаться не приходилось) некоторое время переодевался в свое официальное платье. Хью немного приободрился. Они были пленниками, но раз глава захвативших их людей удосужился переодеться, прежде чем допрашивать их, значит они были важными пленниками и, возможно, переговоры принесут какие-нибудь плоды… Или он ошибался и это ничего не значило?

Но надежда Хью подкреплялась еще и тем, что выражение лица человека было добродушно-высокомерным; блестящие глаза смотрели спокойно и весело. У незнакомца был высокий лоб и массивный череп. Он выглядел умным и осторожным. Хью не мог определить, к какой расе он относится. Кожа его была коричневой и блестящей. Но рот только отдаленно напоминал негроидный. Нос, хотя и широкий, имел горбинку, а черные волосы были волнистыми. В руке он держал небольшой стержень.

Приблизившись к ним и дойдя до Джо, чужак остановился как вкопанный. Затем отдал стояв-

шему рядом с ним человеку какой-то приказ.

Джо выпрямился и размял ноги.

— Благодарю вас.

Человек обратился к Джо на непонятном языке.

Тот ответил:

— Прошу прощения, но я не понимаю.

Пришелец снова что-то произнес. Джо беспомощно пожал плечами. Человек улыбнулся и похлопал его по плечу, затем повернулся и поднял ружье Дьюка. Он неуклюже повертел его, рассматривая, и Хью забеспокоился, что ружье может выстрелить.

Однако было похоже, что незнакомец кое-что понимал в ружьях. Он передернул затвор, дослал патрон, приложил ружье к плечу и выстрелил в сторону ручья.

Выстрел прозвучал оглушительно, а пуля пролетела совсем рядом с головой Хью. Человек широко улыбнулся, кинул винтовку своему сопровождающему и, подойдя к Хью и Барбаре, протянул руку, очевидно желая дотронуться до ее живота.

Хью оттолкнул его руку.

Тогда, почти незаметным движением и совершенно беззлобно, тот отвел руку Хью своим

стержнем. Это был даже не удар, с такой силой нельзя было бы убить и мухи.

Хью вскрикнул от боли. Его рука горела как в огне и была полностью парализована.

— О боже!

Барбара тревожно сказала:

— Не нужно, Хью. Он не собирается причинить мне вреда.

Это действительно было так. С абсолютно безразличным интересом, с каким ветеринар мог бы осматривать беременную кобылу или собаку, человек ощупал живот Барбары, затем приподнял одну из ее грудей, а в это время Хью исходил бессильной злобой, будучи не в силах помочь своей возлюбленной.

Наконец незнакомец закончил свое обследование, улыбнулся Барбаре и погладил ее по голове. Хью попытался забыть о боли в руке и сосредоточиться мыслями на своих познаниях в языке, который он когда-то изучал.

— Vooi govoriti'yeh po-russki, gospodin?

Человек взглянул на него, но ничего не ответил.

Барбара спросила:

— Sprechen Sie Deutsch, mein Herr?

Тот только улыбнулся. Тогда Хью окликнул:

— Дьюк, попробуй испанский!

— Попробую. ¿Habla usted Español, Señor?

Никакого ответа.

Хью вздохнул:

— Кажется, мы исчерпали наш запас.

— M'sieur, — вдруг произнес Джо, — est-ce que vous parlez la langue française?

Человек обернулся:

— Tiens?

— Parlez-vous français, monsieur?

— Mais oui! Vous êtes française?

— Non, non! Je suis américain. Nous sommes tous amériçains.

— Vraiment? Impossible!

— C'est vrai, monsieur. Je vous en assure. — И Джо указал на опустевший флагшток. — Les Etats-Unis de L'Amérique[24].

Далее за разговором следить стало трудно, так как обе стороны углубились в дебри ломаного французского. Наконец они умолкли, и Джо со-

---

[24] Примечания: 24

— Сеньор, не говорите ли вы на французском языке?

— Ну?

— Вы говорите по-французски, сеньор?

— Ну да! Вы французы?

— Нет-нет! Я американец. Мы все американцы.

— Действительно? Невозможно!

— Это правда, мсье. Уверяю вас. Соединенные Штаты Америки *(фр.)*. — *Примеч. ред.*

общил:

— Хью, он предложил мне… приказал мне пойти с ним в палатку и говорить там. Я попросил его сначала освободить вас всех, но он ответил «нет». Вернее, «нет, черт возьми».

— Тогда попроси его освободить женщин.

— Попробую. — Джо сказал человеку какую-то длинную фразу. — Он говорит, что enceinte femme — Барбара — может сесть на землю. А «жирная» — он имеет в виду Грейс — должна пойти с нами.

— Отлично, Джо. Ты там договорись про нас.

— Попробую. Я не слишком хорошо его понимаю.

Все трое отправились в павильон. Барбара села и даже вытянула ноги. Но Хью невидимые путы держали по-прежнему надежно.

— Отец, — с тревогой в голосе произнес Дьюк, — это наш шанс, пока рядом нет никого, кто понимал бы по-английски.

— Дьюк, — устало ответил Хью, — ты разве не понимаешь, что все козыри у них на руках? Я думаю, что мы останемся в живых до тех пор, пока не рассердим его, — и ни минутой дольше.

— Ты даже не попытаешься бороться? А как же вся хрень, которую ты так любил нести, — о том, что ты свободный человек и всегда собираешься

оставаться им?

Хью потер получившую удар руку.

— Дьюк, я не буду с тобой спорить. Но если ты что-нибудь такое начнешь, нас всех убьют. Вот так я оцениваю положение.

— Значит, все это было просто дерьмо, — презрительно сказал Дьюк. — Ну что ж, я лично ничего не обещаю.

— Прекрасно. И хватит об этом.

— Скажи мне, отец, каково это: испытывать чью-то власть над собой, а не властвовать над другими?

— Мне это не нравится.

— Мне тоже. И я никогда не забывал этого. Надеюсь, ты нажрешься этим досыта.

— Дьюк, ради бога, перестань пороть всякую чушь, — сказала Барбара.

Дьюк взглянул на нее:

— Хорошо, я замолчу. Ответь мне только на один вопрос. *От кого* у тебя будет ребенок?

Барбара не ответила. Хью промолвил:

— Дьюк, если нам удастся выкрутиться, обещаю, что разделаю тебя под орех.

— В любое время, старик.

Они замолчали. Барбара дотянулась до Хью и потрепала его по ноге.

Около кучи их пожитков собрались пятеро и внимательно разглядывали их. Подошел шестой и отдал какой-то приказ. Они разошлись. Тогда он сам осмотрел пожитки, затем заглянул в убежище и исчез внутри.

Хью услышал шум воды и увидел, как по руслу ручья пронеслась коричневая волна.

Барбара подняла голову:

— Что это?

— Нашей плотины больше нет. Но это уже не имеет значения.

Спустя довольно продолжительное время из павильона вышел Джо, совершенно один. Он подошел к Хью и сказал:

— Итак, вот свежие новости — по крайней мере, то, что я уразумел. Мне было далеко не все понятно, так как он говорит на ломаном французском, да и я знаю язык недостаточно хорошо. Но вот что я узнал: мы нарушили границу частного владения. Он предполагает, что мы беглые преступники. Правда, слово какое-то другое, не французское, но смысл именно такой. Я попытался убедить его — и, надеюсь, успешно, — что мы ни в чем не виноваты и попали сюда не по своей воле.

Во всяком случае, он ничуть не сердится, даже

несмотря на то, что формально мы преступники: бродяжничество, разведение растений там, где сельское хозяйство запрещено, постройка плотины на чужой земле, дома и все такое прочее. Думаю, для нас все кончится хорошо, если мы будем делать то, что нам велят. Он находит нас любопытными — и нас, и то, как мы попали сюда, и все остальное.

Джо взглянул на Барбару:

— Ты помнишь свою теорию насчет параллельных вселенных?

— Наверное, я была права, да?

— Нет. Хотя я еще не во всем разобрался, но одно могу сказать с уверенностью. Барбара, Хью, Дьюк, слушайте! Это наш, наш собственный мир!

— Джо, это нелепо, — сказал Дьюк.

— Сам спорь с ним. Но он знает, что́ я называю Соединенными Штатами, знает, где находится Франция. И так далее. Это не вызывает никакого сомнения.

— Ну… — Дьюк запнулся, — все, конечно, может быть. Но есть еще один вопрос. Где моя мать?! Как ты мог оставить ее наедине с этим дикарем?

— С ней ничего плохого не случилось, она обедает с ним. И похоже, очень довольна происходящим. Не беспокойся, Дьюк, и с нами все

будет в порядке — так мне кажется. Как только они закончат трапезу, мы отправимся.

Некоторое время спустя Хью помог Барбаре усесться в одну из странных летающих машин, затем и сам устроился в другой, позади пилота. Он обнаружил, что сиденье весьма удобно, а вместо предохранительного ремня имелось все то же поле, охватившее, едва он уселся, нижнюю часть тела подобно зыбучему песку. Пилот, удивительно похожий на Джо молодой негр, оглянулся, затем бесшумно поднял аппарат в воздух и присоединился к формирующемуся в воздухе большому прямоугольнику. Хью заметил, что почти в половине машин пассажиры были белые, пилоты же были темнокожие, всех оттенков, начиная со светло-коричневого, как у яванцев, и кончая иссиня-черным, как у уроженцев острова Фиджи.

Аппарат, в котором был Хью, находился примерно посередине крайней правой шеренги. Он бросил взгляд в поисках остальных и лишь слегка удивился, заметив, что Грейс расположилась в машине босса, занимавшей почетное, видимо, положение в середине первого ряда. Там же находился и Джо, со всех сторон окруженный кошками.

К сформировавшейся в прямоугольник воздушной армаде не присоединились две машины справа. Одна из них замерла над кучей добра, сложенного возле убежища, собрала все вещи в невидимую сеть и улетела. Второй аппарат завис над убежищем.

Массивная постройка поднялась вверх исключительно легко, так, что не пострадал даже навес на крыше. Небольшая машина и ее гигантская ноша заняли место футах в пятидесяти от правого фланга основного формирования. Огромный прямоугольник рванулся вперед, набирая скорость, но Хью при этом не ощутил никакого движения воздуха. Аппарат, несущий убежище, казалось, без труда летел с той же скоростью, что и все остальные. Машины с пожитками не было видно, — вероятно, она находилась где-то слева.

Последнее, что Хью увидел внизу, — это шрам на месте, где стояло убежище, шрам побольше — там, где были посадки Барбары, и извилистую черту на месте оросительной канавы.

Он потер больную руку, подумав про себя, что все случившееся было просто цепью удивительных совпадений. Это даже немного оскорбляло его, как оскорбили бы тринадцать пик на одной руке при всей видимости честной сдачи карт. Он

вспомнил замечание Джо перед посадкой в машины: «Нам невероятно повезло, что мы встретили ученого. Французский здесь — язык мертвый, давно исчезнувший, „une langue perdue“, как он выразился».

Хью, извернув шею, встретился взглядом с Барбарой. Она улыбнулась ему.

11

Мемток, главный управляющий дворца лорда-протектора Полуденного района, был озабочен и счастлив. Счастлив, потому что озабочен. Он и сам не осознавал того, что счастлив, и часто жаловался на то, как трудно исполнять ему свои обязанности, потому что, по его словам, хотя под его началом и состояло почти восемнадцать сотен слуг, среди них не было и трех, которым он мог бы доверить вылить сосуд с помоями без присмотра.

Мемток только что закончил приятную беседу: отчитывал шеф-повара, намекнув ему, что из старого и жилистого повара получилось бы гораздо лучшее жаркое, чем то, которое было послано к столу их милости накануне вечером. Одной из обязанностей, которую Мемток добровольно возложил на себя, было лично пробовать все, что предстояло отведать его повелителю, — несмотря на риск отравления и то, что гастрономические вкусы их милости разительно отличались от его собственных. Рискованная дегустация была одним из тех бесчисленных способов, с помощью которых Мемток входил лично во все детали;

именно подобное тщание быстро возвысило его в еще сравнительно молодом возрасте до его нынешнего высочайшего положения.

Шеф-повар недовольно проворчал что-то, и Мемток отослал его, дав на прощание немного отведать хлыста, чтобы напомнить строптивцу, что поваров в наши дни найти не так уж трудно. Затем с удовольствием вернулся к прерванным делам.

Перед ним лежала груда бумаг, так как он только что закончил переезд из дворца в Летний дворец — тридцать восемь Избранных и всего лишь четыреста шестьдесят три слуги: летняя резиденция обслуживалась предельным минимумом персонала. Эти переезды, осуществляющиеся дважды в год, требовали массы бумаг: заказы, наряды, описи, платежные документы, грузовые накладные, перечни обязанностей, депеши — и он все больше склонялся к мысли попросить патрона найти какого-нибудь подходящего юнца, вырезать ему язык и обучить обязанностям письмоводителя. Но затем Мемток отбросил это намерение: он не доверял слугам, которые умели читать, писать и производить арифметические действия, — это всегда вело к тому, что ими овладевали всякие идеи, даже если

они не могли говорить.

Вообще-то, Мемтоку нравилась возня с документами, и он не хотел делить ее с кем-либо. Его руки так и летали над ворохом бумаг, ставя подписи, выводя резолюции, одобряя платежи. Перо он держал странно — между тремя пальцами правой руки. Больших пальцев на руках у него не было.

Он прекрасно обходился и без них и теперь уже с большим трудом представлял себе, зачем они могли бы ему понадобиться. Он свободно держал ложку, перо и хлыст, а в большем не было необходимости.

Наконец, ему не только не мешал недостаток пальцев, но он даже гордился их отсутствием: оно доказывало, что он служил своему повелителю в двух основных ипостасях: на ферме, когда был помоложе, а затем — вот уже на протяжении многих лет — в качестве вышколенного слуги. Все слуги мужского пола в возрасте старше четырнадцати лет (за небольшим исключением) несли на себе следы или одной, или другой операции; немногие могли похвастаться и тем и другим одновременно, очень немногие, каких-нибудь несколько сотен на всей Земле. Эти немногие говорили как равные только друг с другом, они

были элитой.

Кто-то поскребся в дверь.

— Войдите! — крикнул он, а увидев вошедшего, прорычал: — Чего нужно?

Рык был совершенно автоматическим, но ему действительно был очень не по душе этот слуга, и по весьма серьезной причине: он не обязан был подчиняться Мемтоку, так как был представителем другой касты — касты егерей, надзирателей и загонщиков — и подчинялся главному егермейстеру. Главный егермейстер считал себя равным главному управляющему по рангу — формально так оно и было. Но у него были большие пальцы.

Летний дворец был не по душе Мемтоку. Здесь ему приходилось водиться с той разновидностью слуг, которая имела непростительный недостаток: она не находилась у него в подчинении. В принципе, стоило ему только намекнуть их милости, и любого из этих ничтожеств ждала бы кара, но просить он не любил; с другой стороны, тронь он только кого-либо из них — и мерзавец непременно пожалуется своему начальнику. А Мемток считал, что разногласия между старшими слугами ведут к падению нравов среди подчиненных.

— Послание от повелителя! Их милость изво-

лит пребывать на обратном пути во дворец. С их милостью четыре захваченных дикаря и эскорт. Приказано немедленно подняться на крышу для встречи повелителя и получения распоряжений насчет пленников. Все.

— Все? Черт побери, что значит «все»? Что за четыре дикаря? И, во имя Дяди, когда он прибывает?

— Все! — стоял на своем посланец. — Послание передано двадцать минут назад. Я искал вас повсюду.

— Вон!

Самым важным в сообщении было то, что их милость возвращается домой, следовательно, не будет отсутствовать всю ночь. Распоряжения шеф-повару, церемониймейстеру, музыкальному директору, домоправителю, начальникам всех департаментов… — забот было так много, что Мемток не успевал отдавать приказания. При этом он не переставал размышлять. Четыре дикаря? Кого вообще волнуют дикари?

Но он поднялся на крышу и приготовил для них сопровождение. В любом случае он должен был находиться там, чтобы организовать встречу лорда-протектора.

По прибытии Хью так и не смог повидаться с

Барбарой. Когда поле «ремней безопасности» уже не действовало, перед Хью предстал совершенно лысый, приземистый белый человек со злым выражением лица, резкими движениями и с хлыстом в руке. Одет он был в белый балахон, который можно было принять за ночную рубашку, если бы не красно-золотая нашивка на правом плече. Хью предположил, что это геральдический знак его повелителя. Та же эмблема, но уже из золота, инкрустированного рубинами, повторялась на медальоне, висящем на груди коротышки на массивной золотой цепочке.

Человек оглядел его с головы до ног с явным отвращением, затем передал его и Дьюка с рук на руки другому белому в «ночной рубашке». Тот был без медальона, но с хлыстом, хотя и меньшим по размеру. Хью потер руку и решил, что не стоит проверять, так же эффективен этот хлыст, как тот, что был у предводителя.

Проверить довелось Дьюку. Сердитый коротышка дал какие-то указания их новому надсмотрщику и ушел. Тот отдал приказ, который Хью, оценив интонацию и жест, понял как «следуйте за мной» — и пошел.

Дьюк заупрямился. Тогда провожатый слегка коснулся хлыстом его лодыжки. Дьюк закричал.

Остаток пути ему пришлось проделать хромая — вниз по трапу, затем в скоростном лифте, и в конце концов они попали в освещенную комнату без окон, вызывавшую ассоциацию с больницей.

Теперь Дьюк сразу уразумел приказание раздеться, и стимуляции хлыстом не потребовалось. Выругавшись, он все же повиновался. Хью отнесся к приказу совершенно спокойно. Кажется, он уже начал понимать систему. Хлыст использовали здесь так же, как опытный всадник применяет шпоры: заставляя беспрекословно подчиняться, но не причиняя существенного вреда.

Из первой комнаты их перегнали во вторую, поменьше, где в них со всех сторон ударили струи воды. Оператор находился на галерее наверху. Он криком привлек их внимание, а затем жестами показал, что они должны тереть свою кожу.

Пленники принялись соскребать с себя грязь. Водяные струи исчезли, их обдало жидким мылом. Они еще раз помылись, их сполоснули, после чего пришлось вымыться еще раз. Процесс сопровождался энергичными жестами оператора, недвусмысленно дающими понять, каким тщательным должно быть мытье. Хлынули сильные струи горячей воды, сменившиеся еще более сильными струями холодной. Завершилась про-

цедура потоками горячего воздуха.

Хью это сильно напомнило автоматическую посудомойку, тем не менее, помывшись, они стали намного чище, чем когда-либо за последние месяцы. Помощник банщика налепил им на брови полоски липкого пластыря, втер в голову какую-то эмульсию, затем — ее же — в бороды, уже довольно заметные, так как в этот день они не брились, на спину, грудь, руки, ноги и в конце концов в волосы на лобке. Дьюк получил еще один урок послушания, прежде чем согласился на последнее. Зато когда им волей-неволей пришлось вытерпеть еще и клизмы, Дьюк, стиснув зубы, покорился беспрекословно. Ватерклозет, с которым они вынуждены были ознакомиться, присутствовал здесь в виде небольшого отверстия в полу, где крутился водоворот.

Здесь им очень коротко остригли ногти на руках и на ногах и вновь отправили мыться. Вода смыла обработанный эмульсией волосяной покров, так что из душевой они вышли абсолютно лысыми, если не считать бровей.

Банщик заставил их трижды прополоскать рот, наглядно продемонстрировав, что от них требуется, и длинно сплюнул в водоворот. Жидкость для полоскания была немного едковата, но при-

ятна на вкус. Когда они закончили эту процедуру, Хью испытал во рту ощущение удивительной свежести. После бани он почувствовал себя абсолютно чистым, бодрым, исполненным сил — и униженным.

Их провели в следующую комнату и обследовали.

Осуществлявший осмотр человек носил длинную белую рубашку и небольшую эмблему на тонкой золотой цепочке. Не нужно было быть провидцем, чтобы догадаться о его профессии. При таком обращении с пациентами ему никогда не разбогатеть, решил Хью. В человеке было что-то от военных врачей, которых встречал Хью: в нем не было недоброжелательности, только полное безразличие к пациентам.

Он был очень удивлен и заинтересован съемным мостом, который обнаружил во рту Хью. Сняв его и внимательно обследовав, он осмотрел участок десны, который тот занимал, затем передал мост одному из своих помощников и отдал какое-то распоряжение. Помощник ушел, и Хью подумал, что жевать ему теперь будет не так удобно, как раньше.

Врач потратил на каждого из них по часу или даже больше, пользуясь приборами, которых Хью

никогда не видывал. Единственными приемами, знакомыми ему, были измерения роста, веса и давления. С ними обоими что-то делали, но ни одна из манипуляций не причиняла боли — никаких скальпелей или подкожных инъекций. Ассистент врача принес съемный мост обратно, и Хью получил разрешение вставить его на место.

Хотя обследования и процедуры были безболезненными, они порой казались унизительными. Во время одной из них, когда Хью уложили на стол, который только что освободил Дьюк, молодой человек спросил:

— Ну и как тебе все это, отец?

— Отдыхаю.

Дьюк фыркнул.

То, что оба имели шрамы после аппендицита, показалось врачу не менее интересным, чем съемный мост. Жестами он изобразил боль в животе, а затем большим пальцем указал на местоположение аппендикса. Хью с трудом удалось выразить согласие, так как утвердительное кивание головой, как ему показалось, носило здесь смысл отрицания.

Ассистент вошел снова и вручил врачу предмет, который оказался еще одним мостом. Хью было велено открыть рот, старый мост был извле-

чен и поставлен новый. Хью ощупал его языком. Ощущение было такое, будто у него снова появились прежние зубы. Врач обследовал, очистил и запломбировал все их пораженные зубы совершенно безболезненно, обходясь при этом, насколько понял Хью, без всякой анестезии.

Затем Хью был внезапно «связан» (опять невидимое поле), укреплен на столе в положении на спине, а ноги его были подняты и разведены в сторону. Подкатили еще один столик, и Хью понял, что его собираются оперировать, а затем с ужасом понял и то, какого рода операция его ожидает.

— Дьюк! Дьюк! Не давай им схватить тебя! Попробуй выхватить у него хлыст!

Дьюк колебался слишком долго. В руках у врача хлыста не было — он держал его поблизости. Дьюк рванулся к хлысту, но врач оказался проворнее. Через несколько минут еще не успевший очнуться от настигшей его ошеломляющей боли Дьюк тоже лежал на столе с разведенными ногами.

Оба они продолжали протестовать, насколько это было возможно в их положении. Врач задумчиво посмотрел на них, вызвал надсмотрщика, который их привел, и отослал его куда-то. Через

некоторое время появился коротышка с большим медальоном. Оценив ситуацию, он вихрем умчался.

Несчастные остались пребывать в томительном ожидании решения своей участи. Главный врач в это время занялся тем, что заставил своих ассистентов закончить приготовления к операции, и теперь ее характер уже не оставлял ни малейших сомнений. Дьюк заметил, что им лучше было бы сегодня утром оказать сопротивление и погибнуть, чем вот так позорно ожидать своей участи здесь, подобно поросятам. Да они бы и дрались, как подобает мужчинам, напомнил он отцу, если бы тот не струсил.

Хью не стал спорить. Он согласился. Он все пытался убедить себя в том, что его покорность во время пленения была вызвана заботой о женщинах. Но это служило слабым утешением. Конечно же, последние годы он не слишком часто использовал свои… вполне может быть, что они ему никогда больше не понадобятся. Но какого хрена, он же *привык* к ним. А по отношению к Дьюку, такому еще молодому, это будет просто жестоко.

По прошествии довольно продолжительного времени коротышка ворвался к ним, донельзя разъяренный. Он выкрикнул какой-то приказ, и

Хью и Дьюк были тут же освобождены.

На этом все и закончилось, если не считать того, что их успели полностью натереть ароматным кремом.

Пленников одели в длинные рубашки, провели по длинным пустынным коридорам, и Хью был водворен в камеру. Дверь не запирали, но открыть ее он не мог.

В одном из углов стоял поднос с едой и ложкой. Пища была превосходной, но некоторые блюда остались неопознанными. Хью ел с аппетитом, выскреб дочиста тарелки и запил все легким пивом. Затем он улегся спать на мягкой подставке на полу, отрешившись от всех забот.

Его разбудил пинок ногой.

Он был отведен в другое помещение без окон, оказавшееся учебной комнатой. Здесь его поджидали два невысоких человека в белых одеяниях. У них было все необходимое для организации учебного процесса: разновидность классной доски (написанное можно было стирать с нее быстро и бесследно каким-то удивительным способом), терпение и хлыст, поскольку занятия проводились «под неумолчный свист ореховых розог», как выразился поэт. Ни одна ошибка не оставалась незамеченной.

Оба они умели рисовать и прекрасно изображали пантомимы: Хью учили говорить.

Хью заметил, что под воздействием боли память у него улучшается, желания повторять ошибку дважды у него не возникало. Сначала его наказывали только за то, что он забывал слова, но со временем можно было заработать удар хлыстом за ошибки в склонении, синтаксисе, идиоматике и произношении.

Такое обучение «по Павлову» продолжалось — если подсчеты были верны — семнадцать дней. Занимаясь только учебой, он за эти дни не видел ни одной живой души, кроме своих учителей. Они занимались им по очереди, Хью же отдавал занятиям по шестнадцать часов в сутки. И хотя выспаться ему не удалось ни разу, на уроках он не дремал — не осмеливался. Ежедневно его мыли и выдавали чистую рубашку, дважды в день его кормили. Пища был обильной и вкусной. Три раза в сутки его под конвоем водили в туалет. Все остальное время Хью учился говорить, каждую минуту опасаясь того, что за любой ошибкой последует наказание.

Со временем он научился предотвращать наказание. Вопрос, заданный достаточно быстро, иногда изрядно выручал его. «Учитель, ничтож-

ный слуга понимает, что есть протокольные разновидности речи для каждого статуса, от вышестоящего к нижестоящему и наоборот, но ничтожный в своем глубоком невежестве никак не может догадаться, что из себя представляет каждый статус, не осмеливаясь даже и предположить, какими путями шел Великий Дядя, создавая оные, и не осознавая даже иной раз, какой из статусов имеет честь употребить почтенный учитель, обращаясь к ничтожному слуге своему во время занятий, и который из них ему, ничтожному, следует осмелиться употребить в ответ. Более того, покорный слуга понятия малейшего не имеет о его собственном статусе в великой Семье, если будет угодно милостивому наставнику».

В таких случаях хлыст откладывался в сторону и на протяжении часа ему читали лекцию. Проблемы иерархии волновали Хью гораздо больше, чем можно было заподозрить из его вопросов. Самым низким статусом был статус жеребца. Нет, был еще более низкий — дети слуг. Но поскольку от детей всегда можно ожидать ошибок, они в счет не шли. Более высокое положение занимали самки, затем шли оскопленные слуги — категория слуг, различия внутри которой были

настолько незначительными и многочисленными, что в их среде почти всегда употреблялась речь равных, если разница в положении не была слишком уж очевидной.

Над слугами возвышалась каста Избранных, с неограниченными вариациями рангов, связанных подчас с такими ритуальными обстоятельствами, при которых женщина являлась более важной персоной, чем мужчина. Но это-то как раз затруднений не представляло: всегда можно было пользоваться речью нижестоящего. Однако…

— Если двое Избранных заговорят с тобой одновременно, которому из них ты ответишь?

— Младшему, — ответил Хью.

— Почему?

— Поскольку Избранные не ошибаются, ничтожный слуга ослышался: в действительности старший из Избранных не говорил, в противном случае младший никогда бы не осмелился прервать его.

— Правильно. А если ты оскопленный садовник и встречаешь в саду Избранного, ранг которого соответствует рангу твоего повелителя-дядюшки, и он спрашивает у тебя: «Малыш, что это за цветок?»…

— Их милость, несомненно, знает все сущее

несравненно лучше, чем ничтожный слуга, но если глаза последнего не лгут ему, то этот цветок, должно быть, лилия.

— Неплохо. Но при ответе еще следует опустить глаза долу. Теперь о твоем статусе… — В голосе наставника звучала неподдельная боль. — У тебя вообще нет статуса.

— Прошу прощения, учитель?

— О Дядя! Как только не пытался я выяснить это! Никто ничего не мог сказать мне вразумительно. Наверное, знает только наш лорд-дядюшка, но их милость еще не произнесла своего решения. Во всяком случае, ты не ребенок, не жеребец, не скопец, ты не принадлежишь ни к одной прослойке. Ты просто дикарь, и это ни в какие ворота не лезет.

— Но какой же стиль мне употреблять в речи?

— Всегда только нижестоящего. О, конечно, не по отношению к детям и самкам — они этого не заслуживают.

Хью находил, что изучаемый язык очень прост и логичен, за исключением изменений в склонениях согласно статусам. В нем не было неправильных глаголов, а порядок слов в предложении был строго определенным. Возможно, такой строй речи имел искусственное происхож-

дение. Ориентируясь по некоторым знакомым словам, таким как «симба», «бвана», «вазир», «этаж», «трек», «онкл», Хью предположил, что эта речь имеет корни в нескольких африканских языках. Его лингвистический интерес был сугубо абстрактным и, в сущности, уже не имеющим значения: Хью изучал «речь», и, по словам его учителей, это был единственный язык, который употреблялся во всем мире.

Помимо тонкостей протокола, большинство понятий обозначались двумя словами. Одно из слов использовалось вышестоящими в разговоре с нижестоящими; синоним же использовался нижестоящими в разговоре с вышестоящими. Нужно было знать оба слова: одно — чтобы использовать самому в разговоре, другое — чтобы распознавать его в речи вышестоящего.

Поначалу произношение доставляло Хью много неприятностей, но уже к концу первой недели он довольно сносно чмокал губами, щелкал языком, воспроизводил горловые согласные, мог определить на слух и произнести настолько малоразличимые звуки, что раньше он и не подозревал об их существовании. На шестнадцатый день он уже свободно болтал и даже начал думать на новом языке, так что хлыст обжигал

его довольно редко.

На следующий день к вечеру лорд-протектор послал за ним.

12

Несмотря на то что утром Хью уже мылся, ему пришлось спешно проделать это еще раз. Затем его умастили ароматным кремом, выдали свежее одеяние и только тогда повели в покои лорда. Следуя по пятам за Мемтоком, он преодолел несколько приемных с секретарями и наконец оказался в огромной, роскошно отделанной комнате, где увидел Джозефа и Дока Ливингстона. Самого лорда еще не было.

— Хью! Как здорово! — воскликнул Джо и бросил главному управляющему: — Ты свободен.

Мемток поколебался, затем попятился и вышел. Джо взял Хью под руку и подвел его к дивану.

— Как я рад тебя видеть! Садись сюда и поболтаем, пока нет Понса. Ты прекрасно выглядишь.

Док Ливингстон потерся о лодыжки Хью, замурлыкал и улегся рядом с ним.

— Со мной все в порядке. А кто такой этот Понс? — Хью почесал кота за ухом.

— Ты разве не знаешь, как его зовут? Я имею в виду лорда-протектора. Хотя, конечно, я мог бы сам догадаться. Так вот, это одно из его имен, которое используется en famille, в узком семейном

кругу. Но это все ерунда, лучше расскажи, как с тобой обращались.

— В принципе, неплохо.

— Еще бы! Понс распорядился, чтобы тебе ни в чем не отказывали. Если что-нибудь будет не так, ты мне только скажи. Я все улажу.

Хью поколебался.

— Джо, тебе приходилось хоть раз испытать на своей шкуре действие их хлыста?

— Мне? — удивился Джо. — Конечно нет. Хью, неужели они наказывали тебя? Ну-ка скинь этот дурацкий балахон и дай мне взглянуть на тебя.

Хью покачал головой:

— На мне нет никаких следов. И все же… мне это не нравится.

— Но ведь если тебя секли без причины… Хью, понимаешь, Понс как раз совершенно не выносит произвола. Он очень гуманный человек и требует только одного — дисциплины. Если же кто-нибудь — любой человек, даже Мемток, — был несправедливо жесток по отношению к тебе, то он получит свое.

Хью задумался. Учителя вызывали у него симпатию. Они упорно трудились над тем, чтобы с ним стало можно разговаривать, и не слишком злоупотребляли хлыстом.

— Нет, Джо. Мне не причинили вреда. Просто не идет из головы.

— Рад слышать это. Да и вообще, наверное, жаловаться особенно было не на что. Я еще понимаю тот жезл, который носит Понс, — им можно убить человека на расстоянии в тысячу футов, и чтобы научиться использовать его с умом, нужно долго тренироваться. А игрушки, которыми пользуются старшие слуги, — это просто погонялки, ни на что большее не годные.

Хью решил не спорить о том, можно ли их считать «просто погонялками»; ему необходимо было узнать кое-что более важное.

— Джо, а как остальные? Ты видел их?

— О, с ними все в порядке. Кстати, ты слышал насчет Барбары?

— Ни черта я не слышал! Что с ней?

— Не волнуйся, не волнуйся. Я хотел сказать, насчет ее детей?

— Ее ребенка?

— Ее детей. У нее близнецы, совершенно одинаковые. Родила неделю назад.

— Ну и как она? Как она себя чувствует? Отвечай!

— Полегче, полегче! С ней абсолютно все в порядке, лучше и быть не может. Само собой.

Ведь они тут в медицине намного опередили нас. Здесь и слыхом не слыхивали, чтобы при родах умирали и мать, и дитя. — Джо внезапно помрачнел. — Жаль, что они не наткнулись на нас еще несколько месяцев назад. — Затем он оживился. — Барбара говорила мне, что, если у нее будет девочка, она назовет ее Карен. А когда оказалось, что у нее мальчики, она того, что постарше на пять минут, назвала Хью, а младшего — Карл Джозеф. Здорово, правда?

— Я польщен. Так, значит, ты видел ее, Джо? Я тоже должен повидаться с ней. И немедленно. Как бы это устроить, а?

Джо был удивлен:

— Но это *невозможно*, Хью. Да ты и сам должен знать.

— А почему это невозможно?

— Ты же не оскоплен, вот почему. Просто невозможно, и все.

— О господи!

— Очень жаль, но таково положение вещей. — Джозеф внезапно улыбнулся. — До меня тут дошли слухи, что ты едва не получил это право. Понс чуть не умер со смеху, узнав, как вы с Дьюком заорали, когда поняли, что вас ждет.

— Не вижу в этом ничего смешного.

— Понимаешь, Хью, просто у него большое чувство юмора. Он смеялся, когда рассказывал мне об этом. А я не смеялся, и тогда он решил, что у меня совсем нет чувства юмора. Разные люди смеются по разному поводу. Карен обычно любила поговорить с псевдонегритянским акцентом, при одном только звуке которого у меня сводило челюсти. Но она не хотела никого обидеть. Карен… она всегда хотела как лучше, я это знаю, ты это знаешь, и я не хочу больше говорить об этом. А ты знаешь, если бы ветеринар зашел с вами дальше, чем следовало, это стоило бы ему обеих рук. Понс так и передал ему. Ну, конечно, он позже, может, и смягчился бы — хороших хирургов не хватает. Но в принципе, намерения врача относительно вас были оправданны, поскольку ты и Дьюк слишком велики и стары для жеребцов. Однако Понс не терпит разгильдяйства.

— Ладно, ладно. Я все-таки не понимаю, что плохого в том, если я повидаюсь с Барбарой и взгляну на детишек. Ты же, например, виделся с ней? А ведь ты тоже не оскоплен.

Джо начал слегка раздражаться:

— Хью, но ведь это разные вещи. Неужели ты не понимаешь?

— Почему же разные?

Джо вздохнул:

— Хью, не я устанавливаю правила. Но, согласно им, я Избранный, а ты — нет, и все тут. Я же не виноват, что ты белый.

— Хорошо, хорошо. Забудем об этом.

— Нужно радоваться, что хоть один из нас, в данном случае я, находится в положении, когда может помочь остальным. Ты понимаешь, что вас всех казнили бы, если бы с вами не было меня?

— Да, мне это уже приходило в голову. Хорошо, что ты говорил по-французски. И *он* тоже.

Джо покачал головой:

— Французский здесь ни при чем. Он просто сэкономил нам время. Дело в том, что там был именно *я*... только поэтому вы были освобождены от всякой ответственности. Единственное, что требовалось установить, — это меру моей виновности. Надо мной нависла опасность, — Джо нахмурился, — я до сих пор еще не совсем оправдан. То есть я имею в виду, что Понс уже окончательно убежден в моей невиновности, но дело обязательно должен рассмотреть верховный лорд-владетель — это его заповедник, а Понс просто его хранитель. Меня еще могут казнить.

— Джо, но за какие же грехи тебя могут казнить?

— О, их множество! Сам суди. Если бы вы, белые, вчетвером были без меня, то Понс приговорил бы вас, даже не удостоив взглядом. Два тяжких преступления, и оба очевидны. Беглые. Слуги, которые сбежали от своего господина. Плюс бродяжничество, наносящее ущерб личному имению лорда-владетеля. Дело совершенно ясное в обоих случаях, и в обоих случаях приговор один — смертная казнь. Не убеждай меня, что все было не так, я сам это прекрасно знаю, но ты не представляешь себе, какого труда мне стоило убедить в нашей невиновности Понса, да еще на языке, который толком оба не знаем. И опасность меня все еще не миновала. Тем не менее, — он просиял, — Понс сказал мне, что лорд-владетель затратит еще многие годы на то, чтобы рассмотреть все те дела, по которым должен вынести обвинительные заключения, и что он уже на протяжении многих лет не только не посещал своих владений здесь, но даже и не приближался к ним. Так что к тому времени, когда очередь дойдет до меня, следов нашего пребывания в районе убежища не останется. Деревья там сажают уже сейчас, а подсчета количества медведей, оленей и прочей живности никто не производил. Поэтому Понс советовал мне не беспокоиться.

— Что ж, это хорошо.

— Ты думаешь, мне не составило труда убедить Понса? Как бы не так! Дать своей тени коснуться лорда-владетеля — серьезный проступок, не говоря уже о том, чтобы чихнуть в его присутствии. Поэтому, сам понимаешь, незаконное вторжение в его личные земли — это тяжелейшее преступление, и его нельзя воспринимать легкомысленно. Но раз Понс говорит «не беспокойся» — я не беспокоюсь. Он относится ко мне как к гостю, а не как к пленнику. Ну ладно, теперь расскажи о себе. Я слышал, что ты учился Языку. Я ведь тоже: как только выдавалось свободное время, тут же являлся преподаватель.

Хью продемонстрировал свои познания:

— С благосоизволения их милости, ничтожный слуга, как, вероятно, прекрасно известно их превосходительству, не осмеливался посвящать свое время ничему иному.

— Ого! Ты говоришь на нем лучше, чем я.

— У меня были хорошие стимулы, — ответил Хью, перейдя на английский. — Джо, а ты виделся с Дьюком? Или с Грейс?

— С Дьюком нет. И не пытался. Понс почти все время был в разъездах и постоянно брал меня с собой. Так что я был ужасно занят. А Грейс я встре-

чал. Возможно, тебе удастся свидеться с ней. Она часто бывает в этих покоях. Это единственный для тебя шанс поговорить с ней. Только здесь. И только в присутствии Понса. Следует отдать ему должное: он не ревнитель протокольных предрассудков. В узком кругу, я имею в виду. На людях он старается соблюдать лицо.

— Хм… Джо, в таком случае не мог бы ты попросить его позволить мне увидеться с Барбарой и близнецами? Здесь, в его присутствии?

Джо стал раздражаться:

— Хью, ну как ты не понимаешь, что я всего-навсего гость? Я здесь на птичьих правах. У меня нет ни одного собственного слуги, нет денег, нет титула. Я сказал, что ты, *возможно*, встретишься с Грейс, но не утверждал, что ты обязательно ее увидишь. Если это произойдет, то только потому, что Понс пошлет за тобой и не сочтет нужным удалять ее из покоев — но ни в коем случае не *ради тебя*. А что касается того, чтобы попросить его устроить тебе свидание с Барбарой, я просто не могу и заикнуться об этом. И все тут! И тебе не советую. Иначе ты на своей шкуре убедишься, что его жезл — не игрушечная погонялка.

— Но я только хотел…

— Тихо! Он идет.

Джо устремился навстречу патрону. Хью стоял потупив глаза, с опущенной в поклоне головой и ждал, когда на него обратят внимание. Понс вошел большими шагами, одетый почти так же, как и при первой встрече, только шлем заменяла на этот раз небольшая красная шапочка. Он приветствовал Джо, тяжело уселся на диван и вытянул ноги. Док Ливингстон тут же вскочил ему на колени. Понс погладил его. Неизвестно откуда появились две служанки, сняли обувь со своего хозяина, обтерли ему ноги мокрым горячим полотенцем, затем вытерли их, помассировали, обули шлепанцы и исчезли.

Пока завершались эти манипуляции, лорд-протектор о чем-то беседовал с Джозефом. Смысла Хью полностью не понимал, выхватывая из разговора лишь отдельные слова. Но он обратил внимание, что вельможа в разговоре с Джо использует форму равенства и что тот отвечает ему тем же. Поэтому Хью решил, что положение Джо упрочилось так, что лучше и не надо, — почти так же, как и положение Дока Ливингстона. Что ж, Джо и в самом деле довольно симпатичный парнишка.

Наконец лорд обратил внимание и на Хью:

— Садись, бой.

Хью сел на пол. Лорд продолжал:

— Ну что, ты выучил Язык? Нам сказали, что ты владеешь им.

— С позволения их милости, ничтожный раб посвящал все свое время этой благородной цели, хотя результат и довольно плачевен, о чем их милость имеет, видимо, честь судить несравненно лучше, чем их слуга.

— Что ж, неплохо. Произношение бывает и хуже. Но ты пропустил инфикс. Как тебе нравится погода?

— С позволения их милости, погода стоит именно такая, какой установил ее Дядя Всемогущий. И ежели любимейший племянник Всевышнего довольствуется ею, то что же может осмелиться сказать по этому поводу его ничтожнейший слуга?

— Хорошо. Акцент есть, но понять можно легко. Поработай еще над произношением. Передай своим учителям, что так распорядились мы. А теперь оставь этот глупый стиль. У меня нет времени выслушивать все эти обороты. Отныне в разговоре со мной всегда используй речь равных. Наедине, естественно.

— Хорошо, я… — Хью запнулся, так как вернулась одна из служанок и, встав на колени, подала

повелителю какое-то питье на подносе.

Понс посмотрел на Хью, затем перевел взгляд на девушку.

— Это? Не обращай внимания, они глухонемые. Так что ты там говорил?

— Я хотел сказать, что не успел составить представления о погоде, так как просто не имел возможности судить о ней с тех пор, как попал сюда.

— Само собой. Я отдал распоряжение, чтобы тебя как можно быстрее выучили Языку, а мои слуги воспринимают приказы буквально. Никакого воображения. Ладно, с нынешних пор тебе дадут возможность гулять на свежем воздухе каждый день по часу. Скажи об этом тому, кто занимается тобой. Просьбы имеются? Как кормят? Как обращаются?

— Питание неплохое. Вообще я привык есть три раза в день, но…

— Можешь питаться хоть четыре раза. Опять же: скажи об этом кому следует. Ну, довольно. Перейдем теперь к другим вопросам. Хью… тебя ведь так зовут?

— Совершенно верно, их милость.

— Разве ты не слышал? Я сказал: «Пользуйся речью равных». Мое частное имя — Понс. Так

меня и называй. Хью, если бы я сам не нашел вас, если бы я не был ученым и если бы я своими глазами не видел тех артефактов в строении, которые вы называете домом, я бы не поверил в вашу историю. Но поскольку я все это видел, я должен верить. Я совсем не суеверен. Пути Дяди неисповедимы, но чудес он не творит… И я не побоюсь сказать то же самое в любом из его храмов на земле, как бы неортодоксально это ни звучало. Но… так сколько времени прошло, Джо?

— Две тысячи сто три года.

— Ну, скажем, две тысячи. Что с тобой, Хью?

— О, ничего, ничего.

— Если тебя тошнит, то лучше выйди. Я сам выбирал эти ковры. Как я уже говорил, ваша история дала пищу для ума моим ученым; и это хорошо: за последние годы они не выдумали ничего лучше какой-нибудь усовершенствованной мышеловки. Ленивые отродья! Я приказал им явиться ко мне с разумным ответом на вопрос, не ссылаясь на всякие там чудеса, как пять человек или шесть, а заодно и довольно массивное строение, могли преодолеть пропасть в двадцать веков так, что ни один волос не упал с их головы? Это, конечно, преувеличение. Джо говорил мне, что сломал себе пару костей и еще кое-какие

мелочи.

Кстати, о костях. Джо предупреждал меня, что разговор о них вряд ли придется тебе по душе, да и ему тоже, но я приказал моим ученым потревожить кое-какие кости. Анализ изотопов стронция — вот как это называется, но ты вряд ли когда-нибудь слышал об этом. Верное доказательство, что труп достиг зрелости до периода максимальной радиоактивности… Слушай, я ведь предупреждал тебя насчет ковров. Не смей!

Хью сглотнул. «Карен! Карен! Моя милая девочка!»

— Ну как? Тебе лучше? Наверное, сразу следовало сообщить тебе, что там присутствовал священник и были произведены все необходимые церемонии. Все было в точности так же, как если бы она была одной из Избранных. Специальная служба по моему разрешению. А после того как были произведены исследования, каждый атом вернули на место и могила была зарыта с соблюдением всех положенных обрядов.

— Это правда, Хью, — сурово сказал Джозеф. — Я был там. И возложил на могилу свежие цветы. Цветы, которые всегда будут свежими, — так мне и сказали.

— Конечно будут, — подтвердил Понс. — До тех

пор, пока не распадутся от обычной эрозии. Я не знаю, почему вы используете для этого цветы, но, если необходимы еще какие-нибудь обряды или нужно принести какие-нибудь жертвы во искупление того, что, на ваш взгляд, является осквернением, просто скажи. Я человек широких взглядов. Я прекрасно понимаю: в другие времена обычаи были иными.

— Нет. Нет, пусть будет так.

— Как хочешь. Все это пришлось сделать из соображений научной необходимости. Мне показалось, что это разумнее, чем ампутировать один из твоих пальцев. Другие тесты также заставили моих ученых примириться с очевидностью. Пища, законсервированная методом настолько древним, что я сомневаюсь, знает ли кто-нибудь из современных специалистов по гастрономии, как его воспроизвести… и все же продукты оказались вполне съедобными. По крайней мере, нескольким слугам приказали их есть — и никто не отравился. Необходимо упомянуть об удивительном перепаде радиоактивности между внутренней и наружной поверхностью крыши. Я намекнул ученым на этот факт. Основываясь на информации, полученной от Джо, я приказал им искать данные в подтверждение того, что это

событие произошло в начале войны между Западом и Востоком, в ходе которой было уничтожено все Северное полушарие.

И они нашли эти данные. Расчеты показали, что сооружение, вероятно, находилось в эпицентре атомно-ядерного взрыва. И все же оно оказалось целехонько. На почве этого возникла гипотеза настолько дикая, что я не буду утомлять тебя, излагая ее. Ученым же я просто велел продолжать исследования.

Но самое главное — это целый ряд подлинных исторических сокровищ. Я ведь историк, Хью. История, если к ней умело подобрать ключи, может поведать обо всем на свете. И сокровищем, само собой, являются те книги, которые попали сюда вместе с вами. Я, не преувеличивая, могу сказать, что теперь они — самое ценное мое достояние. В мире имеется всего лишь две копии «Британской энциклопедии», но они другого издания и пребывают в таком плачевном состоянии, что представляют собой скорее раритет, нежели источник, с которым мог бы работать ученый. В Смутные времена о них, видимо, никто не заботился. — Понс откинулся назад. Он казался прямо-таки счастливым. — Но зато *моя* — в превосходном состоянии! — И добавил: — Я

прекрасно сознаю значимость и других книг. Буквально все они — сокровища. Особенно «Приключения Одиссея», которые известны только по названию. Наверно, иллюстрации тоже относятся ко временам Одиссея?

— Боюсь, что нет. Художник в мое время был еще жив.

— Это плохо. Но тем не менее они превосходны. Примитивное искусство, гораздо более сильное, чем современное. Но я слегка преувеличил, сказав, что книги — самое ценное мое приобретение.

— Почему?

— Потому что самое ценное — это ты! Вот почему! Разве ты не рад этому?

Хью слегка помедлил, затем ответил:

— Рад, если это правда. — «Если правда то, что я твоя собственность, надменный ублюдок, то пусть уж я лучше буду ценной собственностью».

— О, конечно, конечно. Если бы ты говорил в модальности подчиненного, ты не мог бы выразить сомнение. Помни, Хью, я никогда не лгу. Ты и тот, другой… Как его, Джо?

— Дьюк.

— Вот-вот, Дьюк. Джо очень высокого мнения о твоей образованности и более низкого — о его.

Но дай я объясню. Есть ученые, которые владеют древним английским. Правда, не в моем доме. Поскольку он не лежит в основе современного Языка, занимаются им очень немногие. Тем не менее ученых я мог бы найти. Но ни один из них не сравнится с тобой. Ты *жил* в те времена, следовательно, сможешь делать переводы со знанием дела, без этих сводящих с ума четырех, а то и пяти разных толкований одного и того же отрывка, которые обесценивают бóльшую часть переводов древних текстов, а все потому, что ученые не знают, о чем же на самом деле писал древний автор. Я имею в виду незнание культурного контекста. И, вне всяких сомнений, ты можешь объяснить мне вещи, которые очевидны для тебя и непонятны мне.

Ведь так? Теперь ты понимаешь, что мне нужно? Начинай с «Британской энциклопедии». Приступай к работе прямо сегодня, садись за перевод. Делай его как можно скорее, царапай как-нибудь, а уж в презентабельный вид текст приведет кто-нибудь другой. Понимаешь? Ну и хорошо, тогда иди и начинай.

Хью с трудом сглотнул:

— Но, Понс, дело в том, что я не умею писать на Языке.

— Что?!

— Меня обучили только говорить, но никто не учил меня читать и писать.

Понс прикрыл глаза:

— Мемток!

Главный управляющий дворца появился так быстро, что можно было заподозрить, что он ждал прямо за дверью. Так и было: он стоял там, подслушивая, о чем (Мемток был в этом уверен) лорд-протектор не подозревал… ведь Мемток все еще оставался в живых. Такие проделки, конечно, были довольно рискованны, но он считал их необходимыми для более тщательного исполнения своих обязанностей. Во всяком случае, было безопаснее шпионить за их милостью самому, чем конспиративно засылать к нему не совсем глухонемую прислугу.

— Мемток, я ведь велел тебе научить его говорить, читать и писать на Языке!

Хью слушал их разговор, потупив глаза, в то время как главный управляющий пытался возражать, что подобного приказа ему никто не отдавал (это действительно было так), но тем не менее он был выполнен (очевидная ложь), и что он вовсе не пытается возражать лорду-протектору (вещь совершенно нетерпимая, невозможно

даже и представить, чтобы кто-нибудь пытался)...

— Чушь, — оборвал Понс. — Я и сам не могу понять, почему я никак не отправлю тебя в угольные шахты. Ты бы живописно смотрелся в забое. Твою бледную кожу прекрасно оттеняла бы въевшаяся в нее здоровая угольная пыль. — Он слегка пошевелил своим жезлом, и Мемток побледнел еще больше. — Ладно, исправляй свой промах. Пусть полдня с ним занимаются чтением и письмом, а другую половину дня пусть он переводит и диктует в рекордер. Я мог бы и раньше подумать о диктовке — письмо занимает слишком много времени. Но все равно я хочу, чтобы он умел читать и писать. — Он повернулся к Хью. — Еще что-нибудь тебе нужно? Подумай.

Хью откликнулся витиеватой фразой с необозначенной направленностью речи, с помощью которой попросить было ничего нельзя, поскольку речь адресовалась от нижестоящего к вышестоящему.

Понс прервал его:

— Говори прямо, Хью. Мемток, зажми уши. В присутствии Мемтока можешь обходиться без церемоний. Он член моей внутренней Семьи, мой племянник по духу, даже если моя старшая

сестра так не считает. Можешь открыть уши, — обратился он к главному управляющему.

Мемток расслабился и постарался принять вид настолько доброжелательный, насколько позволяло вечно кислое выражение его лица.

— Ну что же, Понс, в таком случае мне нужен кабинет для работы. Моя комнатушка размером примерно с этот диван.

— Скажи, что тебе необходимо.

— Ну, мне нужна комната с естественным освещением, с окнами, площадью примерно в одну треть этой. Столы для работы, книжные полки, принадлежности для письма, удобное кресло… Да, и доступ в туалет без очереди — это мешает работе.

— А разве ты лишен этого?

— Да. И еще: я не уверен, что мои мыслительные процессы стимулируются под воздействием хлыста.

— Мемток, ты наказывал его хлыстом?

— Нет, Дядюшка, клянусь чем угодно!

— Ты способен поклясться и будучи застигнутым на месте преступления. Кто наказывал его?

Хью осмелился вмешаться в разговор:

— Я не жалуюсь, Понс. Но эти хлысты нервируют меня. К тому же я не знаю, кто имеет право

отдавать мне приказы. По-моему, кто угодно. Я так и не сумел выяснить свой статус.

— Ммм… Мемток, какое положение он занимает в Семье?

Главный слуга вынужден был признать, что ему так и не удалось решить эту проблему.

— Тогда давайте решим ее на месте. Назначим его главой департамента. Допустим, Департамента древней истории. Титул: главный исследователь. Это значит, что, по старшинству он следует сразу после тебя, Мемток. Извести об этом всех. Я делаю так, чтобы показать, насколько этот слуга ценен для меня. Любого, кто посмеет мешать ему работать, велю разделать под отбивную. Скорее всего, новый Департамент будет состоять из одного человека, но ты сделай все, что необходимо, чтобы он выглядел посолиднее: придай ему твоих учителей, еще кого-нибудь, кто занимался бы рекордером и подготовлял материалы для меня, найди корректора или двух, помощника, который бы присматривал за ним. Я не хочу, чтобы Хью тратил свое драгоценное время на всякие мелочи. Посыльного. В общем, сам понимаешь. По этому дому без работы болтаются десятки бездельников, которые только даром едят свой хлеб. Они вполне могли бы украсить Департамент

древней истории. А теперь приготовь небольшой хлыст и малый значок. Пошевеливайся.

Через считаные минуты на Хью уже висел медальон, ненамного меньше, чем тот, который украшал грудь Мемтока. Понс взял хлыст и что-то вынул из него.

— Хью, я не дам тебе заряженный хлыст, потому что ты все равно не умеешь обращаться с ним. Если один из твоих оболтусов будет нуждаться во взбучке, Мемток всегда будет рад помочь. Может быть, позже, когда ты научишься пользоваться жезлом, мы посмотрим. Ну а теперь… Ты удовлетворен?

Хью решил, что сейчас не время просить о свидании с Барбарой. По крайней мере, не в присутствии Мемтока. Но он начинал надеяться.

Его и Мемтока отпустили одновременно. И Мемток не стал возражать, когда Хью вышел не сзади, а рядом с ним.

13

Мемток хранил молчание все время, пока они возвращались в апартаменты слуг. Он прикидывал, как бы использовать неожиданный поворот событий в свою пользу.

Статус дикаря беспокоил главного управляющего с момента появления того здесь. Он никак не вписывался в обстановку, а в мире Мемтока все должно было укладываться в определенные рамки. Что ж, теперь дикарь получил утвержденный статус. Их милость сказал, и этого было достаточно. Но ситуация ничуть не улучшилась. Новый статус был таким нелепым, что сводил на нет всю низовую структуру дворца — весь мир Мемтока.

Но Мемтоку нельзя было отказать в благоразумии и практичности. Краеугольным камнем его философии являлась житейская мудрость: «Лбом каменную стену не прошибешь», а его излюбленная стратегия заключалась в неизменном следовании правилу: «Если не можешь одолеть врага, стань его другом».

Как бы сделать так, чтобы нелепое возвышение этого дикаря выглядело естественным и

необходимым и пошло бы на пользу главному управляющему?

Дядя! Да ведь этот дикарь даже не оскоплен. И скорее всего, не будет. По крайней мере, в ближайшее время. Возможно, позже — тогда все, более или менее все встанет на свои места. Мемток был поражен, когда их милость велел отложить неизбежное. Своего оскопления он почти не помнил. Чувства и мотивы поступков того времени были для него лишь призрачным смутным воспоминанием — как будто о другом человеке. Дикарю не имело смысла поднимать вокруг операции столько шума, ведь оскопление придавало назначению подлинный вес. Мемток предвкушал еще лет пятьдесят активной деятельности, власти, приятной жизни — кто из жеребцов может мечтать о такой?

Но этот, по-видимому, мог. Как бы все-таки скрасить все это?

Достопримечательность — вот что представлял собой дикарь. У всех великих лордов были свои достопримечательности. Временами, общаясь с членами своей касты, Мемток очень смущался, что его собственный повелитель совсем не интересуется достопримечательностями. В его имении не было ни сиамских близнецов, ни да-

же, на худой конец, двухголового уродца. Не было и карлика с перепонками между пальцами. Их милость был — следует признать это — слишком прост в своих вкусах для человека столь высокого положения. Иногда Мемтоку становилось отчасти стыдно за него. Ведь повелитель почти все свое время проводит над свитками и всякими такими вещами, в то время как ему следовало бы позаботиться о чести дома.

Вот, к примеру, тот лорд в Хинде… Какой у него был титул? Принц чего-то или еще что-то, не менее глупое. Но, несмотря на это, у него была огромная клетка, где жеребцы и самки совокуплялись с громадными обезьянами, причем и те и другие бормотали что-то одинаково неразборчивое, так что их вполне можно было перепутать, — Языка они не знали и отличались только волосатостью. Вот это была достопримечательность, достойная поистине великого владения! Главный управляющий того лорда клялся Дядей, что у них есть и живые выродки, появившиеся на свет в результате такого скрещивания, только они спрятаны так, чтобы жрецы не узнали о них. Это вполне могло быть и правдой, поскольку, например, несмотря на то что официально дети от связей между Избранными

и слугами считались невозможными, они все же появлялись, хотя согревательницы постелей проходили стерилизацию. Конечно, подобным ошибкам природы не дозволялось увидеть свет.

Значит, достопримечательность — вот под каким соусом его следует представить. Неоскопленный, который тем не менее стал ответственным слугой. Знаменитый ученый, который не умеет даже толком говорить на Языке, хотя он ничуть не моложе Мемтока. Человек из ниоткуда. Со звезд. Ведь любому известно, что где-то на звездах есть люди.

А может быть, чудо? Ведь храмы постоянно стараются обнаружить наличие чудес, и тогда, возможно, очень скоро это владение станет самым знаменитым благодаря своей достопримечательности. Да. Это вполне осуществимо. Слово здесь, слово там, завуалированный намек…

— Хью, — сердечно произнес Мемток, — можно я буду звать тебя просто Хью?

— Что? Ах да, конечно!

— А ты зови меня Мемток. Давай немного прогуляемся и выберем помещение для твоего Департамента. Я так думаю, что ты предпочел бы солнечное место. Может быть, комнаты, выходящие окнами в сад? А как насчет личных

апартаментов? Должны они примыкать к помещению департамента или ты предпочел бы, чтобы они располагались отдельно?

Лучше последнее, подумал Мемток. Можно выкинуть старшего садовника и старшего над жеребцами и отдать оба их помещения дикарю — вот тогда все поймут, какой важной птицей является эта достопримечательность… а заодно и настроить их обоих тем самым против дикаря. Тогда он быстро поймет, кто его друг. А им будет, конечно же, Мемток, и никто другой. Кроме того, садовник последнее время стал заносчив, намекая, что он не обязан подчиняться главному управляющему. Ему не повредит небольшая встряска.

— О, мне не нужно ничего особенного, — заверил Хью.

— Пошли, пошли! Необходимо, чтобы у тебя были все удобства. Мне и самому подчас хочется куда-нибудь скрыться от всех этих треволнений. Но я не могу: проблемы, проблемы, целые дни напролет — одни проблемы, а все потому, что некоторые совершенно не способны думать самостоятельно. Так что нам очень не хватает умного человека. Мы подберем тебе и твоему слуге удобные помещения, где вам обоим вполне

хватит места.

Слуга? Но где найти такого малого, оскопленного и достаточно надежного, которому можно было бы поручить докладывать обо всем, будучи при этом уверенным, что информация не станет достоянием посторонних ушей? Если сейчас кастрировать сына его старшей сестры, успеет ли тот оправиться вовремя? И оценит ли сестра всю мудрость подобного решения? Он возлагал на парня очень большие надежды. Мемток в глубине души сознавал, что когда-нибудь ему придется уйти — разумеется, не скоро, через много лет, — и лучше всего, если бы этот высокий пост унаследовал его родственник. Но все должно быть спланировано, и чем раньше он начнет выстраивать этот план, тем лучше. Хорошо бы еще убедить сестру!

Мемток вел Хью по людным коридорам. Слуги так и прыскали в сторону при их приближении. Кроме одного — он неудачно споткнулся и был наказан за свою неловкость укусом хлыста.

— Боже мой! Какое огромное здание!

— Это? Подожди, ты еще не видел дворца! Правда, он, несомненно, скоро развалится под умелым руководством моего заместителя. Хью, ведь здесь только четверть всего персонала. Тут устраива-

ются лишь вечеринки в саду, а не официальные торжества. И только для горстки гостей. В городе же к нам постоянно прибывают и убывают Избранные. Иногда меня по нескольку раз за ночь поднимают с постели, чтобы я приготовил покои для какого-нибудь лорда, прибывшего без всякого предварительного уведомления, и его дам. В таких случаях мне всегда помогает предусмотрительность. Отпирая двери крыла для гостей, я всегда знаю — *знаю*, заметь, — что кровати застелены свежим, ароматным бельем, что гостей ожидают напитки, нигде ни пылинки и мягко играет музыка.

— Да, но это, наверное, обеспечивается безукоризненной работой прислуги.

— Безукоризненной! — фыркнул Мемток. — Хотел бы я согласиться с тобой. На самом деле все это стоит мне немалых усилий: ежедневно перед сном, независимо от того, устал я или нет, я совершаю обход каждой из комнат. Затем я еще должен встать и убедиться, что недочеты устранены, не полагаясь на заверения слуг. Они все лжецы, Хью. Слишком много Счастья. Их милость слишком щедр, он никогда не урезает рацион.

— Я считаю, что питание вполне достаточное. И качественное.

— Я ведь не сказал «пища», я сказал «Счастье». Я распоряжаюсь пищей и не считаю, что этих дармоедов нужно морить голодом в качестве наказания. Хлыст куда лучше. И они это понимают. Всегда помни, Хью: у большинства слуг мозгов как таковых нет. Они так же легкомысленны, как и Избранные… Это, естественно, не относится к их милости — я бы никогда не посмел критиковать своего патрона. Я говорю об Избранных вообще. Ну, ты сам понимаешь. — Он подмигнул Хью и шутливо ткнул его пальцем.

— Я знаю об Избранных не так уж много, — сказал Хью. — Да и почти не встречал их.

— Ничего… еще повстречаешь. Чтобы иметь хоть небольшое соображение, недостаточно одной темной кожи, хотя в храмах и учат обратному. Только учти: цитировать мои слова не нужно, да я и не признаюсь никогда, что говорил такое. Но… как ты думаешь, кто в действительности управляет этим имением?

— Я здесь слишком недолго, чтобы составить какое-нибудь мнение.

— Весьма проницательно. Ты мог бы пойти очень далеко, если бы был честолюбив. Тогда, позволь, я объясню. Если их милость уезжает куда-нибудь, хозяйство продолжает функцио-

нировать, будто ничего не случилось. Но если уеду или позволю себе заболеть я… Ты знаешь, я просто боюсь подумать о таком. — Он взмахнул хлыстом. — И *они* это знают. С его дороги они так быстро не сворачивают, как с *моей*.

Хью решил переменить тему:

— Я все-таки не понял твоего замечания относительно рациона счастья.

— Разве ты не получал Счастья?

— Я даже не знаю, что это такое.

— Ого! А ведь причитающиеся тебе и твоим учителям порции отправляли каждый день. Они, значит, до вас не доходили? Придется заняться расследованием. Что касается Счастья… Я сейчас покажу тебе кое-что.

Мемток поднялся по пандусу и вывел Хью на небольшой балкон. Перед ними простирался центральный обеденный зал для слуг, по которому змеились три очереди.

— Сейчас как раз время раздачи, — само собой, для жеребцов отведено другое время. Счастье можно получить в виде пищи, питья или курева. Доза во всех случаях одинакова, но некоторые считают, что курение доставляет наиболее утонченное наслаждение.

Некоторых слов не было в словаре Хью, он так

и сказал Мемтоку. Тот ответил:

— Сам поймешь. Счастье улучшает аппетит, успокаивает нервы, гарантирует крепкое здоровье, заменяет все виды удовольствий и абсолютно лишает честолюбия. Вся штука в том, что следует либо пользоваться им постоянно, либо совсем не пользоваться. Я лично никогда не принимал его регулярно, даже будучи жеребцом, потому что был честолюбив. И сейчас прибегаю к нему только изредка — по праздникам и всяким таким случаям, в самых умеренных количествах. — Мемток улыбнулся. — Сегодня вечером сам узнаешь.

— Как это?

— А разве я не говорил тебе? Сегодня после вечерней молитвы устраивается банкет в твою честь.

Хью почти не слышал его. Он напряженно всматривался в длинную очередь, пытаясь разглядеть Барбару.

В качестве почетного эскорта Мемток избрал старшего ветеринара и главного инженера имения. Хью был слегка обеспокоен таким вниманием со стороны врача, памятуя о своем беспомощном положении при предыдущей встрече с этим человеком.

Но ветеринар был сама сердечность.

Мемток восседал во главе длинного стола. Хью расположился по правую руку от него, а остальные места занимали двадцать начальников других департаментов. За стулом каждого гостя стоял лакей, а непрерывные вереницы других слуг появлялись и исчезали, принося и унося приборы и блюда. Банкетный зал был великолепен, обстановка была роскошной, а празднество было пышным и продолжительным. Хью не мог представить себе, какой же должна быть пища Избранных, если их верховные слуги питались так роскошно.

Вскоре он отчасти узнал это. Мемтоку подавали дважды: сначала из общего меню, затем из особого. Эти другие блюда он только пробовал, откладывая их на отдельную тарелку. Из общего меню он ел понемногу и иногда отказывался от блюд.

Мемток заметил взгляд Хью.

— Это обед лорда-протектора. Хочешь попробовать? На свой страх и риск, разумеется.

— Какой риск?

— Яд, конечно. Когда человеку больше ста лет, естественно, что его наследники пребывают в нетерпении. Не говоря уже о конкурентах в

бизнесе, политических противниках и бывших друзьях. Не бойся: блюда пробует дегустатор за полчаса до того, как их отведает их милость или я, да и то в этом году мы потеряли всего одного дегустатора.

Хью решил, что Мемток испытывает его, и зачерпнул полную ложку.

— Нравится? — поинтересовался главный управляющий.

— Пожалуй, чересчур жирновато.

— Слышишь, Гну? Наш новый кузен — человек утонченного вкуса. Слишком жирно. Боюсь, в один прекрасный день тебя самого зажарят в собственном жиру. Дело в том, Хью, что мы едим лучше, чем Избранные, хотя сервируется их стол в Большом зале гораздо роскошнее. Но я гурман и люблю артистизм в еде. А его милости все равно, что он ест, лишь бы оно не визжало, когда его кусаешь. А если ему подать блюдо под слишком изощренным соусом или с экзотическими специями, то он просто отошлет все это обратно и потребует кусок мяса, хлеба и стакан молока. Верно я говорю, Гну?

— Ты же сам знаешь.

— И все труды насмарку.

— Точно, — вздохнул шеф-повар.

— Поэтому лучшие повара кузена Гну работают на нас, а уж Избранные перебиваются такими, главное умение которых состоит в том, чтобы обтянуть приготовленную птицу кожей, не повредив перьев. А теперь, кузен Хью, с твоего позволения, я поднимусь в Большой зал и прослежу за тем, чтобы шедевр кузена Гну выглядел лучше, чем он есть на самом деле. В мое отсутствие не верь тому, что они будут говорить обо мне, хотя все это сущая правда. — Он показал зубы, состроив гримасу, которая, видимо, должна была обозначать улыбку, и вышел.

Некоторое время все молчали. В конце концов кто-то — Хью показалось, что это начальник транспортной службы, — рискнул утолить свое любопытство:

— Главный исследователь, а в чьем имении вы находились, прежде чем были приняты к нам, осмелюсь спросить?

— Спрашивайте. Владение Фарнхэма, чрезвычайного владетеля.

— Вот как! Вынужден признать, что титул вашего Избранного мне внове. Может быть, это новый титул?

— Наоборот, очень старый, — ответил Хью. — Исключительно древний и установленный

самим Всемогущим Дядей, благословенно будь имя его. Грубо говоря, этот титул приближается к королевскому, но только старше.

— Неужели?

Хью подумал, что можно дать волю своей фантазии. Из разговоров он знал, что Мемток осведомлен о великом множестве вещей, но почти ничего не понимает в истории, географии и вообще в том, что выходит за пределы жизни в имении. А из своих занятий Языком он усвоил, что слуга, умеющий читать и писать, — большая редкость, если только эти знания не необходимы ему, чтобы исполнять свои обязанности. Такое положение господствовало даже среди старших слуг. Мемток с гордостью заявил ему, что он подал прошение о том, чтобы ему позволили научиться читать, когда был еще жеребцом. И потом учился до седьмого пота, вызывая смех других жеребцов. «Я мог бы провести среди жеребцов еще пять лет, а то и все десять, но, как только я научился читать, я сразу же подал прошение об оскоплении, — сказал он Хью. — Так что последним в этой истории смеялся я, и где теперь те, что смеялись надо мной? Я умею заглядывать в будущее».

Так что Хью решил, что если уж врать, то напропалую. Большая ложь легче могла сойти за

правду.

— В доме Фарнхэм этот титул сохраняется в неприкосновенности вот уже на протяжении трех тысяч лет. Линия преемственности, благодаря Всемогущему Дяде, не прерывалась ни разу, даже в Смутные времена в период Изменения. Божественное происхождение титула дает право его носителю разговаривать с владетелем на равных, на «ты». — Хью гордо выпрямился. — А я был главным фактотумом лорда Фарнхэма.

— И в самом деле, благородный дом. Но что такое «главный фактотум»? У нас здесь нет такого поста. Это управляющий?

— И да, и нет. Главный управляющий находился под началом фактотума.

Собеседник ахнул.

— И все остальные слуги тоже — домашние и не только: те, что отвечают за бизнес, политику, или аграрии, все. Конечно, ответственность колоссальная.

— Надо думать!

— В самом деле. Я стал стареть, и здоровье мое начало ухудшаться… Я перенес временный паралич нижних конечностей. По правде говоря, ответственность никогда не прельщала меня: по натуре я ученый. Поэтому я подал прошение,

чтобы меня перевели в другую Семью… и вот я здесь, личный ученый Избранного, который имеет склонности, схожие с моими собственными. Весьма подходящее для моих преклонных лет положение.

Тут Хью понял, что, по крайней мере, в одном он зашел слишком далеко, так как ветеринар поднял голову:

— Насчет паралича. При осмотре я не заметил никаких его признаков.

«Черт бы побрал этих докторов, вечно они озабочены только своими профессиональными проблемами», — раздраженно подумал Хью.

— Паралич разбил меня внезапно, однажды утром, — спокойно парировал он удар. — И с тех пор больше ни разу меня не беспокоил. Но для человека моего возраста это было первым предупреждением.

— А каков же ваш возраст? Интересуюсь, конечно, чисто профессионально. Могу я задать такой вопрос?

Хью попытался принять такой же надменный вид, как у Мемтока:

— Не можешь. Я сообщу его, когда мне понадобятся твои услуги. Но, — добавил он, чтобы разрядить обстановку, — могу честно признаться,

что рожден я на несколько лет раньше, чем их милость.

— Удивительно, с точки зрения вашего физического состояния — мне оно показалось весьма приличным, — я дал бы вам не больше шестидесяти.

— Это у нас в крови, — загадочно ответил Хью. — Я не первый из нашей линии, кто прожил очень длинную жизнь.

От других вопросов его спас приход главного управляющего. Все встали. Хью вовремя не заметил вошедшего, поэтому продолжал сидеть. Но Мемток даже если и остался недоволен, то ничем не выдал этого. Садясь рядом, он хлопнул Хью по плечу:

— Бьюсь об заклад, они рассказали тебе, что я пожираю собственных детей.

— Напротив, у меня сложилось впечатление, что все вы — одна большая семья, которую возглавляет любящий дядюшка.

— Лжецы, все они лжецы. Ну, остаток вечера я свободен, если только не случится что-нибудь из ряда вон выходящее. Их милость знает, что мы тут пируем в твою честь, и великодушно разрешил мне не являться больше в Большой зал. Поэтому мы теперь можем расслабиться и

повеселиться. — Главный управляющий постучал ложкой по кубку. — Кузены и племянники, предлагаю тост за здоровье нашего нового родственника. Вы, может быть, уже слышали, что я сказал: лорд-протектор очень доволен нашей скромной попыткой дать возможность кузену Хью чувствовать себя как дома в Семье их милости. Но, я думаю, невозможно не заметить, что жезл, которым обладает кузен Хью, не малый хлыст, а хлыст чуть поменьше моего. — Мемток хитровато улыбнулся. — Будем надеяться, что ему никогда не придется воспользоваться им.

Слова шефа вызвали бурю аплодисментов. Он сурово продолжал:

— Вы все должны знать, что даже мой старший заместитель не носит подобного символа власти, не говоря уже об обычном главе департамента… Я надеюсь, вы сами на основании этого сделаете вывод о том, что самый легкий намек кузена Хью, главного исследователя и помощника их милости по делам науки, назначенного личным приказом их милости, этот его намек — то же, что мой приказ. И не советую доводить дело до того, чтобы я сам занимался разбирательством. А теперь — тосты! Поднимем бокалы все вместе, и пусть Счастье свободно вливается в наши жилы…

Пусть тост скажет самый младший из нас, ну!

Вечеринка становилась шумной. Хью заметил, что Мемток пьет очень немного. Он вспомнил предупреждение и попытался следовать ему. Но это было невозможно. Главный управляющий мог пропустить любой из тостов, просто подняв бокал, но Хью, как почетный гость, чувствовал себя обязанным пить каждый раз.

Через какое-то время (Хью уже смутно представлял, сколько его прошло) Мемток отвел его в роскошные апартаменты. Хью чувствовал опьянение, но не ощущал неустойчивости, обычно сопровождающей его, — просто казалось, что тело парит над землей. Он чувствовал просветление, чувствовал, что в него вселилась мудрость веков, подплыв к нему на серебряном облаке и затопив душу ангельским счастьем.

Он так и не выяснил состава напитка. Что такое это Счастье? Алкоголь? Возможно. Бетель? Грибы? Может быть. Марихуана? Наверняка. Он должен набросать рецепт, пока вкус еще свеж в его памяти. Это как раз то, в чем нуждается Грейс. Он должен… Но, конечно же, это у нее теперь есть. Просто прекрасно. Бедняжка Грейс… Он никогда не понимал ее… а ведь все, что ей было нужно, — это немного Счастья.

Мемток довел его до спальни. Поперек изножья его прекрасной новой кровати спало какое-то существо явно женского пола, белокурое и уютное.

Хью взглянул на нее со своей стофутовой высоты и недоуменно моргнул:

— Кто *это*?

— Согревательница твоей постели. Разве я не говорил тебе?

— Но…

— Все в порядке. Да-да, я знаю, что фактически ты жеребец. Но ты не сможешь причинить ей вреда: именно для подобной цели она и существует. Так что не беспокойся. Ее даже не оперировали: она естественно стерильна.

Хью повернулся, чтобы обсудить вопрос подробнее. Двигался он медленно из-за ощущения своей необъятной ширины и повышенной парусности. Мемток исчез. Хью почувствовал, что едва может добраться до постели.

— Подвинься, киска, — пробормотал он и мгновенно уснул.

Проснулся он поздно, но девица все еще была здесь. Она ждала его с завтраком. Хью почувствовал себя в ее присутствии как-то неудобно. И это не было следствием похмелья — похмелья не было. Видимо, Счастье не требовало подобной

расплаты за злоупотребление им. Он чувствовал себя физически сильным, ум его обострился, единственное, что он испытывал, — сильное чувство голода. Но эта девочка-подросток смущала его.

— Как тебя зовут, киска?

— Да будет им известно, каково бы ни было имя их покорной слуги, это не имеет ни малейшего значения, и они могут звать ее, как им заблагорассудится, — она все равно будет более чем довольна.

— Ладно, ладно. Говори со мной как с равным.

— У меня нет настоящего имени, сэр. Чаще всего мне говорят: «Эй, ты!»

— Хорошо, тогда я буду звать тебя Киска. Тебя это устраивает? Ты в самом деле похожа на котенка.

На щеках у нее появились ямочки.

— Да, сэр! Это гораздо более приятно, чем «Эй, ты».

— Логично, в таком случае отныне ты — Киска. Можешь сказать об этом всем и больше не откликайся на «Эй, ты». Скажи, что имя присвоено тебе официально главным исследователем, а если кто-нибудь усомнится, то пусть спросит у главного управляющего. Если осмелится.

— Да, сэр. Спасибо, сэр. Киска, Киска, — повторяла она на разные лады, как бы запоминая, потом вдруг хихикнула. — Чудесно!

— Я рад за тебя. Это мой завтрак?

— Да, сэр.

Он перекусил прямо в постели, предлагая ей куски, и догадался, что она ожидала этого или, по крайней мере, того, что он разрешит ей поесть. Пищи было вдоволь и хватило бы четверым; вдвоем они съели за троих. Затем Хью обнаружил, что Киска вознамерилась помочь ему в ванной. Он отказался от ее услуг.

Немного погодя, когда Хью уже собирался приняться за порученное дело, он вдруг спросил:

— А чем ты будешь заниматься теперь?

— Я вернусь в помещение для самок, сэр, как только вы отпустите меня. А возвращусь, когда вы будете ложиться спать… или когда прикажете.

Он уже хотел было сказать ей, что она очаровательна, и что он почти сожалеет, что отключился накануне ночью, и что он больше не нуждается в ее услугах… но остановился. Ему в голову вдруг пришла мысль.

— Послушай, ты знаешь высокую самку по имени Барбара? Она вот настолько выше тебя. Она появилась здесь примерно две недели назад,

и у нее есть дети, близнецы, родившиеся совсем недавно.

— О, конечно, сэр. Дикарка.

— Да-да. Это она. Ты знаешь, где она?

— О да, сэр. В палате для лежачих. Я очень люблю ходить туда и смотреть на малышей. — Она погрустнела. — Как это, должно быть, прекрасно…

— Да. Ты не можешь передать ей записку?

Киска задумалась:

— Но она не сможет понять. Она ведь совсем дикая и даже говорить еще толком не умеет.

— Ммм… Черт возьми! Впрочем, может быть, это и к лучшему. Подожди минутку.

В его комнате был письменный стол. Он подошел к нему, взял одну из замечательных ручек — они не оставляли клякс, не могли исписаться и казались сплошным куском металла — и отыскал листок бумаги. Затем торопливо написал записку Барбаре, в которой осведомился о здоровье ее и близнецов, описал свое необычное возвышение, сообщил, что вскоре он как-нибудь ухитрится увидеться с ней, наказал не волноваться и терпеливо ждать и заверил ее в том, что его чувства к ней по-прежнему горячи.

В конце записки Хью приписал:

P. S. Податель сей записки – девушка по имени Киска; если только она невысока, с хорошо развитой грудью, блондинка в возрасте лет четырнадцати. Она моя согревательница постели – и это ничего не значит, а у тебя дурные мысли, детка! Я собираюсь оставить ее при себе, потому что это моя единственная возможность связываться с тобой. Постараюсь писать каждый день, и каждый день буду ожидать ответа от тебя. Если сможешь, конечно. А если кто-либо сделает что-нибудь, что тебе не понравится, – сообщи мне, и я тут же пришлю его голову на блюде. Кажется, у меня есть такая возможность. Все обстоит довольно неплохо. Посылаю тебе также бумагу и ручку. Люблю, люблю, люблю. Твой Хью.

P. P. S. Полегче со Счастьем. Оно вызывает привыкание.

Он передал девушке записку и принадлежности для письма:

— Ты знаешь главного управляющего в лицо?

— О да, сэр. Я согревала его постель. Дважды.

— Вот как? Удивительно.

— Почему, сэр?

— Ну, я думал, что подобные вещи его не интересуют.

— Вы имеете в виду то, что он оскоплен? Но некоторые старшие слуги все равно любят, чтобы им согревали постель. Мне больше нравится бывать у них, а не наверху: меньше беспокойства и можно спокойно выспаться. Главный управляющий обычно не посылает за согревательницами, хотя иногда просто проверяет нас и учит хорошим манерам, как вести себя в постели, перед тем как допустить нас наверх. — Киска добавила: — Понимаете, он все об этом знает, потому что сам был жеребцом. — Она взглянула на Хью с невинным любопытством. — А правда то, что о вас рассказывают? Могу я спросить?

— Э-э-э… не можешь.

— Прошу прощения, сэр, — растерялась она. — Я не хотела ничего плохого. — Она со страхом взглянула на хлыст и потупила глаза.

— Киска!

— Да, сэр?

— Видишь этот хлыст?

— О, конечно-конечно, *сэр*…

— Так вот, ты никогда — слышишь, никогда — не попробуешь его на себе. Обещаю тебе. Нико-

гда. Мы с тобой друзья.

Лицо ее просветлело, и в этот момент она казалась не только хорошенькой, а просто-таки ангельски прекрасной.

— О, спасибо, сэр!

— И еще одно. Единственный хлыст, которого тебе отныне следует опасаться, — это хлыст главного управляющего. Поэтому держись от него подальше. А если тебя тронет кто-нибудь из обладателей «малых хлыстов», то скажи ему, что он заработает моего, гораздо большего хлыста. Кто не поверит — пусть осведомится у главного управляющего. Ты поняла меня?

— Да, сэр. — Она, казалось, была вне себя от радости.

«Слишком уж рада», — решил Хью.

— Но старайся не попадать в беду. Не совершай ничего такого, за что можно получить удар хлыста, — или мне придется послать тебя к управляющему, чтобы он высек тебя как следует, он этим славится. Но до тех пор, пока ты прислуживаешь мне, не позволяй никому, кроме него, наказывать тебя. А теперь ступай и отнеси записку. Увидимся вечером, часа через два после вечерней молитвы. Если захочешь спать, приходи раньше и ложись.

«Надо не забыть распорядиться, чтобы для нее здесь поставили маленькую кровать», — напомнил он себе.

Киска коснулась рукой лба и вышла. Хью отправился в свой кабинет и остаток дня провел за изучением алфавита и переводом трех статей из «Британники». Он быстро обнаружил, что его словарный запас недостаточен, и послал за одним из своих учителей, чтобы использовать его в качестве толмача. Однако Хью быстро убедился, что некоторые вещи требуют бесконечных объяснений и комментариев, так как содержание понятий за прошедшие века радикально изменилось.

Киска тем временем отправилась прямо к главному управляющему в кабинет, доложила обо всем и отдала записку и принадлежности для письма. Мемток был весьма раздражен тем, что держал в руках, возможно, очень важную улику, но никак не мог ее прочитать. Правда, ему пришло в голову, что тот, второй… как бишь его… Юкк, Джук? Что-то в этом роде… наверное, мог бы прочесть эти каракули. Но во-первых, неизвестно, умеет ли дикарь читать, во-вторых, даже хлыст не гарантировал бы того, что тот честно переведет содержание письма.

Искать помощи у Джо даже не пришло Мемтоку в голову. Равно как и просить содействия у новой согревательницы постели их милости. Но был во всей истории и еще один интересный аспект: неужели самка-дикарка в самом деле *умеет читать*, а возможно, и более того — в состоянии написать послание в ответ?!

Он сунул записку в копир, затем отдал ее девушке.

— Все в порядке. Отныне ты — Киска. И веди себя точно так, как он велел, — не позволяй никому наказывать тебя и обязательно распусти об этом слух. Я хочу, чтобы все узнали. Но чтобы ты не забывалась… — Он чуть тронул ее хлыстом, и Киска подскочила от боли. — Помни, что этот хлыст всегда ждет тебя, если ты в чем-нибудь ошибешься.

— Ничтожная слышит и повинуется!

Вечером Хью вернулся из столовой для старших слуг довольно поздно, так как застольная болтовня затянулась надолго. Войдя в спальню, он обнаружил, что Киска, свернувшись калачиком, спит у его постели. Тут он вспомнил, что забыл попросить еще одну кровать для нее.

В крепко сжатом кулачке девушки виднелся листок бумаги. Осторожно, чтобы не разбудить

ее, он вытащил записку и стал читать.

Мой милый!

Каким неизъяснимым счастьем для меня было увидеть строки, написанные твоей рукой! От Джо мне стало известно, что ты в безопасности, но я ничего не слышала о твоем продвижении и не представляла, знаешь ли ты о близнецах. Сначала о них: оба растут как на дрожжах, оба как две капли воды похожи на своего отца, у обоих его «ангельский» характер. По моим прикидкам, родились они по шесть фунтов каждый. Их взвешивали после родов, но здешние меры веса мне ничего не говорят. Теперь немного о себе. Относятся ко мне как к знаменитой племенной корове, стараются не причинять никаких волнений, а медицинское обслуживание, которого меня удостоили, было на удивление хорошим. Как только у меня начались схватки, мне тут же дали какое-то питье, и потом я совершенно не испытывала боли, хотя отчетливо воспринимала все подробности родов, но так, как будто это происходило не со

мной, а с кем-то другим. Таким образом, все случилось без малейших неприятных ощущений и, даже наоборот, настолько приятно, что я бы, кажется, теперь рожала каждый день. Особенно если бы у меня каждый раз рождались такие прелестные малыши, как Хью и Карл Джозеф.

Что же до остального, то жизнь моя довольно скучна. Изо всех сил штудирую Язык. Молока у меня в избытке, я даже делюсь с девушкой на соседней кровати, которой не хватает своего. Правда, наши с тобой малыши – большие обжоры.

Я буду терпеливо ждать. Ничуть не поражена твоим быстрым повышением. И, зная тебя, не удивлюсь, если через месяц ты станешь тут самым главным. Я полностью уверена в своем муже. Мужчине. Какое это приятное слово: муж…

Теперь о Киске. Не верю я твоим бойскаутским клятвам, развратник ты несчастный. Твой послужной список показывает, что ты всегда готов воспользоваться неопытностью юной девушки. А она очень хорошенькая.

Теперь серьезно. Милый, я знаю, насколько ты благороден, у меня не было дурных мыслей. Но даже если бы твое благородство в какой-то момент изменило тебе, я бы не осуждала тебя, принимая во внимание ее странное положение в этом странном месте. Я имею в виду, Киска ничем не рискует и последствий не ожидается.

Так что если ты не сдержишься, я не буду ревновать тебя к ней, во всяком случае сильно, но я бы не хотела, чтобы ваши отношения стали прочными, по крайней мере настолько, чтобы ты забросил меня. Не списывай меня со счетов. Учти, я довольно быстро восстанавливаю силы и желания. Но я ни в коем случае не настаиваю, чтобы ты избавился от нее, поскольку она – единственная возможность для связи. Будь добр с ней, она чудесное дитя. Впрочем, я знаю, что ты всегда очень добр со всеми.

Я буду писать каждый день и, если не получу ответной весточки, буду плакать в подушку от смертельной тревоги за тебя. До свидания, мой любимый ныне, и присно, и во веки веков.

Б.

P. S. Это пятно – отпечаток ножки маленького Хью.

Хью нежно поцеловал письмо и лег в постель, прижимая его к себе. Киска так и не проснулась.

14

Хью обнаружил, что чтение и письмо на Языке даются ему довольно легко. Написание было фонетическим. Для каждого звука имелось соответствующее буквенное обозначение. Непроизносимых букв не было, как не было и никаких исключений в произношении или написании слов. Ударение всегда ставилось на предпоследний звук, если не было особо отмечено; никаких двусмысленностей в структуре Языка не было, как в эсперанто. Таким образом, как только был выучен сорокасемибуквенный алфавит, Хью мог написать и прочитать любое слово.

Печатные буквы сильно напоминали рукописные, поэтому страницы книг выглядели так, будто их от руки заполнил какой-то опытный писец. Хью не удивился, обнаружив, что буквы похожи на арабские, а посмотрев соответствующую статью в «Британнике», еще раз убедился, что, скорее всего, этот алфавит развился из арабского письма его времени. Около полудюжины букв вообще не претерпели никаких изменений, некоторые изменились не сильно. Несколько букв было добавлено, чтобы соблюсти принцип: один

звук — один знак. Имелось много новых букв, которые обозначали звуки, отсутствующие в языке двадцатого века. Проконсультировавшись еще раз с «Британникой», Хью понял, что основные корни Языка были арабскими, французскими, суахили и еще Дядя знает какими. Подтвердить этого он не мог, поскольку словаря, отражающего исторические изменения в лексике, как это было принято в английском, не существовало, похоже, вовсе. А его учителя, кажется, были свято убеждены в том, что Язык *всегда* являлся таким, каким они знали его. Концепция изменений в языке просто не укладывалась в их голове.

Впрочем, эти изыскания представляли чисто теоретический интерес. Хью не знал ни арабского, ни французского, ни суахили. В школе он немного учил латынь и еще меньше — немецкий, а в последние годы изо всех сил пытался учить русский. Поэтому он не обладал знаниями, достаточными для выяснения истоков Языка. Им руководило сугубо человеческое любопытство.

Но даже на удовлетворение простого любопытства Хью не имел права тратить драгоценное время. Ему нужно было чем-то умаслить их милость, чтобы тот разрешил ему повидаться с Барбарой. Это значило, что он должен буквально

завалить Понса переводами статей. Хью работал не покладая рук.

На второй день своего назначения Хью попросил, чтобы ему прислали Дьюка, и Мемток удовлетворил его просьбу. Вид у Дьюка был довольно измученный, под глазами мешки, но на Языке он говорил, хотя и не так хорошо, как его отец. Видимо, он имел больше ссор с учителями, по сравнению со своим отцом; его настроение колебалось от безнадежности до мятежности, он довольно заметно хромал.

Мемток не имел абсолютно ничего против того, чтобы передать Дьюка в Департамент древней истории.

— Только рад буду избавиться от него. Для жеребца он чудовищно велик, а ни на что другое, по-видимому, не годен. Конечно, пусть работает у тебя. Не переношу слуг, которые слоняются без дела и только дармоедствуют.

И Хью взял сына к себе.

Дьюк окинул взглядом апартаменты Хью и присвистнул:

— Ну и ну! Я вижу, ты из дерьма ухитрился выбраться, благоухая, как роза. Как это ты?

Хью объяснил ему ситуацию.

— Вот поэтому я и хотел бы, чтобы ты перевел

статьи, касающиеся юриспруденции и родственных ей отраслей знания, — это, должно быть, удастся тебе лучше всего.

Дьюк упрямо сжал кулаки:

— Засунь их себе знаешь куда?

— Дьюк, оставь свой вызывающий тон. Ведь это прекрасная возможность.

— Для тебя, может быть. А что ты сделал для матери?

— А что я мог сделать? Встречаться мне с ней не разрешают, как и тебе. Сам знаешь. Джо уверяет меня, что она не только шикарно устроилась, но и счастлива.

— Так говорит он. Вернее, говоришь ты, что говорит он. А я хотел бы убедиться собственными глазами. Я, черт возьми, настаиваю на этом.

— Настаивай, сколько хочешь. Пойди скажи это Мемтоку. Но хочу предупредить заранее: я не смогу защитить тебя от него.

— К черту! Я и так знаю, что мне скажет и что сделает этот маленький грязный недоносок. — Дьюк поморщился и потер больную ногу. — Именно ты должен побеспокоиться обо всем. Раз уж ты так ловко устроился, тебе и карты в руки. Используй хотя бы часть своей власти на то, чтобы защитить мать.

— Дьюк, я ничего не в состоянии сделать. Со мной обращаются хорошо по той же причине, что и со скаковой лошадью. И потребовать я имею право примерно столько же, сколько та самая лошадь. Но я могу помочь тебе получить свою долю хороших условий, если будешь сотрудничать: удобное жилье, мягкое обращение, легкую работу. Но мне ни в малейшей степени не подвластна жизнь женской половины, и я скорее, наверное, смог бы слетать на Луну, чем добиться того, чтобы Грейс перевели сюда. Ты ведь знаешь, что порядки у них здесь, как в гареме.

— Значит, ты собираешься сидеть, исполняя роль ученого тюленя при этой черной обезьяне, и даже пальцем не пошевелишь, чтобы помочь матери? На меня можешь не рассчитывать!

— Дьюк, я не намерен спорить с тобой. Я выделю тебе комнату и буду присылать текст из «Британники» каждый день. Дальше твое дело. Если ты не будешь переводить, я постараюсь сделать так, чтобы Мемток не узнал об этом. Но я думаю, у него повсюду шпионы.

На этом разговор и закончился. Сначала Дьюк действительно ничем не помогал отцу. Но скука сделала свое дело там, где не помогли доводы. Дьюк не выдержал ничегонеделанья в запертой

комнате. В принципе, он мог бы выйти из нее, но всегда оставалась опасность того, что он наткнется на Мемтока или на кого-нибудь из старших слуг с хлыстами и те могут поинтересоваться, чем это он тут занимается. От утренней молитвы до вечерней слуги всегда вынужденно имитировали занятость делом, даже если и были свободны; в противном случае они могли нарваться на неприятности.

Дьюк начал заниматься переводами, но вскоре обнаружил, что явные пробелы в знании Языка создают трудности в работе. Хью прислал ему помощника-клерка, имевшего отношение к юридической стороне дел их милости.

Хью видел Дьюка крайне редко. Это, по крайней мере, избавляло его от необходимости постоянно спорить с сыном. Производительность Дьюка через неделю стала возрастать, но зато ухудшилось качество работы — Дьюк открыл для себя чудодейственные свойства Счастья.

Хью долго думал над тем, стоит ли предостерегать сына от наркотика, и все-таки решил не вмешиваться. Если Дьюку нравилось принимать Счастье, то почему он должен удерживать его? Качество переводов сына мало волновало Хью. Ведь их милость не имел возможности судить о

них… разве Джо мог случайно открыть ему глаза. Но это было маловероятно. Да Хью и сам не особенно старался. «Сойдет, — считал он. — Отсылай боссу побольше да пояснее, а трудные места можно и пропустить».

Кроме того, он заметил, что пара порций Счастья после ужина прекрасно скрашивает остаток дня. Счастье давало ему возможность прочитывать очередное письмо Барбары в состоянии какого-то теплого, радостного опьянения, затем сочинять ответ, который предстояло отнести Киске, и крепко засыпать.

Но Хью не злоупотреблял напитком, относясь к нему с опаской. У алкоголя, считал он, есть преимущество — он ядовит. Человек очень быстро в этом убеждается, когда начинает предаваться чрезмерным возлияниям. Счастье же не давало синдрома похмелья — его воздействие на организм было коварнее. Напиток снимал состояние тревоги, подавленности, беспокойства, скуки, убирал любые неприятные эмоции и погружал в нирвану безмятежного блаженства. «Уж не составляет ли его основу метил мепробамат?» — размышлял Хью. Но, к сожалению, он весьма поверхностно знал химию, а то немногое, что он знал, устарело на две тысячи лет.

Являясь ответственным слугой, Хью мог практически ни в чем себе не отказывать. Но со временем он заметил, что Мемток не единственный из старших, кто умеренно употребляет Счастье. Ни один из страстных поклонников этого своеобразного наркотика не мог рассчитывать на приличную должность. Нередко случалось, что человек, достигший высших ступеней иерархии слуг, скатывался обратно на дно, будучи не в силах противостоять соблазну потреблять Счастье в неограниченном количестве. Хью не представлял себе, что с такими людьми бывало потом. Сам же он пользовался правом держать бутылку зелья в своей комнате. Это решило проблему Киски.

Хью передумал просить у Мемтока кровать для нее. Он не хотел наводить главного управляющего на мысль, что это дитя интересует его лишь в качестве связующего звена между женскими помещениями и Департаментом древней истории. Вместо этого он велел девушке каждую ночь устраивать себе постель на диване в жилой комнате.

Киска была этим очень огорчена. К этому времени она уже была уверена, что Хью мог бы воспользоваться ею не только как согревательницей постели в буквальном смысле слова, и считала,

что он намеренно лишает ее возможности создавать ему комфорт и дарить наслаждение. Это пугало ее: если она не по душе хозяину, то вскоре может потерять самое лучшее из всех мест, которые когда-либо имела. Так что она не осмелилась сказать Мемтоку, что Хью отказывается пользоваться ее услугами. Она докладывала обо всем, кроме этого.

Киска плакала.

Ничего лучшего она не смогла бы придумать. Всю жизнь Хью не выносил вида женских слез. Он усадил ее на колени и объяснил, что она ему очень нравится (правда), что ему очень жаль, что он слишком стар, чтобы оценить в полной мере ее достоинства (ложь), и что присутствие кого-либо в постели мешает ему спать (полуправда), и еще: он очень доволен ею и хочет, чтобы она продолжала ему служить.

— А теперь вытри глазки и глотни вот этого.

Хью знал, что Киска принимает Счастье. Она получала свою порцию в виде жевательной резинки, в состав которой входил порошок. Многие слуги за работой предпочитали употреблять Счастье именно в таком виде, что позволяло им целый день находиться в состоянии приятного полуопьянения. Свои пустые дни Киска всегда

проводила за этим занятием. Убедившись, что Хью не возражает, она располагались вечерами в его комнатах, дожевывая остатки жвачки. Поэтому Хью без колебаний предложил ей глоток Счастья.

Выпив предложенный напиток, счастливая Киска отправилась спать, больше не беспокоясь о том, что хозяин хочет избавиться от нее. Таким образом, прецедент имел место. После этого каждый вечер, за полчаса до того, как ложиться спать, Хью давал ей немного Счастья.

Некоторое время он отмечал уровень в бутылке, чтобы убедиться, что Киска не прикладывается к ней в его отсутствие. Замков у него в помещении не было, хотя он, как один из старших слуг, обладал правом иметь их. Но Мемток счел целесообразным утаить от главного исследователя информацию об этой привилегии.

Когда Хью удостоверился, что Киска не потягивает напиток втихаря, он перестал беспокоиться. В самом деле, Киску ужаснула бы даже мысль о том, что она может что-нибудь украсть у хозяина. Уровень ее самосознания был настолько мизерный, что пришелся бы впору маленькой мышке. Она была меньше чем никто и знала об этом; у нее никогда ничего не было своего, даже имени,

пока Хью не дал ей его. Благодаря его доброте в ней стала пробуждаться личность, но сдвиг был едва заметен, и любая мелочь могла свести на нет все усилия в этом направлении. Сейчас она была способна что-то украсть у Хью не больше, чем попытаться убить его.

Хью, наполовину по наитию, укреплял уверенность Киски в себе. Она была умелой банщицей. В конце концов он сдался и разрешил ей тереть ему спину и регулировать воду для мытья, одевать его и заботиться о его одежде. Она оказалась еще и опытной массажисткой. Иногда ему даже приятно было чувствовать, как ее маленькие руки разминают ему плечи и шею, затекшие после долгого дня, проведенного с книгой или за чтением свитков на экране «читалки». Одним словом, она старалась делать все, чтобы не быть бесполезной.

— Киска, а чем ты обычно занимаешься днем?

— В основном ничем. Самка моей полукасты, если у нее ночная работа, днем, как правило, отдыхает. Поскольку я каждую ночь занята, мне разрешают до полудня оставаться в спальном помещении. Обычно я так и делаю, потому что управляющий самками очень любит давать тем, кого он видит шляющимися без дела, какое-ни-

будь поручение. После полудня… Ну, естественно, я стараюсь никому не попадаться на глаза. Это самое лучшее. Безопасно.

— Понятно. Если хочешь, отсиживайся здесь. Вернее, если можешь.

Лицо ее просветлело.

— Если вы достанете мне разрешение, то смогу.

— Хорошо, достану. Можешь здесь смотреть телевизор… Хотя в это время еще нет передач. Ммм… ты ведь не умеешь читать? Или умеешь?

— О, конечно нет, сэр! Я бы никогда не осмелилась подать прошение.

— Хм… — Хью знал, что разрешение учиться читать не мог дать даже Мемток. Такое дело требовало вмешательства самого их милости, да и то после обязательного расследования причин возникновения такой необходимости. Более того, любые его необычные поступки могли оборвать тонкую нить, связывающую его с Барбарой, и окончательно лишить надежды воссоединиться с ней. Но… Черт возьми, мужчина всегда должен быть мужчиной!

— У меня здесь есть свитки и экран. Ты *хотела бы* попытаться?

— Да защитит нас Дядя!

— Не поминай Дядю всуе. Если *хочешь* — и сможешь держать свой маленький язычок за зубами, — то я научу тебя. Чего ты так испугалась? Я не заставляю тебя решать сразу. Сообщишь мне, когда надумаешь. Только никому не говори.

Киска никому не сказала. Умалчивать она тоже боялась, но инстинкт самосохранения подсказал ей, что, доложив об этом, можно очень скоро распрощаться с безоблачным счастьем.

Киска стала для Хью чем-то вроде семьи. Она лаской провожала его на работу, вечером с улыбкой встречала, беседовала с ним, если ему хотелось пообщаться, и никогда не заговаривала первой. Вечера она обычно проводила, свернувшись калачиком перед телевизором — так Хью называл устройство, принцип работы которого он не смог понять.

Передача, транслирующаяся в цветном объемном изображении, начиналась ежевечерне, после молитвы, и продолжалась до отбоя. Большой экран был установлен в холле, где собирались слуги, а несколько малых экранов находились в комнатах старших слуг. Хью не раз смотрел передачи, надеясь лучше понять общество, в котором ему предстояло жить. В итоге он пришел к выводу, что с таким же успехом можно представить

себе жизнь Соединенных Штатов по телевизионному сериалу «Пороховой дымок». Чаще всего транслировались крикливые мелодрамы со стилизованным, как в китайском театре, действием. Обычно сюжет составляла история о верном слуге, который в финале героически погибал, спасая жизнь своему повелителю.

Но для обитателей подлестничного мира телевизор был вторым по значению развлечением после Счастья. Киска обожала смотреть его, пережевывая при этом резинку и издавая приглушенные (чтобы не отвлекать склонившегося над книгой Хью) восклицания. После окончания передачи она растроганно вздыхала, с изъявлением величайшей благодарности принимала свою порцию Счастья, касалась на прощанье рукой лба и отправлялась спать. Хью же еще некоторое время проводил за чтением.

Он очень много читал — каждый вечер (если только Мемток не наносил визита) и бóльшую часть дня.

Ему было страшно жалко времени, убиваемого на переводы для их милости, но пренебрегать ими он не мог. Ведь работа была единственной надеждой на будущее. Хью понял одно: для того чтобы делать грамотные переводы текстов,

необходимо хорошо разбираться в современной культуре. В Летнем дворце была прекрасная библиотека, и когда он заявил, что ему для работы необходимо иметь к ней доступ, Мемток все устроил.

Но главной целью Хью было не повышение качества переводов, а попытка понять, что случилось с *его* миром и как возник *этот*.

Поэтому на экране «читалок», стоявших в кабинете и гостиной, постоянно была проекция текста какого-нибудь свитка. Принцип работы со свитками Хью нашел просто-таки восхитительным, он заменил древнюю форму книги с переплетенными листами намного более эффективной системой: для чтения необходимо было всего-навсего опустить в устройство заряженный сдвоенный цилиндр и включить экран. По экрану бежала строчка длиной в несколько сотен футов, от начала до конца свитка. Затем свиток переворачивался, и система считывала следующую строку, напечатанную вниз головой относительно только что прочитанной. Глаз не терял времени на возвращение к началу коротких строчек. Легкий нажим ускорял считывание до любой скорости, воспринимаемой мозгом. Когда Хью привык к фонетике, он стал читать

быстрее, чем когда-либо умел по-английски.

Но он не нашел того, что искал.

В изображении прошлого явно было стерто различие между фактом и выдумкой, историей и религиозными притчами. Даже когда он выяснил, что война между Востоком и Западом, забросившая их сюда, датировалась 703 годом до Великой Перемены, он все равно с трудом находил соответствие между миром, который был ему когда-то знаком, и «историей», заключенной в свитках.

Описаниям войны еще можно было верить. Сам Хью был свидетелем только первых ее часов, но то, что было в свитках, примерно соответствовало его ожиданиям: взаимные ракетно-бомбовые атаки, которые именовались «блестящим превентивным натиском» и «массированным ударом возмездия», стершие с лица земли города от Пекина до Чикаго и от Торонто до Смоленска; огненные смерчи, причинившие ущерб в десятки раз больший, чем бомбы; нервно-паралитический газ и другие отравляющие вещества, уничтожившие тех, кого пощадили пожары; пандемические заболевания, вспышки которых долго не затухали и инкубационный период которых завершился как раз к тому времени, когда радиоактивные осадки

перестали выпадать и горстка уцелевших стала приходить в себя и обретать призрак надежды.

Да, в весь этот Армагеддон можно было верить. Подготовкой его занимались башковитые парни, а тупые парни, на которых те работали, и не пытались предотвратить глобальную гекатомбу (просто не считаясь с такой перспективой) — они лишь делали новые заказы исполнительным башковитым парням.

Конечно же, он никогда не полагал, что «лучше красный, чем мертвый»; не считает так и теперь. Нападение было на сто процентов односторонним, и он не жалел ни об одной мегатонне «массированного возмездия».

Но что случилось, то случилось. Свитки говорят о том, что уничтожено было все Северное полушарие.

А как же насчет остального мира? В свитках утверждалось, что в Соединенных Штатах ко времени войны негры находились в положении рабов. Значит, кто-то выкинул целое столетие истории. Сознательно или нет? Может быть, это явилось следствием путаницы и отсутствия сведений? Насколько ему было известно, в Смутное время и даже после Перемены на протяжении почти двух веков по всему миру пылали костры

из книг. Сожжение их продолжалось и после Перемены.

Была ли утрата истории случайностью, как на Крите? Или жрецы сочли, что так будет лучше?

А с какого момента китайцев стали считать «белыми», а индусов «черными»? Конечно, если судить исключительно по цвету кожи, то китайцы и японцы были такими же светлокожими, как и любой средний белый его времени, а индусы так же темнокожи, как и африканцы. Но раньше антропологическое деление народов было совсем иным.

Само собой, если учитывать только цвет кожи — а, видимо, только он имелся в виду, — спорить было не о чем. История утверждала, что белые, со своими дурными наклонностями, уничтожили друг друга почти окончательно, оставив израненную Землю в наследство простодушной, душевной, милосердной темной расе, избранным чадам Великого Дяди.

Немногочисленные белые, спасенные Дядей, были выхожены и выпестованы, как дети, и теперь снова плодились и размножались под благосклонным руководством Избранных. Так было написано.

Хью допускал, что война, которая полностью

уничтожила Северную Америку, Европу и всю Азию, кроме Индии, могла унести жизни большинства белых и почти всех китайцев. Но что же случилось с белым меньшинством Южной Америки, с белыми в Южно-Африканской Республике, с австралийцами и жителями Новой Зеландии?

Как он ни бился, ответа так и не нашел. Единственное, что было определенным, — это то, что Избранные все были темнокожими, а их слуги белолицыми и обычно низкорослыми. Хью и Дьюк были гораздо выше других слуг. И наоборот, те немногие Избранные, которых он видел, были людьми весьма крупными.

Если нынешние слуги произошли от белых австралийцев… Нет, это исключается: те никогда не были малахольными. А так называемые «Экспедиции милосердия» — что это? Вылазки за рабами? Или погромы? Или, как говорится в свитках, спасательные экспедиции в поисках уцелевших?

Все эти пробелы в истории, скорее всего, возникли вследствие сожжения книг. Хью не смог выяснить, отправлялись ли в костер все книги или техническим была уготована иная участь. Очевидным представлялось лишь то, что весьма

развитая технология Избранных, превосходящая технологии его времени, не могла начаться с нуля.

Впрочем, а почему бы и нет? Ведь современные ему наука и техника развились в основном за последние пятьсот лет, причем большая часть технических новшеств создавалась в последнее столетие, а наиболее удивительные открытия появились во время жизни одного поколения. Так мог ли мир, скатившись в Темные века, выбраться из них за два тысячелетия? Конечно мог!

Так или иначе, но Коран был, похоже, единственной книгой, которая официально избежала костра. Да и то у Хью появилось сомнение, тот ли это Коран. В свое время у него был перевод Корана, и он несколько раз перечитывал его.

Теперь он очень жалел, что не взял книгу с собой в убежище, поскольку Коран в том виде, в каком он читал его теперь на Языке, явно не соответствовал запечатлевшемуся в памяти. Например, Хью припомнил, что Магомет был рыжеволосым арабом, а в этом Коране неоднократно подчеркивалось, что цвет кожи пророка был черным. И еще: Хью был совершенно убежден, что Коран не содержал расистских взглядов. Его же «исправленная и дополненная» версия

была буквально нашпигована ими.

К тому же в Коран входил теперь Новый Завет с казненным Мессией. Он проповедовал свою веру и был повешен — все религиозные свитки были испещрены виселицами. Хью ничего не имел против Нового Завета, ведь за прошедшие века вполне могли появиться новые откровения, а у религий они появлялись столь же естественно, как у кошки котята.

Но он не мог смириться с ревизией учения пророка, проведенной с целью соответствия последнего новым догматам. Это было несправедливо, это было просто жульничеством.

Структура общества также вызывала недоумение. У Хью появились только первые проблески понимания его сложной культуры. Цивилизация Избранных была стабильной или даже статичной — высокие технологии, но мало инноваций, она была отлаженной, эффективной — и упадочной. Церковь и государство были едины: «Один Язык, один король, один народ, один Господь». Лорд-владетель являлся как высшим иерархом церкви, так и главой государства, владея по воле Дяди абсолютно всем; а лорды-хранители, такие как Понс, распоряжались всего лишь ленными наделами, по совместительству исполняя функции

епископов. Помимо лордов имелись еще и многочисленные граждане (само собой, Избранные, так как белый не являлся личностью): торговцы, землевладельцы, люди разных профессий. В экономике на фоне частного предпринимательства можно было заметить признаки чуть ли не тоталитарного коммунизма. Если он правильно понимал прочитанное, то здесь существовали даже корпорации!

Самым интересным моментом для Хью (помимо того прискорбного факта, что его собственный статус законом и обычаями был приравнен к нулю) оказалась система наследования. Семья была всем, браки — ничем. То есть последние существовали как таковые, однако особенного значения не имели. Наследование происходило по женской линии, но властью наделялись только мужчины.

Эта закавыка смущала Хью, пока в один прекрасный день все не стало на свои места. Понс являлся лордом-протектором, так как был старшим сыном чьей-то старшей дочери, старший брат которой был лордом-протектором перед Понсом. Таким образом, наследником Понса становился старший сын старшей из его сестер — титул передавался от матери к дочери

непрерывно и бесконечно, причем власть сосредоточивалась в руках старшего брата каждой из наследниц. Кем был отец Понса, совершенно не имело значения, и еще меньшее значение имело то, сколько у него было сыновей, поскольку ни один из них не обладал правом наследования. Понс был преемником брата своей матери, а его наследником должен был стать сын его сестры.

Хью понимал, что при подобной системе функции и роль брака сводились к минимуму, проблема незаконнорожденности оказывалась настолько отвлеченной, что не интересовала никого, но *семья* приобретала исключительно важное значение. Женщины (Избранные) теперь никак не могли быть недооценены. Они обладали значительно большим весом, чем мужчины, хотя правили посредством своих братьев — это было освящено религией: у единого Бога — Всемогущего Дяди — имелась старшая сестра, Мамалой Вечная, настолько святая, что ей даже не осмеливались молиться и имя ее никогда не поминалось всуе. Она просто *была*, Вечный Женский Принцип, давший жизнь всему сущему.

У Хью создалось впечатление, что он когда-то читал о таком порядке наследования — от дяди к племяннику по женской линии. Справившись

в энциклопедии, он с удивлением обнаружил, что такая система доминировала то в одной культуре, то в другой в разные времена на всех континентах.

Великая Перемена произошла, когда Мамалой наконец преуспела — действуя, как всегда, опосредованно — в объединении всех чад своих под одной крышей. Назначив ответственным за все их Дядю, она удалилась на покой.

Хью так прокомментировал это: «И — Боже, помоги человечеству!»

Хью с нетерпением ждал, когда их милость изволит послать за ним. Прошло уже два месяца со дня их появления здесь, и Хью начал опасаться, что у него никогда не возникнет возможности попросить о свидании с Барбарой. Не исключено, что Понс, когда к нему стали поступать тексты, потерял к переводчику всякий интерес. Перевод же всей «Британники» потребовал бы нескольких жизней. Хью решил ускорить развитие событий и в один прекрасный день отправил Понсу письмо.

Неделю спустя лорд-протектор вызвал его. Мемток явился к Хью с этим известием, приплясывая от нетерпения, но тем не менее настоял, чтобы перед аудиенцией Хью помылся, обтерся

дезодорантом и надел чистый балахон.

Похоже, лорду-протектору не было никакого дела до того, как пахнет Хью: он явно был занят чем-то другим. Хью стоял молча и ждал. Здесь же была и Грейс. Она возлежала на диване, возясь с кошками и жуя резинку. Миссис Фарнхэм только раз взглянула на человека, когда-то бывшего ее мужем, и больше не обращала на него никакого внимания, если не считать того, что на лице у нее застыла затаенная улыбка, которую Хью знал очень хорошо. Он называл ее «канарейка, съевшая кота».

Доктор Ливингстон — Я Полагаю спрыгнул с дивана, подошел к нему и потерся о его ноги. Хью знал, что он не должен на это реагировать, терпеливо ожидая, когда Понс заметит его присутствие… Но ведь кот долгое время был его другом, и он не имел права забывать об этом. Хью наклонился и погладил Дока.

Небеса не разверзлись. Их милость не обратил внимания на нарушение правил.

Наконец лорд-протектор соизволил подать голос:

— Бой, иди сюда. Что это значит — делать деньги на твоих переводах? И с чего ты вообще взял, что я нуждаюсь в деньгах?

Хью со слов Мемтока знал, что ему, как главному управляющему, приходится много экономить и выкручиваться с деньгами, выделенными на ведение столь обширного хозяйства, поскольку жизнь с каждым годом становится все дороже и дороже.

— Да будет угодно выслушать их милости ничтожное мнение их ничтожнейшего слуги…

— Оставь этот цветистый стиль, черт тебя подери!

— Понс, там, в мире, откуда я пришел, во все времена не было человека, богатого настолько, чтобы ему не нужно было денег еще больше. Обычно бывало так: чем богаче человек, тем больше денег ему требовалось.

Лорд улыбнулся:

— «Plus ça change, plus c'est la même chose» — «Чем больше все меняется, тем больше все остается по-прежнему». Я вижу, ты занят не только поглощением Счастья. Ты прав: положение вещей остается таковым и в наши дни. Ну и что же? Что ты придумал? Выкладывай!

— Сдается мне, что в вашей энциклопедии есть вещи, которые можно превратить в прибыль. Технологические процессы и тому подобное… иными словами, все, что было утрачено людьми

за последние два тысячелетия, но сейчас могло бы давать доход.

— Отлично, займись этим. То, что ты посылал мне до сих пор, — конечно, то, что я успел прочесть, — вполне удовлетворительно. Но очень много тривиального. Например: «Смит, Джон, родился и умер… политик, который успел сделать очень мало, а то, что успел, — очень плохо». Понимаешь, о чем я?

— Думаю, что да, Понс.

— Отлично. Тогда отбрось весь этот хлам и подыщи мне три-четыре идейки, на которых я мог бы заработать.

Хью поколебался. Понс спросил:

— Так что, ты понял меня?

— Мне, наверное, понадобится помощь. Понимаете, я ведь не знаю, что творится за стенами дворца. Мне известно только то, что делается под лестницами. Я думаю, тут мог бы помочь Джо.

— Каким образом?

— Я так понял, что он путешествовал с вами и много видел… Скорее всего, именно он мог бы указать проблемы, заслуживающие внимания. Пусть он отметит соответствующие статьи, я их переведу, а уж вы будете судить, стоит ли с этим связываться. Я могу изложить для вас их содер-

жание вкратце, чтобы вы не теряли времени на незначительные подробности, тем более если данный предмет не заинтересует вас.

— Отличная идея. Я уверен, что Джо будет просто счастлив помочь. Хорошо, присылай энциклопедию. Все.

Хью был отпущен так скоро, что даже не имел возможности попросить свидания с Барбарой. Правда, он все равно не стал бы рисковать, упоминая ее имя в присутствии Грейс.

Сначала он хотел найти Дьюка и рассказать, что он собственными глазами видел его мать раздобревшей и счастливой, но потом решил этого не делать. Дьюк мог поставить под сомнение правдивость сообщения. Они не встречались с глазу на глаз, и это было к лучшему.

15

Джо присылал в день по тому «Британники» с помеченными статьями. Хью приходилось трудиться над переводами не покладая рук. Через две недели его снова вызвали.

Он ожидал, что состоится что-то вроде совещания по какому-либо вопросу. Но оказалось, что в покоях лорда сидят сам Понс, Джо и какой-то Избранный, которого Хью до этого ни разу не видел. Он мгновенно приготовился говорить, как и предписывалось слугам, в уничижительном наклонении.

Лорд-протектор кивнул:

— Подойди сюда, Хью. Сними карту. И не вздумай вдаваться в эти утомительные формальности. Здесь Семья. Все свои.

Хью, поколебавшись, приблизился. Второй Избранный, крупного телосложения темнокожий человек с хмурым выражением лица, казалось, не очень-то обрадовался появлению белого слуги. Хлыст у него был с собой, и он вертел его в руках. Но Джо взглянул на Хью и улыбнулся.

— Я учил их играть в бридж. Но нужен четвертый. Я все время твержу Понсу, что ты самый

лучший из когда-либо виденных мною игроков. Ты уж постарайся, не подведи меня.

— Постараюсь. — Хью сразу узнал одну из своих колод. Вторая, похоже, была изготовлена и расписана вручную, но сделано это было изумительно. Карточный столик не был позаимствован из обстановки убежища и также являлся настоящим произведением искусства, обильно украшенным резьбой по дереву.

Хью выпало играть в паре с незнакомым Избранным. Хью ясно видел, что не нравится партнеру, но тот, что-то проворчав, не стал возражать.

У них был контракт при трех пиках — по счастливому раскладу карт они взяли четыре. Партнер буркнул:

— Бой, ты мало заказал. Игра впустую. Постарайся, чтобы этого больше не повторилось.

Хью промолчал и сдал карты вновь.

В следующем круге Джо и Понс взяли пять треф. Партнер Хью был в ярости. Он обрушил ее на Хью:

— Если бы ты зашел с бубен, мы бы обставили их. А ты вместо этого подставил нас! Я ведь предупреждал тебя. Ну, теперь…

— Мрика! — резко сказал Понс. — Это бридж.

И играй в него. А хлыст убери. Слуга поступил совершенно правильно.

— Ничего подобного! И будь я проклят, если буду играть с ним дальше! Я чувствую этот запах, мерзкий запах жеребца, как бы хорошо его ни выскребли. А этот, по-моему, вообще не мылся!

Хью почувствовал, что у него взмокли подмышки, и вздрогнул. Но Понс ровным голосом произнес:

— Хорошо, мы извиняем тебя. Можешь идти.

— И отлично! — Избранный встал. — Но прежде, чем я уйду, я хотел сказать одну вещь… Если промешкать еще немного, то их превосходительство отдаст протекторат Северной Звезды…

— Уж не собираешься ли ты вложить в это дело деньги? — резко спросил их милость.

— Я? Но это дело Семьи. Хотя я-то не упустил бы такой возможности! Сорок миллионов гектаров, сплошь покрытых первосортным лесом! Я бы не думал ни секунды! Но у меня буквально нет ни одного лишнего бычка[25] — и вы сами знаете почему.

---

[25] Примечания: 25

Слово «bullock» *(англ.)* — кастрированный бык, животное, которое выращивают на корм. На языке мира, куда попали герои Хайнлайна, это значит «бесполезный слуга, который только в рагу годится». Одновременно бычок («bullock») фигурирует в качестве единицы местной валюты, то есть все оценки привязаны к стоимости раба. — *Примеч.*

— Конечно знаем. Ты злоупотребляешь азартными играми.

— Совершенно напрасно вы так… Деловому человеку приходится рисковать. Нельзя же назвать азартной игрой то, что…

— А мы считаем, что это азартные игры. Мы не против риска, но терпеть не можем проигрышей. И если ты опять собрался проиграть, проигрывай свои собственные бычки.

— Но это вовсе не так рискованно. Дело практически верное… Все равно что породниться с их превосходительством. Семье…

— Позволь нам решать, что Семье выгодно, а что нет. А тебе придется еще немного подождать этого права. Мы же пока не менее твоего хотели бы доставить удовольствие лорду-правителю. Но ни в коем случае не с помощью бычков, которыми Семья в данный момент не располагает.

— Деньги можно занять. Под проценты, которые…

— Ты собрался уходить, Мрика. Будем считать, что ты уже ушел. — Понс взялся за карты и начал тасовать их.

Молодой Избранный фыркнул и вышел.

Понс разложил пасьянс, снова смешал карты и снова раздал их. Через некоторое время он

пожаловался Джо:

— Иногда этот юноша так выводит меня из себя, что я бы, кажется, с радостью изменил завещание.

Джо казался озадаченным:

— А я всегда думал, что его нельзя лишить наследства.

— Конечно нет! — Их милость выглядел шокированным. — Такого не сделает и последний крестьянин. До чего бы мы докатились, если бы стали нарушать установленный порядок? Даже если бы закон позволил, я бы и не мечтал об этом, он мой наследник. Я просто подумал о слугах.

— Тогда я не понимаю… — сказал Джо.

— Ну ты же знаешь… Хотя, возможно, и нет. Я все время забываю, что ты недавно среди нас. В завещании я распоряжаюсь вещами, принадлежащими лично мне. Их не так много… украшения, свитки и тому подобное. Стоимость всего этого примерно около миллиона. Пустяки. Если не считать домашних слуг. Только домашних. Я не говорю о слугах на шахтах, фермах или наших судоходных линиях. Обычай таков, что всех домашних слуг упоминают в завещании поименно. В противном случае они обязаны следовать в загробный мир вслед за своим Дя-

дюшкой, то есть за мной. — Он улыбнулся. — Была бы неплохая шутка, если бы после моей смерти Мрика обнаружил, что ему нужно или набрать денег на покупку полутора-двух тысяч слуг, или заколотить дворец и жить в шалаше. У меня эта сцена так и стоит перед глазами. Этот парень даже пописать не сможет, если четверо слуг не помогут ему стряхнуть и заправить одежду. Я даже не уверен, что он умеет сам обуваться. Хью, если ты сейчас скажешь мне положить черную даму на красного лорда, я накажу тебя. Я в очень плохом настроении.

Хью торопливо произнес:

— А что, у вас не сошлось? Я и не заметил.

— Тогда чего же ты уставился в карты?

Хью в самом деле уткнулся в карты, стараясь не привлекать к себе внимания. Он очень нервничал, оказавшись невольным свидетелем ссоры между Понсом и его племянником, но не упустил ни слова из их перепалки, поскольку нашел ее более чем интересной.

Понс продолжал:

— А ты что предпочел бы, Хью? Сопровождать меня на небеса? Или остаться здесь и служить Мрике? Не спеши с ответом. Если ты останешься здесь, то меньше чем через год после моей смерти

тебе придется обгрызать себе пальцы на ногах, чтобы не умереть от голода… В то же время, как гласит Благой Свиток, небеса — довольно приятное местечко.

— Выбирать сложно…

— А тебе и не придется выбирать. Ты никогда не узнаешь, что тебя ожидает. Слуга не должен знать подобных вещей — это держит его в тонусе. Этот мерзавец Мемток так и ходит за мной по пятам, упрашивая удостоить его чести сопровождать меня на небеса. Если бы я думал, что он просит искренне, то непременно уволил бы его за некомпетентность.

Понс вдруг смешал карты и выругался:

— Черт бы побрал этого мальчишку! Он, конечно, партнер не ахти какой, но мне хотелось сыграть несколько настоящих сильных робберов. Джо, нам нужно научить играть еще несколько человек. До чего же тоскливо оставаться без четвертого партнера!

— Конечно, — согласился Джо. — Прямо сейчас?

— Нет-нет. Я хочу играть по-настоящему, а не смотреть, как новичок спотыкается на каждом ходе. Я уже втянулся в эту игру. Она позволяет совершенно отвлечься от неприятных мыслей.

И тут Хью осенило:

— Понс, если вы не против того, чтобы в игре участвовал еще один слуга…

Джо просиял:

— Конечно же! Он…

— Барбара, — быстро перебил его Хью, чтобы тот не успел назвать Дьюка.

Джо растерянно заморгал, но затем постарался исправить положение:

— Он — я имею в виду Хью — собирался назвать прислугу по имени Барбара. Она хорошо играет в бридж.

— Что? Так ты, значит, кое-кого обучил игре и под лестницей, Хью? — удивился Понс и добавил: — Барбара? Я что-то не припомню такого имени. По крайней мере, она не относится к старшим слугам.

— Вы должны помнить ее, — сказал Джо. — Она была с нами, когда вы нас подобрали. Помните, может, такая высокая…

— Ах да! Конечно! Так, значит, Джо, ты утверждаешь, что самка умеет играть в бридж?

— Она игрок высшего класса, — заверил его Джо. — Играет лучше меня. Господи, Понс, да она обыграет вас как мальчишку. Правду я говорю, Хью?

— Барбара — великолепный игрок.

— Пока не увижу — не поверю.

Через несколько минут Барбара, свежевымытая и до смерти перепуганная, уже стояла на пороге. Увидев Хью, она вздрогнула, открыла и тут же закрыла рот и осталась стоять в молчании.

К ней приблизился Понс:

— Так… Значит, это и есть самка, которая умеет играть в бридж? Не бойся, малышка, я тебя не съем.

Далее он добродушно заверил Барбару в том, что ее вызвали только для того, чтобы сыграть в бридж, и что она может расслабиться и не соблюдать уничижительные формы речи.

— В общем, веди себя так, словно ты приятно проводишь время внизу с другими слугами. Поняла меня?

— Да, сэр.

— И еще одно. — Он похлопал ее по плечу. — Пока ты будешь моей партнершей, я не рассержусь на тебя, если ты допустишь промах, — ведь ты все-таки самка, и вообще удивительно, что ты способна играть в интеллектуальную игру. Но… — он сделал паузу, — если, играя против меня, ты не будешь стараться, если я только заподозрю, что попытаешься подыгрывать мне,

обещаю, что перед уходом отведаешь моего хлыста. Поняла?

— Правильно, — подтвердил Джо, — требование их милости справедливо. Играй по книге и старайся изо всех сил.

— По книге, — повторил Понс. — Я, правда, никогда не видел этой книги, но Джо уверяет, что научил меня играть именно по ней. Так что старайся. Ну ладно, давайте сдавать.

Хью почти не слушал его. Он блаженно вглядывался в свою возлюбленную. Она выглядела достаточно хорошо и на вид была здорова, но ему странно было видеть ее стройной, как прежде, вернее, почти как прежде, поправился он, — у нее все еще были заметно больше бедра и, разумеется, грудь. Загар с Барбары почти сошел, а одета она была, как и вся прислуга внизу, в бесформенный балахон, довольно короткий. Хью очень обрадовался тому, что она не лишилась своих волос. Они, правда, были коротко подстрижены, но отрастить их ничего не стоило.

Тут он заметил, что его собственная внешность почему-то удивила Барбару, и понял причину. Улыбнувшись, он пошутил:

— Я теперь причесываюсь ладонью, Барби. Какая разница? Тем более что я уже привык быть

лысым, и мне это даже нравится.

— Ты выглядишь просто изысканно, Хью.

— Он страшен как смертный грех, — заметил Понс. — Но зачем мы здесь собрались? Болтать? Или играть в бридж? Делайте ставки, Барбара.

Они играли несколько часов подряд. И чем дольше они играли, тем больше Барбара успокаивалась и приходила в себя. В конце концов игра, по-видимому, начала доставлять ей удовольствие. Она даже стала улыбаться, и не только Хью, но иногда Джо и даже и их милости.

Барбара играла строго по книге, и Понсу ни разу не удалось поймать ее на фальши. Хью пришел к выводу, что их хозяин — хороший игрок, пока не идеальный, конечно, но он, по крайней мере, запоминал битые карты и в торговле был точен. Хью находил его вполне достойным партнером и довольно сильным противником. Это была хорошая игра.

Один раз, когда Барбара была партнером Понса и контракт был на руках у Понса, Хью обратил внимание, что тот заказал слишком много. Тогда он исхитрился потерять одну верную взятку, дав таким образом Барбаре сделать контракт, гейм и роббер.

Этим он заслужил безразличный взгляд, как

бы вскользь брошенный на него Барбарой, да Джо посмотрел на него с незаметной для постороннего взгляда усмешкой, но удержался от комментариев.

Понс ничего не заметил. Он радостно взревел, потянулся и погладил Барбару по голове:

— Изумительно! Изумительно! Малышка, да ты, кажется, и впрямь *умеешь* играть. Я и сам не смог бы провернуть такую комбинацию.

Он не стал жаловаться на судьбу, когда в следующем роббере Барбара и Хью жестоко наказали его и Джо. Тогда Хью решил, что, кроме приличных способностей к карточной игре, у Понса есть и то, что называется «спортивным духом».

Появилась одна из глухонемых прислужниц, опустилась на колени и подала их милости бокал. Судя по запотевшему стеклу — с прохладительным напитком. Затем поднесла и Джо. Понс отхлебнул глоток, вытер губы и довольно произнес:

— Уф! Очень кстати.

Джо шепотом сказал ему что-то на ухо. Понс удивился и ответил:

— Конечно. Почему бы и нет?

Таким образом, Хью и Барбару тоже обслужили. Хью с удовольствием обнаружил, что в бокале у

него — чистый яблочный сок. Если бы там оказалось Счастье, то он не поручился бы за свою дальнейшую способность играть.

Во время следующего роббера Хью заметил, что Барбара чем-то озабочена и с большим трудом сосредоточивается на игре. Когда они доиграли круг, он тихонько заметил:

— Что-нибудь не в порядке, милая?

Она бросила взгляд на Понса и прошептала:

— В общем, да. Когда за мной прислали, я как раз должна была кормить мальчиков.

— О! — Хью повернулся к хозяину. — Понс, Барбаре необходимо сделать перерыв.

Понс оторвался от тасовки карт:

— Зов природы? Думаю, одна из служанок покажет ей, где это. Ведь сами-то они ходят куда-то.

— Нет, не это. Впрочем, может быть, и это тоже. Но я хотел сказать, что у Барбары есть дети. Близнецы.

— Ну так и что? У самок обычно и бывают близнецы. Ведь у них две груди.

— В том-то и дело: она еще кормит их грудью, а последний раз их нужно было кормить несколько часов назад. Ей просто необходимо уйти.

Понс, казалось, был слегка раздражен. Поколебавшись немного, он заявил:

— Чепуха. Молоко небось не свернется из-за такого небольшого опоздания. Давай сними карту.

Но Хью не притронулся к колоде. Понс повысил голос:

— Ты что, не слышал меня?

Хью встал. Его сердце билось, как молот, и он почувствовал, что дрожит от страха.

— Понс, Барбара страдает. Именно сейчас ей просто необходимо покормить малышей. Я, конечно, не могу принудить вас отпустить ее… но неужели вы думаете, что я буду продолжать играть, если вы заставите ее мучиться? Если вы так считаете, то, видимо, вы сошли с ума.

Великан долгое время рассматривал его без всякого выражения на лице. Потом он вдруг улыбнулся:

— Хью, а все-таки ты мне нравишься. При самой первой нашей встрече ты ведь тоже устроил нечто подобное, не так ли? Наверное, эта самка — твоя сестра, да?

— Нет.

— Тогда если кто из нас и сошел с ума, так это ты. Да знаешь ли ты, как близок был к тому, чтобы стать просто мясом?

— Могу предположить.

— Вряд ли, потому что по тебе этого никак не

скажешь. Но мне нравится мужество, даже и в слуге. Ладно, пусть ее двойняшек принесут сюда. Они могут сосать, в то время как мы играем.

Принесли малышей, и Хью тут же понял, что это самые симпатичные ребятишки на свете, самые здоровенькие и миленькие детишки, которые когда-либо появлялись на свет божий. Он так и сказал Барбаре. Но в первый момент ему не удалось даже дотронуться до детей, так как Понс сразу же подхватил их на руки, рассмеялся и, подув обоим в ротик, немного покачал.

— Отличные мальчуганы! — воскликнул он. — Отличные мальчуганы у тебя, Барба! Сущие маленькие дьяволята, готов поклясться! Давай-давай, малыш, сжимай кулачок! Ну-ка, двинь дядюшку кулаком еще разок! Как их зовут, Барба? Имена у них есть?

— Вот этот — Хью…

— Что? Разве у них с Хью есть что-нибудь общее?

— Он их отец.

— Ну и ну! Ты, Хью, может быть, и не красив, но, видимо, у тебя есть другие достоинства. Если только Барбара говорит правду. А как зовут второго?

— А это маленький Джо, Карл Джозеф.

Понс взглянул на Джо:

— Так, значит, самка называет своих отпрысков в твою честь, Джо? Придется получше присматривать за тобой, разбойник ты этакий. Что же ты подарил Барбе?

— Прошу прощения?

— Что ты подарил ей за рождение ребенка, идиот? Подари ей кольцо, которое у тебя на пальце. В этом доме столько детей названо в мою честь, что мне приходится заказывать целые мешки безделушек. Их мамаши знают, что я обязан что-нибудь подарить им. Хью-то счастливчик — ему нечего отдавать. Ха, да у Хью, кажется, зубки!

Самому Хью удалось немного подержать детишек, пока Барбара устраивалась так, чтобы иметь возможность и кормить их грудью, и играть в бридж одновременно. Она брала детей по одному, а свободной рукой в это время играла. Вокруг ребенка, которого не кормили, суетились глухонемые служанки. Когда кормление закончилось, малышей унесли. Несмотря на довольно сложные условия, Барбара играла хорошо, даже блестяще. Длинная игра закончилась тем, что Понс набрал больше всех очков, Барбара оказалась на втором месте, а Джо и Хью разделили третье и четвертое. Хью пожульничал совсем немного, чтобы добить-

ся такой расстановки. Понсу действительно шла карта, особенно когда его партнершей была Барбара. Им даже удалось сделать два малых шлема.

Понс пребывал в отличном расположении духа.

— Барба, поди сюда, малышка. Скажи управляющему самками, что я приказал найти кормилицу для твоих двойняшек и что я хочу, чтобы ветеринар остановил у тебя выделение молока. Я желаю, чтобы ты как можно быстрее смогла стать моим партнером — или противником — по бриджу. Ты играешь как настоящий мужчина.

— Хорошо, сэр. Но позволено ли будет задать вопрос?

— Позволено.

— Я бы предпочла кормить детей сама. Ведь они — это все, что у меня есть.

— Ну что ж… — Он пожал плечами. — Кажется, сегодня у меня день упрямых слуг. Боюсь, вы оба все еще дикари. Вам бы отнюдь не повредила небольшая порка. Ладно, но в таком случае тебе придется иногда играть только одной рукой: я не желаю, чтобы игра прерывалась из-за детей. — Он улыбнулся. — Кроме того, я время от времени буду даже рад видеть маленьких разбойников, особенно того, который умеет кусаться. Можешь

идти. Все.

Барбара была отправлена так внезапно, что Хью едва успел на прощанье обменяться с ней улыбкой. Он-то рассчитывал, что они спустятся вниз вместе, а может быть, даже зайдут к нему ненадолго. Но их милость рассудил по-другому, поэтому ему пришлось остаться. На душе у Хью было тепло и хорошо. Сегодня он впервые за долгое время испытал минуты настоящего счастья.

Понс объяснил ему, почему ни одну из переведенных им статей нельзя использовать практически.

— Не отчаивайся, Хью. Продолжай свою работу, и нам обязательно что-нибудь попадется. — Он перевел разговор на другую тему, все еще не отпуская Хью. Тот обнаружил, что Понс — эрудированный собеседник, который интересуется всем и готов как внимательно слушать, так и увлекать рассказом сам. Он казался Хью воплощением утонченного декадентского джентльмена — вежливого, космополитического, разочарованного и циничного, дилетанта в искусстве и науке, не милосердного и не жестокого. Понс не кичился своим положением и не был расистом — он относился к Хью как к равному по интеллекту.

Пока они беседовали, низкорослые прислужни-

цы накрыли стол для Понса и Джо. Хью, впрочем, и не ожидал, что его пригласят принять участие в трапезе, да и не желал этого. Он всегда мог приказать накрыть ему стол в кабинете, если не успевал в столовую для слуг; а в том, что Мемток был прав, утверждая, что слуги питаются лучше хозяев, Хью убедился давно. Но когда Понс наелся, он придвинул свои блюда Хью:

— Ешь.

Хью колебался какие-то доли секунды. Он прекрасно понимал, что ему оказана великая честь — для слуги, разумеется. На блюде оставалось еще очень много — раза в три больше, чем съел Понс. Хью не мог припомнить, чтобы ему приходилось подъедать за кем-нибудь, да еще грязной ложкой. Тем не менее он принялся за трапезу.

Как обычно, меню их милости не пришлось по вкусу Хью — что-то жирное, а он всегда недолюбливал свинину. Свинина редко подавалась слугам, но зато была обычной составной частью блюд, которые постоянно пробовал Мемток. Это очень удивляло Хью, так как в ревизованном Коране еще сохранились религиозные предписания по поводу пищи, а Избранные следовали некоторым ортодоксальным мусульманским обычаям. Они практиковали обрезание, не употребляли

спиртного, не считая легкого пива, и номинально чтили Рамадан и даже называли его тем же древним словом. Магомет был бы потрясен коренными изменениями, которые претерпело его монотеистическое учение, но некоторые его детали он бы узнал.

Но хлеб был вкусен, фрукты превосходны, равно как и мороженое и многое другое; совсем не было необходимости есть одну свинину. Хью отведал всего понемногу, решив расслабиться и получить удовольствие.

Понс поинтересовался, каким был климат в их время в этом районе.

— Джо говорит, что иногда у вас были морозы, даже снег.

— Конечно. Каждую зиму.

— Удивительно. И какой же бывал мороз?

Хью задумался. Он до сих пор не знал, как эти люди измеряли температуру.

— Если взять диапазон температур между замерзанием воды и ее кипением, то иногда температура доходила до одной трети этого промежутка ниже точки замерзания.

Понс удивился:

— Ты уверен? Мы измеряем диапазон от точки кипения до точки замерзания ста градусами.

Следовательно, ты утверждаешь, что температура доходила иногда до тридцати трех градусов ниже нуля.

Хью с удивлением отметил, что стоградусная шкала Цельсия прожила два тысячелетия. Впрочем, почему и нет? Ведь Избранные пользовались десятичным счислением в арифметике и в денежной системе. Он еще раз прикинул в уме.

— Да. Я имел в виду именно эту температуру. Порой стояли такие холода, что в горах, — Хью указал в окно на вздымающиеся на горизонте вершины, — в термометре замерзала ртуть.

— Да, — поежился Джо, — такой мороз, что зубы стыли. Единственная вещь, из-за которой я скучал по Миссисипи.

— А где, — спросил Понс, — находится Миссисипи?

— Ее больше не существует, — объяснил Джо. — Сейчас она под водой. И я ничуть об этом не сожалею.

Разговор сам собой переключился на обсуждение причин изменения климата, и их милость послал за последним томом «Британники», чтобы имевшиеся в нем карты сравнить с современными. Когда карты были разложены на столе, они склонились над ними.

Там, где раньше была долина Миссисипи, теперь далеко на север простирался Мексиканский залив, Флориды и Юкатана не было, а Куба представляла собой архипелаг незначительных островов. Калифорния имела внутреннее собственное море, а бóльшая часть северной территории Канады исчезла.

Такого рода изменения произошли повсюду. Скандинавский полуостров превратился в остров, Британские острова стали группой мелких островков, под водой оказалась часть Сахары. Все прибрежные низменности были покрыты водой: не было Голландии, Бельгии, северной Германии… Не было и Дании — Балтика стала заливом Атлантического океана.

Хью смотрел на карту и внезапно ощутил странную печаль. Он никогда раньше не чувствовал таких приступов тоски по дому. Из книг он знал, что мир изменился, но впервые видел перед собой страшную картину этих глобальных изменений.

— Вопрос в том, — подытожил Понс, — явилось ли таяние льдов следствием большого количества пыли, появившейся в атмосфере в результате войны между Востоком и Западом, или оно явилось природным явлением, которое лишь

в небольшой степени было ускорено искусственно. Некоторые из моих ученых придерживаются первой версии, некоторые — второй.

— А сами вы что думаете? — спросил Хью.

Лорд пожал плечами:

— Я не так глуп, чтобы составлять мнение, не располагая достаточной информацией. Поэтому оставляю эти глупости ученым. Единственно, за что я благодарен Дяде, так это за то, что живу во времена, когда могу выйти на порог, не обморозив ступней. Однажды я был на Южном полюсе — у меня там кое-какие шахты. Так что вы думаете? Иней на земле. Ужасно. Льду место в напитках.

Понс подошел к окну и некоторое время стоял, вглядываясь в силуэты гор на фоне заката.

— Если бы здесь вновь стало холодно, мы бы мигом выковыряли их оттуда. А, Джо?

— Да они сами вернулись бы, поджав хвосты, — усмехнулся Джо.

Хью был озадачен.

— Понс имеет в виду, — объяснил Джо, — беглых, скрывающихся в горах. За которых сначала приняли нас.

— Да, там шляются беглые и горстка аборигенов, — добавил Понс. — Дикари. Бедняги, которые

никогда не вкушали плодов цивилизации. Их очень трудно спасти, Хью. Ведь они не стоят и не ждут, когда их обнаружат, как вы, например. Они хитры, как волки. Стоит в небе появиться хоть тени — и они замирают на месте. Их никак не обнаружить с воздуха. И они с легкостью ломают тебе все игру. Конечно, мы могли бы выкурить их оттуда сотнями разных способов, но тогда и игра кончится, а это неинтересно. Хью, кстати, ты ведь и сам жил там, поэтому должен знать, как это можно устроить. Как нам переловить бродяг, не портя игры?

Мистер Хьюберт Фарнхэм колебался ровно столько, сколько ему требовалось на то, чтобы сформулировать ответ.

— Их милость, должно быть, знает, что ничтожный слуга — всего лишь слуга. И он никогда не осмелится предположить, что его незначительные соображения могут хотя бы близко подойти к тем гениальным решениям проблемы, которые, несомненно, переполняют великий ум их милости.

— Что такое, черт возьми? Перестань, Хью. Я действительно хочу знать твое мнение.

— Вы знаете мое мнение, Понс. Я слуга. И мои симпатии — на стороне беглецов. И дикарей. Ведь

я и сам пришел сюда не по собственной воле. Меня привели.

— Конечно, и ты, и даже Джо были захвачены. Но уж, наверное, теперь ты не жалеешь об этом? Тогда у нас были проблемы с общением, но теперь-то ты видишь разницу?

— Да, вижу.

— Тогда ты видишь, что условия твоей жизни улучшились. Разве теперь ты не спишь в кровати? Разве не ешь вкуснее и сытнее? Дядя! Да ведь когда мы подобрали вас, вы голодали и били вшей. Вы были чуть живыми от непосильного труда, я же видел! Я не слеп и не глух: в моей Семье даже последний мусорщик не работает так много, как приходилось вам, и спит в куда лучшей постели, к тому же у вас еще и вонь стояла такая, что нам едва удалось вывести ее. А ваша пища (если так можно назвать ту гадость, которую вы ели)… Любой из моих слуг побрезговал бы прикоснуться к ней. Разве все это не правда?

— Правда.

— Так в чем же дело?

— Я предпочитаю свободу.

— Свобода! — Их милость презрительно фыркнул. — Плод больного воображения. Бессмыслица. Хью, тебе бы следовало заняться семантикой.

Современной семантикой, конечно. Вряд ли в ваше время такая наука существовала. Мы все свободны идти предписанными нам путями. Так же, как камень волен падать, когда ты подбрасываешь его в воздух. Никто не свободен в абстрактном смысле, который ты придаешь этому слову. Может, ты думаешь, что *я* свободен? Скажем, свободен поменяться с тобой местами? А поменялся бы я с тобой, если бы мог? С радостью, клянусь! Ведь ты даже представления не имеешь о том, какие заботы обуревают меня, чем я занят. Иногда я всю ночь лежу, не в силах заснуть, и мучительно раздумываю о том, как мне быть дальше, — а ведь такого в спальнях слуг не бывает. Они счастливы — у них нет забот. А я должен терпеливо нести свое бремя.

Лицо Хью приняло упрямое выражение. Понс подошел к слуге и обнял его за плечи:

— Ладно, давай обсудим это разумно, как цивилизованные люди. Ведь я не отношусь к тем отягощенным предрассудками Избранным, которые считают, что слуга не способен думать, потому что у него бледная кожа. Ты же это понимаешь? Разве я не уважал всегда твой интеллект?

— Да… уважали.

— Это уже лучше. Тогда позволь мне кое-что

объяснить тебе — Джо знает что, — а ты будешь задавать вопросы, и мы придем к разумному взаимопониманию. Во-первых… Джо, ты ведь видел Избранных повсюду, в том числе Избранных, которых наш друг Хью, несомненно, назвал бы «свободными». Расскажи ему о них.

Джо хмыкнул:

— Хью, если бы ты видел их, то был бы рад, что имеешь счастье жить в имении Понса. Я могу описать их только так: «нищее черное отребье». Совсем как то «нищее белое отребье», которое жило на берегах Миссисипи. Несчастные, которые даже не знают, что будут есть в следующий раз.

— Понимаю.

— Я, кажется, тоже понимаю, — согласился их милость. — Очень выразительно. Я предвижу день, когда каждый человек будет иметь слуг. Конечно, это случится не за одну ночь, потребуется долгое время, чтобы прийти к такому. Но мой идеал — когда у каждого Избранного будут слуги, а о слугах будут заботиться так же, как в моей Семье. Я для этого делаю все, что в моих силах. Я слежу за тем, чтобы они с рождения и до смерти ни в чем не испытывали недостатка. Им нечего бояться, они живут в абсолютной безопасности, чего нет в этих горах. Они счастливы, они

никогда не работают до седьмого пота — как я, например, — они развлекаются, чего я никак не могу сказать о себе! Эта партия в бридж — первое настоящее развлечение за целый месяц. Моих слуг никогда не наказывают, разве только для того, чтобы вразумить их, когда они ошибаются. Мы вынуждены это делать, ведь ты и сам знаешь, что в большинстве своем они непроходимо глупы. Не подумай, что я и *тебя* отношу к этой категории… Нет, я могу честно сказать, что считаю тебя достаточно умным, чтобы руководить другими слугами, несмотря на твой цвет кожи. Я говорю о простых слугах. Честно, Хью, неужели ты считаешь, что они могли бы сами позаботиться о себе так же хорошо, как забочусь о них я?

— Наверное, нет. — Хью уже слышал все это несколько дней назад и почти в тех же самых выражениях от Мемтока, с той лишь разницей, что Понс, похоже, искренне заботился о благополучии слуг, а главный управляющий открыто презирал их, даже, пожалуй, еще больше, чем втайне презирал Избранных. — Нет, большинство из них не могло бы позаботиться о себе.

— Ага! Так ты согласен со мной?

— Нет.

Понс был ошеломлен:

— Хью, как же мы можем спорить, если ты сначала говоришь одно, а потом сам себе противоречишь?

— Я не противоречу себе. Я согласен, что вы прекрасно заботитесь о своих слугах. Но я не уверен, что предпочел бы благополучие свободе.

— Но почему, Хью? Назови мне настоящую причину, а не отделывайся философскими абстракциями. Если ты несчастлив, то я хочу знать почему. Чтобы я мог исправить положение.

— Одну причину я могу назвать. Мне не дают жить с моей женой и детьми.

— Что?

— С Барбарой и близнецами.

— Ах вот оно что! А разве это так важно? Ведь у тебя есть согревательница постели. Так мне сказал Мемток, и я даже поздравил его с тем, как он ловко справился с необычной ситуацией. От этой старой лисы ничего не ускользает. Так что женщина у тебя есть, причем гораздо более искушенная в постельных делах, чем обычная племенная самка. А что касается близнецов, то ты всегда можешь повидаться с ними. Только прикажи — и тебе их принесут. Когда угодно. Но кто же согласится жить с детьми? Или с женой? Я, например, со своей женой и детьми не живу,

клянусь. Правда, иногда вижусь с ними, когда это необходимо. Я встречаюсь с ними при необходимости, но кто бы захотел постоянно жить с ними?

— Я бы захотел.

— Ну знаешь!.. Дядя! Я хочу, чтобы ты был по-настоящему счастлив. Это можно устроить.

— Можно?

— Конечно. Если бы ты не стал поднимать столько шума из-за оскопления, то уже давным-давно жил бы вместе с ними. Я до сих пор не понимаю, почему ты отказался. Так ты согласен на встречу с ветеринаром?

— Э… нет.

— Тогда есть другая возможность. Я прикажу стерилизовать женщину.

— Нет!

Понс вздохнул:

— Тебе трудно угодить. Но будь же рассудителен, Хью. Не могу же я игнорировать научную систему разведения только ради того, чтобы сделать приятное одному из слуг. Да ты знаешь, сколько слуг в нашей Семье? Здесь и во дворце? Думаю, около тысячи восьмисот. А знаешь, что произойдет, если дать им возможность беспрепятственно размножаться? Через десять лет

число их удвоится. И что будет потом? А потом они начнут голодать! Естественно, я не в силах содержать такую армию слуг. Если бы я мог… но это все равно что пожелать луну с неба. Даже хуже, ведь на Луну мы можем отправиться в любой момент, если решим, что оно того стоит. Но никто не сможет обуздать размножение слуг, если они будут заниматься этим по своему усмотрению. Так что же лучше? Контролировать рождаемость? Или пусть голодают? — Их милость со вздохом добавил: — Жаль, что ты не на голову ниже. Возможно, тогда мы бы что-нибудь придумали. Ты когда-нибудь был в помещениях жеребцов?

— Да, однажды мы с Мемтоком были там.

— Ты заметил там дверь? Тебе пришлось наклониться, а Мемток прошел не сгибаясь — ведь он тоже когда-то был жеребцом. В любом из бараков для жеребцов по всему миру двери одинаковой высоты. И ни одному слуге, если он выше ростом, не стать никогда жеребцом. Или самкой, если она слишком высокая. Этот закон очень мудр, Хью. Не я устанавливал его. Он был введен давным-давно их превосходительством, который правил в те времена. Если бы им позволили рождаться большими, они бы становились непокорными и их приходилось бы часто щекотать хлыстом,

а это плохо как для слуги, так и для хозяина. Нет, Хью, все имеет свои причины. Так что не проси невозможного. — Он поднялся с дивана, на котором они с Хью разговаривали, пересел за карточный столик и взял в руки колоду. — Поэтому мы больше не будем говорить на эту тему. Ты умеешь играть в двойной солитер?

— Да.

— Тогда подсаживайся. Посмотрим, сумеешь ли ты обыграть меня. И давай не будем дуться. А то мужчины обычно расстраиваются, когда им не удается добиться желаемого.

Хью не стал спорить. Он с сожалением отметил про себя, что Понс вовсе не был злодеем. Он был точно таким же, какими были представители всех правящих классов в истории: искренне убежденным в своих благих намерениях. И он точно так же страдал, если их ставили под сомнение.

Они сыграли партию. Хью проиграл, потому что мысли его витали далеко. Начали вторую, и тут их милость заметил:

— Надо бы приказать, чтобы расписали еще одну колоду. А то эта уже поистерлась.

Хью поинтересовался:

— А разве нельзя отпечатать ее, как свиток?

— Интересная мысль. Мне подобное никогда

не приходило в голову. — Понс потер пальцами одну из карт двадцатого века. — Эта, во всяком случае, не очень-то похожа на напечатанную. А что, их в самом деле печатали?

— Конечно. Тысячами. Даже, можно сказать, миллионами, учитывая то, что продавались они в огромных количествах.

— Вот как? Никогда бы не подумал, что бридж, для которого необходим острый ум, мог привлечь много людей.

Хью внезапно положил карты:

— Понс! Вы хотели найти способ сделать деньги.

— Да. Хотел.

— Так вот он — у вас в руках. Джо! Давай-ка обсудим это. Сколько колод продавалось в Соединенных Штатах ежегодно?

— Ну, я точно не знаю, Хью. Наверное, миллионы.

— Я тоже так думаю. С прибылью около девяноста процентов. Хм… Понс, бридж и солитер — не единственные карточные игры. Возможности тут неограниченные. Есть такие же простые игры, как солитер, но в них могут играть два, три или большее количество игроков. Есть игры, в которые может играть дюжина людей одновременно.

Есть даже разновидность бриджа — «двойной», как его называют, — более сложная, чем контракт. Понс, почти каждая семья в наше время имела одну, две, а то и дюжину колод. В редком доме не держали карт. Можно примерно подсчитать, сколько колод продавалось. Вероятно, только в Соединенных Штатах в ходу их было около ста миллионов. А перед вами — девственный рынок. Все, что потребуется, — это заинтересовать людей.

— Понс, Хью прав, — подтвердил Джо. — Возможности неограниченные.

Понс поджал губы:

— Если продавать их по бычку за колоду, ну скажем…

— Слишком дорого, — возразил Джо. — Ты убьешь рынок еще до начала дела.

Хью встрепенулся:

— Джо, помнишь, есть какая-то формула для установления цены, которая максимизирует прибыль, а не продажи?

— Она срабатывала только при полной монополии.

— Да? А как здесь насчет этого? Партнеры, авторское право и все такое прочее? В тех свитках, что я читал, об этом ничего не было сказано.

Джо выглядел встревоженным.

— Хью, Избранные не имеют такой системы, — ответил Джо, — она им не нужна. Все прекрасно разработано, динамика в экономике незначительная.

— Это плохо, — сказал Хью. — Не пройдет и двух недель, как рынок переполнится подделками.

Понс встал:

— О чем вы болтаете? Говорите на Языке.

Беседа между Джо и Хью незаметно для них перешла на английский, поскольку в Речи отсутствовали соответствующие понятия.

— Прошу прощения, Понс, — извинился Джо и вкратце объяснил ему концепцию авторского права, патента и монополии.

Понс облегченно вздохнул:

— О, это очень просто. Когда на человека снисходит вдохновение с небес, лорд-владетель запрещает кому бы то ни было другому пользоваться этим без разрешения. Но такое случается редко. На моей памяти было всего дважды. Но Всемогущий Дядя иногда улыбается простым смертным.

Хью не удивился, узнав, как редко случаются здесь изобретения. Эта культура была статична, а так называемой «наукой» занимались в основ-

ном оскопленные рабы. Если получить патент на новую идею было так нелегко, то и стимулов что-либо изобретать практически не осталось.

— Значит, вы заявите, что эта идея — вдохновение с небес?

Понс немного подумал и ответил:

— Вдохновение — это то, что их милосердие в их мудрости признает таковым. — Он вдруг улыбнулся. — На мой взгляд, все, что пополняет закрома Семьи бычками, является вдохновением. Проблема в том, чтобы владетель думал так же. Но это можно устроить. Продолжайте.

— Хью, — сказал Джо, — охраняться должны будут не только игральные карты, но и игры вообще.

— Конечно. Если не будут покупать карты их милости, то пусть и не играют в них вовсе. Разумеется, трудно гарантировать, что кто-нибудь не попытается подделать колоду карт, но монополия сделает это противозаконным.

— Необходимо будет пресекать не только подделку наших карт, но и появление любой другой их разновидности. Ведь в бридж, например, можно играть картами, на которых проставлены одни номера.

— Да, — отозвался Хью. — Джо, у нас в убежище

где-то была коробка со скреблом…

— Она здесь. Ученые Понса спасли все, Хью. Я понимаю, к чему ты клонишь, но здесь не смогут играть в скребл, потому что никто не знает английского.

— А что мешает нам изобрести скребл заново — но уже на Языке? Стоит мне только посадить мой штат за частотные исследования Языка, и я очень скоро смогу изготовить скребл — и доску, и фишки, и правила, но уже на Языке.

— Что такое, во имя Дяди, этот ваш скребл?

— Игра, Понс. Очень хорошая. Но главное то, что за нее можно просить гораздо больше, чем за колоду карт.

— И это еще не все, — сказал Хью. Он начал загибать пальцы. — Парчиси, «Монополия», нарды, «Старая дева» для детей — название придется поменять, — домино, анаграммы, покерные фишки, мозаики или джиг со, но с объяснением… кстати, ты их здесь видел?

— Нет.

— Они годятся для любого возраста. Бывают самых разных степеней сложности. Жестянщик. Кости. Существует множество игр с костями. Джо, здесь есть казино?

— Своего рода. Есть места для азартных игр, и

многие играют дома.

— Рулетки?

— Не думаю.

— Тогда страшно подумать, что мы можем сделать. Понс, складывается впечатление, что отныне вы все ночи будете проводить, подсчитывая барыши.

— Для этого есть слуги. Я только хотел бы знать, о чем вы говорите. Будет ли позволено спросить?

— Простите, сэр. Джо и я говорили о древних играх… и не только об играх, но и о всякого рода развлечениях, которые раньше были в большом ходу, а сейчас оказались забытыми. Так я, по крайней мере, думаю. А ты, Джо?

— Единственная знакомая игра, которую я встречал здесь, — это шахматы.

— Не удивительно, что они сохранились. Шахматы переживут что угодно. Понс, дело в том, что любая из этих игр может приносить деньги. Конечно, у вас есть игры. Но эти будут экзотическим новшеством, хотя они и очень старые. Пинг-понг… Боулинг! Джо, у них есть все это?

— Нет.

— Бильярд… Ладно, хватит. Мы и так уже перечислили достаточно. Понс, значит, сейчас самое важное — добиться покровительства их мило-

сердия, которое должно распространяться на все игры; и я, кажется, придумал, как выдать это за вдохновение свыше. Это было чудом.

— Что? Ерунда. Я не верю в чудеса.

— А вам и не надо верить. Смотрите сами: нас обнаружили на земле, принадлежащей лично владетелю, — а нашли нас вы, лорд-хранитель этой земли. Разве это не выглядит так, что сам Дядя хотел, чтобы о нашем существовании стало известно владетелю? И чтобы вы, как лорд-хранитель, сохранили найденное имущество и достойно им распорядились?

Понс улыбнулся:

— Могут найтись охотники оспорить такое толкование событий. Но ведь не вскипятишь воды, не истопив печку, как говорила моя тетушка. — Он встал. — Хью, я хочу посмотреть на этот самый скребл. И как можно скорее. Джо, мы выберем время, чтобы ты объяснил нам все остальное. Мы отпускаем вас обоих. Все.

Киска уже спала, когда вернулся Хью. В кулачке у нее была зажата записка.

Милый, как чудесно было увидеть тебя! Жду не дождусь, когда же их милость снова позовет нас играть в бридж! Он просто

душка! Пусть даже и проявил недомыслие кое в чем. Но он исправил свою ошибку, а это черта настоящего джентльмена.

Я так возбуждена тем, что повидалась с тобой, что едва могу писать. А ведь Киска ждет записку, чтобы отнести ее тебе.

Близнецы посылают тебе свои слюнявые поцелуи. Люблю, люблю, люблю!

Твоя, и только твоя, Б.

Хью читал записку Барбары со смешанным чувством. Он разделял ее радость по поводу воссоединения, хотя оно и было довольно непродолжительным, и тоже с нетерпением ждал того времени, когда Понс для своего удовольствия позволит им побыть вместе. Что же касается всего остального… Лучше постараться вытащить ее отсюда до того, как она начнет мыслить категориями обыкновенной рабыни. Конечно, Понс был джентльменом — в общепринятом значении этого слова. Он сознавал свои обязанности, был великодушен и щедр по отношению к своим подданным. В общем, джентльмен по меркам этой эпохи.

Но он же был и проклятым сукиным сыном! И

Барбаре не следовало бы так охотно закрывать на это глаза. Игнорировать этот факт — да, тут уж никуда не денешься. Но не забывать.

Он должен освободить ее.

Но *как*?

Хью улегся в постель. Промаявшись около часа, он поднялся, перебрался в гостиную и встал у окна. За темным покровом ночи он различил еще более темные очертания Скалистых гор.

Где-то там жили свободные люди.

Он мог разбить окно и уйти в горы, затеряться там до рассвета и заняться поиском этих людей. Ему даже не потребовалось бы разбивать окно — можно было просто проскользнуть мимо дремлющего привратника или воспользоваться данной ему властью, олицетворяемой хлыстом, и пройти, невзирая на стражу. Никаких особых мер, чтобы держать слуг взаперти, не предпринималось. Стража содержалась скорее для того, чтобы предотвратить проникновение извне. Большинство слуг и не подумало бы бежать, они были способны на это не больше, чем домашние собаки.

Собаки… Одной из обязанностей надсмотрщика над жеребцами было содержание своры гончих.

Если потребуется, он мог бы убить собаку голы-

ми руками. Но как бежать, когда на руках двое грудных детей?!

Он подошел к шкафу, взял бутылку, налил себе добрую порцию Счастья, выпил ее и вернулся в постель.

16

В течение многих дней Хью занимался тем, что перерабатывал скребл, переводил хойловское «Полное собрание игр», диктуя заодно правила и описания игр и развлечений, которых не было у Хойла (пинг-понг, гольф, катание на водных лыжах), и часто встречался с Понсом и Джо — за игрой в бридж.

Последнее было самым приятным. С помощью Джо он научил играть нескольких Избранных, но чаще всего они играли вчетвером: Хью, Понс, Джо и Барбара. Понс играл с энтузиазмом новообращенного. Он старался отдавать игре каждую свободную минуту, причем предпочитал, чтобы состав игроков был постоянный — все те же четверо.

Хью казалось, что Понс искренне симпатизирует Барбаре, равно как и коту, которого он звал «Дакливстон». Понс распространил на котов обращение как с равными, и Док или любой другой его сородич всегда мог запросто вспрыгнуть к нему на колени, даже если Понс в это время торговался. То же добродушно-покровительственное отношение проявлялось и к Барбаре. Узнав ее по-

ближе, он стал называть ее не иначе как «Барба» или «деточка». И уже никогда больше не обращался к ней как к неодушевленному предмету, нарушая тем самым предписания правил Языка. Барбара, в свою очередь, называла его «Понс» или «Дядюшка» и явно испытывала удовольствие от общения с ним.

Иногда Понс оставлял Хью и Барбару наедине, а однажды — на целых двадцать минут. Минуты, проводимые вдвоем, были для них настолько бесценными, что они не рисковали искушать судьбу и довольствовались всего лишь легким пожатием рук.

Если подходило время кормления, Барбара говорила об этом, и Понс отдавал распоряжение принести детей. Как-то раз он сам приказал доставить их, заявив, что не виделся с ними целую неделю и хотел бы посмотреть, сильно ли они подросли. Поэтому игру пришлось отложить до тех пор, пока «Дядюшка» не навозился с малышами всласть на ковре, развлекая их разными забавными звуками.

Его хватило, впрочем, не более чем на пять минут. Когда ребятишек унесли, Понс сказал Барбаре:

— Детка, они растут, как сахарный тростник.

Надеюсь, мне доведется увидеть их взрослыми.

— Дядюшка, вам еще жить да жить!

— Возможно. Я пережил уже, наверное, с дюжину дегустаторов, но предотвратить смерть от старости они не в состоянии. А из наших мальчиков вполне могут получиться прекрасные лакеи. Я так и вижу их подающими блюда на банкете во дворце — в резиденции, конечно, а не в этой хибаре. Кто сдает?

Несколько раз Хью мельком видел Грейс, не дольше нескольких секунд. Если он появлялся в покоях Понса, когда она там находилась, Грейс немедленно удалялась с выражением крайнего недовольства на лице. Если же Барбара приходила раньше Хью, то он вообще уже не заставал Грейс. Было ясно, что его бывшая жена в апартаментах их милости чувствует себя как дома, очевидным было и то, что она по-прежнему не переносит Барбару, а заодно и Хью. Однако она ни разу не пыталась выразить свою неприязнь в активной форме, видимо научившись не поступать вопреки воле хозяина.

Теперь Грейс официально имела статус согревательницы постели их милости. Хью узнал об этом от Киски. Самки, в отличие от Хью, всегда точно знали, у себя ли лорд, по тому, где была

Грейс — наверху или внизу. Других занятий она не имела, и никто, даже Мемток, не имел права наказывать ее. Кроме всего прочего, каждый раз, когда Хью видел ее, она была роскошно одета и увешана драгоценностями.

Грейс очень растолстела — настолько, что Хью испытывал облегчение оттого, что теперь даже формально не обязан делить с ней ложе. Но вообще-то все согревательницы постели, на его вкус, были слишком полными. Даже Киска. По меркам двадцатого века девушка ее габаритов уже вполне могла садиться на диету. Киска же очень огорчалась, что никак не может пополнеть еще, и все спрашивала Хью, не разонравилась ли она ему из-за этого. Правда, она была совсем юной, и чрезмерная пышность ее форм не казалась уродливой.

Совсем другое дело — полнота Грейс. Где-то в этой расплывшейся туше была похоронена прелестная девушка, бывшая когда-то его женой. Он старался не размышлять на эту тему и не понимал, как нынешняя Грейс может нравиться Понсу — если, конечно, она ему нравилась. По правде говоря, Хью допускал, что положение согревательницы постели было чисто номинальным. Ведь Понсу было более ста лет от роду. В

состоянии ли он иметь дело с женщинами или пригоден к этому не более, чем Мемток? Хью этого не знал, да и мало интересовался. На вид Понсу можно было дать лет шестьдесят, причем он казался исполненным сил и бодрости. Но Хью все же склонялся к мысли, что Грейс выполняла роль одалиски, а не гурии.

Если он к судьбе Грейс стал равнодушен, то Дьюка она весьма волновала. Как-то раз старший сын ворвался к нему в кабинет и потребовал разговора с глазу на глаз. Хью отвел его в свою комнату. Они не виделись уже с месяц. Дьюк регулярно посылал переводы, поэтому не было острой необходимости встречаться.

Хью попытался сделать встречу теплой:

— Садись, Дьюк. Хочешь немного Счастья?

— Нет уж! Спасибо. Что такое я слышал насчет матери!..

— И что же ты слышал? — «О боже! Опять начинается...»

— Ты чертовски хорошо знаешь, о чем идет речь!

— Боюсь, что нет.

Хью все-таки заставил его сказать все открытым текстом. Дьюк располагал всеми фактами, но, что больше всего удивило Хью, узнал их толь-

ко что. Поскольку более четырехсот слуг были отлично осведомлены о том, что одна из дикарок — не та высокая и худая, а другая — проводила в покоях их милости гораздо больше времени, чем в комнатах самок, то казалось странным, что Дьюку понадобилось столько времени, чтобы узнать об этом. Впрочем, у Дьюка было мало общего с другими слугами, да и сам он не пользовался особой популярностью, — Мемток называл его «возмутителем спокойствия».

Хью не стал ни отрицать, ни подтверждать то, что выложил ему сын.

— Так что же? — требовательно спросил Дьюк. — Что ты собираешься предпринять?

— Ты о чем, Дьюк? Ты хочешь, чтобы я прекратил все эти сплетни среди слуг?

— Я не о том! Ты что же, собираешься вот так спокойно сидеть здесь сложа руки, в то время как твою жену насилуют?

— Не исключено. Ты приходишь ко мне с какими-то слухами, которые дошли до тебя от старшего помощника младшего дворника, и требуешь от меня действий. Во-первых, я хотел бы знать, почему ты даже не усомнился в правдивости этих слухов? Во-вторых, почему ты с такой уверенностью говоришь об изнасило-

вании? В-третьих, каких поступков ты ждешь от меня? В-четвертых, что, по-твоему, я могу с этим поделать? Подумай над моими вопросами и постарайся быть рассудительным. А затем мы с тобой поговорим о том, чего я не могу и что могу.

— Не увиливай!

— Я не увиливаю. Дьюк, ты получил дорогостоящее образование юриста — я знаю, ведь это я платил за твое обучение. И ты сам много раз говорил мне о том, что бремя доказательств лежит на обвиняющей стороне. Так примени теперь свое образование. Расположим вопросы по порядку. Почему ты думаешь, что эти слухи — правда?

— Ну… они дошли до меня… и я их проверил. Все это знают.

— Вот как? Но ведь раньше все знали, что земля плоская. Однако это оказалось совсем не так. Согласись.

— Но я же говорю тебе! Мама назначена согревательницей постели этого ублюдка.

— Кто тебе сказал?

— Да все говорят!

— А ты спрашивал у управляющего самками?

— Что я, с ума сошел, что ли?

— Будем считать этот вопрос риторическим. Из того, что, как ты выразился, «все знают», нам

известно только то, что Грейс назначена прислуживать наверху. Можно проверить, правда ли это. Обязанности ее могут быть самыми разными: прислуживать их милости, знатным дамам или еще что-нибудь. Хочешь, устрою тебе свидание с управляющим, чтобы ты сам смог узнать у него, чем занимается наверху твоя мать? Мне эти обязанности неизвестны.

— Нет уж, сам спрашивай.

— Не буду. Я уверен, что Грейс не потерпит вмешательства в свои дела. Допустим, *ты* спросишь управляющего, и он подтвердит, что она, как ты подозреваешь на основании сплетен, действительно согревательница постели их милости. Чисто теоретически, потому что ты все еще ничего не доказал, но, предположим, да, дела обстоят так. Только при чем здесь изнасилование?

Дьюк был удивлен:

— Знаешь, такого я не ожидал даже от тебя. Сидеть тут и заявлять не моргнув глазом, что мама может согласиться на такое *добровольно*.

— Я давно уже бросил гадать, на что способна твоя мать, а на что нет. Но я и не говорил, что она что-то там такое делает. Это *ты* сказал. Ведь помимо твоих слов о том, что она назначена согревательницей постели, мне ничего не известно.

А ты располагаешь лишь слухами. Даже если они не беспочвенны, я все равно не могу утверждать, что Грейс непременно побывала в его постели, добровольно или нет, — я никогда не заглядывал к нему в постель и даже не слышал сплетен по этому поводу. Только твои грязные измышления. Возможно, ты отчасти и прав, но опять же нет никаких оснований полагать, что имело место нечто большее, чем совместный сон. Я и сам не раз делил ложе с особами женского пола, и в этом не было криминала. Даже допуская мысль о возможных интимных отношениях между ними — опять же, заметь, твое предположение, — я искренне сомневаюсь, что их милость хоть раз в жизни изнасиловал какую-нибудь женщину. Не забывай и о его возрасте.

— Чушь! Ни один черномазый ублюдок не упустит случая опоганить белую женщину!

— Дьюк! То, что ты говоришь, — ядовитая безумная чушь! Ты заставляешь меня заподозрить, что ты и вправду сошел с ума.

— Я…

— Заткнись! Ты прекрасно знаешь, что Джозеф много раз имел возможность изнасиловать любую из трех белых женщин на протяжении долгих десяти месяцев. Ты прекрасно знаешь и

то, что его поведение было превыше всяческих похвал.

— Ну… у него просто не было случая.

— Я уже сказал тебе: прекрати молоть вздор. Возможностей у него было хоть отбавляй. Хотя бы в то время, когда ты был на охоте. В любой день. Он оставался наедине с каждой из них множество раз. Так что перестань оскорблять Джозефа. Мне просто стыдно за тебя.

— А мне — за тебя. Ты — зажиревший кот черномазого короля.

— И прекрасно. Значит, нам обоюдно стыдно друг за друга. Кстати, о котах: я в тебе вовсе не нуждаюсь. Если тебе не нравится быть зажиревшим котом, можешь отправляться мыть посуду или делать, что прикажут.

— Мне все равно.

— Тогда, будь добр, сообщи мне, когда тебе надоест твоя сытая жизнь. Правда, это будет стоить тебе собственной комнаты, но ведь отдельная комната — привилегия зажиревших котов. Впрочем, ладно. Я, кажется, вижу только одну возможность узнать факты, если таковые имеются, вместо твоих грязных измышлений. Нужно спросить самого лорда-протектора.

— Наконец-то я услышал от тебя нечто разум-

ное! Отлично!

— Только спрашивать буду не я. Ведь я же не подозреваю его в изнасиловании. Спроси сам. Повидайся с главным управляющим. Он выслушает любого из слуг, пожелавшего обратиться к нему — на свой страх и риск, конечно. Но я не думаю, что он без достаточно веского повода будет наказывать кого-либо из моего департамента, ведь у меня есть кое-какие привилегии зажиревшего кота. Скажи ему, что просишь аудиенции лорда-протектора. Думаю, больше ничего и не понадобится. Разве что подождать неделю или две. Если Мемток откажет тебе, дай мне знать. Я уверен, что смогу добиться от него этой аудиенции. А потом, когда предстанешь перед лордом-протектором, просто спроси его — напрямую.

— И мне солгут в глаза. Да я задушу эту черную обезьяну, как только увижу ее!

Мистер Фарнхэм вздохнул:

— Дьюк, у меня просто в голове не укладывается, что один человек может заблуждаться в таком множестве вещей. Если тебя удостоят аудиенции, то рядом с тобой будет Мемток. Со своим хлыстом. Лорд-протектор будет на расстоянии футов пятидесяти от тебя. К тому же хлыст, который висит у него на поясе, — не обычная игрушка-погонялка,

а смертоносное оружие. Старик — тертый жизнью калач, и убить его не так-то просто.

— Ничего, я попробую!

— Да, можешь попробовать. С таким же успехом кузнечик может попытаться напасть на газонокосилку. Можно восхищаться его отвагой, но не его рассудительностью. Ты также ошибаешься и в том, что считаешь их милость способным солгать тебе. Если он действительно сделал то, что ты предполагаешь, — то есть силой заставил твою мать отдаться, — он ничуть не постыдится этого, равно как и не постыдится дать тебе честный ответ. Дьюк, пойми, он так же не станет лгать слуге, как и не подумает, например, уступить тебе дорогу. К тому же… а своей матери ты поверишь?

— Конечно поверю.

— Тогда попроси лорда-протектора дать тебе возможность встретиться с ней. Я почти уверен, что он не откажет и разрешит тебе свидание на несколько минут — естественно, в его присутствии. Правила гарема он может нарушить — только когда сам пожелает. Если у тебя хватит смелости заявить ему, что ты хочешь услышать подтверждение его словам от нее, думаю, что он будет удивлен. Но потом, скорее всего, рассмеется и согласится. На мой взгляд, это единственная

для тебя возможность увидеть мать и убедиться, что она в безопасности и хорошо устроена. Другого способа встретиться с ней нет. Полагаю, у тебя есть надежда: твое дело столь необычно, что может потешить Понса комизмом, как ему представляется, столь смехотворной проблемы.

Дьюк был озадачен:

— Слушай, а какого черта ты *сам* его не спросишь? Ведь ты видишься с ним почти каждый день. По крайней мере, я слышал такое.

— Я?! Да, мы встречаемся довольно часто. Но спрашивать его об изнасиловании… Ты ведь это имеешь в виду?

— Да, если ты предпочитаешь такое выражение.

— Изнасилование — это то, что *ты* подозреваешь. *Я* ни в коей мере не подозреваю их милость в насилии и не собираюсь служить выразителем твоих грязных подозрений. Если нужно спросить, то имей смелость сделать это сам. — Хью поднялся. — Мы потеряли уже уйму времени. Так что или принимайся за работу, или иди и повидайся с Мемтоком.

— Я еще не закончил.

— Нет, закончил. Это приказ, а не предложение.

— Если ты думаешь, что я боюсь твоего хлыста…

— Господи, Дьюк, не стану же я наказывать тебя сам! Если ты доведешь меня, я попрошу Мемтока проучить тебя. Говорят, он крупный специалист. А теперь выметайся. Ты отнял у меня полдня.

Дьюк ушел. Хью некоторое время пытался успокоиться. Стычки с Дьюком всегда выводили его из себя, даже когда тот был еще двенадцатилетним мальчишкой. Но его беспокоило и кое-что еще. Он использовал все свои возможности убедить сына отказаться от избранного им пути. Его абсолютно не волновало то, что составляло основной предмет беспокойства для Дьюка. Что бы ни случилось с Грейс, он был уверен, что изнасилование как таковое не имело места. Но он с болью в душе осознавал кое-что, чего Дьюк в своем заблуждении, очевидно, не понимал.

Дьюк, с жалостью отметил Хью, не осознал древнего закона побежденных, гласившего, что их женщины в конце концов сдаются победителям — добровольно.

Подчинилась его бывшая жена или нет — было вопросом скорее академическим. Он сильно подозревал, что у нее ни разу не появилось такой возможности. В любом случае она, очевидно,

была довольна своей судьбой — чисто по-обывательски. Но жизнь Грейс ни в коей мере не беспокоила его. Он честно старался исполнить свой долг по отношению к ней, она сама отдалилась от него. Ему только не хотелось бы, чтобы Барбаре когда-нибудь пришлось испытать на себе гнет безысходности, который способен был превратить — и превращал на всем протяжении истории — добродетельную женщину в добровольную наложницу. Он любил ее, но не строил никаких иллюзий по поводу того, что она, обычный человек из плоти и крови, окажется ангелом или святой. Даже гордые сабинянки не выдержали выпавшего на их долю испытания и сдались. «Лучше смерть, чем бесчестье» — этот лозунг никогда не был слишком популярным. Со временем все поддавались компромиссам и переходили на добровольное сотрудничество.

Он достал бутыль Счастья, посмотрел на нее… и поставил на место. Нет, он никогда не будет решать своих проблем таким способом.

Хью не пытался узнать, виделся ли Дьюк с Мемтоком. Он вернулся к своей бесконечной работе, одержимый намерением умаслить их милость любым доступным способом, будь то бридж, прибыльные идеи или просто переводы. Он больше

не надеялся на то, что босс позволит ему взять к себе Барбару и близнецов. В этом вопросе старый Понс был тверд как камень. Но быть в фаворе все равно было полезно, даже необходимо, что бы ни случилось. Кроме того, расположение «дядюшки» позволяло Хью хоть изредка видеться с Барбарой.

Он продолжал думать о побеге. По мере того как лето подходило к концу, он все больше укреплялся в мысли, что бежать в этом году — всем четверым, да еще с грудными младенцами на руках — невозможно. Вскоре все хозяйство переедет обратно в город, а он понимал, что единственный шанс удачного побега — это бегство в горы. Ничего… Пусть еще год, пусть два и даже больше. Может быть, лучше подождать до тех пор, пока мальчики научатся ходить. Даже и тогда побег будет более чем труден, а с грудными детьми на руках он вообще немыслим. Но, несмотря на отдаленную перспективу, нужно, когда их еще раз хотя бы на минуту оставят одних, поделиться идеей бегства с Барбарой, чтобы она не вешала носа и ждала.

Хью не осмелился написать ей это. Даже если Джо и не выдаст его, Понс, попади ему в руки записка, сможет получить ее перевод, ведь где-

то были ученые, знающие английский язык. А Грейс? Он надеялся, что она не будет мстить, но угадать было трудно. Возможно, Понс все знал об этой переписке, каждый день получал переводы записок, смеялся над ними и не обращал на них внимания.

А что, если разработать код? Что-нибудь простое, вроде первого слова в первой строчке, второго во второй и так далее. Можно рискнуть.

К тому же Хью сообразил, что у них есть еще одно преимущество, которое может здорово помочь им. Беглецы редко достигали своей цели просто потому, что их выдавала внешность. Белую кожу еще можно было загримировать, но слуги на много дюймов ниже и на несколько фунтов легче, чем Избранные.

И Барбара, и Хью были высокого роста. В этом отношении они вполне могли сойти за Избранных. Черты лица? У Избранных лица отличались значительным разнообразием. Индусские черты смешивались с негроидными и многими другими. Проблему представляла его лысая голова. Значит, придется украсть парик. Или сделать его. Если у них будет краденая одежда, припасенная пища, хоть какое-нибудь оружие (да сами две его руки чего-то стоят!) и грим, они вполне могут

сойти за «нищее черное отребье» и отправиться в путь.

Если только он не окажется слишком длинным. Если их не настигнут собаки. Если они по неведению не допустят какого-нибудь дурацкого ляпсуса.

Но слуги, которых сразу выдает телосложение, не имеют право выходить за пределы имения, фермы или ранчо без пропуска, полученного от повелителя.

Возможно, ему удастся увидеть такой пропуск и даже подделать его. Нет, ни он, ни Барбара не могли открыто путешествовать по поддельному пропуску по той же причине, которая позволяла ему надеяться сойти за Избранных: для обычных слуг у них были слишком крупные габариты и их сразу же задержали бы.

Чем больше Хью размышлял, тем больше приходил к мысли, что побег следует отложить, по крайней мере до следующего лета.

Если бы только они оказались среди слуг, которых отберут для поездки в Летний дворец на будущий год… Если бы они *все*… Если бы они все *четверо* оказались… Об этом-то он и не подумал! Господи Иисусе! Да ведь их маленькая семья может больше никогда не собраться под

этой крышей! Возможно, из-за этого им придется бежать сейчас, в тот короткий промежуток времени, который их отделял от переезда. Бежать, несмотря на собак, на медведей, на этих злобных мелких леопардов… бежать, да еще с двумя младенцами на руках. Боже! Было ли у какого-либо мужчины меньше шансов спасти свою семью?

Да. У него самого… когда он строил убежище.

Подготовиться, насколько это возможно… и молить о чуде. Хью начал припасать еду из тех блюд, которые ему приносили в комнату, — то, что можно было хранить. Он стал присматривать, где бы украсть нож или что-нибудь, из чего можно его изготовить. Все свои приготовления он тщательно скрывал от Киски.

Гораздо раньше, чем он надеялся, ему удалось достать грим. Наступил праздник, что означало оргию слуг в Большом зале, где рекой лилось Счастье. В этот день силами слуг устраивались маленькие костюмированные представления. Хью выпало играть комическую роль лорда-протектора в небольшой веселой пьесе. Он не колеблясь согласился, ибо сам Мемток отметил, что комплекция делает его идеальной кандидатурой на эту роль. Хью опробовал свои актерские данные, помахав жезлом в три раза большим,

чем тот, который носил их милость.

Представление имело успех. Хью заметил, что Понс наблюдает за его игрой с балкончика, где они с Мемтоком как-то наблюдали за раздачей Счастья слугам. Понс смотрел и смеялся. Хью, войдя в роль повелителя, рявкнул:

— Эй, там, на балконе! Потише! Мемток, а ну-ка всыпь как следует этому созданию.

Тут их милость расхохотался пуще прежнего, а слуги чуть ли не покатились по полу от восторга. На следующий день, за бриджем, Понс похлопал Хью по плечу и объявил, что лучшего лорда чепухи он еще не видывал.

В результате успешно проведенной операции были добыты: пакетик краски, которую достаточно было смешать с обыкновенным кремом, чтобы получить отличный темный грим, и парик, который скрывал его лысый череп под копной черных волнистых волос. Это был не тот парик, в котором он играл, — тот он вернул главному управляющему, даже предложив Мемтоку примерить его на себя. Нет, этот парик он выбрал из нескольких, из года в год накапливающихся в костюмерной после представлений. Хью примерил его, бросил, поддав ногой, а затем украдкой подобрал и сунул под балахон, где и держал несколько

дней, не зная, хватятся его или нет. Когда стало ясно, что пропажа осталась незамеченной, он спрятал парик под столиком в рабочем кабинете, задержавшись вечером немного дольше своих помощников.

Он продолжал подыскивать что-нибудь, из чего можно было выточить нож.

После разговора с сыном прошло уже три недели, и за это время они ни разу не встречались. Иногда от Дьюка поступали переводы, иногда день или два ничего не было. Хью прощал ему эти перерывы. Но когда прошла целая неделя, а от него не поступило ни одной статьи, Хью решил проверить.

Он подошел к комнате, которая была одной из «привилегий» Дьюка как «исследователя истории», и, постучав в дверь, не получил ответа.

Он постучал еще и решил, что Дьюк или спит, или отсутствует. Тогда он приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

Дьюк не спал, но, похоже, витал в совершенно ином мире. Он растянулся на постели совершенно голый, пребывая в самом сильном опьянении Счастьем, какое Хью когда-нибудь приходилось видеть.

Когда дверь открылась, Дьюк поднял голову,

глупо хихикнул, взмахнул рукой и пробормотал:

— Приэтт, старый мошенник! Кээк тыи ддзелла?

Хью приблизился к нему, чтобы получше рассмотреть то, что, как он сначала подумал, ему просто показалось. Когда он убедился, что глаза его не обманывают, его чуть не стошнило.

— Сынок! Сынок!

— Все ноешш, Хьюи? Старый пдлюга Хью, выжжига чер-ртоф!

Судорожно сглатывая, Хью попятился и чуть не налетел спиной на главного ветеринара. Хирург улыбнулся и спросил:

— Пришли навестить моего пациента? Сейчас он вряд ли в этом нуждается. — Пробормотав извинения, он проскользнул мимо Хью, подошел к кровати и поднял Дьюку веко. Затем проверил его пульс, послушал дыхание и шутливо похвалил: — Дела идут отлично, кузен. Давай-ка примем еще процедурку, и можно будет посылать тебе вкусный обед. Как ты насчет этого?

— Ааатлично, док! Заммчательно! Я ття увжаю! Оччень ув-жаю!

Ветеринар покрутил циферблат на каком-то маленьком приборчике, прижал к бедру Дьюка и подержал немного. Уходя, он улыбнулся Хью:

— Практически здоров. Еще несколько часов он пробудет в забытьи, затем проснется голодным и даже не заметит, сколько прошло времени. Тогда мы покормим его и дадим еще порцию. Прекрасный пациент! Никакого беспокойства. Он даже не знает, что случилось. А когда поймет, не будет ничего иметь против.

— Кто приказал сделать это?!

Хирург был явно удивлен:

— Конечно главный управляющий. А что?

— Почему мне не сообщили?

— Не знаю. Лучше спросить его самого. Для меня это вполне обычный приказ. Рутинная работа — ничего особенного. Сонный порошок в ужине, затем ночью — операция. Послеоперационный уход и обычно большие дозы транквилизаторов. Некоторые из пациентов первое время немного нервничают, поэтому мы все делаем в соответствии с индивидуальностью пациента. Но, сами видите, он воспринял все исключительно легко, будто ему удалили зуб. Кстати, все забываю спросить: как тот мост, который я вам поставил? Довольны?

— Что? Ах да… доволен. Но это не важно. Я хочу знать…

— С вашего позволения, лучше поговорите с

главным управляющим. Теперь, если вы не возражаете, я осмелюсь покинуть вас, так как спешу к больному. Я заглянул убедиться, что с пациентом все в порядке.

Хью вернулся к себе, и тут его вырвало. Вымывшись, он отправился разыскивать Мемтока.

Мемток принял его в своем кабинете незамедлительно и пригласил садиться. Хью постепенно стал считать главного управляющего если и не другом, то, по крайней мере, приятелем. Мемток в последнее время часто захаживал к нему по вечерам. Несмотря на свои пессимистичные взгляды на жизнь и огромную разницу в их происхождении и служебном положении, в близком общении он проявил себя по-своему эрудированным человеком, наделенным недюжинными способностями и острым умом. Создавалось впечатление, что Мемток страдает от одиночества, бывшего сродни одиночеству капитана судна, и что ему доставляет удовольствие расслабиться где-то и насладиться приятельской беседой.

Поскольку другие старшие слуги были скорее подчеркнуто вежливы со старшим исследователем, нежели дружелюбны, Хью также тяготился своим одиночеством и поэтому всегда был рад Мемтоку. До сегодняшнего…

Он прямо, не вдаваясь в формальности, объяснил Мемтоку, с чем он к нему пришел:

— Почему вы приказали сделать это?

Мемток был обескуражен, явно недоумевал:

— Что за вопрос? Что за неприличный вопрос? Конечно, потому, что таков был приказ лорда-хранителя.

— Он отдал такой приказ?!

— Дорогой кузен! Оскопление никогда не делается без распоряжения лорда. Конечно, иногда я рекомендую ему это. Но приказ о непосредственном исполнении должен исходить только от него. Однако, если это вас так беспокоит, могу заверить, что в данном случае я подобной рекомендации не давал. Мне просто был отдан приказ, и я его исполнил.

— Конечно меня это беспокоит! Ведь он работает в моем департаменте!

— О, но его перевели еще до того, как оскопление было сделано. Иначе я бы не преминул известить тебя. Приличия, приличия, кузен, — вот что главное в жизни. Я всегда строго контролирую своих подчиненных. Но зато и сам никогда не подвожу их. Иначе хозяйство вести нельзя. Честность прежде всего.

— Но *мне* не было сообщено, что он переведен.

Разве это не называется «подвести»?

— Как же, как же? Обязательно известили. — Главный управляющий взглянул на множество отделений с различными бумагами на своем столе и вытащил из одного записку. — Вот она.

Хью стал читать:

> СЛУЖЕБНЫЕ
> ОБЯЗАННОСТИ, ИЗМЕНЕНИЕ – ОДИН СЛУГА, ПОЛ – МУЖСКОЙ *(дикарь, найден и усыновлен), известный под кличкой Дьюк. Описание… – Хью опустил его. – …Освобождается от своих обязанностей по Департаменту истории и переводится на личную службу их милости. Приказ вступает в силу немедленно.* МЕСТОПРЕБЫВАНИЕ И ПИТАНИЕ: *прежнее, до дальнейших распоряжений…*

— Но я не видел этой бумаги!

— Это моя архивная копия. А тебе послан оригинал. — Мемток указал на левый нижний угол листка. — Вот подпись твоего заместителя в получении. Всегда приятно, когда подчиненные умеют читать и писать. Меньше беспорядка. Например, болвану главному хранителю угодий можно вдалбливать что-либо до хрипоты, а по-

том старый козел будет утверждать, что слышал совсем не то. Даже хлыст улучшает его память всего на один день. Весьма прискорбно. Нельзя же, в самом деле, вечно наказывать одного из старых слуг. — Мемток вздохнул. — Я бы порекомендовал их милости сменить его, если бы помощник не был еще глупее.

— Мемток, я никогда не видел такой записки.

— Возможно. Но она была направлена к тебе в департамент, и твой заместитель расписался в получении. Поищи у себя в кабинете. Ручаюсь, что ты найдешь ее. Или ты хочешь, чтобы я пощекотал твоего помощника? Буду только рад.

— Нет-нет.

Мемток, скорее всего, был прав, и приказ, наверное, лежал у него на столе непрочитанным. Департамент Хью разросся — теперь в нем было две или три дюжины человек. Создавалось впечатление, что количество их растет с каждым днем. Большинство сотрудников были абсолютными бездарями, и все они отнимали у него драгоценное время. Хью уже давно распорядился, чтобы его не беспокоили по пустякам. Распоряжение это он отдал своему заместителю — честному, довольно грамотному клерку. Иначе Хью вообще не смог бы заниматься переводами. Здесь вступал

в действие закон Паркинсона. Клерк, выполняя его приказ, полностью взял на себя все бумажные дела. Примерно раз в неделю Хью быстро пробегал глазами поступившую за этот период корреспонденцию и отдавал ее заместителю, чтобы тот подшил ее в архив, сжег или поступил по своему разумению с этими бесполезными бумажками.

Возможно, приказ о переводе Дьюка валялся сейчас среди непрочитанных бумаг. Если бы только он наткнулся на него раньше… Слишком поздно, слишком поздно! Хью сгорбился в кресле и закрыл лицо руками. «Слишком поздно! Ох, сынок мой, сынок!..»

Мемток почти ласково коснулся его плеча:

— Кузен, ну возьми же себя в руки. Ведь твои привилегии не были ущемлены, правда? Сам видишь, что это так!

— Да-да. Я понимаю, — промямлил Хью, не отрывая рук от лица.

— Тогда отчего же ты так переживаешь?

— Он был… он мой… мой сын.

— Он? Что же ты ведешь себя так, словно он твой племянник? — Мемток воспользовался специфическим словом, обозначающим «старший сын старшей сестры», и был искренне озадачен

странной реакцией дикаря. Он еще мог бы понять заботу матери о сыне — о старшем сыне, по крайней мере. Но отец? Дядя! Да у Мемтока — он был уверен в этом — тоже были сыновья среди слуг. Управляющий самками называл его даже «Мемток — малый не промах». Но он не знал своих детей и даже представить себе не мог, чтобы их судьба его когда-нибудь заинтересовала. Или чтобы он проявил хоть какую-то заботу о них.

— Потому что… — начал Хью. — А впрочем, ладно. Вы только исполнили свой долг. Все нормально.

— Но… ты все еще огорчен. Я, пожалуй, пошлю за бутылочкой Счастья. И на сей раз выпью с тобой.

— Нет-нет, благодарю вас.

— Ну будет, будет! Тебе это необходимо. Счастье прекрасно тонизирует, а ты как раз скис. Им только не нужно злоупотреблять.

— Благодарю, Мемток, но я не хочу. Сейчас мне нужно быть особенно собранным. Я хочу повидать их милость. Прямо сейчас, если можно. Вы не устроите мне такую возможность?

— Не могу.

— Черт возьми, я же знаю, что можете! И знаю, что, если вы попросите, он примет меня.

— Кузен, но ведь я сказал «не могу», а не «не хочу». Их милости здесь нет.

— О-о-о!

Хью попросил, чтобы ему разрешили повидаться с Джо, однако главный управляющий ответил, что молодой Избранный отбыл вместе с лордом-протектором. Мемток пообещал дать знать, как только кто-нибудь из них вернется: «Да-да, сразу же, дорогой кузен».

Хью пропустил ужин, ушел к себе и впал в горькое раздумье. Он не мог не мучить себя мыслью, что в случившемся отчасти была и его вина, — нет, не та, что он не читал каждую бесполезную бумажку, как только она попадала к нему на стол, — *это* было простое невезение. Даже если бы он проверял весь этот спам каждое утро, он все равно мог опоздать — ведь оба приказа, скорее всего, были отданы одновременно.

Его мучал страх, что он сам запустил цепочку событий, повлекших за собой несчастье, своей ссорой с Дьюком. Нужно было солгать мальчику, сказать, что его мать, как ему доподлинно известно, является обыкновенной служанкой или кем-нибудь в этом роде у сестры лорда-протектора или что Грейс пребывает в полной безопасности в королевском гареме и ни один

мужчина ее даже не видит. Что она полностью довольна и счастлива, живет прекрасно, что другая версия — это просто сплетни, которыми слуги заполняют свои скучные дни.

Дьюк поверил бы этому, потому что очень хотел поверить.

Почему все так случилось?.. Вероятно, Дьюк отправился на встречу с их милостью. Возможно, Мемток устроил ему аудиенцию или, может быть, Дьюк решил прорваться силой и шум драки достиг ушей Понса. Теперь Хью стало ясно, что сын, последовавший его совету повидаться с верховным владыкой, вполне мог устроить подобную сцену, после которой Понс также запросто приказал оскопить смутьяна, как он обычно приказывал подать машину. Все это очень походило на правду…

Хью пытался убедить себя, что *никто не ответствен* за поступки другого человека. Он всегда так считал и не сомневался в этом. Но сейчас он чувствовал, что его сердце глухо к доводам рассудка.

Чтобы как-то отвлечься от тягостных мыслей, он взял письменные принадлежности и сел писать письмо Барбаре. До сих пор ему еще не представлялось возможности рассказать ей о сво-

ем плане побега и не было времени разработать код. Он обязательно должен предупредить ее, что следует быть начеку.

Барбара знала немецкий язык. Хью же помнил из него только какие-то отрывки, поскольку изучал его всего один год в школе. Он владел русским в достаточной мере, чтобы вести незатейливый разговор. Барбара, пока они жили дикарями, успела подхватить от него несколько русских слов, это было игрой, которой они могли забавляться, не вызывая ревности Грейс.

Хью составил послание, затем с превеликим трудом перевел письмо на мешанину из немецких, русских, разговорных английских слов, жаргона битников, примитивной латыни, литературных аллюзий и специальных идиоматических выражений. В конце концов у него получился текст, который наверняка сможет разгадать Барбара, но не переведет на Речь ни один специалист по древним языкам, даже в том маловероятном случае, если он одновременно будет знать немецкий, английский и русский.

Он не боялся, что текст расшифрует кто-то еще. Если послание увидит Грейс, для нее оно будет выглядеть белибердой, поскольку она не знала ни русского, ни немецкого. Дьюк пребывал в нар-

котическом забытьи. Джо может догадаться, что́ все это значит, но Хью доверял бывшему слуге. Тем не менее он попытался, нарушив синтаксис и намеренно исказив написание некоторых слов, завуалировать смысл таким образом, чтобы его не понял даже Джо.

Первоначальный набросок послания гласил:

Дорогая!

Уже некоторое время я планирую наш побег. Не знаю пока, как его устроить, но хочу, чтобы ты была готова днем и ночью схватить детей и следовать за мной… Если сможешь, запаси немного провизии, прочную обувь и попробуй раздобыть нож. Мы пойдем в горы. Сначала я собирался дождаться следующего лета, чтобы малыши успели немного подрасти. Но случилось кое-что, что изменило мои планы: Дьюк оскоплен. Я не знаю почему и слишком огорчен, чтобы обсуждать случившееся. Следующим могу оказаться я. Даже хуже того… Помнишь, Понс говорил, что представляет наших сыновей прислуживающих на банкете? Дорогая, жеребцы никогда этим не занимаются.

Так что судьба жеребцов их не ожидает – они обещают вымахать слишком высокими. Этого не должно произойти.

И мы не можем ждать. Столичная резиденция протектора находится где-то недалеко от того места, на котором раньше располагался Сент-Луис. У нас просто не получится пройти оттуда весь путь до Скалистых гор с мальчиками на руках. И мы не можем надеяться (для этого нет никаких оснований), что нас всех четверых пошлют в Летний дворец на будущий год.

Так что мужайся. С этого времени не прикасайся к Счастью. Единственная наша надежда на то, что в решающий момент мы будем готовы действовать.

Я люблю тебя. Хью.

Пришла Киска, но он отправил ее смотреть телевизор и велел не беспокоить его. Девочка безропотно повиновалась.

В окончательном варианте письма получилось:

Luba!
Ya bin клепал komplott seit у Гектора

отняли титьку. Графомонтекристовская хрень, въезжаешь? Kinder слишком klein machs nix – уа hawchoo! Златовласкины заморочки machs nix – как говорил один мужик, если не ты, то кто. Хорошие герлскауты всегда помнят девиз бой-скаутов. Speise, schuhen, messer – как там мистер Фиджин учил Оливера – nicht? Da! Schnell это die herz von duh apparat; Берлин слишком далеко от большого леденца, и Элиза не попадет в последний акт.

Ein ander jahr, nyet. Без пары не получится танго, а без четверых – бридж, все в ein kammer, иначе дорога dreck. И если дом разделится сам в себя, то для vogelen полный конец. Mehr, уа haben schrecken. Mein Kronprinz правит теперь герцогством абелярским. Но, как говорится, снявши голову, волосами горю не поможешь, так что не плачь, моя родная, однако фальцет – неподходящий тембр для detski, а под созвездием Близнецов – тем более. Borjetoi! Старый дедушка Коль был веселый король, но вот Twilling kellneren он от тебя не получит. Хороший помет. Пусть уж лучше он будоражит bären у begegn

Карен – утверждено единогласно? Сечешь масть?

Verb. Sap.: Я теперь не пью, не курю, не жую и дел не имею с телками, которые этим балуют. В темных делах от торга – сплошной крутой облом. Жду ответа, как соловей лета, но лапши на уши вешай побольше, в хате клопы и Брат всегда на стреме.

Твой навеки – Х.

Киска уже спала, когда Хью поставил последнюю точку в своем послании. Он порвал черновики, спустил клочки в водоворот и только тогда отправился спать. Но уснуть ему не удалось: перед глазами стояло бессмысленное, хихикающее, блаженное, одурманенное наркотиками лицо Дьюка. Пришлось встать и, в нарушение указаний, данных им самим Барбаре, утопить свои печали и страхи в бутылке со Счастьем.

17

На следующий день Хью уже читал ответную записку Барбары:

Дорогой!

Когда ты заказываешь три при бескозырке, мой ответ – семь без козырей, и рука не дрогнет. Или разыграем большой шлем – или влетим… Когда ты соберешь четверых, мы будем готовы к игре.

Любовь навеки – Б.

Больше этот день ничем примечательным не был. И следующий, и последовавший за ним тоже… Хью привычно диктовал перевод, хотя мыслями был далеко. Он стал очень осторожен в еде и питье, поскольку знал теперь, каким «гуманным» способом хирург овладевает жертвой. Он ел только те блюда, которые до него пробовал Мемток, и старался не брать фрукты и пирожные, сервированные близко от него, особенно если их предлагал слуга. За столом он ничего не пил, утоляя потом жажду водой, налитой из-под крана. Завтракал Хью у себя, отдавая предпочте-

ние неочищенным фруктам и вареным яйцам в скорлупе.

Хью сознавал, что все эти предосторожности не спасут. Чтобы перехитрить его, не нужно было быть специалистом класса Борджиа. Если приказ на оскопление будет отдан, даже если не удастся трюк с усыплением, его просто обработают хлыстом. Но тогда у него будет хоть призрачная надежда опротестовать приказ, потребовать, чтобы его отвели к лорду-протектору.

Что же касается хлыстов… Он начал вспоминать уроки каратэ, упражняясь в своей комнате. Удар каратэ, нанесенный достаточно быстро, заставил бы заскучать любого обладателя хлыста. Впрочем, надежды у Хью не было никакой. Просто ему не хотелось сдаваться без боя. Дьюк был прав: лучше погибнуть, сражаясь, как и подобает мужчине.

Увидеться с Дьюком он не пытался.

Хью продолжал запасать пищу, припрятывая часть своих завтраков (сахар, соль, хлеб). Он предполагал, что эти продукты не отравлены, поскольку они не действовали на Киску (сам он их не ел).

Обычно Хью ходил босиком, а когда выходил на прогулки в сад для прислуги, надевал фетровые

шлепанцы. Однажды он пожаловался Мемтоку, что гравий причиняет ему боль сквозь тонкий войлок. Тогда ему была выдана пара кожаных сандалий, и он надевал их перед выходом в сад.

Он приручил главного инженера имения, поведав ему, что в молодости отвечал за проектирование у своего прежнего хозяина. Инженер был весьма польщен проявленным к его персоне вниманием… Будучи самым младшим из ответственных слуг, он привык больше выслушивать жалобы и нарекания, чем видеть дружеское участие. Хью не раз сидел с ним после обеда и пытался выказывать свою осведомленность в специальных вопросах просто тем, что внимал собеседнику и поддакивал ему.

Однажды Хью получил приглашение инженера осмотреть его хозяйство и провел довольно утомительное утро, пробираясь между трубами и рассматривая чертежи. Инженер с трудом писал и читал, зато прекрасно разбирался в чертежах. Само по себе такое времяпрепровождение было бы интересным, если бы Хью не обуревали заботы. Ведь он действительно имел кое-какое отношение к технике в прошлом. Стараясь запомнить расположение изображенных на чертежах объектов, он мысленно сопоставлял их с комна-

тами и коридорами, которые были ему известны. Цели и намерения Хью были более чем серьезны: несмотря на то что он почти все лето прожил во дворце, знакомы ему были только небольшие участки внутри и маленький садик для слуг снаружи. Ему же необходимо было изучить весь дворец. Он должен был знать выходы из любого помещения, знать, что́ находится за охраняемой дверью, ведущей в помещения для самок, и в особенности то, где размещаются Барбара и малыши.

Когда Хью добрался до двери, которая вела в женскую половину, инженер, увидев насторожившегося часового, заколебался:

— Кузен Хью, я уверен, что со мной вы вполне имеете право войти сюда, но нам все-таки лучше сходить сейчас к главному управляющему и попросить его выписать вам пропуск.

— Как скажешь, кузен.

— В принципе, ничего по-настоящему интересного там нет. Обычные коммуникационные системы для бараков: водопровод, электричество, вентиляция, канализация, бани и все такое прочее. Все самое интересное — энергостанции, мусоросжигатель, управление вентиляцией и так далее — находится в других местах. Вы ведь

знаете нашего начальника: он страшно не любит, когда допускается хоть малейшее отступление от заведенного порядка. Так что, если вы не возражаете, осмотр там я произведу позже.

— Ваше дело, вы и решайте, — ответил Хью с явным выражением оскорбленного достоинства.

— Понимаете… любой знает, что вы не один из этих мерзких жеребцов. — Инженер казался расстроенным. — Я вот что вам предлагаю: вы прямо скажите мне, что хотите осмотреть все до конца… Я имею в виду то, что входит в мое ведомство. И я тут же отправлюсь к Мемтоку и сообщу ему, что вы изъявили такое желание. Он знает… Дядя! Да все мы знаем, что вы пользуетесь особым расположением их милости. Вы понимаете меня? Я не хочу сказать ничего обидного. Мемток напишет пропуск, и тогда я останусь чист, равно как и часовой, и начальник стражи. Вы только подождите здесь. Располагайтесь поудобнее. Я мигом!

— Не стоит беспокоиться! Там нет ничего такого, что я хотел бы посмотреть, — солгал Хью. — Я всегда говаривал так: «Видел одну баню, значит видел их все».

Инженер с облегчением улыбнулся:

— Хорошо сказано, я запомню. «Видел одну баню, значит видел их все!» Ха-ха! Но мы еще не

были в столярной и слесарной мастерских.

Они рука об руку отправились в мастерские. Хью не подавал вида, улыбался, но внутри у него все кипело. Он был так близок к заветной цели! И все же никак нельзя было наводить Мемтока на мысль, что его интересуют комнаты самок.

Однако утро, проведенное в обществе инженера, не пропало даром. Хью не только, подобно взломщику, определил слабые места здания (например, дверь, через которую выгружали привозимые товары, — ее запирали не так уж крепко, и замок легко можно было выломать), но и сделал два ценных приобретения.

Первым был кусок пружинной стали длиной около восьми дюймов. Хью заметил его в куче какого-то хлама в слесарной мастерской, незаметно подобрал и тут же, извинившись, прошел в туалет, где надежно привязал его к руке.

Второе приобретение было еще более ценным: отпечатанный план самого нижнего уровня, на котором были обозначены как все инженерные объекты, так и все проходы и двери, в том числе и в помещения самок.

Хью стал восхищаться планом:

— Дядя! Какой великолепный чертеж! Собственного изготовления?

Инженер смущенно подтвердил его предположение. Мол, сами понимаете, в основе лежит, конечно, исходный архитектурный план, но пришлось внести много изменений и дополнений.

— Великолепно! — повторил Хью. — И как жаль, что он в единственном экземпляре!

— О нет! Экземпляров сколько угодно, ведь чертежи быстро изнашиваются. Не угодно ли один?

— С величайшим удовольствием! Особенно если на нем будет дарственная надпись автора. — Видя, что инженер колеблется, он тут же добавил: — Позвольте мне предложить текст? Я набросаю его, а вы перепишите.

Распрощавшись с главным инженером, Хью унес с собой план, на котором было написано: «Моему дорогому кузену Хью, собрату по ремеслу, который умеет ценить искусную работу».

Вечером он показал его Киске. Девушка была поражена. Она понятия не имела о чертежах и картах и была очарована идеей, что на маленьком листе бумаги можно изобразить длинные коридоры и запутанные переходы ее мира. Тогда Хью продемонстрировал ей путь из его апартаментов в столовую для старших слуг, указав местоположение центральной столовой для простых слуг и путь в сад. Она медленно под-

твердила, что он правильно объясняет дорогу, морщась от непривычных умственных усилий.

— А ты, скорее всего, живешь где-нибудь здесь, Киска. Вот это помещения самок.

— Неужели?

— Да. Теперь давай посмотрим, сможешь ли ты сама определить, где ты живешь. Давай без подсказки, ты сама должна разобраться. Я буду просто сидеть и смотреть.

— О, помоги мне, Дядя! Давайте поглядим. Во-первых, я должна пройти по спуску… — Она запнулась, обдумывая что-то, явно не относящееся к схеме, в то время как Хью продолжал сидеть с совершенно бесстрастным видом. Его подозрения, было угасшие, вспыхнули с новой силой: девочка была заслана к нему, чтобы шпионить.

— Затем… вот в эту дверь?

— Правильно.

— Затем я иду мимо кабинета управляющего самками до самого конца, поворачиваю, и… кажется, я живу вот тут! — Она в восторге захлопала в ладоши и засмеялась.

— Твоя комната расположена напротив вашей столовой?

— Да.

— Тогда все правильно — с первого раза! Моло-

дец! Просто удивительно! Давай посмотрим, на что ты еще способна.

На протяжении следующей четверти часа Киска показывала ему подробно, где и что находится на женской половине: комнаты младших и старших, столовые, спальни девственниц, спальни согревательниц постелей, ясли, палата для лежачих больных, детская комната, служебные помещения, баня, игровая площадка, двери в сад, кабинеты, апартаменты старшей надзирательницы — в общем, все-все. Хью, кстати, узнал, что Барбара больше не находится в палате для лежачих. Киска сама сказала об этом.

— Барба, знаете, та дикарка, которой вы все время пишете, — раньше она лежала *здесь*, а теперь она *вот тут*.

— Откуда ты знаешь, ведь эти комнаты выглядят совершенно одинаково?

— Уж я-то знаю! Это вторая из комнат для матерей с грудными детьми по правой стороне коридора, если идти из бани.

Хью с глубоким интересом отметил, что под баней проложен ремонтный туннель с люком доступа в коридоре, куда выходит комната Барбары, а затем, с еще большим интересом, и то, что этот туннель, похоже, связан с другим, который

проходит под всем зданием. Неужели существует широкий, никем не охраняемый путь, соединяющий все три основных помещения для слуг? Невероятно, так как из чертежа следовало, что любой мало-мальски ушлый жеребец мог, преодолев ползком всего сотню футов, преспокойно оказаться в помещениях самок.

Однако откуда жеребцу знать, куда ведет этот туннель? И чего ради жеребец станет рисковать? Ведь он, подобно быку в коровьем стаде, совершенно не ограничен в возможностях утолять свое сладострастие. Да и отсутствие больших пальцев на руках помешало бы ему справиться с запорами.

Интересно, можно ли открыть люки изнутри туннеля?

— Ты быстро усваиваешь карту, Киска. Теперь давай посмотрим помещения, которые тебе не так хорошо знакомы. Попробуй по чертежу узнать, как пройти из этой комнаты в мой кабинет. А если ты справишься с этой задачей, то я задам тебе еще более трудную: по какому пандусу нужно подняться и куда повернуть, если я тебя пошлю с запиской к главному управляющему?

Над первым заданием ей пришлось помучиться, зато второе она выполнила без малейшего

колебания. Все стало ясно.

На следующее утро, за ланчем, сидя бок о бок с Мемтоком, Хью через весь стол обратился к инженеру:

— Пайпс, кузен! Я насчет того замечательного чертежа, который вы подарили мне вчера. Как вы думаете, не смог бы один из ваших столяров изготовить для него раму? Мне хотелось бы повесить его над моим рабочим столом, чтобы им могли восхищаться и другие люди.

Инженер вспыхнул и широко улыбнулся:

— Конечно, кузен Хью! Красное дерево вас устроит?

— Замечательно! — Хью повернулся к Мемтоку и сказал: — Кузен Мемток, наш кузен просто хоронит свой талант среди канализационных труб. Ведь он настоящий художник. Непременно приходите ко мне полюбоваться на его работу.

— Буду рад, кузен. Как только выберу время.

Прошло уже более недели, а ни о Джо, ни о их милости не было ни слуху ни духу. Целая неделя без бриджа. Без Барбары. Наконец как-то за завтраком Мемток сказал ему:

— Кстати, все собираюсь тебе сообщить. Вернулся молодой Избранный Джозеф. Ты все еще хочешь увидеться с ним?

— Конечно! А их милость тоже вернулся?

— Нет. Их милосерднейшая сестра полагает, что он вообще может не вернуться до самого переезда. Ах, если бы ты видел, какие хоромы у нас в столице, кузен! Какой дворец! Не то что эта хибара. День и ночь суета… И ваш покорный слуга будет рад, если за целую зиму ему хоть раза три дадут спокойно поесть. Все беготня, беспокойство, суета, суета, суета… — сказал он с затаенной гордостью. — Радуйся, что ты ученый.

Через пару часов Хью известили, что Джо ожидает его. Хью знал дорогу наверх, так как не раз поднимался туда учить Избранных играть в бридж. Поэтому он отправился один.

Джо радостно приветствовал его:

— Входи, Хью! Присаживайся. Никакого протокола, потому что здесь, кроме нас, старых приятелей, никого нет. Ты только послушай, что мне удалось сделать! Парень, знал бы ты, как я был занят! Одна мастерская уже готова к действию в качестве опытного предприятия и начнет выдавать пробную продукцию еще до того, как их милость заручится покровительством. Все организовано на высоком уровне, и притом так, чтобы мы смогли начать массовый выпуск в тот день, когда выхлопочем лицензию. Усло-

вия сносные: их превосходительство получает половину, их милость — вторую половину, но полностью финансирует предприятие, я получаю десять процентов от доли их милости и управляю делами. Конечно, когда дело начнет развиваться по другим линиям — кстати, все предприятие названо «Игры, ниспосланные свыше», а лицензия составлена так, что охватывает почти все развлечения, кроме разве что постельных утех, — так вот, когда дело начнет развиваться по другим направлениям, мне понадобится помощь. Для меня это настоящая проблема. Боюсь, что Понс решит взять в долю кого-нибудь из своих придурочных родственников. Надеюсь, правда, что он этого не сделает, потому что родственные чувства неуместны, когда стараешься снизить расходы. Видимо, лучше всего подготовить к этому слуг — дешевле в долгосрочной перспективе, если правильно выбрать. Как насчет тебя, Хью? Ты мог бы управиться с фабрикой? Дело очень большое: у меня работает уже сто семь человек.

— Почему бы и нет? Раньше под моим началом бывало и в три раза больше народу, и я ни разу не перепутал платежные ведомости, а однажды у «морских пчелок» я руководил двумя тысячами человек. Но видишь ли, Джо, я пришел сюда со-

всем по другому поводу.

— Ну конечно, конечно! Выкладывай. А потом я покажу тебе чертежи.

— Джо, ты знаешь насчет Дьюка?

— А что с ним такое?

— Он оскоплен. Разве ты не знал?

— Ах да! Знал. Это случилось как раз перед моим отъездом. Надеюсь, с ним все в порядке? Осложнений не было?

— «В порядке»? Джо, ты, наверное, не понял меня… Его *оскопили*! А ты ведешь себя так, словно ему вырвали зуб. Так ты, значит, знал? И не пытался помешать операции?

— Нет.

— Но ради бога, почему?!

— Позволь мне договорить, ладно? Я ведь тоже что-то не припомню, чтобы ты со своей стороны пытался воспрепятствовать этому.

— Я просто не имел возможности. Я ничего не знал.

— И я тоже. Именно это я пытаюсь втолковать тебе, а ты все норовишь вцепиться мне в глотку. Я узнал об этом только постфактум.

— О, тогда прости. Мне показалось, ты хотел сказать, что просто стоял в стороне и не пытался помешать.

— Нет, это не так. Если бы даже я и знал, то не представляю, чем бы я мог быть полезен. Разве что попросил бы Понса сначала потолковать с тобой. Но еще неизвестно, как закончился бы такой разговор. Так что, может быть, и к лучшему, что мы остались в стороне. Ну а теперь насчет чертежей… Взгляни вот на эту схему.

— Джо!

— Что?

— Разве ты не видишь, что я не в состоянии думать сейчас о фабриках игральных карт? Ведь Дьюк — *мой сын!*

Джо свернул чертежи:

— Прости, Хью. Давай тогда поболтаем, если это облегчит твое горе. Я ведь представляю, как тебе тяжело сейчас. Выговорись, и тебя отпустит.

Джо слушал, Хью говорил. Наконец Джо покачал головой:

— Хью, в одном пункте ты можешь быть совершенно спокоен. Дьюк никогда не встречался с лордом-протектором. Так что твой совет Дьюку — хороший, на мой взгляд, совет — не имеет никакой связи с тем, что его выхолостили.

— Надеюсь, ты прав. Если бы я был уверен, что это моя вина, я бы, наверное, перерезал себе глотку.

— Но поскольку ты не виноват, то и нечего травить себя.

— Постараюсь. Джо, но что могло вынудить Понса принять такое решение? Ведь с тех пор, как нас по недоразумению чуть не кастрировали, он отлично знает, как мы к этому относимся. Так зачем ему понадобилось уродовать моего сына? А я считал его своим другом… — Джо выглядел расстроенным.

— Ты в самом деле хочешь знать правду?

— Я ее должен знать.

— Ну что же… ты ведь все равно в конце концов узнаешь. Это дело рук Грейс.

— Что?! Джо, ты, наверное, ошибаешься. Конечно, у Грейс есть недостатки. Но она никогда бы не пожелала *такого*… да еще своему собственному сыну!

— Нет, конечно нет. Я сомневаюсь, что она добивалась именно этого. Но все равно она явилась инициатором. Почти с самого дня нашего прибытия сюда она не переставая ныла Понсу, как она хочет, чтобы ее Дьюки был с ней, как она одинока без него: «Понс, я так одинока! Понси, ты совсем не любишь свою Грейси! Понси, я не отстану от тебя до тех пор, пока ты не скажешь „да“. Понси, почему ты не хочешь?» — и все таким, знаешь,

детским, плачущим голоском. Ты, Хью, наверное, не был свидетелем этих сцен…

— Ни разу не присутствовал.

— Мне хотелось свернуть ей шею. Понс почти не обращал на нее внимания, если только она не начинала щипать его. Тогда он разражался хохотом, валил ее на ковер, и они возились на полу. Потом он обычно приказывал ей замолчать, и некоторое время она сидела тихо. В общем, он обращался с нею как с одним из своих котов. Честно говоря, я не думаю, что он хоть раз… Я хочу сказать, из того, что я видел, трудно заключить, что он хоть в малейшей степени интересовался ею как…

— Я тоже не интересуюсь. А кто-нибудь предупреждал ее, что повлечет за собой воссоединение с сыном?

— Не думаю. Понсу и в голову никогда бы не пришло, что такие элементарные вещи нужно объяснять… а я уж, само собой, никогда бы не стал обсуждать с ней подобные проблемы. Да она и не любит меня, ведь я слишком часто отнимаю у нее ее милого Понси. — Джо сморщил нос. — Так что я сомневаюсь в том, что ей было это известно. Конечно, она и сама могла бы догадаться… любой другой на ее месте догадался бы; но извини

— ведь Грейс все-таки твоя жена, — я не уверен, что она достаточно умна для этого.

— Да еще упивается Счастьем — по крайней мере, я ни разу не видел ее трезвой. Конечно, она недалекого ума. Да и не жена она мне. Моя жена — Барбара.

— Ну… юридически у слуг не может быть жен.

— Я говорю не о юридически. Я говорю о том, что есть на самом деле. Но хотя Грейс мне больше не жена, я все же в какой-то степени рад, что она, возможно, не знала, чего будет стоить Дьюку воссоединение с ней.

Джо задумался:

— Хью, она, конечно, не знала… но боюсь, что оскопление сына ее мало заботит… К тому же вряд ли правильно говорить, что возвращение к матери чего-то стоило Дьюку.

— Не понимаю. Объясни; может, я малость поглупел.

— Ну, если Грейс и огорчена тем, что Дьюка оскопили, то она ничем этого не проявила. Она довольна донельзя. Он тоже, кажется, ничего не имеет против.

— А ты видел их? После всего случившегося?

— О да! Я завтракал вместе с их милостью, и они оба тоже присутствовали. Это было не далее

как вчера.

— А я думал, что Понса нет.

— Он ненадолго вернулся и снова уехал. Теперь уже на Западное побережье. Дела. Мы буквально вгрызлись в этот бизнес. Понс пробыл здесь всего пару дней. Но успел преподнести Грейс подарок на день рождения. Я имею в виду Дьюка. Да, конечно, у нее не было никакого дня рождения, к тому же здесь дни рождения не отмечают — справляются именины. Но она заявила Понсу, что собирается устроить день рождения, и приставала к нему все время. А ведь ты знаешь Понса: он снисходителен к животным и детям. Поэтому он решил сделать ей сюрприз. И тотчас же, как вернулся, подарил ей Дьюка. Черт возьми, они даже отхватили комнату в личных покоях Понса! Теперь эта парочка совсем не спускается вниз, даже ночует наверху.

— Ладно, мне безразлично, где они ночуют. Ты начал рассказывать мне, как к оскоплению отнеслась Грейс. И сам Дьюк.

— Ах да! Не могу точно сказать, когда именно она узнала о том, что с ним сделали. Однако факт, что она сердечно поговорила даже со мной, — настолько она была рада. Рассказывала мне, как милый Понси все прекрасно устроил, и убеждала,

что Дьюк выглядит просто великолепно в своих новых одеждах. И все такое. Она разодела его в ливрею вроде тех, которые носят слуги наверху. Ведь в таком рубище, как у тебя, здесь не ходят. Она даже нацепила на него украшения. Понс на все согласен. Он подарил ей Дьюка, и он теперь слуга слуги, но не думаю, чтобы он хоть палец о палец ударил. Он просто любимая игрушка Грейс. И ей это очень нравится.

— А самому Дьюку?

— Вот это-то самое интересное, Хью! Дьюк ничуть не огорчен тем, что с ним произошло. Он теперь как сыр в масле катается и осознает это. И чуть ли не покровительствует мне. Можно подумать, что это не он, а я ношу лакейскую ливрею. Имея такую защиту, как Грейс, которая, по его мнению, крутит боссом, как хочет, Дьюк решил, что устроен капитально. Ну, в общем, так и есть, Хью, и я ничего не имею против. Я понимаю, что он уже подсел на транквилизатор, который принимают слуги, и ему все видится в радужном свете.

— Так ты, значит, считаешь, что это очень хороший способ капитально устроиться?.. Когда тебя хватают, спаивают, кастрируют, а потом держат в постоянном опьянении так, что тебе на

все наплевать? Я в шоке, Джо.

— Да, я именно так считаю! Хью, постарайся отбросить свои предрассудки и взгляни на вещи трезво. Дьюк счастлив. Если не веришь, я проведу тебя, и ты сможешь поговорить с ним. Или с обоими. Как хочешь.

— Нет! Боюсь, для меня это будет слишком тяжелым зрелищем. Я согласен, что Дьюк счастлив. Но ведь если напоить человека этим чертовым Счастьем, он будет счастлив и тогда, когда ему отрежут руки-ноги и начнут перепиливать горло. Того же «счастья» можно добиться и с помощью морфия. Или героина. Или опиума. В таком «счастье» нет ничего хорошего. Это настоящая трагедия.

— О, не надо устраивать мелодраму, Хью! Все относительно. Сам рассуди: Дьюка все равно рано или поздно кастрировали бы. Держать слугу такого роста в качестве жеребца противозаконно, я уверен, ты в курсе. Следовательно, мужские способности Дьюку просто-напросто не нужны. Поэтому с практической точки зрения нет никакой разницы, когда это случится: через год, после смерти Понса — или уже случилось. Так что единственно значимым для Дьюка является то, что он счастлив и живет в обстановке роскоши, а не

надрывается где-нибудь в шахте или на рисовых полях. Он не знает ничего полезного, он не мог рассчитывать подняться куда-то высоко. Я имею в виду — высоко для слуги.

— Джо, знаешь, как ты стал разговаривать? Как какой-нибудь белый апологет рабства, рассуждающий о том, как здорово жилось раньше неграм: сиди себе перед хижиной, пощипывай струны банджо и распевай свои спиричуэлс.

Джо заморгал.

— Я мог бы на это и обидеться, — сказал он.

Хью почувствовал, что его распирает злоба. Слова его стали безжалостны:

— Давай, давай! Утверждай, что это неправда! Ведь я не могу перечить тебе. Ты теперь Избранный. А я ничтожный слуга. Масса Джо, позвольте, я поправлю ваш балахон? А в котором часу сегодня собирается клан?

— Молчать!

Хью Фарнхэм замолчал.

Джо продолжал уже спокойно:

— Я не собираюсь пикироваться с тобой. Возможно, тебе действительно все представляется в таком свете. Пусть так. Думаешь, я заплачу? Все поменялись местами — и давно пора! Раньше я был слугой — теперь я уважаемый бизнесмен,

причем у меня есть все шансы стать благодаря браку племянником в какой-нибудь благородной Семье. Неужели ты думаешь, что я теперь брошу все это? Я не смог бы пойти на попятную, даже если бы захотел. Да еще ради *Дьюка*! Я бы ни для кого не стал рисковать своим положением — я не лицемер, Хью. Когда-то я был слугой, теперь слуга — ты. Чем ты недоволен?

— Джо, но ведь ты был просто наемным работником, с которым всегда хорошо обращались. Ты не был рабом.

Глаза молодого человека внезапно погасли, а черты лица закаменели, чего Хью раньше никогда не видел.

— Хью, — тихо спросил Джо, — тебе никогда не приходилось проезжать на автобусе через Алабаму? В качестве «черномазого»?

— Нет.

— Тогда лучше помолчи. Ты просто не знаешь того, о чем говоришь. — Он нахмурился. — Ну ладно, хватит. Давай поговорим о деле. Я хочу, чтобы ты узнал, что я сделал и чем собираюсь заняться. Эта идея насчет игр — самая лучшая из когда-либо приходивших мне в голову.

Хью с интересом взглянул на Джо, однако оспаривать авторство идеи не стал. Он продолжал

слушать, в то время как молодой человек говорил, все больше распаляясь. Наконец Джо отложил перо и откинулся назад:

— Ну как тебе перспективы? Есть какие-нибудь соображения? Помню, когда я предложил это дело Понсу, ты внес кое-какие важные дополнения. Так что, если ты сможешь оставаться полезным, для тебя в моем предприятии всегда найдется теплое местечко.

Хью колебался. Ему казалось, что планы Джо слишком обширны для рынка, который был всего лишь потенциальным и спрос на котором еще только предстояло создать. Но он сказал только:

— Может быть, стоило бы с каждой колодой, не повышая цены, продавать книжку с правилами?

— О нет! Их мы будем выпускать отдельно и дополнительно заработаем на их продаже.

— Я не говорю о полном Хойле. Просто брошюрку с некоторыми играми, из самых простых. Криббедж. Парочку пасьянсов. Еще одна или две игры. Если сделать так, то покупатели сразу же смогут начать играть. Это должно привести к увеличению продаж.

— Хм… Я подумаю над этим. — Джо сложил бумаги и отодвинул их в сторону. — Хью, ты так вывел меня из себя, что я забыл поделиться с

тобой еще кое-какими соображениями.

— Слушаю.

— Понс, конечно, крепкий старик, но не может же он жить вечно. Поэтому я намерен к тому времени, когда он прикажет долго жить, заиметь свое собственное дело. Чтобы быть финансово независимым. Попробую вкладывать куда-нибудь доходы или что-нибудь в этом роде. Я думаю, тебе не нужно говорить, что я не очень-то горю желанием видеть своим боссом Мрику (сам понимаешь, эта информация должна остаться между нами). И я что-нибудь обязательно придумаю, чтобы самому стать со временем первым номером. — Он усмехнулся. — Когда Мрика займет место лорда-протектора, меня здесь уже не будет. Я удалюсь в собственное имение, скромное конечно, и мне понадобятся слуги. Догадываешься, кого я собираюсь взять туда с собой?

— Нет, не догадываюсь.

— Не тебя… хотя ты вполне мог бы стать моим слугой, ведающим бизнесом. Если, конечно, окажется, что ты действительно справляешься с делом. Нет, я имею в виду Дьюка и Грейс.

— Что?!

— Ты удивлен? Мрике они не понадобятся, это ясно. Он ненавидит Грейс из-за того влияния,

которое она имеет на его дядю, и, ясное дело, Дьюка он жалует не больше. Они оба ничему не обучены, поэтому и стоить будут совсем недорого, если только я не покажу, что заинтересован в них. Но они будут очень полезны. Они говорят по-английски, и я смогу разговаривать с ними на языке, которого больше никто не понимает. А это очень пригодится, когда кругом окажутся другие слуги. Самое же главное… В общем, пища здесь неплохая, но иногда я скучаю по какой-нибудь простой американской еде, а ведь Грейс, когда захочет, отлично готовит. Вот я и сделаю ее поварихой. Дьюк готовить не умеет, но он может научиться прислуживать за столом, открывать дверь и все такое прочее. Лакей, одним словом. Как тебе моя идея?

Хью с расстановкой сказал:

— Джо, а ведь они нужны тебе не потому, что Грейс умеет готовить.

Джо ухмыльнулся без тени смущения:

— Да, не только поэтому. Мне кажется, что Грейс будет отлично выглядеть в качестве моей кухарки, а Дьюк — моего лакея. Око за око и все такое. О, я буду гуманно обращаться с ними, Хью, можешь не беспокоиться! Если они будут с усердием работать и хорошо вести себя, никто

их не накажет. Хотя мне кажется, что пару раз наказать их все-таки придется — чтобы они знали свое место.

Он многозначительно покрутил свой хлыст:

— Должен признаться, мне будет довольно приятно немного поучить их уму-разуму. Я им кое-что должен. Три года, Хью. Три года бесконечных придирок Грейс, которая никогда ничем не была довольна… И три года этакого покровительственно-презрительного отношения со стороны Дьюка, когда он бывал дома.

Хью молчал. Джо полюбопытствовал:

— Ну? Что ты думаешь о моем плане?

— Я был о тебе лучшего мнения, Джо. Я всегда считал тебя джентльменом. Но, похоже, я ошибался.

— Вот как? — Джо положил руку на хлыст. — Ладно, бой, мы отпускаем тебя. Все.

18

Хью уходил из покоев Джо раздосадованным. Он понимал, что вел себя глупо… Это было преступно неосмотрительно. Как он мог допустить, чтобы разговор принял столь нежелательный оборот? Джо был необходим. До тех пор пока Барбара и близнецы не будут надежно укрыты в горах, Хью требовалась любая поддержка, на какую он мог рассчитывать: Джо, Мемток, Понс, кто угодно… Но на Джо Хью имел самые большие виды. Джо был Избранным. Он мог пройти куда угодно, мог рассказать Хью о том, чего он никогда бы не узнал, мог достать для него вещи, которые Хью не смог бы украсть. В крайнем случае Хью даже предполагал попросить Джо помочь им бежать.

Но после того, что между ними произошло… Идиот! Совершеннейший дурак! Рисковать судьбами Барбары и мальчиков только потому, что он не в состоянии обуздать свой чертов характер!..

Положение дел стало хуже некуда, и во многом Хью винил собственную глупость.

Тем не менее опускать руки не следовало. Он отправился к Мемтоку. Теперь, как никогда

раньше, необходимо было найти какой-нибудь способ связаться с Барбарой тайно, поговорить с ней. А это означало, что нужна партия в бридж. Пусть даже в присутствии лорда-протектора, но он поговорит с ней, хотя бы по-английски. Ход событий требуется подстегнуть.

Когда Хью подошел к кабинету главного управляющего, тот как раз выходил из него.

— Кузен Мемток, можно вас на пару слов?

Всегда нахмуренное лицо управляющего прояснилось.

— Конечно, кузен. Но только нам придется немного пройтись, ничего? Неприятности, неприятности, неприятности… Как вы думаете, можно руководить большим отделом и не утирать кому-то сопли? Ничего подобного! Слуга при морозильнике жалуется главному мяснику, тот жалуется шеф-повару, а ведь вопрос чисто технический, и, по идее, Гну следовало бы связаться с технарями и все уладить самому. Как бы не так! Все идут со своими несчастьями ко мне. Ты ведь кое-что понимаешь в инженерном деле?..

— Да, — согласился Хью, — но теперь я немного отстал. Прошло слишком много лет.

«Около двух тысяч, друг мой! Но об этом я умолчу».

— Техника есть техника. Пойдем со мной, и позволь мне воспользоваться твоей просвещенной консультацией.

«Чтобы выяснить, не лгу ли я. Ну уж нет! Да я заболтаю тебя до смерти».

— Конечно пойдем. Если только мнение ничтожного слуги может иметь какое-нибудь значение.

— Все проклятый морозильник!.. С ним каждое лето что-нибудь не так. Скорей бы вернуться во дворец!

— Да позволено будет спросить, назначена ли дата переезда?

— Позволено, позволено. Через неделю. Так что у тебя есть время подумать о том, как лучше упаковать имущество департамента и подготовиться к отъезду.

— Так скоро? — Хью постарался сохранить спокойствие. Его голос не дрогнул.

— Тебя-то что тревожит? Ведь вам и паковать-то нечего. Пару папок и немного оборудования. А ты знаешь, сколько тысяч предметов предстоит перевезти мне? Сколько всего разворовывают, теряют или просто портят эти идиоты! Дядя милостивый!

— Да, должно быть, это ужасно, — поддакнул

Хью. — Но осмелюсь напомнить, понимая вашу сверхзагруженность хлопотами: я просил вас известить меня в случае приезда их милости. А молодой Избранный сообщил мне, что их милость дня два назад приехал и уехал снова.

— Ты недоволен?

— Упаси Дядя! Я просто спрашиваю.

— Их милость действительно физически присутствовал здесь некоторое время. Но официально он не возвращался. Мне показалось, что он неважно себя чувствует, помоги ему Дядя!

— Да сохранит его Дядя! — искренне подхватил Хью. — Понятно, что при подобных обстоятельствах вы не решились испрашивать мне аудиенцию. Но осмелюсь выразить надежду на ваше участие в моей просьбе в следующий приезд их милости.

— Поговорим об этом позже. Нужно посмотреть, что там случилось у этих беспомощных…

Шеф-повар Гну и главный инженер встретили их у входа во владения Гну, и вся группа направилась в морозильник. Они прошли через кухню и попали в разделочную, где им пришлось задержаться, пока не принесли теплые одеяния, напоминающие парки. Однако Мемток отказался облачаться в ту, что ему предложили, он ворчли-

во заметил, что одежда слишком замызгана.

Разделочная кишела живыми слугами и была переполнена мертвыми тушами. На столах громоздились туши скота, груды рыбы, дичи и домашней птицы. Хью отметил про себя, что тридцать восемь Избранных и четыреста пятьдесят слуг потребляют уйму мяса. Помещение показалось ему угнетающим, хотя сам он в своей жизни забил и разделал немало животных.

Только жесткий самоконтроль, который он привык соблюдать в присутствии Мемтока и его «кузенов», не позволил ему проявить свои чувства, когда на пол перед ним упал кусок от разделываемой на столе туши.

Это была изящная, пухлая, очень женственная рука.

Хью стало нехорошо; у него заложило уши и поплыло в глазах. Он моргнул несколько раз, но рука не исчезла. Рука, очень похожая на маленькую ручку Киски…

Он осторожно вздохнул, стараясь подавить поднимающуюся в нем тошноту, и стоял отвернувшись до тех пор, пока не удалось восстановить полный контроль над собой. Ему внезапно открылась правда, до сих пор скрывавшаяся за странными намеками, двусмысленностями и

совершенно непонятными шутками.

Пока Мемток ждал чистую парку, Гну разразился нервной тирадой. Он шагнул к разделочной доске, случайно пнул ногой изящную маленькую ручку, которая отлетела в кучу отбросов, и заявил:

— Вот это мяско вам не придется пробовать, управляющий, — если, конечно, не вернется старик.

— Я всегда все пробую, — холодно заметил Мемток. — Их милость требует, чтобы стол был отменным независимо от того, здесь он или нет.

— О да, конечно, — согласился Гну. — Именно это я всегда и твержу своим поварам. Но… Да вот хотя бы этот кусок прекрасно иллюстрирует беспокоящую меня проблему. Слишком много жира. Видите, он слишком жирен и после приготовления останется таким же. А все из-за того, что это мясо самки. Хотя, на мой взгляд, самое лучшее мясо, нежное, но упругое, у мальчиков, оскопленных не позже шести лет и забитых лет в двенадцать.

— Никто твоего мнения не спрашивает, — осадил его Мемток. — Значение имеют только вкусы их милости. А он считает, что самки более нежны на вкус.

— О, конечно, конечно, я согласен! Я ничего такого особенного и не хотел сказать!

— Ладно, успокойся, Гну. В принципе, я согласен с тобой. Я просто должен был заметить, что в данном вопросе твое мнение — и мое тоже — не имеет никакого значения. Я смотрю, они уже принесли ее. Наконец-то! Они что, расшивали ее бисером?

Все надели парки и вошли морозильную камеру. Инженер, кивнувший и улыбнувшийся Хью при встрече, до сих пор не проронил ни слова. Теперь же он принялся пространно объяснять, в чем заключается «проклятая проблема замораживания». Хью отчаянно пытался сконцентрировать все свое внимание на словах Пайпса, чтобы хоть как-то отвлечься от ужасающего зрелища содержимого холодильного помещения.

Большинство хранившихся здесь тушек были говяжьими или птичьими. Но по центру комнаты на крюках висело то, что он ожидал здесь увидеть. Человеческие трупы — выпотрошенные, вычищенные и замороженные. Они свисали вниз головой, правда сами головы отсутствовали. Молодые самки и самцы, но были ли эти последние кастрированными или нет, понять теперь было невозможно.

Хью сглотнул и поблагодарил судьбу за то, что трагическая маленькая ручка дала ему возможность приготовиться и не потерять сознания.

— Ну, кузен Хью, что скажешь? — вернул его из забытья голос Мемтока.

— Что ж, я согласен с Пайпсом.

— То есть своими силами нам сейчас не справиться?..

— Я согласен не с этим выводом. — Хью, по правде говоря, мало что понял. — Инженер, несомненно, рассуждает здраво. Как он утверждает, проблему можно решить, причем радикально. Нужно отказаться от намерения чинить оборудование сейчас и, подождав с неделю, приступить к его демонтажу и полной замене.

Лицо Мемтока приобрело кислое выражение.

— Слишком дорого.

— Это со временем окупится. За несколько бычков хорошего оборудования не купишь. Экономить тут нечего. Верно, Пайпс?

Инженер радостно закивал:

— Именно это я всегда и говорил, кузен Хью! Вы абсолютно правы.

Мемток все еще хмурился.

— Ладно, подготовь расчеты. И перед тем как представить их мне, покажи кузену Хью.

— Есть, сэр!

Мемток приостановился и похлопал филейную часть подростковой тушки.

— Вот, на мой взгляд, отличное мясо. А, Хью?

— Замечательное, — согласился Хью с невозмутимым видом. — Ваш племянник? Или только один из сыновей?

Повисло ледяное молчание. Никто не шевелился, только Мемток, казалось, стал выше ростом. Он чуть приподнял свой хлыст, сжав его так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Затем он скривился и издал сухой смешок:

— Кузен Хью, ты когда-нибудь развеселишь меня до смерти своими хохмами. Ну у тебя и шутки! Эта особенно хороша. Гну, напомни мне, чтобы я не забыл рассказать ее вечером остальным.

Шеф-повар обещал обязательно напомнить и хихикнул. Инженер разразился хохотом. Мемток еще раз усмехнулся, довольно прохладно.

— Боюсь, что не вправе претендовать на столь высокую честь, Хью. Все эти тушки выращены на ранчо, поэтому среди них нет ни одного моего кузена. Да, я знаю, что в некоторых Семьях так принято, но их милость считает, что подавать к столу домашних слуг вульгарно, даже если смерть наступила в результате несчастного слу-

чая. Кроме того, слуги, не будучи уверены в своем будущем, становятся беспокойными.

— Похвально.

— Да. Приятно служить тому, кто во всем придерживается приличий. Ну ладно, хватит об этом. Мы теряем время. Хью, обратно пойдем вместе.

Когда они отдалились от остальных, Мемток спросил:

— Так что ты там хотел сказать?

— Прошу прощения…

— Будет, будет, ты сегодня что-то очень рассеян. Ты говорил вроде насчет возвращения их милости…

— Ах да! Мемток, не могли бы вы в качестве огромного личного одолжения сообщить мне о прибытии их милости сразу же? Независимо от того, официально он вернется или нет. Не просить за меня об аудиенции, а всего лишь сообщить.

«Черт возьми, время убегает, как кровь из разорванной артерии! Похоже, единственное, что остается делать, — это ползти на брюхе к Джо с унизительными извинениями и таким образом добиваться, чтобы тот замолвил за меня словечко».

— Нет, — ответил Мемток. — Не думаю, что смогу.

— Прошу прощения?.. Вас это обидело?

— Ты имеешь в виду ту остроту? О небо, конечно нет! Может быть, кому-то она и показалась бы вульгарной, и держу пари, если ее рассказать в помещениях самок, кое-кому от нее стало бы дурно. Но я, Хью, если чем и горжусь, так это тем, что у меня есть чувство юмора, — и в тот день, когда я не смогу оценить шутку только потому, что она относится ко мне, я тут же подам прошение об отставке. Нет, просто теперь настала моя очередь разыграть тебя. Я сказал: «Не думаю, что смогу». В этой фразе заключен двойной смысл. Двусмысленная, я бы даже сказал, шутка, ты понимаешь? Я не думаю, что смогу сообщить тебе, когда вернется их милость, поскольку он известил меня, что вообще больше сюда не вернется. Так что увидеть его ты сможешь только в столице… а там уж я обещаю, что скажу тебе, когда он будет на месте. — И главный управляющий игриво ткнул Хью под ребра. — Жаль, что ты не видел выражения своего лица. Моя шутка далеко не так остроумна, как твоя. Тем не менее челюсть у тебя прямо-таки отвалилась. Вот умора!

Хью извинился и ушел к себе. Вымывшись очень тщательно (гораздо тщательнее, чем обычно), он до самого обеда просидел на диване в

тупом оцепенении. Перед уходом в столовую он слегка подбодрил себя аккуратно отмеренной порцией Счастья, небольшой, но достаточной, чтобы благополучно пережить обед теперь, когда он знал, почему «свинина» так часто подается к столу Избранных. Правда, у Хью были основания предполагать, что мясо, идущее в пищу слугам, — настоящая свинина. Тем не менее он больше не намерен был есть грудинку. Равно как и ветчину, отбивные, колбасы… Видимо, придется стать вегетарианцем — до тех пор, по крайней мере, пока они с Барбарой не окажутся в горах, на свободе, а там уж придется либо есть дичь, либо умереть с голоду.

Принятая доза Счастья вполне позволила ему улыбнуться, когда Мемток дегустировал жаркое, предназначенное наверх, и спросить:

— Ну как? Жирновато?

— Хуже обычного. Гну совсем распустил своих лодырей. Попробуй.

— Нет, спасибо. Я и так представляю. Я сам, пожалуй, смог бы готовить лучше. Но я, конечно же, был бы ужасно строгим шеф-поваром. И даже жестким. Хотя, возможно, кузен Гну сумел бы меня смягчить. Тушением на медленном огне или…

Мемток так расхохотался, что даже подавился.

— Ой, Хью, не смей меня больше смешить за едой. А то ты когда-нибудь уморишь меня до смерти.

— Ваш покорный слуга нижайше надеется, что этого никогда не произойдет. — Хью поковырял кусочек мяса в тарелке, отодвинул его в сторону и съел несколько орехов.

Вечером он засиделся в кабинете допоздна. Киска уже заснула, а он все еще составлял письмо. Ситуация требовала немедленного извещения Барбары, а сейчас это было возможно только через Киску. Задача заключалась в том, чтобы Барбара без предупреждения догадалась, что послание закодировано, смогла расшифровать его и была бы единственной, способной сделать это. Та причудливая языковая смесь, которой он воспользовался в прошлый раз, на сей раз не годилась — он должен был передать Барбаре инструкции, в которых бы она не пропустила ни одного слова и однозначно истолковала малейшие оттенки смысла изложенного.

В итоге письмо приобрело следующий вид:

Милая!
Если бы ты была рядом, то я с удоволь-

ствием поболтал бы с тобой немного о литературе. Ты, конечно, помнишь, что я люблю творчество Эдгара По. Можешь вспомнить и то, как я называл его единственно достойным автором таинственных историй. Прочитать, а затем перечитывать его – сущее удовольствие, поскольку с одного раза По не раскусишь. Ответь-ка попробуй сразу на все вопросы, возникающие по ходу дела в его «Золотом жуке», «Убийстве на улице Морг» или в «Пропавшем письме», да и в любом другом его произведении! Таким же образом – то есть по нескольку раз – стоит перечесть почти всего По. Способом, который один только и может раскрыть читателю окончательно все потаенные мысли писателя, является внимательное чтение каждой фразы с самого первого слова, а не вскользь. Конец нашего разговора об этом действительно великом и многогранном человеке мог бы наступить еще не скоро, но, увы, уже поздно, поэтому приходится завершать послание; в следующий раз предлагаю обменяться мнениями о творчестве Марка Твена.

С любовью…

Поскольку Хью никогда раньше не обсуждал с Барбарой творчество Эдгара Аллана По, он был совершенно уверен, что она начнет искать в письме скрытое сообщение. Вопрос был в том, сможет ли она его обнаружить. Тайное послание должно было читаться так:

ЕСЛИ ТЫ МОЖЕШЬ ПРОЧИТАТЬ ОТВЕТЬ ТАКИМ ЖЕ СПОСОБОМ КОНЕЦ.

Если

Ты

Можешь

Прочитать,

Ответь

Таким же

Способом

Конец

Хью уничтожил черновики письма и задумался. Теперь ему предстояло еще более рискованное дело. Сейчас он без раздумий предложил бы вечное блаженство плюс десять центов в придачу за

обыкновенный фонарик. Или даже за обычную свечу. Апартаменты Хью освещались полупрозрачными сферами, расположенными по углам потолка. Принцип работы этих устройств был Хью совершенно непонятен. Они не нагревались, не нуждались, похоже, в проводке и вообще во внешнем источнике питания. А яркость регулировалась небольшими рычажками.

Подобный светильник, только размером с мячик для гольфа, был вмонтирован в ридер. Освещение регулировалось поворотом самого светильника, поэтому Хью решил, что это как-то связано с поляризацией света. Он попытался вынуть светильник из ридера. Это оказалось непростой задачей. В конце концов Хью пришлось сломать верхнюю панель. И вот светящийся шар оказался у него в руках, однако яркость перестала поддаваться регулировке. Это было почти так же плохо, как и отсутствие освещения.

Хью недолго думая спрятал импровизированный фонарь под мышкой. Свет пробивался наружу сквозь рукав балахона, но уже не с такой силой.

Он удостоверился, что Киска спит, погасил сферы в комнатах, приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Коридор освещался только одним

светильником на столбике, находившемся на пересечении проходов, ярдах в пятидесяти. К сожалению, идти нужно было именно в том направлении. Хью не ожидал, что в это время еще работает освещение.

Он дотронулся до накрепко привязанного к левой руке «оружия» — некоего подобия ножа, который он заострил с помощью камня, подобранного возле садовой дорожки, и обмотал скотчем вместо рукоятки. Чтобы довести его до ума, над ним надо было еще работать и работать. Однако возможности Хью были ограниченны: трудиться приходилось украдкой — по ночам, когда Киска уже засыпала, или выкраивать время днем, пренебрегая переводами. Но все-таки иметь хоть какое-то оружие было необходимо, тем более что оно было для него всем: и ножом, и стамеской, и отверткой, и фомкой.

Нужный Хью люк, ведущий в туннель обслуживания, находился в проходе, тянувшемся от освещенного перекрестка вправо. В принципе, годился любой люк, но этот был расположен на пути к комнате ветеринара. Так что, если его застигнут, у него будет наготове оправдание, что у него внезапно разболелся живот и он идет к врачу.

Крышка люка легко откидывалась на шарнире. Запиралась она защелкой, которую всего-навсего нужно было повернуть, чтобы открыть крышку. Хью осветил шахту люка сияющей сферой: дно туннеля находилось на глубине около четырех футов. Он полез вниз и столкнулся с первой неприятностью.

Эти люки и туннели предназначались для людей, которые были на фут ниже и фунтов на пятьдесят легче Хью Фарнхэма. Поэтому диаметр лаза был рассчитан на соответствующую ширину плеч и бедер, а также длину рук, ног и тому подобное.

Но он должен одолеть этот чертов туннель!

Хью попытался представить себе, как он будет протискиваться по нему, имея на руках по крайней мере одного грудного ребенка. Но и с этим он обязан справиться. И он справится обязательно.

Он едва не поймал сам себя в ловушку. Буквально в самый последний миг, почти скрывшись в шахте люка, он обнаружил, что на внутренней стороне крышки, абсолютно гладкой, нет никакой ручки, а запор защелкивается снаружи автоматически.

Теперь Хью понял, почему никто не беспокоился по поводу возможного внезапного появления

жеребца в женских помещениях. Но это было и значительным преимуществом. Хью сразу оценил его. Если все будет спокойно на другом конце туннеля, то он заберет Барбару, они вчетвером спустятся в туннель, выберутся по нему наружу в любом доступном месте и направятся в горы пешком. Нужно будет добраться до них до света, отыскать какой-нибудь ручей и часть пути пройти по воде, чтобы сбить со следа собак.

Итак, вперед, и только вперед! Без пищи, практически с голыми руками, если не считать самодельного ножа, без какого-либо снаряжения, кроме еды и «ночной рубашки», и без всякой надежды на лучшее… Вперед! Или спасти семью, или погибнуть вместе с ней. Но погибнуть *свободным*!

Кто знает, может быть, в один прекрасный день его сыновья-близнецы, которые, закалившись в борьбе за существование, наверняка будут в чем-то мудрее его, возглавят восстание против царящих здесь ужасов. Но все, что было в его силах сделать, все, на что он мог надеяться, — это освободить детей, не дать им умереть с голоду и постараться вырастить их сильными, гордыми, полноценными мужчинами.

Или погибнуть.

Таковы были его планы. Он не стал терять ни минуты на сетования по поводу пружинного запора. Это просто значило, что он обязательно *должен* связаться с Барбарой и назначить время, потому что ей самой придется возиться с люком на своем участке туннеля. А сегодня он должен только провести рекогносцировку.

Клейкая лента, из которой он сделал рукоятку ножа, как выяснилось, прекрасно удерживала защелку в открытом положении. Он попробовал: защелка не выдвигалась. Теперь крышку можно было открыть изнутри.

Но ставший почти звериным инстинкт самосохранения подсказал ему: лента не выдержит до тех пор, пока он вернется, и тогда он окажется в ловушке.

Следующие полчаса он в поте лица ковырял защелку ножом и пальцами, держа светящийся шарик в зубах. В конце концов ему удалось сломать пружину. Тогда он полностью вынул защелку. Люк внешне выглядел абсолютно нормально, но теперь его можно было открыть изнутри одним толчком.

Только тогда Хью спустился внутрь и закрыл его над собой.

Он попробовал ползти по туннелю на четве-

реньках, держа светильник в зубах, но почти сразу остановился. Проклятый балахон мешал ему продвигаться! Он подоткнул его до талии, но балахон упорно сползал обратно.

Тогда он вернулся к шахте люка, снял с себя упрямое одеяние, оставил его здесь и, обнаженный, с привязанным к руке ножом и светильником во рту, снова устремился к цели. Теперь продвигаться было легче, но полностью встать на четвереньки ему так и не удалось. Руки в локтях приходилось сгибать и ползти на карачках, с неудобно задранным задом. «Приятным сюрпризом» оказались места пересечения трубопроводов, которые Хью преодолевал буквально на брюхе.

Было трудно определить осиленное расстояние. Однако, как выяснилось, через каждые тридцать или около того футов по стенкам туннеля проходили швы. Он стал считать их и попытался в уме сопоставить пройденное расстояние со схемой.

Нужно проползти два люка… На следующем люке поворот налево в перекрестный туннель… Проползти еще около ста пятидесяти футов и повернуть направо…

Приблизительно через час он оказался под люком, который, по его мнению, был ближайшим

к Барбаре.

Если только он не заблудился в недрах дворца… Если он правильно помнил сложную схему… Если схема была точной (может быть, за последние две тысячи лет все-таки научились своевременно вносить поправки в чертежи?)… Если только Киска не ошиблась в определении местонахождения Барбары… Если Барбара еще находилась там же…

Скрючившись в немыслимой позе, Хью приложил ухо к крышке люка.

Он услышал детский плач.

Минут через десять он услышал тихие женские голоса. Они приблизились, прошли над ним, и кто-то наступил на крышку.

Хью приготовился возвращаться и попытался развернуться. Места было так мало, что самым разумным казалось ползти обратно задом наперед, каковым способом он и попытался продвигаться.

Но это было настолько неудобно, что он вернулся к шахте и там, ценой невероятных усилий и ободранной кожи на боках, сумел развернуться…

Обратный путь показался ему вечностью. Он даже решил, что потерялся, и начал раздумывать, от чего умрет скорее — от голода или от жажды? Или может быть, какой-нибудь ремонтник утром

испытает нервное потрясение, обнаружив его здесь?

Тем не менее он упорно продолжал ползти.

Руки его наткнулись на балахон раньше, чем он разглядел его.

Пятью минутами позже он был одет, а через семь минут (он долго ждал, прислушиваясь) уже стоял в коридоре. Он буквально заставил себя не пуститься бегом в свои апартаменты.

Киска не спала.

Он и не подозревал об этом до тех пор, пока она не вошла вслед за ним в ванную. Широко раскрыв глаза, Киска с ужасом произнесла:

— О, дорогой мой! Бедные колени! Бедные локти!

— Я споткнулся и упал.

Она не стала спорить, а только настояла на том, что сама вымоет его и смажет ссадины. Когда затем она было устремилась к грязной одежде Хью, он резко приказал ей отправляться в постель. Он ничего не имел против того, чтобы она занялась его балахоном, но в нем лежал нож; ему и так пришлось долго маневрировать, заслоняя собой замызганное рубище, прежде чем удалось прикрыть нож складками одежды.

Киска молча удалилась. Хью спрятал нож в свой

тайник (слишком высоко для Киски), вернулся в комнату и обнаружил, что малютка плачет. Он стал гладить ее и виноватым тоном сказал, что не хотел быть с ней грубым, потом налил ей в утешение дополнительную порцию Счастья. Затем он посидел с ней до тех пор, пока она не забылась в безмятежном сне.

После выпавших на его долю испытаний он даже и не стал пытаться заснуть без наркотика. Киска дремала, выпростав одну руку из-под одеяла. Ее ручка зримо напоминала Хью о той, которую он увидел полдня назад на полу в разделочной.

Он совершенно выбился из сил, и напиток сразу же усыпил его. Но покоя не было и во сне. Ему приснилось, что он на званом обеде, при черном галстуке и одетый соответствующим образом. Но вот только меню ему что-то не нравилось. Венгерский гуляш… французское жаркое… китайская лапша… луизианский сэндвич… фермерская грудинка… эскимосская строганина — но все это было «жирной свининой». Хозяин дома настаивал, чтобы он попробовал каждое блюдо. «Ну же, ну! — подбадривал он с леденящей улыбкой на устах. — Откуда вы знаете, что вам это не понравится? Ставлю три к одному, что ты научишься

любить такую еду».

Хью стонал во сне, но никак не мог проснуться.

Утром Киска ни о чем не спрашивала, за что совершенно разбитый Хью был ей весьма признателен. Двух часов кошмарного сна было явно недостаточно, но он должен был идти в свой кабинет и делать вид, что работает. Там он просто сидел, уставившись на схему над рабочим столом, и даже не пытался смотреть на экран включенного ридера. После ланча он ускользнул к себе и попытался вздремнуть. Но в дверь осторожно постучал инженер и, рассыпавшись в извинениях, попросил взглянуть на смету холодильной установки. Хью налил гостю дозу Счастья и сделал вид, что внимательно изучает ничего не говорящие ему цифры. Когда прошло достаточное количество времени, он похвалил молодого человека и написал Мемтоку записку, в которой рекомендовал смету к утверждению.

В письме Барбары, которое он получил вечером, всячески приветствовалась идея организации литературно-дискуссионного клуба по переписке и содержались весьма интересные мысли о творчестве Марка Твена. Но Хью интересовали только первые слова предложений: «Я ПРАВИЛЬНО

ПОНЯЛА ТЕБЯ МИЛЫЙ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК».

Я Правильно

Поняла Тебя

Милый

Вопросительный

Знак

19

ДОРОГАЯ МЫ ДОЛЖНЫ БЕЖАТЬ НА ТОЙ НЕДЕЛЕ ИЛИ ДАЖЕ РАНЬШЕ БУДЬ ГОТОВА В НОЧЬ ПОСЛЕ ПИСЬМА СОДЕРЖАЩЕГО СЛОВА СВОБОДА ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОДИНОЧЕСТВО.

Дорогая

Мы

Должны

Бежать

На

Той

Неделе

Или

Даже

Раньше

Будь

Готова

В

Ночь

После

Письма
Содержащего
Слова
Свобода
Прежде
Всего

Одиночество.

В течение следующих трех дней письма Хью к Барбаре были длинными, и в них обсуждалось все что угодно, начиная с того, как Марк Твен пользуется лексическими идиомами, и кончая влиянием прогрессивных методов обучения на расшатывание грамматических норм. Ее ответы, продолжавшие литературную тему, также были пространными. В них подтверждалось, что она все поняла и в назначенное время будет готова открыть люк, сообщалось, что у нее есть небольшой запас еды, но нет ни ножа, ни обуви, но последнее не беда, так как подошвы ее ног сильно огрубели, и что единственное, о чем она беспокоится, — чтобы не расплакались близнецы или не проснулись соседки по комнате, особенно две из них, которые еще кормят своих детей по ночам грудью. Но пусть Хью ни о чем не беспоко-

ится — она постарается все устроить.

Хью решил спрятать свежую бутылку Счастья в люке, ближайшем к комнате Барбары. В письме он велел ей сказать соседкам по комнате, что бутылку она украла, и напоить их так, чтобы они не просыпались, а если проснуться, чтобы могли только хихикать, и, если получится, также дать и близнецам немного, чтобы те не плакали, в какие бы передряги ни попали.

Лишний раз рисковать, относя бутылку, Хью смертельно не хотелось. Но он ухитрился извлечь из этой вылазки пользу. Он не только засек время и запомнил все изгибы лабиринта до мельчайших подробностей, но и взял с собой набитый свитками куль, который наверняка был значительно тяжелее ребенка. Куль он привязал к груди полоской материи, оторванной от чехла, закрывавшего ридер. Две такие подвязки, одну для себя, другую для Барбары, он изготовил с учетом того, чтобы привязанного ребенка можно было нести и за плечами.

Эксперимент показал, что транспортировать детей таким образом довольно трудно, но возможно. Хью отметил для себя места, где нужно быть особенно осторожным и продвигаться потихоньку, чтобы не придавить «драгоценную

ношу» и не зацепиться за что-нибудь.

Отрепетировав бегство и убедившись, что принципиальных трудностей нет, он вернулся к себе. Киска на сей раз не проснулась — он предусмотрительно угостил ее увеличенной дозой Счастья. Хью вернул на место свитки, спрятал нож и светильник, промыл колени и локти и смазал их, затем сел и написал длинный постскриптум к письму Барбаре, в котором объяснил, как найти бутылку. В послании высказывались некоторые соображения по поводу философских воззрений Хемингуэя и отмечалось, что, как ни странно, в одном из своих произведений писатель говорит, что «свобода — это прежде всего одиночество», а в другом утверждает прямо противоположное…

На следующий вечер он вновь дал Киске усиленную дозу Счастья, сказав, что в бутылке осталось совсем немного и ее нужно допить, а затем он принесет новую.

— Но тогда я совсем поглупею, — пробормотала Киска. — И перестану нравиться вам.

— Пей, пей! И не говори чепуху. Для чего же и жить, как не для удовольствия?

Через полчаса Киска уже не могла без посторонней помощи добраться до постели. Хью побыл с нею до тех пор, пока она не начала всхрапы-

вать. Потом встал, бережно прикрыл ее одеялом, некоторое время постоял, с жалостью глядя на малютку, потом внезапно опустился на колени и поцеловал на прощание.

Через несколько минут он уже спускался в люк.

Там он снял балахон, сложил в него все, что ему удалось достать, — пищу, обувь, парик, две баночки с кремом, в который был добавлен коричневый пигмент. Хью не очень-то рассчитывал на грим и особо не верил в него, но в случае, если рассвет их застигнет до того, как они дойдут до гор, он собирался загримировать всех, сделать из балахонов какое-то подобие штанов и накидки, которые, как ему известно, были обычной одеждой свободных крестьян-Избранных — «нищего черного отребья», как называл их Джо, — и попытаться продержаться таким образом, избегая по возможности случайных встреч, до темноты.

Одну из подвязок он нацепил на себя, другую положил в тючок и пополз. Он торопился, так как время теперь решало все. Если даже Барбаре удастся быстро подпоить соседок по комнате, если повезет без осложнений спуститься в туннель, если передвижение по нему займет не более часа (что проблематично при наличии детей) —

все равно им не выбраться за пределы имения раньше полуночи. Так что в распоряжении у них будет всего пять часов до рассвета, за которые они должны добраться до гор. Интересно, смогут ли они продвигаться со скоростью три мили в час? Вряд ли, поскольку обуви у Барбары нет, на руках у них будут близнецы, местность им незнакома, а ведь идти придется в темноте. Горы — их было видно из окон — начинались милях в пятнадцати от имения. Им предстоит очень тяжелое путешествие, даже если события будут разворачиваться по плану.

Хью протискивался по туннелю, не жалея локтей и коленей…

Добравшись до места, где была припрятана бутылка, он с удовлетворением отметил, что она исчезла. Тогда он расположился поудобнее и, стараясь унять бешено бьющееся сердце, попытался замедлить дыхание, расслабиться и ни о чем не думать.

Это помогло. Он начал даже впадать в легкую дремоту, но мгновенно пришел в себя, увидев, как поднимается крышка люка.

Барбара действовала совершенно бесшумно. Она передала ему одного из сыновей, которого он сразу же положил подальше в туннель, затем

второго — он разместил его рядом с первым. Потом протянула трогательный маленький узелок с пожитками и прикрыла крышку люка.

Как только Барбара оказалась внизу, он поцеловал ее.

Она, всхлипывая, прильнула к нему. Хью сурово прошептал ей на ухо, чтобы она не шумела, и объяснил, что делать. Она тут же затихла: им предстояла нелегкая работа.

В тесной шахте подготовиться к продвижению было мучительно трудно. Здесь негде было развернуться и одному, не говоря уже о двоих. Только безвыходность положения позволила им сделать все, что нужно. Сначала Хью помог Барбаре вылезти из короткой туники, которую носили самки, затем она легла ногами в туннель, и он надел на нее одну из подвязок и пристроил в подвязку одного из близнецов, основательно затянув узлы, чтобы ребенок в своем «гамаке» лежал как можно выше от пола. Укрепив другого ребенка на себе, он соорудил из одежды Барбары узелок и привязал его рукавами к своей левой лодыжке, чтобы при движении тот волочился за ним. Он планировал обвязать его вокруг своей талии, но рукава оказались слишком короткими.

Когда все это было закончено (ему показа-

лось, что прошли часы), Барбара отползла еще дальше назад, и он, с неимоверными усилиями развернувшись в узкой шахте люка, ухитрился оказаться в нужном положении в туннеле, не ушибив при этом маленького Хьюи. Или, может быть, это был Карл Джозеф? Он забыл спросить. Во всяком случае, почувствовав тельце ребенка, прижатое к его собственному телу, услышав мирное посапывание мальчика, Хью ощутил прилив свежих сил и отваги. Видит Бог, они справятся! Всякий, кто встанет у них на пути, погибнет.

Он пополз вперед, держа светильник в зубах и стараясь передвигаться как можно быстрее. Он не задерживался, чтобы подождать Барбару, так как заранее предупредил ее, что не остановится, если она не позовет его.

Она так ни разу и не окликнула его. Однажды с его ноги соскользнул узелок. Они приостановились, и Барбара снова привязала его. Это и стало их единственной передышкой. Скорость перемещения была неплохой, но Хью снова показалось, что прошла целая вечность, прежде чем они наткнулись на торбу с припасами, которую он оставил возле своего люка.

Отвязав детишек, измученные беглецы перевели дух.

Хью помог Барбаре приспособить перевязь так, чтобы ребенка теперь можно было нести на спине, и объединил их припасы в один общий узел, оставив при себе нож, балахон и светильник. Он показал, как нужно держать светящийся шарик во рту и, раздвигая губы, выпускать между зубами наружу тоненький лучик света, потом передал его Барбаре. Она опробовала фонарик.

— Выглядит жутко, — прошептал он. — Как тыква на Хеллоуин. А теперь слушай внимательно. Я сейчас вылезу. Будь готова передать мне одежду. Я должен произвести разведку.

— Я могу помочь тебе одеться прямо здесь.

— Нет. Если меня застукают выбирающимся из люка, будет драка, и балахон замедлит мои движения. Да он, в принципе, и не понадобится до тех пор, пока мы не дойдем до кладовой, где у меня намечена следующая остановка. Если наверху все тихо, то ты должна будешь осторожно передать мне наши пожитки и ребенка. Учти, потом тебе придется нести и его, и наши вещи — мне нельзя занимать руки. Понимаешь, милая, я не хотел бы никого убивать, но, если кто-нибудь встанет нам поперек дороги, ему несдобровать. Ты понимаешь меня?

Она кивнула:

— Значит, я понесу все? Хорошо, я справлюсь, муж мой.

— Сейчас мы пойдем быстро. До кладовой недалеко, пара кварталов, и, скорее всего, по пути мы никого не встретим. Я взломал замок сегодня днем, сунул туда жвачку Киски. Как только окажемся внутри, перепакуем вещи и посмотрим, не подойдут ли тебе мои сандалии.

— За мои ноги не беспокойся, с ними все будет в порядке.

— В таком случае будем надевать сандалии по очереди. У кладовой мне придется заняться замком на двери доставки — с неделю назад я приметил там кусок арматуры. Он должен быть на месте. Короче говоря, я сломаю замок, а потом мы быстро-быстро двинемся в путь. Наше исчезновение обнаружится только за завтраком, потом потребуется некоторое время, чтобы удостовериться в нашем побеге, и еще больше времени, чтобы организовать погоню. У нас все получится.

— Конечно получится.

— И еще одно… Когда я возьму у тебя одежду и закрою крышку, оставайся на месте. Сиди тихо и не выглядывай из люка.

— Хорошо.

— Меня может не быть примерно час. Не исключено, что придется симулировать боль в животе и заходить к ветеринару. Тогда я вернусь, как только смогу.

— Ладно.

— Барбара, в крайнем случае тебе придется ждать двадцать четыре часа. Не дай бог, конечно. Ты сможешь столько пробыть здесь и все это время не давать малышам плакать? Если потребуется?

— Я готова на все, Хью.

Он поцеловал ее.

— А теперь верни светильник обратно и спрячь свет. Я хочу выглянуть наружу.

Хью чуть приподнял крышку и снова опустил ее.

— Очень удачно, — прошептал он. — Даже фонарь погасили. Ну, я пошел. Будь готова передать мне вещи. Но прежде всего Джо. И смотри не выдай себя ничем.

Он поднял крышку, беззвучно откинул ее, подтянулся и выбрался в коридор.

Яркий луч света ударил ему прямо в глаза.

— Довольно, — сухо сказал кто-то. — Ни с места.

Хью настолько молниеносно ударил ногой

по руке, державшей хлыст, что обладатель не успел им воспользоваться. Хлыст отлетел в сторону. Хью рванулся и нанес подстерегавшему два сокрушительных удара ребром ладони: раз! два! — этого оказалось достаточно, шея противника была сломана, как описывалось в учебнике.

Хью наклонился над люком:

— Давай! Быстро!

Барбара подала ему ребенка, затем багаж. После этого он протянул ей руку и помог выбраться наверх.

— Посвети, — прошептал он. — А то его фонарь погас, а мне нужно избавиться от тела.

Она посветила ему.

Мемток…

Хью с горестным изумлением покачал головой, опустил тело в люк и закрыл крышку. Барбара была уже наготове: один ребенок прочно привязан за спиной, другой — в левой руке, в правой — вещи.

— Пошли! Держись сразу за мной!

Он дошел до перекрестка, нащупывая стену кончиками пальцев.

В кромешной тьме Хью так и не понял, откуда его достали разрядом хлыста. Нестерпимая жгучая боль пронзила все его тело, и он провалился

в беспамятство.

20

Долгое время мистер Фарнхэм не чувствовал ничего, кроме боли. Когда она немного отпустила его, он обнаружил, что находится в камере, наподобие той, в которой он провел первые дни в имении лорда-протектора.

Он пробыл в ней три дня. По крайней мере, так ему показалось, потому что кормили его за это время шесть раз. Перед тем как ему приносили пищу или приходили опорожнить его горшок (из камеры его не выпускали), его обволакивала невидимая паутина. Потом кто-то входил, оставлял пищу, менял парашу и уходил. Слуга, который делал все это, не отвечал ни на какие вопросы.

На четвертый день, утром, невидимая паутина схватила его совершенно неожиданно (только что была кормежка), и в камеру вошел его старый знакомый и «кузен» — главный ветеринар. У Хью были более чем веские основания подозревать причину его визита, и он стал требовать, чтобы его отвели к лорду-протектору, перейдя в конце концов на крик.

Врач никак не отреагировал на его бурное

возмущение. Он вколол что-то Хью в бедро и вышел.

Хью с облегчением отметил, что сознания он не потерял, но, когда поле исчезло, он почувствовал, что все равно не может шевельнуться и впадает в тяжелое оцепенение. Через некоторое время вошли двое слуг, подняли его и положили в какой-то ящик, похожий на гроб.

Хью смутно ощущал, что его куда-то несут. С ним обращались небрежно, но не грубо. Тряски он не испытывал и только дважды почувствовал, как ящик куда-то поднимали. Затем ящик поставили и через несколько минут (часов? дней?) подхватили и снова понесли. В конце концов он оказался в другой камере, которая отличалась от первой только тем, что стены в ней были светло-зелеными, а не белыми. Вскоре состояние оцепенения покинуло его, но когда слуга принес пищу, Хью снова был опутан паутиной невидимого поля.

Однообразное, аморфное существование длилось сто двадцать два кормления. Хью отмечал их, обкусывая ногти на руках и нанося царапины на тыльной стороне левой руки. Это занимало у него меньше пяти минут каждый день; он бесплодно проводил остальную часть своего вре-

мени, беспокоился, иногда спал. Сон был гораздо хуже бодрствования, потому что во сне он снова и снова совершал побег и каждый раз его ловили — правда всегда в разных местах. Иногда ему не приходилось убивать своего друга главного управляющего. Дважды во сне им с Барбарой удавалось добраться до самых гор, прежде чем их настигала погоня. Но рано или поздно их все равно ловили. В этот момент Хью обычно с криком просыпался, зовя Барбару.

Больше всего он беспокоился о ней и о близнецах, хотя малыши были для него какими-то не совсем реальными. Ему ни разу не приходилось слышать, чтобы самку за что-нибудь серьезно наказывали. Но ему также никогда не приходилось слышать о самке, замешанной в покушении на убийство или убийстве. Возможно, такое случалось, он просто не знал. Зато он знал, что лорд-протектор предпочитает к столу мясо самок.

Он старался убедить себя, что старик Понс ничего не сделает с женщиной, которая кормит грудью, — а кормить ей предстояло еще долго. Прислуга обычно растит детей до двух лет, как ему было известно со слов Киски.

Он беспокоился и насчет Киски. Не накажут

ли малышку за то, к чему она практически не имела никакого отношения? Здесь наказывают невинных свидетелей? И опять он ни в чем не мог быть уверен. В этом мире существовало свое понимание правосудия, это была основная догма религиозных писаний. Но она так мало напоминала концепцию правосудия его собственной культуры, что он почти ничего не понимал в этих текстах.

Бóльшую часть времени он проводил в «конструктивном» самобичевании, то есть размышлял о том, что ему следовало бы сделать, а не о том, что он сделал в действительности.

Теперь он видел, что его планы были просто смехотворными. Ему не стоило так быстро поддаваться панике и торопиться с побегом. Куда лучше было бы упрочить связь с Джо, ни в чем не противоречить ему, играть на его тщеславии, работать на него, а тем временем добиваться, чтобы он согласился откупить Барбару и ее детишек. Джо был располагающим к себе человеком, а старый Понс — весьма щедрым, поэтому он мог бы даже не продавать Джо трех бесполезных слуг, а просто подарить их. Тогда мальчикам на протяжении многих лет ничего не угрожало бы (и, возможно, им вообще ничего бы не грозило, если

бы они принадлежали Джо), а со временем Хью вполне мог бы рассчитывать стать доверенным слугой, занимающимся деловыми операциями и имеющим право свободного доступа куда угодно по делам своего повелителя. В таком случае он изучил бы все пружины, приводящие в действие механизмы этого мира, как никакой другой домашний слуга, и уж тогда наверняка смог бы спланировать побег, который оказался бы удачным.

Какое бы общество ни создал человек, напомнил он себе, в нем всегда можно рассчитывать на власть денег. Слуга, имеющий с ними дело, всегда найдет способ немного украсть. Возможно, здесь тоже существовало что-то вроде «подпольной железной дороги», по которой беглецов переправляют в горы. Как все-таки глупо, что он поторопился!

Обдумывал он и другие перспективы, более широкие, — восстание рабов, например. Он представлял себе туннели, использующиеся не для побега, а как место, где тайно обучают грамоте; слышал произносимые шепотом клятвы, столь же могущественные, как у африканских последователей Мау-Мау, связывающие заговорщиков как кровных братьев. В их списках напротив

имени каждого Избранного будут стоять метки их персональных палачей-рабов, терпеливо вытачивающих из кусков металла ножи.

Эта «конструктивная» мечта нравилась ему больше всего. Но почему-то слабо верилось в то, что она может воплотиться. Неужели эти покорные овцы когда-нибудь созреют для восстания? Правда, его отнесли к тому же виду, но исключительно из-за цвета кожи. На самом же деле он и слуги были совершенно разной породы. Столетия направленной селекции сделали свое дело: Хью отличался от любого представителя этой безликой массы так же, как лесной волк от комнатной собачки.

И все же… И все же откуда ему знать? Ведь он общался только с оскопленными слугами, а те немногие жеребцы, которых он видел, были оглушены лошадиными дозами Счастья. Неизвестно еще, как влияло на боевой дух мужчин то, что они лишались больших пальцев в самом раннем возрасте и что их постоянно подгоняли хлыстами.

Часто Хью размышлял над вопросами расовых различий или, вернее, об абсурдной идее «равенства рас». Этот вопрос никогда не исследовался с научной точки зрения. Слишком много эмоций обуревало и ту и другую сторону. Никому не нуж-

ны были объективные данные.

Хью вспомнил район Пернамбуку, который он посетил, отбывая службу на флоте. Владельцами богатых плантаций там были преисполненные собственного достоинства, выхоленные, получившие образование во Франции черные, в то время как слугами и рабочими на их полях — плутоватые, задиристые, явно не способные ни на что другое, кроме как батрачить, — были белые. Хью редко решался рассказывать этот анекдот в Штатах: ему почти никогда не верили и почти всегда обижались — даже те из белых, которые кичились тем, что являются сторонниками «движения за оказание помощи американским неграм в самосовершенствовании». У Хью создалось впечатление, что почти все эти «гуманные» сердца желали, чтобы жизнь негров улучшилась *почти* до уровня их собственной жизни, чтобы можно было с легкой совестью забыть о них, но они совершенно не могли принять мысль, что их отношения с неграми могут поменяться на обратные.

Хью знал, что положение вещей может быть совершенно иным. В Пернамбуку он это видел, а теперь испытывал на своей шкуре.

Знал Хью и то, что даже в проблеме расовой

принадлежности все было не так просто. Многие граждане Рима были черны как смоль, а многие рабы могли бы быть приведены Гитлером в качестве эталона арийской расы. Поэтому в крови любого «белого» европейского происхождения наверняка была капелька негритянской. А зачастую — и гораздо больше капельки. Как же звали того сенатора с Юга, который сделал себе карьеру на пропаганде доктрины о превосходстве белого человека?.. Хью узнал забавный факт: этот человек умирал от рака и перенес множество переливаний крови. У него была такая группа крови, что с шансами двести к одному можно было говорить уже не о малой толике негритянской, а о целой бочке ее. Флотский хирург как-то с восторгом рассказал об этом Хью и подтвердил свой рассказ медицинской литературой.

Тем не менее эта запутанная проблема, похоже, *никогда* не будет решена, потому что вряд ли кому-то нужна правда.

Взять хотя бы простой пример. Хью, как и большинство его современников, считал, что негры в общем-то были лучшими певцами, чем белые. И те же самые люди, которые громче других кричали о «равенстве рас», будь то негры или белые, казалось, были просто счастливы признать, что

чернокожие в этом обладают превосходством. Поэтому все заверения в стремлении к равенству, с какой бы стороны они ни звучали, были столь же лицемерными, как заповедь из «Скотного двора» Оруэлла: «Все животные равны, но некоторые равнее».

Что ж, он-то знал, кто сейчас считается представителем «низшей расы», несмотря на то что статистически тоже имеет свою примесь черной крови. Этого парию зовут Хью Фарнхэм. Теперь он был полностью согласен с Джо: когда кругом неравенство, лучше быть где-то наверху!

На шестьдесят первый день (если он действительно был таковым), проведенный им в новой камере, за ним пришли, вымыли его, остригли ногти, умастили тело ароматическим кремом и представили пред очи лорда-протектора.

Хью испытывал унижение от своей вынужденной наготы, но справедливо заключил, что это оправданная мера: следовало предупредить малейшее угрожающее движение пленника, который столь опасен, что может убивать даже голыми руками. Сопровождали его два молодых Избранных, которые, как счел Хью, были военными. Их хлысты, отличные от «погонялок» слуг, явно не были бутафорскими.

Путь в апартаменты их милости оказался неблизким: здание, похоже, было огромным. Комната, куда они в конце концов пришли, весьма походила на покои Понса в Летнем дворце, где Хью когда-то играл в бридж. Из большого окна открывался вид на широкую реку.

Хью едва взглянул на нее: в комнате был сам лорд-протектор. И еще Барбара с близнецами!

Младенцы ползали по полу, но Барбара была скована невидимыми путами, в которые тут же попал и Хью. Она улыбнулась ему, но ничего не сказала. Он внимательно оглядел ее. Барбара казалась целой и невредимой, только немного похудела, да под глазами у нее были темные круги.

Он хотел заговорить, но она движением головы предостерегла его. Тогда Хью взглянул на лорда-протектора и обнаружил, что рядом с ним расположился Джо, а Грейс с Дьюком, демонстративно не обращая внимания на происходящее, жуют Счастье и увлеченно играют в карты в углу комнаты. Он перевел взгляд на их милость.

Судя по всему, тот перенес тяжелую болезнь. В помещении было тепло — Хью не испытывал холода и нагишом, — однако Понс был одет в теплый халат, колени его покрывала шаль. Выглядел он на весь свой возраст, глубоким стариком.

Но когда он заговорил, оказалось, что голос его ничуть не потерял звучности и силы.

— Можешь идти, капитан. Мы отпускаем тебя.

Эскорт удалился. Их милость окинул Хью печальным взглядом. Наконец он сказал:

— Ну что, бой, наделал ты дел? — Он опустил глаза, поиграл с чем-то у себя на коленях, поймал и положил в центр шали. Хью увидел, что это белая мышь. Внезапно он почувствовал к ней симпатию. Похоже было, что мышке не нравилось сидеть на коленях у Понса, но и бежать было некуда, так как на полу ее подстерегали коты и Красотка наблюдала за ней с нескрываемым интересом.

Хью не ответил. Вопрос показался ему чисто риторическим. Тем не менее он был удивлен. Понс накрыл мышку ладонью и взглянул на Хью:

— Что же ты молчишь? Скажи что-нибудь.

— Ты говоришь по-английски?..

— Не нужно глупо таращить глаза. Я ведь ученый, Хью. Неужели ты думаешь, что я могу окружить себя людьми, говорящими на языке, которого я не знаю? Да, я говорю на нем и читаю, хотя правописание в нем глупейшее. Я каждый день занимался с опытнейшими преподавателями плюс разговорная практика с ходячим

словарем. — Он кивнул в сторону Грейс. — Или ты полагаешь, что мне не хочется самому прочитать все свои книги, не завися при этом от сделанных тобой тяп-ляп переводов? Я дважды прочел «Сказки просто так» — они очаровательны. И сейчас читаю «Одиссею».

Он снова перешел на Язык:

— Но мы здесь не для того, чтобы беседовать о литературе. — Поданный Понсом знак был почти незаметен, но в комнату тут же вошли четыре служанки. Они поставили перед их милостью стол, разложив на нем какие-то вещи. Хью узнал их: самодельный нож, парик, две баночки с кремом, пустая бутылка из-под Счастья, маленькая сфера, уже погасшая, пара сандалий, два балахона — один длинный, другой короткий, оба измятые и грязные — и на удивление высокая стопка исписанных бумаг, тоже изрядно потрепанных.

Понс посадил мышку на стол, переложил несколько вещей с места на место и задумчиво сказал:

— Я не так глуп, Хью. Имея дело со слугами всю свою жизнь, я раскусил тебя раньше, чем ты сам утвердился в своем решении. Такого человека, как ты, нельзя помещать вместе с верными слугами — он их развращает. У них тут же начинают

появляться разные ненужные мысли. Я планировал дать тебе возможность бежать, как только ты перестанешь быть мне нужен. Так что тебе не следовало торопиться с побегом.

— Неужели ты думаешь, что я поверю в это?

— Не имеет значения, веришь ты или нет. Я просто не мог бы держать тебя слишком долго: одно гнилое яблоко портит остальные, как любил говорить мой дядя. Не мог я и продать тебя, потому что какой-нибудь ни о чем не подозревающий человек заплатил бы немалые деньги за слугу, который развратил бы остальных во всех моих владениях. Нет, мне определенно пришлось бы дать тебе возможность бежать.

— Даже если и так, я бы никогда не убежал без Барбары и сыновей.

— Я же говорю тебе: я не дурак. Будь добр, запомни это. Я как раз и собирался использовать Барбару и ваших очаровательных малышей как средство вынудить тебя бежать, но только когда я счел бы это необходимым. Теперь ты все испортил. Теперь я должен наказать тебя в назидание другим слугам. Это пойдет им на пользу. — Он нахмурился, взял в руки грубый нож. — Плохо сбалансирован. Хью, неужели ты всерьез рассчитывал добыть свободу с таким жалким оружием

в руках? Ты даже не разжился обувью для своей несчастной подруги. А если бы ты немного подождал, тебе была бы предоставлена возможность украсть все, что необходимо.

— Понс, ты играешь со мной, как с этой мышкой. Ты не собирался дать нам уйти. По крайней мере, не до конца. В итоге я бы оказался на твоем столе.

— О, пожалуйста! — На лице старика появилась гримаса отвращения. — Хью, мне нехорошо: кто-то опять пытался отравить меня — скорее всего, племянник, и на сей раз это ему почти удалось. Поэтому не говори мне подобные гадости, у меня от них желудок выворачивает. — Он окинул Хью оценивающим взглядом. — Жесткий. Несъедобный. Старый жеребец — желудку конец. Слишком воняет. Кроме того, джентльмен никогда не станет есть члена своей Семьи, какой бы поступок тот ни совершил. Так что давай оставим этот дурной тон. У тебя нет никаких оснований держаться вызывающе. Ведь я не сержусь на тебя, просто я очень, очень, очень раздражен. — Он взглянул на близнецов и сказал: — Хьюи, перестань дергать Красотку за хвост. — Голос его не был ни громок, ни строг, но ребенок тут же повиновался. — Вот эти двое наверняка были бы хороши на вкус,

однако они принадлежат к моей Семье. Но даже будь они чужими, все равно я нашел бы им другое применение. Они так милы и так похожи друг на друга… Да, раньше в моих планах им была уготована иная, лучшая судьба. Пока не стало ясно, что они необходимы для того, чтобы вынудить тебя бежать. — Понс вздохнул. — Я вижу, что ты по-прежнему не веришь ни единому моему слову, Хью. Ты просто не понимаешь системы. Впрочем, слугам этого не дано. Тебе не приходилось выращивать яблоки?

— Нет.

— Так вот, хорошее, вкусное яблоко, твердое и сладкое, никогда не вырастет само по себе. Такой плод может появиться только в результате кропотливой селекционной работы над дичком, подчас таким мелким и кислым, что он не годится даже на корм скоту. Ему требуется научно разработанный уход и забота. С другой стороны, слишком ухоженные растения — или животные — могут выродиться, потерять упругость, аромат, стать рыхлыми, мягкими — и бесполезными. Это палка о двух концах. И подобная проблема постоянно возникает со слугами. Нужно неустанно отсеивать возмутителей спокойствия, не давать им возможности плодиться. Однако эти же самые

возмутители спокойствия, особенно наиболее ретивые из них, являются бесценным племенным фондом, который нельзя терять. Поэтому мы делаем и то и другое. Заурядных бунтарей мы обуздываем и сохраняем. Самых же закоренелых — таких, как ты, — мы вынуждаем бежать. Тех, кому удается выжить — некоторым из вас это удается, — мы позднее находим и спасаем, вместе с их сильным потомством, и с разумной осторожностью внедряем в основную генетическую линию породы, если она стала настолько мягкой, послушной и глупой, что не стоит своего содержания. Наш несчастный друг Мемток появился на свет как раз в результате такого скрещивания. Он был на четверть дикарем — само собой разумеется, он и не подозревал об этом — и прекрасным жеребцом, который отлично помог улучшить линию. Но слишком долго держать такого слугу в жеребцах опасно. Он чересчур амбициозен, и поэтому рано или поздно его нужно выхолостить, чтобы он увидел преимущества умеренной жизни. Большинство моих старших слуг имеют примесь дикой крови. Некоторые из них — сыновья Мемтока. Например, инженер. Нет, Хью, ты никогда не оказался бы ни на чьем столе. И тебя не стали бы кастрировать. Я бы с удовольствием

держал тебя при себе как ручного: ты забавен и к тому же отличный партнер по бриджу. Но я не мог позволить тебе долго находиться в контакте с верными слугами, даже изолировав тебя нелепым титулом. Вскоре ты, видимо, установил бы связь с подпольем.

От изумления Хью даже открыл рот.

— Что, удивлен? Но ведь там, где существует правящий класс и класс служителей, всегда есть подполье. Именно всегда, потому что, когда оно отсутствует, умные правители создают его искусственно. Однако, поскольку оно имеется, мы следим за ним, субсидируем его — и используем. Среди старших слуг связником является ветеринар, которому абсолютно все доверяют и который совершенно бесстыдно лишен сентиментальности. Мне лично он несимпатичен. Если бы ты доверился ему, то получил бы указания, советы и помощь. А я бы использовал тебя, чтобы покрыть сотню самок, а потом отпустил бы на все четыре стороны. Чего ты удивляешься? Даже их превосходительство, чтобы предотвратить вырождение, держит жеребцов, которым приходится нагибаться, входя в помещение для случки, — а ведь всегда существовала опасность, что ты и эти два очаровательных младенца погибнут и в результа-

те ваш замечательный генетический потенциал будет безвозвратно утрачен.

Их милость поднял стопку доставленных Киской записок:

— Вот это… От моего главного управляющего требовалось только удерживать тебя от какой-нибудь глупости. Ведь он не знал о тайных функциях ветеринара. Мне даже пришлось немного нажать на Мемтока, чтобы получить эти копии, — и это в то время, когда любой догадался бы уже, что жеребец с таким нравом, как у тебя, всегда найдет возможность связаться со своей самкой. Я пришел к выводу, что это неизбежно произойдет в тот раз, когда ты предложил ее партнером. Это была наша с ней первая игра в бридж, помнишь? Может быть, и нет. Но после я послал за Мемтоком, и точно, ты уже, оказывается, давно начал переписку. Хотя сначала он не хотел в этом признаваться, потому что вовремя не доложил.

Хью почти не слушал. Он не мог отогнать от себя мысль о том, что подобные вещи рассказывают только жертве. Никто из четверых беглецов не выйдет из этой комнаты живым. Ну разве что близнецы. Ведь Понсу нужна свежая кровь. Но он и Барбара… — у них наверняка даже не будет возможности перемолвиться словечком перед

смертью.

А Понс тем временем продолжал:

— Но у тебя есть еще шанс исправить свои ошибки. А ты их наделал немало. Одна из написанных тобой записок, по словам моих ученых, была не на английском и совершенно бессмысленной. Так что я понял, что это тайное сообщение, — не важно, можем мы его прочитать или нет, но ты что-то задумал. После этого все письма подвергались тщательному анализу. И конечно же, мы нашли ключ к твоему коду, — впрочем, его и кодом-то трудно назвать, настолько он наивный и вместе с тем достаточно остроумный, учитывая его недостатки. Но если бы ты знал, Хью, чего мне это стоило! Мемток всегда недооценивал дикарей, он даже представить себе не мог, на что они способны, когда их загоняют в угол.

Понс нахмурился.

— Черт бы тебя побрал, Хью, твое безрассудство стоило мне ценного имущества. Я не продал бы Мемтока и за десять тысяч бычков, да и за двадцать, пожалуй, тоже. А теперь и твоя жизнь висит на волоске. Ну, обвинение в попытке к бегству — это еще полбеды. Обойдемся легким наказанием на глазах других слуг. Этого будет вполне достаточно. Уничтожение собственности

хозяина можно скрыть, если никто ничего не пронюхал. Кстати, тебе известно, что согревательница постели, которую я тебе одолжил, была в курсе большинства твоих планов? Знала обо всем? Самки обожают всякие сплетни.

— И она вам все рассказывала?

— Нет, будь она проклята, она не рассказала и половины того, что знала. Остальное пришлось потом извлекать из нее хлыстом. И тогда оказалось, что она знает столько, что мы не могли позволить ей встречаться с остальными слугами. Ей пришлось исчезнуть.

— Вы убили ее. — Хью почувствовал прилив отвращения. Он сказал это, зная, что все его слова ничего не значат в этой ситуации.

— Тебе-то что? Она не могла жить дальше, изменив своему хозяину. И все же я не злодей, маленькая тварь не имела понятия о морали и не ведала, что творит. Должно быть, ты загипнотизировал ее. Хью, повторяю, я не человек порыва. Я никогда не швыряюсь своей собственностью направо и налево. Я продал ее так далеко, что она с трудом будет понимать тамошний акцент. Уж там-то вряд ли кто-нибудь поверит ее рассказам.

Хью перевел дух:

— Я очень рад.

— Что, понравилась тебе эта самка? Она что, была настолько хороша?

— Она была просто невинным младенцем. И я не хотел причинять ей вред.

— Все может быть. А теперь, Хью, предлагаю тебе способ возместить убытки, понесенные мною по твоей вине, и в то же время извлечь выгоду для себя.

— Как?

— Очень просто. Твоя эпопея стоила мне самого толкового слуги. В моем имении нет больше человека его калибра. Поэтому ты займешь его место. Никакого скандала, никакого шума, никакого волнения внизу, под лестницей, — все слуги, ставшие невольными свидетелями происшедшего, уже проданы в далекие края. А тому, что случилось с Мемтоком, можешь придумать любое объяснение. Или даже утверждать, что ничего не знаешь. Барба, ты в состоянии удержаться от сплетен?

— Конечно, если от этого зависит благополучие Хью!

— Вот и умница. А то мне очень не хотелось бы делать тебя немой, это помешало бы нашей игре в бридж. Впрочем, Хью, наверное, будет слишком занят, чтобы играть в бридж. Хью, вот тебе тот са-

мый мед, из-за которого медведь попал в капкан: ты начинаешь исполнять обязанности главного управляющего — с ними ты наверняка сможешь справиться, как только вникнешь в детали, — а Барба с близнецами перебираются к тебе, чего ты все время добивался. Или ты становишься моим старшим слугой, или вы все лишаетесь жизней. Таков выбор. Что скажешь?

Хью Фарнхэм был так изумлен, что никак не мог справиться с голосом, чтобы изъявить согласие. Между тем их милость добавил:

— Еще одна вещь. Я не могу позволить тебе начать жить с ними прямо сейчас.

— Нет?

— Нет. Я все еще хочу получить твое потомство от нескольких самок, пока тебя не оскопили. Но это ненадолго, если ты так крепок, каким кажешься.

— Нет! — сказала Барбара.

Хью Фарнхэму предстояло принять ужасное решение.

— Барбара, подожди. Понс! А как насчет близнецов? Их тоже оскопят?

— О-о-о… — утомленно протянул Понс. — Ну и силен же ты торговаться, Хью. Предположим, что их не выхолостят. Скажем так: я некоторое

время буду использовать их в качестве жеребцов и не буду отрезать им большие пальцы рук. Это было бы бессмысленно, ведь жеребцов такого размера, какими они, похоже, станут, не бывает. А лет в четырнадцать или пятнадцать я дам им возможность бежать. Тебя это устраивает?

Старик замолчал, зашедшись в кашле. Он весь содрогался.

— Проклятие, ты утомляешь меня!

Взвесив все сказанное, Хью заметил:

— Понс, но ведь тебя может и не оказаться в живых через четырнадцать или пятнадцать лет.

— Верно. Не очень вежливо напоминать об этом с твоей стороны.

— Ты сможешь обязать этой сделкой своего наследника? Что насчет Мрики?

Понс пригладил волосы и улыбнулся:

— Ушлый ты малый, Хью! Из тебя получится отменный главный управляющий! Так вот, конечно же, договориться с ним об этом я не могу. Именно поэтому я и хочу кое-что получить с тебя, а не дожидаться, покуда повзрослеют мальчишки. Но выбор у тебя есть и сейчас. Я могу позаботиться о том, чтобы вы сопровождали меня в последний путь, — все вы, и мальчики тоже. Или оставайтесь в живых и попытайтесь сами

заключить новую сделку, если только это удастся. «Le Roi est mort, vive le Roi!»[26] — так в древности выражалась мысль о том, что, если умирает один протектор, ему на смену приходит другой. Так что как знаешь. Я готов и на то, и на другое.

Хью все еще обдумывал невеселые предложения, когда снова заговорила Барбара:

— Их милость…

— Да, детка?

— Тебе лучше вырезать мне язык. Прямо здесь и сейчас, в этой комнате. Потому что я не буду участвовать в этой подлой сделке. И я не буду держать язык за зубами. Нет!

— Барба, Барба, хорошие девочки так себя не ведут.

— А я и не девочка. Я женщина, жена, мать! Я не буду больше называть тебя «дядюшка» — ты мерзок! И я никогда не стану играть с тобой в бридж, с языком или без языка. Мы беспомощны… но и от меня ты ничего не получишь! Что ты предлагаешь? Чтобы мой муж согласился на оскопление в обмен на несколько жалких лет жизни со мной и нашими детьми — ровно столько, сколько милостью небес твое тело будет ходить и дышать.

---

[26] Примечания: 26

«Король умер, да здравствует король!» *(фр.) — Примеч. ред.*

А что потом? Ты и тут пытаешься его обмануть. Мы умрем. Или нас оставят на милость твоему племяннику, который еще хуже, чем ты. Уж я-то знаю! Все согревательницы ненавидят его лютой ненавистью: они рыдают, когда их посылают прислуживать ему, и рыдают еще горше, когда возвращаются от него. Но я бы не позволила Хью согласиться на такой выбор, даже если бы нам обещали долгую жизнь в роскоши. Нет! Никогда, никогда! Только посмейте принудить меня к такому жалкому, рабскому счастью, и я убью своих детей! Потом себя! А после этого и Хью покончит с собой, я уверена! — Она плюнула изо всех сил в направлении Понса и разрыдалась.

Их милость сказал:

— Хьюи, я ведь говорил тебе, чтобы ты не дергал кошку за хвост. Она может поцарапать тебя. — Он с трудом встал и произнес: — Теперь ты уговаривай их, Джо, — и вышел из комнаты.

Джо вздохнул и приблизился к ним.

— Барбара, — мягко сказал он, — возьми себя в руки. Ведь то, что ты говоришь, не пойдет ни в коей мере на пользу Хью, даже если тебе так и кажется. Ты должна посоветовать ему согласиться. Тем более что мужчине в возрасте Хью такая потеря не должна казаться слишком большой.

Барбара взглянула на Джо так, словно увидела впервые в жизни, и плюнула ему прямо в лицо. Джо был рядом, потому получил все сполна.

Он отшатнулся и поднял руку. Хью резко предупредил:

— Джо, если ты хоть пальцем тронешь ее, а меня когда-нибудь освободят, я сломаю тебе руку.

— У меня и в мыслях не было трогать ее, — медленно ответил Джо. — Я просто хотел вытереть лицо. Я не ударю Барбару, Хью. Я восхищаюсь ею. Просто мне кажется, что она рассуждает не совсем здраво. — Он поднес к лицу платок. — Видимо, нет смысла спорить.

— Нет, Джо. Прости, я сожалею, что сделала это.

— Ничего, Барбара. Ты просто расстроена и… ведь ты никогда не обращалась со мной как с ниггером. Так что, Хью?

— Барбара уже все решила. А у нее слова никогда не расходятся с делом. Не могу сказать, что я о чем-то жалею. Оставаться в живых здесь просто не имеет смысла никому из нас. Даже кастрированным.

— Жаль, что ты так думаешь, Хью. Как бы то ни было, а мы с тобой всегда хорошо ладили. Ну что ж, если это твое последнее слово, я, пожалуй,

пойду и извещу их милость. Хорошо?

— Иди.

— Иди, Джо.

— Прощай, Барбара. Прощай, Хью. — Он вышел.

Обратно лорд-протектор вернулся один, двигаясь с осторожностью старого и больного человека.

— Итак, вы решили, — сказал он, садясь и запахивая шаль. Он потянулся за мышкой, по-прежнему сидевшей на столе. Появились слуги и убрали разложенные на нем вещи беглецов. Понс продолжал: — Не могу сказать, что я очень удивился… ведь я играл в бридж с вами обоими. Что ж, тогда есть еще одна возможность. При сложившихся обстоятельствах я не могу позволить вам жить здесь иначе, чем на предложенных условиях. Так что теперь мы отправим вас обратно.

— Обратно *куда*, Понс?

— Как куда? Конечно же, в ваше собственное время. Если получится, естественно. Возможно, и получится. — Он погладил мышку. — Вот эта мышка уже проделала подобное путешествие. Правда, ее посылали всего на две недели. И это ей ничуть не повредило. Хотя, конечно, трудно судить, как подействует на человека скачок через

два тысячелетия.

Снова появились слуги и стали раскладывать на столе мужские часы, десятицентовую канадскую монету, пару поношенных горных ботинок, охотничий нож, грубо выделанные мокасины, пару джинсов, рваные шорты большого размера, автоматический пистолет сорок пятого калибра с портупеей, две выцветшие ветхие рубашки, одна из которых была перешита, полкоробка спичек, небольшую записную книжку и карандаш.

Понс взглянул на вещи.

— Было у вас что-нибудь еще? — Он вытащил из пистолета обойму и взвесил ее на ладони. — Если нет — одевайтесь.

Невидимые путы разжали свои объятия.

21

— Не понимаю, чему вы удивляетесь, — сказал им Понс. — Хью, ведь ты должен помнить, что я велел своим ученым выяснить, каким образом вы попали сюда. Без всяких там чудес. Я говорил вполне серьезно. И они почувствовали, что я буду очень огорчен — и недоволен, — если не удастся разрешить проблему при таком изобилии данных. Так что они сделали это. Возможно. Во всяком случае, им удалось отправить вот эту малышку. Она вернулась сегодня, почему я и послал за вами. Теперь мы выясним, работает ли большой аппарат так же хорошо, как лабораторная модель. Насколько я понимаю, вопрос не столько в количестве энергии — не нужно никаких атомно-ядерных бомб, — сколько в точном ее приложении. Но все это мы скоро узнаем.

— Но как же вы узнаете? — спросил Хью. — Мы-то узнаем, сработает установка или нет, но вы-то?

— Ах, это! Мои ученые не так уж глупы, когда знают, за что взяться. Один из них вам все объяснит.

Позвали ученых — двух Избранных и пятерых

слуг. Никаких предисловий не последовало. Хью почувствовал, что с ним обращаются так же безразлично, как с мышкой, которая хотела и не решалась спуститься на пол, где ее поджидала гибель. Хью было предложено снять рубашку, и двое ученых-слуг прикрепили к его правому плечу небольшой предмет.

— Что это?

Предмет казался необычайно тяжелым для своих размеров.

Слуги не ответили, а старший Избранный сказал:

— Тебе все объяснят. Подойди сюда. Взгляни.

Взглянуть, как выяснилось, следовало на бывшую собственность Хью — геодезическую карту графства Джеймс.

— Ты знаешь, что это такое? Или нужно объяснять?

— Знаю. — Хью прибег к речи равных, но Избранный игнорировал это, продолжая обращаться к нему как к нижестоящему.

— Тогда ты должен знать, что вас нашли… здесь.

Хью согласился, когда палец ученого указал на место, где когда-то стоял его дом. Избранный задумчиво кивнул и добавил:

— Ты понимаешь значение этих отметок? — Он указал на маленький крестик и цифры возле него.

— Конечно. У нас это называлось «репер», или эталонная отметка. Точно указанное месторасположение и высота над уровнем моря. Это базисная точка для всей карты.

— Превосходно! — Избранный указал на аналогичную точку у вершины Маунтин-Джеймс. — А теперь скажи нам, если знаешь, — но только не лги, это не пойдет тебе на пользу, — как велика погрешность отклонения этих точек по вертикали и горизонтали.

Хью немного подумал, поднял руку, развел указательный и большой палец примерно на дюйм. Избранный прищурился:

— В те варварские времена не могло быть такой точности. Мы считаем, что ты лжешь. Попытайся еще раз. Или признайся, что понятия не имеешь.

— А я считаю, что вы сами не знаете, о чем говорите. Ошибка может быть даже меньше. — Хью хотел рассказать им, что руководил геодезическими съемками у «морских пчелок» и сам проводил подобные измерения, когда занялся подрядами, и что, хотя и не знал точности геодезических съемок, он знал, что для привязки реперов ис-

пользуются методы значительно более точные, чем при обычных съемках.

Однако он решил, что вдаваться в такие объяснения не имеет смысла.

Избранный взглянул сначала на него, потом на их милость. Старик внимательно слушал, но лицо его оставалось бесстрастным.

— Ладно. Допустим, что отметки нанесены точно и соотносятся друг с другом. Что является для тебя исключительным везением, поскольку одной из них нет, — он указал на первую, около того места, где был их дом, — а другая, — он указал на вершину Маунтин-Джеймс, — по-прежнему на месте, в прочнейшей скальной породе. А теперь покопайся в памяти и не пытайся снова солгать, так как это прежде всего касается тебя самого… и имеет значение для их милости, поскольку твоя глупая ложь может свести на нет усилия множества людей, чем их милость наверняка будет недоволен. Так вот: где поблизости от исчезнувшей точки и на той же высоте — во всяком случае, не выше — находится… находилось, я хочу сказать, в те первобытные времена ровное, гладкое место?

Хью задумался. Он-то точно знал, где располагался этот репер: в основании Саутпортского

банка. Представлял он собой медную пластинку, заглубленную в камень позади мемориальной таблички, примерно на высоте восемнадцати дюймов от тротуара, на северо-восточном углу здания. Табличку укрепили там вскоре после открытия Саутпортского торгового центра. Хью, проходя мимо, часто смотрел на нее. Сам факт существования эталонной отметки был для него успокоительным — он был для души символическим гарантом стабильности.

Одной стороной здание выходило на стоянку автомобилей, принадлежавшую банку, супермаркету «Сейфвей» и еще паре магазинов.

— Ровное и гладкое место тянется отсюда и досюда на расстоянии… — Хью прикинул ширину стоянки в футах и перевел в современные единицы. — Или немного больше. Это на глаз. Размеры неточные.

— Это место действительно ровное? И не выше отметки?

— Оно даже ниже и с небольшим уклоном, чтобы вода там не задерживалась.

— Отлично. А теперь взгляни сюда. — Это снова была собственность Хью, на сей раз карта штата.

— Предмет, который на тебе, можно считать часами. Не стоит объяснять тебе принцип их

действия — ты все равно не поймешь. Достаточно сказать, что они измеряют время по периоду радиоактивного распада. Поэтому они так тяжелы. Корпус изготовлен из свинца, чтобы погасить радиацию. Ты принесешь их *сюда*. — Избранный указал на город на карте. Хью отметил про себя, что здесь находился университет штата.

Избранный сделал движение рукой, и ему передали клочок бумаги. Он спросил у Хью:

— Ты можешь прочесть, что здесь написано? Или нужно объяснять?

— Здесь написано: «Государственный университетский банк», — ответил Хью. — И мне действительно помнится, что в этом городке в свое время было подобное заведение. Хотя с уверенностью сказать не могу. Я с ним никогда не имел дела.

— Было, было, — уверил его Избранный, — совсем недавно обнаружены развалины банка. Ты должен добраться до него. В самой нижней части фундамента было и сохранилось до наших дней укрепленное помещение, банковское хранилище. Эти часы нужно поместить туда. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— По велению их милости это хранилище до

сих пор не вскрыто. После того как вас пошлют в прошлое, его вскроют. Часы будут там, и мы измерим их показания. Теперь тебе ясно, почему это жизненно важно для эксперимента? Мы не только узнаем, что вы благополучно перенесли скачок во времени, но и точно определим его длительность. На основании полученных данных мы сможем откалибровать наши приборы. — Избранный теперь говорил в приказном тоне. — И указания, смотри, выполняй с точностью. Или тебя строго накажут.

При этих словах Хью встретился взглядом с Понсом. Старик не смеялся, но в его глазах прыгали веселые огоньки.

— Сделай это, Хью, — попросил он. — Будь молодцом.

Хью заверил ученого:

— Я все сделаю. Я понимаю.

Избранный сказал:

— С благосоизволения их милости покорный слуга готов взвесить дикарей и отправить к месту запуска.

— Мы передумали, — сообщил Понс. — Мы будем наблюдать за отправлением. — И добавил: — Как нервы, Хью? В порядке?

— Вполне.

— Всем, испытавшим первое перемещение, было предложено вернуться; не помню, говорил я тебе об этом или нет. Джо сразу же отказался. — Старик взглянул через плечо. — Грейс, ты не передумала, малышка?

Грейс подняла глаза.

— Понси! — укоризненно сказала она. — Ведь ты же *знаешь*, что я никогда не покину тебя.

— Дьюк?..

Оскопленный слуга даже не поднял глаз. Он просто отрицательно покачал головой.

Понс поторопил ученого:

— Нужно поспешить взвесить их. Сегодня мы намерены ночевать дома.

Взвешивание было произведено в другом помещении где-то в недрах дворца. Перед тем как их поместили на платформу весов, лорд-протектор достал обойму, которую ранее извлек из пистолета Хью.

— Хью! Ты обещаешь не делать глупостей? Или мне придется выковырять все пули?

— Обещаю хорошо себя вести.

— Для кого хорошо? При определенной сноровке ты вполне можешь прикончить меня. Но подумай, что потом будет с Барбарой и твоими малышами.

«Я уже думал об этом, старый ты негодяй. Но я буду делать то, что сам посчитаю лучшим».

— Понс, а почему бы тебе не отдать обойму Барбаре? Пусть она положит ее к себе в карман. В таком случае, даже если мне и взбредет в голову что-нибудь, я не успею зарядить пистолет достаточно быстро.

— Хороший план. Держи, Барба.

Старший ученый был недоволен общим весом отправляемого в прошлое груза.

— С разрешения их милости, ничтожный слуга осмеливается доложить, что собственный вес обоих взрослых, должно быть, сильно уменьшился с тех пор, как делались расчеты.

— И чего же ты хочешь от нас?

— О, ничего, ничего, с благосоизволения их милости. Просто предстоит небольшая задержка. Масса должна быть точной. — Избранный начал торопливо накладывать на платформу металлические диски.

Это навело Хью на мысль.

— Понс, ты действительно думаешь, что ваша штука сработает?

— Если бы я знал наверняка, не было бы надобности испытывать ее. Надеюсь, что она сработает.

— Если она сработает, нам сразу понадобятся деньги. Особенно если мне придется пересечь почти половину штата, чтобы захоронить ваши часы.

— Логично. Ведь вы, кажется, там пользовались золотом? Или серебром? Я понял тебя. — Он сделал жест рукой. — Прекратите взвешивание.

— У нас в ходу было и то и другое, но на нем обязательно должно было стоять клеймо нашего протектората. Понс, в моем доме было много американских серебряных долларов, которые вы забрали. Нельзя ли получить их обратно?

Получить деньги оказалось можно — они были во дворце, и старик не имел ничего против того, чтобы их использовали для восполнения недостающего веса. Старший ученый был весьма обеспокоен задержкой: он объяснил своему повелителю, что расчеты были сделаны на определенное время и на определенную массу, чтобы доставить подопытных в прошлое за несколько дней до начала войны Востока и Запада, плюс-минус погрешность на ошибку. Но запас времени подходил к концу, и если не произвести запуск в самое ближайшее время, то придется снова пересчитывать параметры и перенастраивать приборы. Хью не понимал большинства подроб-

ностей и перестал слушать.

Понсу, похоже, доводы ученого тоже наскучили, и он резко оборвал его:

— Если понадобится, сделаешь расчеты заново. Все.

Чтобы разыскать слугу, который знал, где находятся изъятые у дикарей предметы, найти их и доставить, потребовалось больше часа. Понс задумчиво играл с мышью. Барбара возилась с близнецами, потом перепеленала их с помощью служанок-самок. Хью попросил, чтобы перед запуском им дали возможность сходить в туалет. Им разрешили выйти — разумеется, под охраной. После этой процедуры вес снова изменился и все пришлось начинать заново.

Серебряные доллары по-прежнему были закручены в колбаски по сто монет в каждой. Весили они довольно много, и Хью был рад, что за время одиночного заключения он сбросил лишний вес, накопленный в бытность его главным исследователем. Если скачок во времени удастся, они не будут лишними. Но для покрытия разницы потребовалось всего около трехсот долларов да еще пуля и несколько клочков фольги.

— С позволения их милости, покорный слуга считает, что подопытных следует незамедлитель-

но поместить в контейнер.

— Исполняй! Не трать попусту наше время!

В помещение вплыл контейнер. Он представлял собой металлический ящик, гладкий, пустой внутри, без каких-либо выступающих частей. Высота его было такой, что Хью головой упирался в потолок, а площадь едва позволяла разместиться всем четверым. Хью забрался первым и помог расположиться Барбаре. Потом им передали детей. Хьюи тут же начал плакать, брат последовал его примеру.

Понс выглядел раздраженным.

— Мои самки избаловали этих ребят. Хью, я решил не присутствовать при отправлении — я очень устал. Прощайте оба, и счастливо добраться. Из вас никогда бы не получились верные слуги. Но мне будет очень не хватать наших партий в бридж. Барбара, нужно серьезно заняться воспитанием малышей. Смотри не избалуй их вконец. Они хорошие мальчишки. — Он повернулся и быстро вышел.

Крышку закрыли и заперли. Теперь они были одни. Хью тут же воспользовался возможностью поцеловать жену. Поцелуй вышел несколько неуклюжим, потому что они оба держали на руках по ребенку.

— Теперь мне все равно, что с нами будет, — выдохнула Барбара, оторвавшись от супруга. — Вот чего мне больше всего не хватало. Ой, милый, Джо опять мокрый. А как там Хьюи?

— Не отстает от брата ни в чем: тоже мокрый. Но ты ведь, кажется, сказала, что тебе теперь все равно.

— Мне-то да, но попробуй объясни это детям. Сейчас я с радостью отдала бы сотню долларов за десяток чистых пеленок.

— Дорогая, а тебе никогда не приходило в голову, что человечество, по крайней мере миллион лет, прекрасно обходилось без пеленок? А нам, возможно, предстоит обходиться без них не больше часа. Так что давай не будем о них думать.

— Да нет, я только хотела сказать… Послушай! Кажется, они передвигают нас.

— Сядь на пол и упрись ногами в стенку, пока дети еще целы. Что ты говоришь?

— Я просто хотела сказать, дорогой, что меня вовсе не волнуют пеленки. Меня вообще ничто не беспокоит теперь, когда ты со мной. Но если нам все же не суждено погибнуть — если эта штука сработает, — то я бы хотела быть практичной. А что может быть практичней пеленок?

— Поцелуй, например. Любовь.

— Да, конечно. Но они все равно приводят к пеленкам. Милый, а ты не мог бы переложить Хьюи в другую руку, а этой обнять меня? Ой, они снова нас куда-то двигают. Хью, как по-твоему, эта штука сработает? Или мы просто внезапно умрем? Ладно, путешествие в будущее я еще как-то могу себе представить, — во всяком случае, мы совершили его. Но никак не могу вообразить себе то же самое, но в *обратном направлении.* Я имею в виду, что прошлое ведь уже было. Правильно?

— В принципе, да. Но ты, по-моему, неправильно ставишь вопрос. Я понимаю так, что парадоксов времени не существует — их просто не может быть. Если нам удастся совершить этот прыжок во времени, значит мы его уже совершали. Все это произошло. А если аппарат не сработает, то потому, что он уже не сработал в прошлом.

— Но ведь ничего этого не случилось еще. Ты говоришь, что если это не произошло, то это потому, что и не могло произойти. Я то же самое и говорила.

— Нет-нет. Мы ведь не знаем, случилось это уже или нет. Если случилось, то все будет в порядке. А если нет, то нет.

— Дорогой, я совсем запуталась.

— Не беспокойся. «Персты, перо держащие, выводят букву и, только выведя ее, свой продолжают труд…» О том, как обстоит дело, мы узнаем лишь постфактум… Мне кажется, нас выводят на финишную прямую: мы больше не покачиваемся, чувствуется только слабая вибрация. Я предполагаю, что нас запустят с территории бывшего графства Джеймс. Если так, то, пока мы туда долетим, пройдет около часа. — Он обнял ее покрепче. — Поэтому час счастья в нашем распоряжении есть.

Она прижалась к нему.

— Так ведь я о том и толкую. Любимый, мы с тобой столько перенесли, что сейчас я уже ни о чем не беспокоюсь. Если нам отведен всего лишь час, я буду наслаждаться каждой его секундой. Если нам отведено сорок лет, я буду наслаждаться каждой секундой этих лет. А если нас разлучат, то мне не нужно никаких отсрочек. Как бы то ни было, пока мы, слава богу, вместе. И будем вместе до самого конца.

— Да, до конца наших дней.

Она счастливо вздохнула, перепеленала мокрого спящего младенца, уткнулась в плечо мужа и прошептала:

— У меня такое чувство, что это снова наш

самый первый день. Помнишь? Я имею в виду кладовую в убежище. Там было так же тесно и еще жарче — и никогда я не была так счастлива. Мы тогда тоже не знали, доживем ли до следующего дня или нет. В ту ночь.

— По крайней мере, не надеялись. Иначе сейчас у нас не было бы близнецов.

— В таком случае я рада, что мы собирались погибнуть. Хью, а ведь здесь в нашем распоряжении места не меньше, чем было тогда, как ты считаешь?

— Женщина, ты просто ненасытна. Мы можем шокировать мальчиков.

— Мне не кажется, что раз в год — это ненасытность. А мальчики еще слишком молоды, чтобы их можно было чем-то шокировать. Да брось ты! Ты же сам сказал, что, возможно, через час нас не станет.

— Твое предложение очень заманчиво. Теоретически я полностью «за». Но ребятишки, правда, здорово мешают, да к тому же здесь на самом деле не так много места, и, даже если бы рядом не толпилась мокрая малышня, я совершенно не представляю, как это технически возможно. Это был бы не акт, а тессеракт…

— Что ж… Наверное, ты прав. Действительно,

расположиться негде. Мы можем раздавить малышей. Но если нам суждено погибнуть, оставить все так — это будет просто позор!

— Я отказываюсь верить, что мы погибнем. И больше никогда, даже на словах, не сделаю такого допущения. Все мои планы строятся на том, что мы останемся в живых. Жизнь продолжается. Что бы там ни было — жизнь продолжается.

— Согласна. Семь без козырей.

— Так-то лучше.

— Удваиваю. И еще раз удваиваю. Хью, как только мальчики подрастут настолько, что смогут удержать в своих маленьких пухлых ручонках тринадцать карт, мы начнем учить их играть в бридж. Тогда у нас будет своя семейная четверка.

— Согласен. А если они не смогут научиться, мы оскопим их и попробуем сделать новых детишек.

— Я больше не хочу слышать это слово!

— Прости.

— И я больше не хочу слышать этот язык, дорогой. Мальчики должны расти, слыша только английский.

— Еще раз прости. Ты права. Но я могу сорваться иногда. Я столько переводил, что иногда начинаю думать на этом чертовом Языке. Так что не сер-

дись, если у меня иногда и вырвется словечко.

— Словечко-другое — это не страшно. Кстати, насчет сорваться — у тебя было это? С Киской?

— Нет.

— А почему? Я бы ничего не имела против. Вернее, почти ничего. Она была очень мила. Она готова была возиться с детьми в любое время, когда ей только разрешали. Она очень любила наших мальчиков.

— Барбара, я не хочу думать о Киске. Мне больно вспоминать о ней. Я надеюсь только на одно — что ее новый владелец добр к ней. Ведь она совершенно беззащитна — как котенок с едва прорезавшимися глазками. Беспомощна. Киска напоминает мне обо всем самом чертовски проклятом, что только есть в рабстве.

Она сжала его руку:

— Надеюсь, что с ней обращаются хорошо. Но, милый, зачем себя мучить, ведь все равно ей ничем не поможешь.

— Я понимаю и именно поэтому не хочу говорить о ней. Но мне ее не хватает. Как дочери. Да, пожалуй, она была мне дочерью. И никогда — согревательницей постели.

— Я ни секунды не сомневалась в этом, дорогой. Здесь, конечно, может быть, и тесновато… Ладно,

мы собрались пережить это, значит переживем. Однако мне не хотелось бы, чтобы ты обращался со мной как с дочерью. Лично я намерена содержать твою постель раскаленной докрасна!

— Хм… Ты хочешь напомнить мне о моих преклонных годах?

— О, мои натруженные ноги! Он еще говорит «преклонные годы»! С практической точки зрения мы станем ровесниками — нам обоим будет примерно по четыре тысячи лет, считая туда и обратно. А я преследую сугубо практические цели. Ты понял?

— Понял, понял. Но ведь тысячелетний возраст вряд ли способствует достижению «практических целей».

— Тебе так легко не отделаться, — грозно сказала она. — Со мной шутки не пройдут.

— Женщина, у тебя мысли работают только в одном направлении. Ладно, сделаю все, что в моих силах. Придется мне все время отдыхать, а работать будешь ты. Ха, да мы, кажется, приехали!

Ящик несколько раз передвинули, и некоторое время он пребывал в неподвижности, затем так неожиданно взлетел вверх, что у путешественников заныло под ложечкой, столь же внезапно

остановился, вздрогнул и наконец застыл окончательно.

— Вы находитесь в экспериментальной установке, — прогремел голос ниоткуда. — Имейте в виду, что вас, возможно, ожидает падение с небольшой высоты. Советуем обоим встать, взять в руки по одному детенышу и быть готовыми к падению. Понятно?

— Да! — крикнул Хью, помогая Барбаре встать. — С какой высоты?

Ответа не последовало. Тогда Хью сказал:

— Дорогая, я не понял, что они имели в виду. «С небольшой высоты» может означать и один фут, и пятьдесят… Обхвати Джо руками, чтобы он не ушибся, и согни немного ноги в коленях. Если толчок будет сильным, то не напрягай ноги, а мягко опустись на пол. Будь готова к сильному удару, ведь этим шутникам мало дела до сохранности наших костей.

— Согнуть колени. Защитить Джо. Все поняла.

И они упали.

22

Хью так и не понял точно, с какой высоты им пришлось падать, но в конце концов решил, что она была не более четырех футов. Все произошло моментально: они стояли в ярко освещенной камере, в тесноте, а в следующее мгновение уже оказались под открытым небом, в ночной тьме — и падали.

Падая, он ушиб правое бедро, и в тело ему впились два твердых свертка с долларами, которые лежали у него в заднем кармане брюк. Он тут же перекатился на бок, оберегая ребенка.

Затем он сел. Барбара лежала подле него. Она не шевелилась.

— Барбара! Ты ушиблась?

— Нет, — тихо ответила она. — Кажется, цела. Просто перепугалась.

— А с маленьким Джо все в порядке? Хьюи-то цел и невредим, но сказать, что его пеленки просто мокры, — значит не сказать ничего.

— С Джо тоже все в порядке.

Как бы в подтверждение этих слов Джо тут же громко расплакался. Брат тотчас присоединился к нему.

— Думаю, он тоже перепугался до смерти. Помолчи, Джо. Видишь, мама занята. Хью, где мы?

Он огляделся.

— Мы, — возвестил он, — на автомобильной парковке у торгового центра, примерно в четырех кварталах от моего дома. Похоже, мы вернулись в собственные времена. Во всяком случае, вон тот «форд», справа, на который мы чуть не свалились, — шестьдесят первого года выпуска.

Стоянка была пуста, если не считать этой единственной машины. Хью вдруг пришло в голову, что их прибытие могло ознаменоваться не просто хлопком, а взрывом, если бы они приземлились футах в шести правее. Он отметил эту вероятность с безразличием: они уже столько вынесли, что еще одна миновавшая их опасность казалась чем-то заурядным.

Он встал и помог подняться Барбаре. Она поморщилась, вставая, и в тусклом свете, падавшем на стоянку из окна банка, Хью сразу заметил это.

— Что-нибудь не в порядке?

— При падении я, кажется, подвернула ногу.

— Идти можешь?

— Могу.

— Я понесу обоих ребятишек. Здесь недалеко.

— Хью, куда мы идем?

— Домой, конечно. Куда же еще?

Он заглянул в окно банка, стараясь взглядом отыскать календарь. Он увидел его наконец, но не смог разобрать цифры.

— Интересно, какое сегодня число. Милая, не хочу этого признавать, но, похоже, путешествие во времени связано с некоторыми парадоксами. Я думаю, для кого-то мы можем стать сильным потрясением.

— Для кого?

— Например, для меня. В моем более раннем воплощении. Может быть, мне следует сначала позвонить, чтобы не застать себя врасплох? Хотя нет, он… то есть я… просто не поверит такому. Ты действительно можешь идти?

— Конечно.

— Прекрасно. Возьми на секундочку наших маленьких чудовищ — я хочу взглянуть на часы. — Он снова заглянул через окно в банк, где на стене висели часы. — Отлично. Давай детей обратно. И скажи, если тебе потребуется отдых.

Они отправились в путь. Барбара хоть и прихрамывала, но не отставала. Они молчали, так как Хью все еще не мог осмыслить случившееся. Вновь увидеть город, который он считал уничтоженным, такой тихий и мирный теплой летней

ночью, было для него неожиданно сильным потрясением. Он старательно избегал думать о том, что может обнаружить у себя дома. Однако одна мысль упорно свербила его: если окажется, что убежище еще не построено, то оно не должно быть построено никогда, — он непременно попытается хотя бы в этом изменить ход истории.

Постепенно он свыкся с этой мыслью и сосредоточился на радостном сознании того, что Барбара была женщиной, которая никогда не откроет рта, если чувствует, что мужчина хочет, чтобы она помолчала.

Наконец они свернули на дорожку, ведущую к его дому. Барбара прихрамывала, а Хью почувствовал, что у него затекли руки: для своего возраста малыши отнюдь не были хилыми. У дома стояли две машины, припаркованные тандемом, лицом к дороге. Он остановился у первой, дал подержать детей Барбаре, чтобы открыть дверцу, и сказал:

— Залезай внутрь, усаживайся и дай ноге отдохнуть. Мальчишек я оставлю с тобой и проведу рекогносцировку.

Дом был ярко освещен.

— Хью! Не нужно!

— Почему?

— Это моя машина. Это та самая ночь!

Он долго смотрел на нее. Потом тихо сказал:

— Все равно необходимо осмотреться. Оставайся здесь.

Он вернулся минуты через две, распахнул дверцу и повалился на сиденье, с шумом выдохнув воздух.

Барбара позвала его:

— Милый! Милый!

— О боже мой! — Он закашлялся и некоторое время ничего не мог вымолвить. — *Она* там! Грейс! И я *тоже*... — Он опустил голову на руль и всхлипнул.

— Хью!

— Что? О боже мой!

— Успокойся, Хью. Пока ты ходил, я завела машину. Ключ был в замке зажигания. Я оставляла его, чтобы Дьюк ее отогнал, когда будет уезжать. Так что мы можем ехать. Ты в состоянии вести машину?

Он постепенно успокаивался.

— В состоянии.

Секунд десять ему понадобилось на осмотр панели управления. Он немного отодвинул сиденье назад, включил передачу, повернул направо. Через четыре минуты он свернул на шоссе, ве-

дущее в горы, внимательно следя за знаками. Он сообразил, что в эту ночь, находясь за рулем без водительских прав, не стоит нарываться на полицию.

Когда он выруливал на шоссе, где-то в отдалении пробили часы. Он взглянул на наручные и заметил, что они отстают на одну минуту.

— Включи радио, дорогая.

— Хью, прости, пожалуйста, оно у меня как-то вышло из строя, и я все никак не могла собраться отдать его в ремонт.

— Ох!.. Ну ладно. Я имею в виду, что новости сейчас не имеют значения. Только время. Я все пытаюсь прикинуть, как далеко мы успеем отъехать за час. За час с минутами. Ты не помнишь, когда упала первая ракета?

— Кажется, ты сказал, что было одиннадцать сорок семь.

— И мне тоже так кажется. Я даже уверен в этом, просто хотел, чтобы ты подтвердила. Тогда все совпадает. Ты готовила креп-сюзетт, потом вы с Карен подали его, как раз тогда, когда заканчивались десятичасовые новости. Я ел очень быстро — блинчики были просто изумительны, — когда тот старый псих позвонил в дверь. То есть я сам позвонил. Я вышел к нему. Допустим, это было в

десять двадцать или чуть позже. Так что сейчас мы слышали, как пробило половину одиннадцатого, и то же самое показывают мои часы. У нас в распоряжении около семидесяти пяти минут, чтобы убраться от эпицентра как можно дальше.

Барбара ничего не ответила. Они выехали за пределы города. Хью нажал на газ, и скорость сразу подскочила с осторожных сорока пяти миль в час до верных шестидесяти пяти.

Минут через десять она сказала:

— Милый! Мне очень жаль. Жаль, что Карен погибнет, я хочу сказать. Больше мне сожалеть не о чем.

— А я вообще ни о чем не жалею. Даже о Карен. Да, меня действительно потряс недавно ее веселый смех, но только теперь я могу осмыслить его. Барбара, сегодня впервые в жизни я почувствовал, что верю в бессмертие. Ведь Карен сейчас жива — там, позади, — а мы уже видели, как она умирала. Поэтому в каком-то вневременном смысле Карен живет вечно — где-то в неизвестном нам средоточии времен и миров. Не проси меня объяснить это, но, я чувствую, так оно и есть.

— Я всегда это знала, Хью. Только не решалась сказать.

— Можешь всегда говорить мне все, что хочешь, черт возьми! Я говорил тебе это уже давно. Так что теперь я больше не испытываю печали по Карен. И честно говоря, ничуть не жалею Грейс. Некоторым людям удается добиться успеха именно тем, что они всегда следуют намеченным курсом. Она как раз из таких. А что касается Дьюка, то мне и думать-то о нем противно. Я возлагал на сына столько надежд! Ведь он был моим первенцем. Но я никогда не принимал участия в его воспитании и поэтому не смог сделать сына таким, каким хотел его видеть. К тому же, как заметил Джо, Дьюку не так уж и плохо. Сытость, безопасность и Счастье, похоже, единственное, к чему он стремился и чего достиг. — Хью пожал плечами, не отрывая рук от руля. — Поэтому мне лучше забыть о нем. С этого момента постараюсь больше никогда о нем не думать.

Через некоторое время он заговорил снова:

— Дорогая, ты не могла бы, хоть у тебя на руках и детишки, как-нибудь снять с моего плеча эту штуковину?

— Конечно могу.

— Тогда сдерни ее, пожалуйста, и выброси в кювет. Я предпочел бы, чтобы она оказалась в эпицентре взрыва, если мы еще не выбрались из

него. — Он нахмурился. — Мне не хочется, чтобы эти люди *когда-либо* путешествовали во времени. Особенно такие, как Понс.

Барбаре пришлось изрядно повозиться, действуя одной рукой, прежде чем удалось отвязать часы. Выбросив их в темноту за окном автомобиля, она сказала:

— Хью, я не думаю, чтобы Понс ожидал, что мы примем его предложение. Мне кажется, он сознательно поставил такое условие, на которое я никогда бы не согласилась, даже если бы ты и решил принести себя в жертву.

— Конечно! Он воспользовался нами как морскими свинками — или как своей белой мышью — и вынудил нас «согласиться». Барбара, ты знаешь, я, в принципе, могу выносить и даже в чем-то понимать (но не прощать) откровенных сукиных сынов. Но, на мой взгляд, Понс гораздо хуже, чем все они, вместе взятые. У него всегда были благие намерения. Он всегда мог доказать как дважды два, что пинок, который он тебе дает, служит тебе на пользу. Я презираю его.

Барбара возразила:

— Хью, а сколько белых людей нашего времени, если бы они обладали такой же властью и могуществом, как Понс, пользовались бы ими с

такой же мягкостью, как он?

— Что? Да нисколько. Даже твой покорный слуга не был бы способен на это. Кстати, насчет «белых людей» — это мимо цели. Цвет кожи тут ни при чем.

— Согласна. Я забираю назад слово «белых». Но я уверена, что ты единственный, кого власть не смогла бы заставить утратить человечность.

— Даже я не устоял бы. Да и *никто* вообще. Я однажды уже получил возможность применить власть и воспользовался ею так же отвратительно, как Понс. Я имею в виду тот случай, когда я приказал, чтобы Дьюку пригрозили ружьем. Мне следовало просто сбить его с ног приемом каратэ, может, даже убить его. Но не унижать. Так что никто, Барбара. Никто! И все же Понс был особенно отвратителен. Возьми, к примеру, Мемтока. Мне по-настоящему жаль, что я убил его. Он был человеком, который вел себя лучше, чем диктовала его природа. В Мемтоке было очень много подлости и садизма. Но он держал их в узде, чтобы как можно лучше исполнять свои обязанности. Но Понс… Барбара, милая, наверное, это вопрос, в котором мы никогда не придем к согласию. Ты чувствуешь к нему симпатию, потому что он хорошо относился к тебе и всегда был мил

с нашими мальчиками. Но именно из-за этого я и презираю его: он любил показать свою «королевскую милость», будучи менее жестоким, чем мог бы быть, но никогда не забывал напомнить своей жертве о том, как он мог бы быть жесток, если бы на самом деле не был таким славным, добрым старичком и таким милостивым владыкой. И я презираю его за это. Я начал испытывать к нему презрение еще задолго до того, как узнал, что ему к столу подают убитых молоденьких девушек.

— Что???

— Ты разве не знала? Должна была. Ведь мы с Понсом обсуждали это в нашем последнем разговоре. Ты не слушала?

— Я думала, вы оба упражнялись в сарказме.

— Ничего подобного. Понс — людоед. Он-то себя, конечно, людоедом не считает — мы для него не люди. Но он ест нас — они все едят. Понс всегда предпочитал есть девушек. Примерно по одной в день подается ежедневно к их семейному столу. Девушки примерно в возрасте Киски и ее телосложения.

— Но… но… но… Хью, я ведь ела то же, что и он, много раз. Значит, я… Значит…

— Конечно. И я тоже. Но только до того, как узнал, что у меня в тарелке.

— Милый… останови, пожалуйста, машину. Меня сейчас вытошнит.

— Можешь это сделать на близнецов. Остановить машину сейчас меня не заставит ничто.

Она с трудом открыла окно и высунулась наружу. Через некоторое время Хью мягко спросил:

— Ну как, дорогая, тебе лучше?

— Немного.

— Милая, пойми, факт каннибализма ни в малейшей степени не говорит против него. Ведь он действительно не видел в этом ничего плохого, и нет никакого сомнения в том, что коровы тоже считали бы нас извергами, если бы умели думать. Но были и другие вещи… и вот тут-то он прекрасно понимал, что делает. Потому что пытался оправдать их. Он находил аргументы в пользу рабства, в пользу тирании, он объяснял свою жестокость и всегда стремился к тому, чтобы жертва в конце концов согласилась с ним и *поблагодарила* его… Палач добивался, чтобы она добровольно взошла на плаху и еще дала ему на чай.

— Я больше не хочу говорить о нем, дорогой. У меня в голове все перемешалось.

— Прости. Я полупьян, хотя не выпил ни капли, и болтаю сам не знаю что. Больше не буду. Посмотри, не едет ли кто-нибудь за нами, — я

собираюсь поворачивать налево.

Она оглянулась, и, когда они свернули на проселочную дорогу, находившуюся в ведении штата, узкую и не слишком ровную, он сказал:

— Я, кажется, придумал, куда мы поедем. Сначала я хотел просто убраться подальше. Теперь у нас есть цель. И возможно, там мы будем в безопасности.

— Что это за место, Хью?

— Заброшенная шахта. Она называется Ховли-Лоуд. Когда-то я вложил в нее деньги и потерял их. Может быть, теперь она окупит себя. Там отличные просторные штольни, и к ней легко добраться по этой дороге. Если только я не пропущу поворот в темноте. Если мы успеем добраться до того, как все начнется.

Он сосредоточился на дороге, переключая передачи на подъемах и спусках, резко тормозя перед поворотами, а затем круто выворачивая руль и вписываясь в них на полном газу.

После очередного резкого поворота Барбара, чуть не вывалившись из машины, заметила:

— Дорогой, я понимаю, что ты горишь желанием спасти нас всех. Но я не вижу особой разницы, погибнем мы от водородной бомбы или в автокатастрофе.

Он улыбнулся, но скорости не сбавил.

— Барби, мне приходилось водить джип даже в полной темноте. Уверяю тебя, мы не разобьемся. Мало кто представляет себе все возможности машины, в которой толковый водитель и ручное переключение передач. В горах оно просто необходимо. Я бы не решился заехать сюда на машине с автоматом.

Она ничего не ответила и тихо молилась про себя.

Они добрались до небольшой площадки почти на вершине горы. Дальше дорога раздваивалась. На развилке виднелся свет. Заметив его, Хью сказал:

— Посмотри, сколько на часах.

— Одиннадцать двадцать пять.

— Отлично. Мы в пятидесяти с лишним милях от эпицентра. Я имею в виду мой дом. А отсюда до Ховли-Лоуда не больше пяти минут езды, и я теперь знаю, куда ехать. Кажется, бензин у нас как раз кончается, а у Шмидта открыто. Прихватим немного бензина и кое-какой провизии тоже — да, я помню, что у тебя в машине есть и то и другое. Но запас нам не повредит. Мы все равно успеем до того, как опустится занавес.

Он затормозил, раскидывая гравий колесами, у

бензоколонки и выскочил из машины.

— Беги внутрь и начинай набирать провизию. Положи близнецов на пол и закрой дверцу. Ничего с ними не случится. — Он тем временем сунул наконечник шланга в бак машины и начал качать топливо старомодным насосом.

Барбара, заскочив внутрь станции, тут же выглянула и крикнула:

— Там никого нет!

— Тогда посигналь. Голландец, скорее всего, в своем домике, позади станции.

Барбара несколько раз нажала кнопку клаксона. Заплакали ребятишки. Хью повесил шланг на место.

— Теперь мы должны ему за четырнадцать галлонов. Пойдем. У нас есть еще минут десять.

Уголок Шмидта был автозаправочной станцией, небольшой закусочной и маленьким универмагом одновременно. Тут было все, что могло понадобиться людям, живущим поблизости, — рыбакам, туристам и охотникам, которые любят забираться в глушь. Хью не стал терять время на поиски хозяина. Обстановка говорила сама за себя: всюду горел свет, противомоскитная сетка на двери была откинута, на плите шипел убегающий кофе, на полу валялся опрокинутый

стул, радио было настроено на экстренный канал. Внезапно оно заговорило:

«Воздушная тревога! Третье предупреждение! Это не учебная тревога! Немедленно в убежища, в любые убежища, черт бы вас всех побрал! Через несколько минут на ваши пустые головы посыпятся атомные бомбы. Лично я, черт побери, собираюсь сейчас забросить к дьяволу этот дурацкий микрофон и кубарем скатиться в подвал. Потому что до начала бомбежки осталось всего пять минут! Бегите, тупые придурки, и перестаньте слушать чушь, которую я несу! ВСЕ В УБЕЖИЩА!!!»

— Скорее бери пустые коробки и начинай наполнять их. Не нужно ничего укладывать, просто бросай в них все. А я буду выносить их наружу. Мы завалим ими заднее сиденье и пол. — Хью тут же последовал собственному совету и быстро загрузил одну из коробок, опередив Барбару. С коробкой в руках он бросился наружу, потом бегом вернулся. У Барбары уже была готова другая коробка, а третья заполнена наполовину.

— Хью, подожди. Одну секунду. Ты только посмотри.

Последняя коробка не была пустой. Там лежала

кошка, которая ничуть не испугалась незнакомых людей. Она спокойно взирала на них, а четверо пищащих малышей в это время сосали ее. Хью заглянул ей в глаза. Потом он вдруг закрыл коробку.

— Ладно, — сказал он. — Положи что-нибудь не очень тяжелое в другую коробку — придавим ею котов, чтобы их логово не опрокинулось во время езды. Скорее! — Он кинулся бегом к машине, держа в руках коробку с кошачьим семейством, которое писком выражало свое недовольство.

Барбара вскоре последовала за ним с наполовину заполненной коробкой и поставила ее на коробку с кошками. Затем они оба ринулись обратно.

— Забери все консервированное молоко, которое найдешь. — Хью на мгновение приостановился, чтобы швырнуть на прилавок колбаску с долларами. — И еще прихвати туалетную бумагу или «клинекс», все, что найдешь. Нам осталось не более трех минут.

Они покинули станцию только через пять минут, но зато заднее сиденье автомобиля теперь полностью было загружено.

— Я разжилась дюжиной чайных полотенец и шестью большими пачками «Чакс».

— Чего-чего?

— Пеленками, дорогой, пеленками. Надеюсь, что их хватит надолго. И еще я прихватила две колоды карт. Может быть, не следовало делать этого?

— К чему лицемерить, любимая? Придерживай малышей и убедись, что дверца закрыта как следует. — Он отъехал на несколько сот ярдов, то и дело выглядывая. — Вот она! Дорога к шахте!

Началась тряска. Хью вел машину очень медленно и очень осторожно.

Преодолев один из поворотов, они увидели темное отверстие, зияющее в горе.

— Отлично, мы успели! И можем прямо заехать внутрь. — Он прибавил скорость, но тут же резко нажал на тормоз. — Боже милостивый! Корова!

— И теленок, — добавила Барбара.

— Придется оставить их.

— Хью, но ведь это же корова… с теленком!

— Э-э-э… но как, черт возьми, мы будем их кормить?

— Хью, может быть, здесь ничего и не сгорит. А ведь это настоящая живая корова.

— Ладно, ладно, хорошо. Если придется, забьем их, в конце концов, и съедим.

Шахту в тридцати футах от входа перегора-

живала деревянная стенка с крепкой дверью. Подгоняя недовольную корову радиатором, Хью подал машину вперед, прижав ее со стороны водителя к каменной стене, чтобы можно было открыть противоположную дверцу.

Корова тут же сделала попытку прорваться на свободу. Барбара открыла дверцу со своей стороны и этим задержала ее. Теленок мычал. Ему вторили близнецы.

Хью выбрался наружу, протиснулся мимо Барбары и близнецов, обогнул корову и отпер дверь в перегородке. Она была заперта только на засов, открытый замок свисал с дужки. Хью отпихнул коровий зад и распахнул дверь.

— Включи фары. А то ничего не видно.

Барбара включила освещение, настаивая на том, чтобы корову с теленком тоже загнали внутрь. Хью пробормотал себе под нос что-то вроде «чертов Ноев ковчег», но согласился — в основном потому, что корова загораживала дорогу. Дверной проем, хотя и широкий, был на дюйм уже, чем буренка, и та упорно *не желала* протискиваться сквозь него. Тогда Хью поставил ее головой вперед и отвесил здоровенного пинка. Теленок без понуканий сам последовал за матерью.

Только сейчас Хью понял, почему корова и теленок оказались здесь. Кто-то, видимо, из местных жителей приспособил преддверие шахты под коровник. Внутри хранилось около дюжины тюков сена. Как только корова увидела такое изобилие, все мысли о свободе тут же покинули ее.

Коробки были занесены внутрь. Из двух вытряхнули содержимое и в каждую посадили по близнецу. Рядом с ними поставили убежище котят, закрепив все три коробки так, чтобы их нельзя было опрокинуть и выбраться из них.

Когда они выгружали аварийный комплект Барбары из машины, все вокруг вдруг осветилось, как днем. Барбара ахнула:

— О господи! Мы не успеем!

— Продолжай выгружать. Десять минут до звуковой волны. Сколько до ударной, я не знаю. Вот, возьми винтовку.

Они уже выгружали из машины канистры с бензином и с водой, когда почва задрожала и послышался гул гигантской подземки. Хью быстро отнес канистры внутрь и крикнул:

— Убери их с прохода!

— Хью, иди сюда!

— Сейчас. — Прямо за машиной лежало сено, которое он притащил сюда. Он собрал его, просу-

нул в дверь, вернулся и подобрал остатки — не ради спасения сена, а чтобы уменьшить угрозу пожара в случае воспламенения бензина в баке автомашины. Он сначала даже хотел вывести машину наружу и спустить под откос, но потом решил не рисковать. Если жар будет так силен, что горючее в баке воспламенится, можно уйти в глубину и схорониться в боковых туннелях.

— Барбара! Ты нашла фонарик?

— Да! Прошу тебя, иди сюда, пожалуйста!

Он вошел внутрь и закрыл за собой дверь.

— Теперь нужно отодвинуть все это сено подальше от входа. Ты будешь светить, а я понесу охапки. Только смотри под ноги. Дальше начинаются сырые места. Именно поэтому мы и закрыли в свое время шахту. Слишком дорого обходилась откачка.

Они переместили провизию, домашнюю живность (детей, коров, кошек) и снаряжение в боковой туннель, ярдов на сто вглубь горы. По пути им попалось место, где вода доходила до щиколоток, но боковой туннель затем повышался и оказался совершенно сухим. Полные воды мокасины Барбары при ходьбе хлюпали.

— Извини, — сказал Хью. — Эта гора — настоящая губка. Буквально из каждой проделанной

дырки начинает бить фонтан воды.

— Я, — заявила Барбара, — женщина, которая высоко ценит воду. И на то у меня есть веские причины.

Хью ничего не ответил, так как в это время все кругом осветила вспышка от взрыва второй бомбы. Она была, видимо, очень мощной, если сияние сквозь щели в деревянной стенке распространилось на такую глубину. Он взглянул на часы.

— Как раз вовремя. Мы на повторном показе того же кино, Барб. Надеюсь, на этот раз будет не так жарко.

— Не знаю, не знаю.

— Думаешь, нет? Конечно, тут будет прохладнее. Даже если снаружи все будет полыхать. Кажется, я знаю место, где мы можем укрыться и остаться в живых. Мы и кошки продержимся там, даже если внутрь пойдет дым от пожаров. Вот корове с теленком, возможно, придется туго — их туда не затащить.

— Хью, я не то имею в виду.

— А что же?

— Хью, я не сразу сказала тебе... Я так испугалась и расстроилась и не хотела расстраивать тебя. У меня никогда не было машины с ручным

переключением передач.

— Что? Тогда чья же это машина?

— Моя. Я хочу сказать, что в ней действительно торчали мои ключи — и в багажнике припасенные мною вещи. Но у меня была коробка-автомат.

— Милая, — медленно произнес он, — наверное, ты слегка переволновалась.

— Я так и знала, что ты примешь меня за сумасшедшую, именно поэтому я и не говорила тебе ничего до тех пор, пока мы не окажемся в безопасности. Но, Хью, выслушай меня, дорогой: у меня правда никогда в жизни не было автомобиля с ручным переключением. Я не сумела бы вести такую машину. Я просто не знаю, как переключать передачи.

Он задумался.

— Тогда я ничего не понимаю.

— И я тоже. Милый, когда ты вернулся от своего дома к машине, ты сказал: «Она там. Грейс». Ты имел в виду, что видел ее?

— Конечно видел. Она клевала носом перед телевизором, наполовину отключившись.

— Но, дорогой, Грейс *действительно* сначала клевала носом перед телевизором. Но потом ты уложил ее в постель, пока я готовила креп-сюзетт.

Разве ты не помнишь? Когда объявили тревогу, ты пошел за ней и на руках принес ее вниз — она так и была в ночной рубашке.

Несколько мгновений Хью Фарнхэм стоял неподвижно.

— Так оно и было, — согласился он наконец — Именно так. Ладно, давай занесем сюда остатки вещей. Самый большой взрыв будет примерно через полтора часа.

— А ты думаешь, он будет?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Хью, я не знаю, что произошло. Может быть, это совсем другой мир. Или, может быть, мир тот же самый, только самую чуточку изменившийся под влиянием нашего возвращения хотя бы.

— Не знаю, не знаю. Так или иначе, жизнь продолжается, и мы должны перенести сюда остатки вещей.

Самый сильный взрыв произошел вовремя. Их тряхнуло, но все обошлось без повреждений. Когда пришла ударная волна, их тряхнуло опять. Но никаких неприятностей не случилось и на сей раз, разве что сдали нервы у некоторых слишком впечатлительных животных. Близнецам же, похоже, суровая жизнь начала нравиться.

Хью засек время, потом задумчиво произнес:

— Если это и другой мир, то он от нашего отличается совсем незначительно. И все же.

— Что, милый?

— И все же он *немного* другой. Например, ты не забыла, что машина у тебя была другая. А я помню, что уложил Грейс в постель очень рано. После этого мы еще поговорили с Дьюком. Так что он отличается от нашего. — Тут он вдруг улыбнулся. — И он может быть отличен от нашего в очень важных вещах. Если будущее может изменять прошлое, то, вероятно, и прошлое воздействует на будущее. Может быть, Соединенные Штаты и не будут полностью уничтожены. Может быть, ни та ни другая сторона не пойдут на самоубийство и не станут швыряться чумными бомбами. Может быть… Черт возьми, может быть, у Понса и не появится возможности обедать девушками-подростками! — И добавил: — И можете быть уверены, я сделаю для этого все, что в моих силах.

— Мы попытаемся! И наши мальчики попытаются.

— Да, но все это завтра. Мне кажется, что сегодняшний фейерверк окончен. Мадам, смею ли я надеяться, что вы не побрезгуете уснуть на куче сена?

— Вот так просто взять и уснуть?

— До чего же ты похотлива! У меня был долгий и трудный день.

— Но у тебя и в тот раз позади был долгий и трудный день.

— Посмотрим.

23

Они пережили ракеты, они пережили бомбы, они пережили пожары, они пережили эпидемии, которые вовсе не оказались такими опустошительными и, вполне возможно, не были вызваны применением бактериологического оружия. Во всяком случае, обе воюющие стороны горячо отрицали это. Они пережили длительный период беспорядков, когда гражданское правительство корчилось в агонии, как змея с перебитым позвоночником. Они продолжали жить. Жизнь продолжалась.

Вывеска над их жилищем гласила:

СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА

ФАКТОРИЯ и РЕСТОРАН

БАР

американская водка
кукурузный ликер
яблочное бренди
чистая родниковая вода
парное молоко
солонина с картошкой

стейки с жареным картофелем
масло и иногда хлеб
копченая медвежатина
вяленая дичь
креп-сюзетт на заказ

!!!В качестве платы принимаем любые КНИГИ!!!

ДНЕВНОЙ ПРИСМОТР ЗА ДЕТЬМИ

!!БЕСПЛАТНЫЕ КОТЯТА!!

Кузнечные работы, ремонт механизмов, работа по листовому металлу – металл предоставляет заказчик

ФАРНХЭМСКАЯ
ШКОЛА БРИДЖ-КОНТРАКТА

Уроки по договоренности.

Каждую среду вечером – встречи.

ВНИМАНИЕ!!!

Позвоните в колокольчик. Дождитесь ответа.

Приближайтесь к дверям с поднятыми руками.

Не сходите с тропинки – участок заминирован.

За прошедшую неделю мы потеряли трех покупателей.

Мы не можем позволить себе потерять еще и ВАС!

Никакого налога с продаж.

Хью и Барбара Фарнхэм и сыновья
Свободные владетели

А высоко в небе, над вывеской, развевался самодельный звездно-полосатый флаг — и жизнь их продолжалась по-прежнему.

Послесловие

Роман впервые опубликован в журнале «Worlds of IF» (июль — октябрь 1964). Полный вариант напечатан в книжном издании «Farnham's Freehold» (*G. P. Putnam's Sons*, 1964). Текст печатается по изданию «Farnham's Freehold» (*The Virginia Edition*, 2011).

В романе «Свободное владение Фарнхэма» есть две темы, которые, как правило, притягивают внимание читателя. (На самом деле, конечно, три, но сексуальные отношения — это настолько обычная шпилька во «взрослых» романах писателя, что обсуждать этот момент не имеет смысла.) Первая тема относится к расовым проблемам, на нее особенно болезненно реагируют жители США, вторая — атомный холокост, она больше привлекает читателей с территории бывшего Советского Союза. Вот об этих двух темах мы и поговорим.

Благие намерения и закон дьявола

Для того чтобы понять отношение Роберта Хай-

нлайна к расовым проблемам, стоит ненадолго заглянуть в прошлое. Боб вырос в семье, достаточно толерантной по отношению к чернокожему населению США. Насколько юный Бобби усвоил эту толерантность — отдельный вопрос, но можно не сомневаться, он знал, что *это правильно*. Так что отсутствие школьных друзей-негров можно просто списать на Закон о сегрегации обучения. По этой же причине чернокожим подросткам не светила перспектива обучения в Академии ВМФ или работа в инженерной должности в секретной лаборатории, так что единственная возможность завести друзей среди цветного населения была у Хайнлайна только в промежуток между списанием на берег и началом войны. Занимаясь политикой, Хайнлайн встречался с огромным количеством людей, в том числе чернокожих, но ни одно из этих знакомств не имело продолжения. Ни в 30-х, ни в 40-х это было просто *не принято,* и сами чернокожие американцы смотрели на попытки сближения со стороны белых искоса. Уже после войны один чернокожий флотский офицер начал активно искать дружбы Хайнлайна — но, как выяснилось, он всего лишь хлопотал за свою жену, начинающего писателя. Боб прочитал рукопись, дал несколько практических советов, а

затем задействовал свои связи и рекомендовал рукопись своим знакомым акулам издательского бизнеса. Не могу не отметить, что в письме к своему литагенту он все же не удержался и пошутил по поводу фамилии автора. Она была Уайт, то есть Белая.

В одном из писем в конце 50-х Хайнлайн писал:

…У меня нет предубеждения к неграм. Но я не чувствую вины за то, что рабство существовало в этой стране с 1619 года до Гражданской войны. Я к нему непричастен. И ни один из моих предков, насколько мне известно, не владел рабами.

Судя по дальнейшему тексту письма, отношение Боба к расизму сводилось к тому, что он от него отмежевывался. В некоторых вопросах он фактически занимал отстраненную «общечеловеческую» позицию, причем проводил ее последовательно во всех возможных аспектах, то есть попросту игнорировал расовые различия. В этом было определенное двоемыслие, потому что сам факт наличия расовых различий, физических и культурных, Хайнлайн, при случае, не отрицал. Во время войны он некоторое время занимался вербовкой кадров в секретную лабо-

раторию ВМФ.

Я пытался нанять негритянских инженеров во время войны; нам удалось нанять лишь одного на триста рабочих мест. Он был настоящим гением.

Был и второй кандидат, но у него не оказалось нужной квалификации. Проблему низкого уровня образования чернокожих Хайнлайн отмечает, но комментирует ее с той же отстраненной «общечеловеческой» позиции:

Для подростка самый простой способ получить хорошее образование — это заиметь богатых родителей. Однако несколько негров и большинство белых, оказавшихся в таком положении, на самом деле ни черта не делают… У большинства по-настоящему хорошо образованных людей любого цвета кожи никогда не было богатых родителей, они как-то сами со всем справились.

Но точно с той же «общечеловеческой» позиции Хайнлайн относился и к различным проявлениям расизма, с которыми сталкивался. Расистов он не терпел так же, как антисемитов, и резко разрывал отношения, если замечал у знакомых подобные настроения. Таков был кодекс его по-

ведения. Хайнлайн следовал ему, потому что *это было правильно*. Однако близких друзей-негров у него так и не появилось. Возможно, потому, что *отношение* писателя к чернокожим согражданам было несколько сложнее его подчеркнуто-толерантного *поведения*.

Повесть «Дьявол вершит закон» была опубликована в 1940 году в журнале «Unknown», и в ней имеется один примечательный эпизод, в котором главный герой ожидает встречи с уважаемым профессором. Вот как она происходит:

«Я встал ему навстречу и увидел высокого плотного мужчину с благообразным умным лицом. Одет он был в довольно консервативный дорогой костюм изысканного покроя и держал в руках перчатки, трость и большой портфель. И при всем этом был черным, как чертежная тушь!

Я попытался скрыть удивление, и, надеюсь, мне это удалось: меня просто в дрожь бросает от мысли, что я мог допустить подобное хамство. Не было причин, почему этот человек не мог оказаться негром. Просто я этого не ожидал».

Здесь есть три важных момента, которые стоит отметить: во-первых, Арчи Фрэзер, от лица которого ведется рассказ, считает хамством

выказывать удивление, что джентльмен с оксфордским образованием оказался негром, ведь это может оскорбить гостя. Во-вторых, Арчи все-таки удивился. В-третьих, Хайнлайн, являясь демиургом этого мира, намеренно создал ситуацию, в которой герой попал в ловушку обманутых ожиданий, то есть сознательно спровоцировал его на отклик. В дальнейшем Хайнлайн не раз применит подобный метод «расовой провокации», но уже по отношению к читателям. В чем он заключается? В том, чтобы дать «общечеловеческие» характеристики персонажа, не упоминая о его расовой принадлежности, а затем, когда читатель мысленно достроит образ героя, огорошить его сообщением, что он «черный» или «цветной». У этого метода есть один существенный недостаток, к которому мы позднее вернемся.

Итак, Арчи, загнанный в ловушку автором, испытывает когнитивный диссонанс и *проговаривается*, ведь он никак не предполагал, что «высокоуважаемый доктор Ройс Уортингтон», «высокоученый английский профессор» и, наконец, постоялец отеля «Белмонт» с визитной карточкой, окажется негром. По нынешним критериям это автоматически делает Арчи Фрэзера расистом. Однако расизм и отношение к конкрет-

ному афроамериканскому меньшинству — вещи *смежные*, но не *эквивалентные*. Далее Хайнлайн считает нужным уточнить различие между «афроамериканцами», как их теперь называют, и остальными представителями черной расы:

«Мы, белые в этой стране, склонны недооценивать черных — во всяком случае, я склонен, — потому что видим их вне их культурного наследия. У тех, кого мы знаем, была их собственная культура, она была отнята десяток поколений назад и заменена рабской псевдокультурой, навязанной им силой. Мы забываем, что у черных была собственная культура, более древняя, чем наша, с более стойкой основой, так как опиралась она на человеческие способности и силу духа, а не на дешевые фокусы механических гаджетов. Но это суровая, жестокая культура, без сентиментальной озабоченности судьбой слабых и неприспособленных, и она никогда полностью не исчезает».

Таким образом, предвзятое отношение Арчи испытывает лишь к своим чернокожим согражданам, к их местной субкультуре, оно не распространяется на черную расу как таковую. По существу абсолютно правильно, но испол-

нено крайне неуклюже — Хайнлайну, для того чтобы разграничить отношение к определенной культуре и отношение к расе, приходится противопоставить неких (выдуманных) «настоящих негров», никогда не знавших рабства, потомкам американских рабов, признавая их тем самым какими-то «ущербными неграми». Ни в те годы, ни много позже Хайнлайн не встречал «настоящих негров», но Ройс Уортингтон *должен* был существовать, потому что *так было правильно*. Маленькая фантазия во имя большой правды.

Заявление о рабской псевдокультуре «афроамериканцев», по-видимому, отражает собственные мысли автора — в его произведениях практически не встречается архетипичная фигура «Дядюшки Тома» или его урбанизированных отпрысков. Чернокожие персонажи в его романах либо безликие и безмолвные фигуры, либо выходцы из других частей света — Хайнлайн словно стыдится изображать своих чернокожих сограждан такими, какими он их видел, потому что это было бы *неправильно*. Маленькое умолчание во имя большой правды.

Я уже говорил о методе расовой провокации, который Хайнлайн активно применял в более поздних вещах. (Возможно, слово «провокация»

звучит слишком резко для уха… ну, можете называть это «расовыми пасхалками», например.) Направленный на утверждение толерантности (или на то, чтобы читатель обнаружил свою степень нетолерантности), этот метод содержит один изъян и, возможно, свидетельствует о серьезных проблемах в мировоззрении автора. На самом деле подобная провокация не может сработать без определенной подтасовки. Вот в чем она заключается: ни один из «расово-неопределенных» персонажей не обладает культурной идентичностью, точнее, все они показаны представителями усредненной, дистиллированной «западной» культуры. В противном случае читатель успел бы распознать его национальность/расу по характерным меткам до погружения в образ и отождествления, и тогда провокация не состоялась бы. (Если присмотреться, Хайнлайн первого и второго периодов вообще редко наделял персонажей контрастными культурными маркерами — он писал либо о WASP[27], либо об отдаленном будущем, где все культуры слились

[27] Примечания: 27

WASP (White Anglo-Saxon Protestant) — белый американец англо-саксонского происхождения протестантской веры, прежнее обозначение «стопроцентного американца», соль нации; ныне приобрело негативный смысл. — *Примеч. С. В. Голд.*

в «усредненную западную». Ближе к концу ювенильного периода он использовал культурные различия для того, чтобы сталкивать между собой «прогрессивную» и «консервативную» культуры, либо для того, чтобы создать комический/сатирический эффект. Но настоящее культурное многообразие — в нынешнем понимании этого термина — появляется в его романах только начиная с 60-х.) Таким образом, приходится констатировать, что все «цветные» персонажи Хайнлайна, введенные им в качестве «расовых пасхалок», на самом деле поддельные, это обычные белые с раскрашенными лицами, в чистом виде «блекфейс», как это сейчас называется. И это откровенная ложь во имя большой правды.

Наиболее отчетливо отражает упрощенное понимание Хайнлайном расизма история Лоренцо Смайта в «Двойной звезде». Смайт — карикатурно-безобидный бытовой расист, хотя сам он себя таковым не считает.

«Терпеть не могу марсиан. Почему твари, похожие на пенек в тропическом шлеме, должны иметь те же права, что и нормальные люди? Мне было неприятно видеть, как они выпускают эти свои псевдоподии, — будто змеи из нор выползают. И мне не нравилось, что смотрят они сразу

во все стороны, не поворачивая головы, — если, конечно, можно назвать *это* головой! И я терпеть не могу их *запах*.

Нет, вы не думайте, никто не смеет сказать, будто я — расист. Плевать мне, какого человек цвета и кому молится. Но то — человек! А марсиане… Не звери даже, а не разбери что! Лучше уж дикого кабана рядом терпеть. И то, что их наравне с людьми пускают в рестораны, всегда возмущало меня до глубины души. Однако на этот счет есть договор; хочешь не хочешь — подчиняйся».

Его фобия по отношению к марсианам, как выясняет доктор, имеет четкое физиологическое происхождение и вылечивается за несколько сеансов гипнотерапии. И это показательный пример. Писатель видел в расизме в первую очередь биологическую проблему, а вовсе не социальную.

Еще раз повторюсь: Хайнлайн отделял неприятие конкретных людей или, шире, какой-либо культуры или субкультуры от расизма — негативного/пренебрежительного отношения к конкретной расе. Расизм не избирателен; если один черный тебе неприятен, а другой нет — то это не расизм. Хайнлайн считал расизм фобией, воспринимал его как чисто психологическое

отклонение от нормы и по этой причине ограничивал явление только бытовым расизмом. «Хайнлайн отмечает такие вещи, как порабощение и цветные предрассудки, понимает их и противостоит им, но он не видит, что расизм — более многоплановое явление. Хайнлайн не замечает того, что мы сегодня называем системным расизмом», — пишет Фара Мендельсон в своей книге «The Pleasant Profession of Robert A. Heinlein» и чуть ниже добавляет: «Для Хайнлайна „расовые предрассудки“ просты: вы либо чувствуете предубеждение по отношению к другим цветам, либо нет. Чего у него нет, так это какого-либо понимания узаконенной дискриминации или роли, которую играет предвзятая и дискриминационная культура».

Замечу, что слова Фары о том, что «Хайнлайн не замечает того, что мы сегодня называем системным расизмом», — это еще мягко сказано. Он не просто «не замечал», он фактически отрицал его как существенное явление американской жизни:

«Когда я нанимаю инженера-механика, меня не волнует цвет его кожи, однако меня чертовски волнует уровень его математического мышления, его знание сопромата, схемотехники,

электроснабжения, контрольно-измерительных приборов и т. д. — и, если он не стоит своей зарплаты, я, естественно, не захочу нанимать его только из-за цвета кожи, потому что обязан это сделать. При этом меня совершенно не волнует, что у него „никогда не было шанса“ получить нужную квалификацию. Я не уверен, что общество обязано подносить ему такой шанс на блюдечке, — и не важно, белый он или черный».

Итак, Хайнлайн, безусловно, антирасист, но, похоже, он борется только с бытовым расизмом, считая его не более чем заблуждением, предрассудком или психическим отклонением отдельных людей. Расизмом, как социальным явлением, он пренебрегает. И он начисто игнорирует последствия расизма, поэтому справедливость в его понимании означает равенство возможностей, а не раздачу льгот отдельным группам населения.

Я постоянно говорю о «борьбе», но вся борьба писателя, по большому счету, сводится к декларации равенства — ни в одном из своих произведений, кроме упомянутых повестей «Дьявол вершит закон» и «Двойная звезда», он не касается проблем, порождаемых расизмом. Да и в этих двух вещах картина мира изображена не с точки зрения тех, кто пострадал от расизма, а с точки

зрения тех, кто эти предубеждения испытывает. Последствия расизма в своих произведениях он игнорирует (для человека, живущего во времена сегрегации, у него чертовски избирательная оптика). Вопроса «восстановления исторической справедливости» для него не существует, Хайнлайн озабочен лишь устранением фобий и предвзятого подхода к людям другого цвета кожи. Все остальное, по его мнению, противоречит принципам свободного мира.

Такая сдержанность писателя в обсуждении расовых вопросов характерна для периода до начала 60-х, и ее можно объяснить внешними причинами. Ни Кэмпбелл, ни Алиса Далглиш, которые были его редакторами, не пропустили бы в печать текст с откровенным обсуждением столь болезненных вопросов. Америка 40–50-х годов была просто не готова к спокойным дискуссиям на тему расизма или расовой сегрегации — такие дискуссии неизменно заканчивались поджогами и убийствами. Поэтому Хайнлайн ограничивался в своих произведениях «расовыми пасхалками» и другими безобидными вещами.

Но вот наступили 60-е, и мир, окружавший писателя, начал стремительно меняться. А вместе с миром начал меняться и сам Хайнлайн.

Его крайне упрощенное отношение к расовым проблемам перестало соответствовать тому, что он видел вокруг себя.

И тут мы немного отвлечемся от темы расизма и поговорим о таких замечательных достижениях цивилизации, как пропаганда, национальный шовинизм и параноидальная истерия.

Пекло

Наступление атомной эры 6 августа 1945 года было встречено в Америке с воодушевлением. Президент Трумэн назвал случившееся величайшим достижением науки и важной вехой человеческого прогресса, граждане просто радовались гибели сотен тысяч япошек, считая ее местью за Пёрл-Харбор, и лишь немногие испытывали ужас и отвращение. Во-первых, это были ученые, работавшие на проекте «Манхэттен». Во-вторых, атомную угрозу человечеству видели писатели-фантасты, и среди них Роберт Хайнлайн.

Писатель считал, что в следующей войне непременно будет применено атомное оружие, что приведет к ответным ударам и полному взаимоуничтожению сторон. Этого нельзя было допустить. В октябре 1945-го он писал Вилли

Лею:

Я тщательно все взвесил и продумал и считаю, что Соединенные Штаты как нация будут с большой вероятностью уничтожены с потерями более пятидесяти миллионов человек в течение следующего десятилетия, если существующие тенденции не будут решительно изменены.

Но голоса ученых и фантастов бесследно утонули в шуме праздничных салютов по случаю окончания войны. Население Америки вовсе не собиралось задумываться об угрозах, которое может нести атомное оружие. Оно хотело вернуться к мирной жизни и не думать ни о чем плохом. Как раз в это время через СМИ на него обрушились горы вранья о том, как атом преобразит быт и жить станет лучше и веселей. Пропаганда старалась создать позитивный образ мирного атома и внушить гражданам чувства защищенности и избранности — в свете предстоящих радикальных шагов во внешней политике. Тотальное невежество обывателей и сильный интерес иллюстрированных журналов к атомной тематике побудили Хайнлайна написать в 1946 году несколько статей на актуальную тему. Он встретился с учеными-атомщиками и проникся

их идеями контроля над вооружением. Атомные бомбы должны были перейти под контроль ООН и превратиться в средство понуждения к миру, иначе миру грозила катастрофа.

«Не будем обманываться. Следующая война сотрет нашу страну с лица земли, а третья мировая уже не за горами. Мы не сделали почти ничего, чтобы предотвратить ее, и еще меньше — чтобы подготовиться к ней…»

Отмечу, что на заре атомного века Хайнлайн не видел Советский Союз в качестве главного кандидата на роль агрессора. Им могла стать любая технически развитая страна.

«Ученые неустанно повторяют: „секрет“ атомной бомбы в мешке не утаишь, все упирается в элементарное ноу-хау, разработать которое сможет любая промышленно развитая страна.

Прогноз очевиден: в ближайшие несколько лет любая, даже самая скромная и слабая промышленно развитая страна сумеет создать средство, способное уничтожить Соединенные Штаты внезапно, в ходе одной-единственной атаки…

У нас есть все основания бояться этой атаки. Мы пережили один Пёрл-Харбор и точно *знаем*,

что это может повториться. Наше нынешнее поведение рождает страх и недоверие в сердцах жителей всей планеты. Не важно, насколько миролюбивыми и благородными мы себя считаем: скоро нас возненавидят многие…

Мы сами загнали себя в такую ситуацию, когда приходится ожидать нападения от кого угодно — от любого, кто первым обзаведется ядерным оружием и ракетами дальнего действия».

Статьи Хайнлайна не имели успеха у редакторов, он получал отказ за отказом — никто не верил в Армагеддон и не хотел думать о неприятных вещах. Между тем в статьях писателя были предсказаны очень многие вещи, которые внезапно станут актуальными десятилетия спустя. Рассказывая об угрозе атомного холокоста, Боб впервые заговорил о рецептах персонального спасения граждан, которое становилось насущным вопросом, коль скоро государство не способно их защитить.

«Тем, кто уже выбрал и укомплектовал убежище, но предпочел оставаться в опасной зоне, необходимо держать ухо востро и во все глаза следить за пертурбациями на мировой арене. *После запуска ракет у вас не будет времени убежать*».

Хайнлайн подробно перечислял, какими навыками должен обладать выживальщик, что он должен держать в багажнике автомобиля и какие справочники и запасы он должен приготовить в убежище. Впрочем, ужасы атомных бомбардировок он описывал лишь для того, чтобы читатели ухватились за другую альтернативу — надавить на конгрессменов и сенаторов и провести через парламент нужные политические решения. Международный контроль, международные военно-воздушные силы по поддержанию мира с атомными бомбами и тому подобное.

Помимо статей он вынашивал и литературные планы: роман о двадцатиминутной Третьей мировой «После Судного дня» и «Час ножа» — о принуждении к миру и завоевании Америкой мирового господства. Статьи оказались гласом вопиющего в пустыне, а литературные планы так и остались планами. Кое-что из них воплотилось позднее — в повестях «Свободные люди» и «Год Джекпота» и, конечно же, в романе «Свободное владение Фарнхэма».

Что ж, никаких «международных военно-воздушных сил» так и не возникло, вместо них возникли Североатлантический альянс и Варшавский договор. Бывшие союзники Вто-

рой мировой войны настолько стремительно превратились во врагов, что перспектива международного контроля над атомным оружием (если она вообще когда-то существовала) растаяла как дым. А вот атомные страшилки, описанные Хайнлайном, остались. Несколько лет спустя они начали потихоньку вползать в сознание американских обывателей. Это был долгий процесс, слишком велика была инерция мышления.

23 сентября 1949 года президент США Г. Трумэн выступил с обращением к американскому народу:

«Я полагаю, что американский народ имеет право быть информированным обо всех событиях в области атомной энергии в максимальной степени, не противоречащей интересам национальной безопасности. По этой причине я предаю гласности следующую информацию.

Мы имеем доказательства, что в период последних нескольких недель в СССР произошел атомный взрыв…»

Госсекретарь поспешил пояснить, что ничего неожиданного не произошло, что власти давно этого ждали и заранее подготовились, что Америка всегда стояла за эффективный международный

контроль над оружием массового поражения, но только за эффективный, а не за абы какой, и вообще мы за мир во всем мире, да.

Госсекретарь напрасно суетился — американская общественность вообще никак не отреагировала на эту новость. Откликнулись только несколько встревоженных ученых, но их мнение никому не было интересно. «Народ — победитель в Великой войне, спасший планету от порабощения фашизмом», мирно почивал на лаврах или предавался повседневным заботам, снова потеряв интерес к международным событиям. Для того чтобы пробудить в нем тревогу, требовалось что-то посущественней пары галлонов испорченного воздуха.

Хайнлайн не был исключением — после войны в его жизни обнаружилась куча проблем, которые нужно было решать. Идею о международных миротворцах с атомной дубинкой в руках он вложил в «Космического кадета», и теперь оставалось лишь ждать, пока его юные читатели подрастут и займут места на самом верху, и тогда можно будет поднять этот вопрос снова. Надо будет назвать его как-нибудь покрасивее, скажем, Стратегическая оборонная инициатива или что-то в этом духе. А пока… Пока у писателя было

полно других забот. Услышав новости с Камчатки, он пожал плечами и пробормотал себе под нос: «Ну вот, а я ведь предупреждал» — и вновь переключился на более актуальные хлопоты: он пытался обустроить дом и свить семейное гнездо с Вирджинией Герстенфильд.

Вилли, глупый воробей
Свил гнездо на водостоке,
А потом…

…пришел инспектор стройнадзора, осмотрел участок и проект, поставил свою визу, потребовав, чтобы воробей приобрел одиннадцать различных лицензий на общую сумму в 18 % от строительной сметы, плюс что-то, называемое „специальным сервисом“, а потом…

Хлынул ливень, дождь, гроза,
Смыло домик воробья…

Р. Э. Хайнлайн. Куда идем?

Атомный коктейль

В 50-е Америка входила с чувством собственной безопасности и уверенности в завтрашнем дне. Война ушла в прошлое, нормированное

потребление отменили, экономика вышла из рецессии, и даже «полицейская операция» в Корее не слишком обеспокоила людей. Кто-то протестовал, кто-то записывался в отказники, но в целом обществу было глубоко наплевать, пока число похоронок из-за океана не перевалило за первую тысячу.

Между тем голоса встревоженных ученых-атомщиков продолжали звучать в прессе. Они немного сменили тональность и уже говорили не о взятии под контроль атомного оружия, а о полной неподготовленности страны к атомной войне. Гражданское население не было защищено никак, и у правительства не было никаких планов для его защиты на случай атомной атаки. В конце концов президент прислушался к этим голосам и 12 января 1951 года подписал указ о создании Федеральной администрации гражданской обороны. Он и не подозревал, какого джинна выпускает из бутылки.

Вместо того чтобы спокойно сидеть в креслах и потихоньку осваивать выделенные средства, назначенные чиновники тут же с энтузиазмом принялись за дело и проявили массу ненужной инициативы. Скооперировавшись с учеными и прессой, они немедленно начали информиро-

вать население о том, что из себя представляет атомное оружие и какие угрозы оно несет. Статьи в журналах и брошюрки, выпущенные ГО, живописали гражданам всевозможные ужасы. Пропагандистская машина США внезапно испытала дезорганизующий приступ шизофрении — все ее предыдущие усилия были направлены на формирование *позитивного* отношения к атомному оружию. Этого требовала обширная программа разработки и испытаний оружия массового поражения.

Крупнейший полигон для испытаний атомного оружия был устроен в пустыне Невада неподалеку от Лас-Вегаса. Первый атомный заряд взорван на нем в 1951 году, с тех пор там провели более 900 испытаний. Грибы атомных взрывов то и дело вставали на горизонте. Владельцы отелей немедленно подняли цены на номера с окнами на северо-запад, а рестораны организовывали «бомбовые вечеринки» во время ночных фейерверков. Компании организовывали экскурсии в пустыню, чтобы полюбоваться атомными грибами с максимально близкого расстояния. Спекшийся в стекло песок с мест испытаний (или его аналог, изготовленный из оконного стекла на домашнем гриле) продавался в качестве «атомных сувени-

ров». У Хайнлайна тоже был подобный кусок стекла, но он был стопроцентно подлинный, с места первого испытания «Тринити», и он все еще слегка излучал. Сувенир этот как будто притягивал к себе неприятности, поэтому Боб хранил его в тайнике вне дома.

Статус национальной администрации ГО резко скакнул вверх, когда в августе 1953 года на Семипалатинском полигоне была взорвана первая в мире водородная бомба. Президент Эйзенхауэр воспринял новость из Казахстана со всей серьезностью и пошел на уступки лоббистам Гражданской обороны США. Повсюду появились плакаты ГО, в городах начали проводиться учебные тревоги. В обиход американцев вошла команда «Duck and cover!» — «Свернуться и закрыться!». Это означало лечь на пол лицом вниз, прикрыв лицо и спрятав открытые участки кожи. Родителям рекомендовалось каждый вечер проводить с детьми подобные тренировки. Однако реальных способов защитить население по-прежнему не было — проекты децентрализации городов и строительства массовых гражданских бомбоубежищ оказались чудовищно дорогостоящими и были отвергнуты.

Вместо них населению предложили обзаво-

диться частными убежищами. Скрадок эконом-класса типа «Лисья нора» имел себестоимость всего 13,5 баксов и представлял собой яму в земле, прикрытую досками. Модели бизнес-класса, оборудованные кроватями, туалетами, телефонами и счетчиками Гейгера, достигали цены в 5 тысяч долларов. А тех, кто не мог себе позволить ничего подобного, успокаивали брошюрками типа «Так ты сможешь выжить», где на голубом глазу говорилось, что от ядерного взрыва можно укрыться дома или в машине — нужно только хорошенько закрыть двери и окна.

Первая американская водородная бомба «Креветка», взорванная в марте 1954 года в Тихом океане, помимо ударной волны, сметавшей деревья в океан, породила волну паники. Мощность взрыва превысила расчетную в 2,5 раза, радиация заразила острова в сотнях километров от места взрыва. Испытания широко освещались в прессе, истории о людях, получивших опасную дозу радиации, стали достоянием общественности. Журналисты, естественно, постарались максимально сгустить краски. Они писали, что одна ядерная бомба способна полностью уничтожить крупный город и у его населения *нет никакой возможности спастись*.

Ситуацию усугубило развитие ракетной техники. 4 октября 1957 года советская ракета Р-7 вывела на орбиту первый искусственный спутник Земли. Существующая система американской ПВО строилась исходя из возможностей самолетов дальней авиации и мало что могла противопоставить межконтинентальным баллистическим ракетам, несущимся с первой космической скоростью. Даже те, кто не понимал этого, испытали острый приступ паники. Америка внезапно перестала быть Номером Один, и красивые картинки в глянцевых журналах оказались туфтой. Лаборатория Белла совместно с «Дуглас эйркрафт» бросилась спешно разрабатывать противоракетную систему «Nike-Zeus», а граждане бросились строить индивидуальные убежища.

Начиная с 12 августа 1950 года, когда Комиссия по атомной энергетике США издала первую брошюру с рекомендациями на случай ядерной атаки, в Америке постепенно разворачивался бункерный бум. К 1961 году было построено, по разным данным, от 200 тысяч до миллиона небольших семейных «склепов» (американцы иронично называли их «Похорони себя сам»). Бункерный бум, естественно, привлек внимание

предпринимателей, даже приятель Хайнлайна, Рон Хаббард, одно время занимался этим бизнесом. Его компания продвигала типовой проект «под ключ» в виде слегка прикопанной в земле цистерны. Цена таких цистерн варьировалась от 150 до 300 баксов, то есть была вполне бюджетная.

На таблетках

За 50-е годы Хайнлайны объездили практически весь мир, и писатель воочию смог убедиться в правоте своих высказываний десятилетней давности: многие люди на планете действительно не очень-то любили Америку, но при этом завидовали ее богатству, и эта зависть, по-видимому, как раз и порождала ненависть. В своих путешествиях Хайнлайны видели средневековые королевства, парламентские республики и полицейские диктатуры, они насмотрелись на апартеид, сталкивались с белым и цветным расизмом. Они многого не замечали или не понимали, но кое-что было неизменным. В большинстве стран американцы встречали относительно или откровенно низкий уровень жизни, странные или глупые законы, непрошибаемую бюрократию и очень разный сервис — от

люксового до весьма скверного. Последнее обычно можно было поправить с помощью зеленых бумажек: люди могли ненавидеть Америку и американцев, но большинство из них любили американские деньги. Советский Союз был одним из исключений из этого правила: несмотря на низкий уровень жизни, никто не завидовал Америке и не пытался выцыганить у туристов пару долларов. Коммунисты оказались непрошибаемо уверенными в правильности своего выбора. Хайнлайн безуспешно пытался найти в СССР нищих или недовольных властью людей, но даже среди упившихся в хлам питерских писателей ему не удалось услышать ни одной крамольной фразы.

Вообще, время для визита в Союз, как оказалось, было выбрано неудачно: сначала 1 мая 1961 года над Свердловском сбили «У-2» Пауэрса, потом сорвалась встреча Хрущева и Кеннеди в Париже, отношения между странами — и отношение сотрудников «Интуриста» к американцам — заметно ухудшилось. Хайнлайны были так напуганы резким развитием ситуации, что впали в паранойю. Советский Союз представился им огромной, готовой захлопнуться мышеловкой. В панике они бежали в Финляндию, не дожидаясь окончания поездки.

По возвращении домой их ждал неприятный сюрприз: на юго-востоке от Колорадо-Спрингс, в районе горы Шайенн, военные начали строительство Оперативного центра NORAD (North American Aerospace Defense Command — Командования воздушно-космической обороны Северной Америки). Новая система американской ПВО требовала новых решений. Строительство комплекса не было засекречено, и весь Колорадо-Спрингс был в курсе того, что делается в горах. Хайнлайн быстро понял, что свил семейное гнездо прямо в перекрестье Мишени Номер Один советских баллистических ракет. Это начало его беспокоить.

Его беспокойство усилилось, когда 25 июля 1961 года президент Джон Кеннеди в телеобращении к нации настойчиво призвал американцев подготовиться к возможной термоядерной войне путем строительства семейных противорадиационных убежищ. Речь Кеннеди была подкреплена миллионными тиражами брошюр Министерства обороны «Как построить семейное противорадиационное убежище» и «Чем нужно запастись семье, чтобы выжить». Американцы предсказуемо бросились в магазины скупать товары первой необходимости. В результате из продажи мгновенно исчезли крупы, спички и туалетная

бумага… Ну ладно, насчет туалетной бумаги я пошутил. Вместо нее исчезли керосин и стеариновые свечи. Впрочем, общенациональный шопинг на этом не остановился. Затарившись продуктами, наиболее прагматичные обыватели принялись скупать оружие и боеприпасы. Нет, они вовсе не собирались партизанить в лесах или отражать атаки советских парашютистов. Они собирались защищать свои убежища и запасы еды от соседей. Опросы, проведенные СМИ, показали, что сорок процентов американцев не собираются пускать в свои убежища посторонних — даже при наличии в них свободного места. В прессе тут же возникла дискуссия о расширении моральных диапазонов в условиях ядерной войны. Приглашенные звезды хмурили брови, но в основном все соглашались, что человек имеет право защищать свое убежище от менее дальновидных сограждан. Чиновник ГО из Невады призвал сограждан запастись пистолетами, чтобы отражать нашествие беженцев из Калифорнии. Чиновник ГО из Лас-Вегаса назвал калифорнийцев «стаями саранчи» и начал собирать народное ополчение. В принципе, это были все те же стопроцентные американцы, но их «немного подпортил жилищный вопрос».

В этой несколько нервозной обстановке в сентябре 1961 года в Сиэтле, штат Вашингтон, состоялся XIX Всемирный фантастический конвент. Хайнлайн был приглашен на встречу в качестве почетного гостя, но в пути он подцепил грипп, который грозил перерасти в пневмонию или во что-то большее. Выступление почетного гостя, важная часть ритуала конвента, находилась под угрозой срыва. По счастью, там оказался Алан Е. Нурс, который был не только писателем-фантастом, но и профессиональным врачом. В воскресенье он напичкал Хайнлайна таблетками, и в понедельник, 4 сентября, Боб сумел подняться на трибуну.

«Все, что помню, — это как зал кружится вокруг меня (один раз я чуть не упал с трибуны), а я в полном тумане пытаюсь взять себя в руки и вспомнить, что же я собирался сказать и в какой последовательности…»

Хайнлайн решил оттолкнуться от произнесенной им двадцать лет назад речи на Всемирном фантастическом конвенте в Денвере. Она называлась «Открытия будущего» и была полна оптимизма. Нынешняя речь переименовалась в «Пересмотр будущего» и была полна паранойи,

мрачных пророчеств и запугиваний. При этом его выступление было на удивление логически выдержано, если учесть, что писатель произносил ее в жутком гриппозном состоянии, под высокой температурой и таблетками.

В своей речи Боб с ходу берет быка за рога:

«Треть из нас, присутствующих в этой комнате, умрет в ближайшем будущем.

<…>

Все, что я хочу сейчас подчеркнуть, — это то, что где-то порядка трети из нас умрет, независимо от того, кто победит. Не одна треть русских — треть из *нас*.

Или я ошибаюсь? Позвольте — я очень быстро это проверю. Есть среди вас те, кто уже построил и оснастил противорадиационное убежище? Пожалуйста, поднимите ваши руки!

Вот этого я и ожидал — я задавал этот же вопрос самым различным аудиториям. Очень немногие американцы готовятся выживать в условиях выпадения радиоактивных осадков. И я не критикую, пожалуйста, обратите внимание: я тоже не поднял руку. Мы с женой не располагаем никакими средствами защиты от радиоактивных осадков. Я не горжусь этим, я не стыжусь этого — я просто в одной лодке вместе с вами и, по-

добно всем прочим, уделяю минимум внимания разным предупреждениям».

Очевидно, Боб либо был не в курсе масштабов бункерного бума, либо он сознательно сгущал краски, пытаясь воздействовать на аудиторию. И похоже, он пытался призвать на свою сторону демонов национализма или расизма — во всяком случае, так это выглядит для меня. Нет, конечно же, это были сарказм и ирония, и Боб просто троллил публику. Может быть. Почти точно.

«Забудьте „На берегу“[28]; будущее не столь мрачно. Если треть из нас умрет, это одновременно означает, что две трети из нас останутся жить — и наша потеря не будет иметь значения для человеческой расы.

<…>

О, большинство из них будут китайцами, а не американцами — но разве это плохо?

Только для нас. Вполне может оказаться, что это только во благо: китайцы многие столетия повышали свою стойкость… в то время как мы привыкли жить слишком роскошно и поддерживать наши беднейшие племена. В расовом

[28] Примечания: 28

«На берегу» — фильм 1959 года (режиссер Стэнли Крамер), снятый по одноименному роману Невила Шюта.

и генетическом отношении вполне может считаться улучшением тот факт, что треть из нас будет убита.

Это не значит, что нам это должно нравиться.

Я просто говорю: давайте не будем видеть в этом слишком большой трагедии только потому, что это коснется нас, — с точки зрения человеческой расы мы не самая важная ее часть».

А дальше его мысль самым причудливым образом переходит к оккупации и неминуемому обращению населения США в рабство. Думаю, здесь температура окончательно взяла верх над ясностью мышления писателя.

«Моих пожеланий по этому вопросу никто не спрашивал, и сегодня я не буду выдавать желаемое за действительное. Я думаю, что наиболее вероятное наше будущее — это сдаться без боя. Никаких радиоактивных осадков. Только рабство.

Я все же предпочитаю думать, что для ребенка риск радиоактивных осадков лучше, чем риск оказаться рабом. Но опять же — моего мнения никто не спросит. Я также думаю, что цена за спасение Соединенных Штатов слишком высока, чтобы ее платить».

Хайнлайн выслушал овацию и поспешно удалился в номер. Несмотря на болезнь и полуобморочное состояние, кое-что из сказанного на конвенте, однако, засело у него в голове и не давало покоя по дороге домой — он думал о том, не было ли с его стороны *лицемерием* призывать молодежь вкладываться в строительство противоатомных бункеров, когда сам он не собирался этого делать? У него была масса оправданий: у Хайнлайнов не было детей и он лично не видел смысла пережить атомный удар, чтобы влачить бессмысленное существование после. Кроме того, он не сомневался, что соседи, палец о палец не ударившие ради защиты своей семьи, прибегут спасать своих детей к нему в убежище и ему придется уступить им место и одиноко поджариваться снаружи. А еще дом Хайнлайнов стоял на гранитном выступе, в нем не было подвала, и устроить убежище за разумные деньги там было невозможно… Но все это были отговорки, как позднее признавался писатель.

«Дело в том, что я до сих пор считал, что большинство американцев будут молча тупо сидеть, надеясь на удачу, и не примут никаких мер, чтобы выжить. Но это ни в коей мере не избавляло меня от моей обязанности укрепить мой соб-

ственный маленький кусочек Америки. Так что я нехотя начал проектировать и строить противорадиационное убежище».

«DUCK AND COVER!»

Хайнлайн прекрасно понимал разницу между fallout shelter, которое способно защитить лишь от осадков, и blast shelter — настоящим бомбоубежищем. Тем не менее он практически сразу отказался от более простого и бюджетного проекта радиационного убежища. Близость центра NORAD не оставляла ему иного выбора, кроме как строить полноценное blast shelter, вырубая его в гранитной скале возле дома. Это существенно удорожало проект, и вдобавок Джинни настояла на том, что у бункера должен быть запасной выход, на случай если основной будет завален руинами дома. Ни один типовой проект подобного не предусматривал, и писателю пришлось проектировать убежище самому. Это была не слишком сложная задача, поскольку раньше он спроектировал дом, в котором они жили.

Через пару недель после возвращения из Сиэтла, в начале октября 1961 года, Хайнлайн нанял рабочих, которые с помощью взрывчатки и отбойных молотков выдолбили в скале траншею

размером три с половиной на семь метров и три с половиной метра глубиной. Скалу укрепили стальной рамой, внутри которой соорудили бетонный короб. Сверху бункер прикрывал почти метр железобетона. Внутренний стальной кожух должен был защитить обитателей от осколков бетона во время удара. Вход в убежище открывался с восточной веранды дома, а запасной выход прятался в высохшем речном русле. Пара массивных железных дверей на засовах и г-образный коридорчик должны были защитить обитателей бункера от ударной волны и радиоактивной пыли. К середине ноября 1961-го убежище было готово.

До самого отъезда из Колорадо-Спрингс Хайнлайн обновлял в бункере запасы воды и пищи и заряжал аккумуляторы. Вентиляция и освещение в убежище работали превосходно, поэтому в нем иногда ночевали гости.

И все же, несмотря на семидесятисантиметровое железобетонное перекрытие и защитный стальной кожух, хайнлайновское blast shelter вряд ли выдержало бы близкий взрыв атомной бомбы. Хайнлайн понимал это, и близость центра NORAD не давала ему покоя. Это стало еще одной причиной их отъезда из Колорадо-Спрингс. Позд-

нее в романе «Луна — суровая госпожа» писатель с наслаждением раздолбал Шайенн в щебень «булыганами» лунных сепаратистов.

Новые хозяева дома оставили убежище в неприкосновенности. С тех пор оно уже несколько раз меняло владельцев и, по счастью, ни разу не использовалось по прямому назначению.

Впрочем, был один момент, когда эта предосторожность Хайнлайна едва не обернулась предусмотрительностью.

Осенью 1962 года в ответ на размещение американских ракет «Jupiter» в Европе и Турции СССР установил на Кубе комплексы Р-12 и Р-14. Их подлетное время к основным целям составляло почти двадцать минут, вдвое больше, чем требовалось «юпитерам», чтобы долететь до Москвы, но это было лучше, чем ничего. 15 октября, с большим запозданием, ЦРУ обнаружило советские ракеты и доложило президенту. С этого момента начался Карибский кризис.

Понятие «паритет» в голове у Джона Кеннеди и его генералов напрочь отсутствовало. Спешно собранное совещание сходу отвергло дипломатические варианты разрешения ситуации и начало прорабатывать военные. Подготовка к войне не ускользнула от внимания американцев,

а выступление президента 22 октября 1962 года дополнительно подлило масла в огонь.

Кеннеди назвал базу на Кубе орудием ядерного шантажа и рассказал, какие города находятся под прицелом советских ракет. Обронив многозначительную фразу: «Любые наши дальнейшие действия будут оправданы», он обрисовал картину грядущего апокалипсиса (в сослагательном наклонении). В конце речи он заявил, что не может предугадать, «на какие затраты или жертвы придется пойти, чтобы ликвидировать этот кризис». Было сказано еще много других ободряющих слов, типа «самая большая опасность сейчас состояла бы в том, чтобы не делать ничего», «стоимость свободы всегда высока, но американцы всегда были готовы платить за нее», «наша цель состоит не в мире за счет свободы» и тому подобное. Услышав финальное: «И видит Бог, эта цель будет достигнута», нация взвыла и побежала прятаться в свои новенькие «фоллауты».

После новостей с Кубы Хайнлайн тут же переключил свой радиоприемник на волну аварийного канала «CONELRAD» и все время, пока длился кризис, не отходил от убежища, ожидая сигнала оповещения о ядерной атаке. Впечатления, которые он накопил за эти длинные выходные, были

для писателя очень ценным материалом, и этот материал он намеревался использовать.

Черная метка

Незадолго до Карибского кризиса демобилизовавшийся из ВВС США Джеймс Мередит подал заявление о поступлении в Университет Миссисипи. Как ветеран корейской «полицейской операции», он имел право на зачисление в любой вуз вне конкурса, но ему было отказано — потому что он был чернокожим. Для Джеймса это не стало неожиданностью, его поступление было тщательно спланированной провокацией, которую проводил «Фонд юридической защиты и образования цветного населения». Немедленно последовал судебный иск к университету, колесики судебной машины закрутились, и вскоре Верховный суд США постановил зачислить Джеймса Мередита в число студентов. 20 сентября в сопровождении полицейского пристава и федерального чиновника Джеймс явился в кампус.

Однако у входа его встретила толпа протестующих и лично губернатор штата, который выставил студента за дверь. Президент США издал указ с требованием допустить Джеймса на территорию университета и 30.09.1962 года при-

слал батальон военной полиции, предупредив, что в случае осложнений он пришлет войска. Под охраной федеральных маршалов Джеймс Мередит вошел на территорию университета. Во время прямого эфира этого события в кампусе университета и близлежащем городке вспыхнул бунт. Кеннеди объявил военное положение и ввел войска. Мятеж длился 14 часов, шестеро полицейских были ранены, потери гражданских составили два человека убитыми, около четырехсот ранеными и более двухсот арестованными.

Случай с Джеймсом был не единичным и, вообще-то, не самым впечатляющим. Борьба против сегрегации после Второй мировой войны усилилась, и подобные стычки происходили регулярно. Правозащитники довольно быстро выработали успешную тактику действий и использовали ее во всех проблемных сферах: отправляли группы добровольцев, которые демонстративно нарушали дискриминационные законы или обычаи штата, ненасильственным образом добивались эскалации конфликта и хайпа в СМИ, затем появлялись юристы и переводили дело в юридическую плоскость, после чего оспаривали местный закон на федеральном уровне. Законотворческая автономность штатов в США

позволила южанам напринимать массу законов, направленных на ущемление прав чернокожего и цветного населения, и теперь чернокожие активисты последовательно выжигали все точки сопротивления.

Все эти события, естественно, не могли ускользнуть от внимания Хайнлайна. Десегрегацию он мог только приветствовать, она означала восстановление справедливости, которую Боб понимал как равные права для всех. Но вряд ли он как-то поддерживал левацкие группировки типа «Студенческого координационного комитета ненасильственных действий», потому что не любил ни левых, ни радикалов. Негритянские активисты не могли не прибегать к радикальным действиям — иначе на их требования просто бы не обратили внимания, но Боб этот нюанс стойко игнорировал. Не могли вызвать его симпатии и такие группировки, как «Нация ислама», запятнавшая себя в годы Второй мировой войны политикой уклонения от призыва в армию, а затем провозгласившая негров отдельной богоизбранной нацией. Наиболее радикальные члены «Нации ислама» позднее решили изгнать с территории южных штатов белое население и создать там Республику Новая Африка, попутно стребо-

вав с США миллиарды в качестве репараций за рабство, сегрегацию и прочие прегрешения. Но это было позже, а пока, в начале 60-х, черные расисты только собирались в стаи и начинали организовываться. Время «Черных пантер» еще не пришло. Но уже звучали голоса о льготах, квотах, и появлялись требования «позитивной дискриминации». А вот этого Хайнлайн на дух не переносил — он был за равенство возможностей и против преференций для избранных.

Здесь надо отметить, что в расхожих формулах пропаганды тех лет равенство возможностей неявным образом связывали с равенством способностей: «негр — такой же, как белый, только другого цвета, *поэтому* заслуживает того же самого». На этом основании было выстроено все здание американской толерантности (и я подозреваю, что попытка вколотить в него поправку от BLM «но некоторые животные равнее» рано или поздно обрушит это здание ко всем чертям). И все же это была всего лишь аксиома, принятая на веру, — чего Хайнлайн не мог не заметить. И если вы до сих пор полагали, что Боб пинал только пуританских священных коров, то вы сильно заблуждались.

Боб пинал всех коров без разбора, какие только

попадутся на дороге. Хайнлайн категорически отрицал равенство рас, принимаемое за аксиому. Для него это была не более чем гипотеза, требующая доказательств. С доказательствами же дела обстояли туго — уже в те времена вопросы сравнительной биологии человеческих рас были нежелательной темой в научном сообществе. Поэтому Хайнлайн совершенно спокойно заявлял такие вещи:

«Одним из неприкосновенных постулатов считается, что белые и черные на самом деле „равны“, просто неграм не повезло со средой обитания. Так ли это? Я не знаю — у меня слишком мало данных для такого вывода… Очевидно, что две расы различны физически… Должны ли мы тем не менее предполагать, что, несмотря на очевидные и существенные физические различия, эти две разновидности тем не менее в основном идентичны в части нервной системы? Я не знаю; но знаю, что в любой другой области науки такое предположение было бы просто глупо рассматривать даже в качестве рабочей гипотезы, а тем более в качестве неопровержимого факта, не подлежащего сомнению».

Взгляды Хайнлайна на расовые, националь-

ные и социальные проблемы в первой половине 60-х легко упаковываются в такое понятие, как «дарвинизм». Во многих предыдущих своих произведениях: «Бездне», «Кукловодах», «Туннеле в небе», «Астронавте Джонсе», «Гражданине Галактики» — он так или иначе высказывает одну и ту же мысль: ЛДНБ — ланчей даром не бывает. Вселенная — не место для слабых или глупых. Вид либо выигрывает схватку, либо приспосабливается к победителю, в противном случае он исчезает без следа — и не нужно оценивать этот факт с точки зрения морали, у законов природы нет ни морали, ни сентиментальности, примите и распишитесь.

Тут надо бы сказать о морали самого писателя. Этические установки Хайнлайна чрезвычайно прагматичны и вытекают из утилитарной потребности выживания семьи, страны, человечества — именно в такой последовательности, по ниспадающей. И моральность тех или иных действий он оценивал, исходя из ответственности перед тем, что находится в малом круге, а внешнее окружение получало свою долю по остаточному принципу. Это было мировоззрение, диаметрально противоположное какому-нибудь русскому космизму, где превалирует понятие

«высшей справедливости». Боб прагматично исходил из интересов индивидуума, семьи, страны или рода человеческого и не признавал приоритета абстрактной космической морали.

И в этом аспекте Хайнлайн признавал моральным все, что ведет к выживанию вида (в широком смысле слова, т. е. не только утилитарно-физическое выживание, но и, в ряде случаев, сохранение нравственных и культурных ценностей), страны, семьи или человека. Хайнлайн ни разу не рассматривает вопрос о каком-либо «видовом милосердии» — проигравший вид уничтожается или адаптируется, это вопрос борьбы за существование. Он никогда бы не написал что-то подобное таким вещам, как «Квинтет Эндера» Карда или «Слово для леса и мира одно» Ле Гуин. Во всяком случае, до начала 60-х.

Применительно к человеческой расе дарвинистская установка Хайнлайна означает примерно следующее: нужно признать, что Европа обошла Африку и Азию и тем самым доказала свою лучшую приспособленность к жизни на этой планете. Следовательно, азиаты и африканцы вынуждены будут признать лидерство европейцев, либо см. выше.

…Как говорил мне один знакомый негр, тем, ко-

го угнали в рабство, повезло по сравнению с теми, кто остался. Немного познакомившись с жизнью в Африке, я понял, что он имел в виду. Для меня ясно одно: «цивилизация», если говорить о технологиях или социальных институтах, придумана нами, а не неграми. Как раса, как человеческая культура, мы опережаем их на пять тысяч лет или около того. За исключением той культуры, социальных институтов и технологий, что они получили от нас, они все еще прозябают в каменном веке, со всем его рабством, каннибализмом, тиранией и полным отсутствием концепции того, что мы называем «справедливостью».

В этом высказывании, несмотря на его фактическую корректность, как будто слышится голос самодовольного представителя WASP, и я не буду ни подтверждать, ни опровергать это впечатление. Как и большинство живых людей, Роберт Хайнлайн был неоднозначной личностью, сочетавшей в себе противоположные тенденции. Он, безусловно, был человеком цивилизованным и пытался сдерживать Зверя внутри себя. В своих публичных проявлениях он старался писать, говорить и совершать только *правильные вещи*. Каким он был наедине с собой, мы можем только догадываться, извлекая это косвенным образом

из его текстов. В общении с близкими людьми он заметно ослаблял галстук, но все равно старался удерживаться на «общечеловеческих» позициях (хотя часто скатывался на дихотомию «мы» и «они»).

Хайнлайн не стал отправлять письмо, цитаты из которого я привел выше. Видимо, почувствовал, что «общечеловеческая» позиция подвела его к опасной близости с расистскими лозунгами прошлого века. Еще один маленький логический шаг — и он бы начать рассуждать об «uplifting» (возвышении низших рас до уровня высшей) и о «бремени белого человека». Хайнлайн, конечно, любил Киплинга, но не до такой же степени… Возможно, это или что-то иное заставило его задуматься о том, насколько расовые предрассудки довлеют над нашим обыденным мировоззрением. И лучший способ вытрясти их из человека наружу, потыкать в них носом заключался в том, чтобы перевернуть все с ног на голову и хорошенько встряхнуть. Устроить этакий Биг Бада Бум.

Большой шлем

Подобно романам «Число зверя» и «Кот, проходящий сквозь стены», «Свободное владение

Фарнхэма» содержит отчетливую разделительную линию, на которой сюжет и тематика романа заметно меняются, словно он составлен из двух небрежно подогнанных кусков или дописывался спустя долгое время. История атомной войны и последующей робинзонады и история современных американцев, попавших в рабовладельческое общество, выглядят обособленными, это словно две разные истории, которые рассказывают о совершенно несвязанных вещах. Тем не менее Билл Паттерсон, опираясь на архив писателя, утверждает, что обе темы (постапокалипсис и расовое господство) были изначальной целью писателя. Три странички, датированные 23.01.1963, действительно содержат обе темы: в них описывается визит некоего Эйса Коннолли в дом некоего Хьюберта, где после ужина они садятся за партию в бридж и хозяин предлагает принять в игру своего работника, негра Джозефа. Возникает некоторая неловкость в вопросе о денежных ставках, но Хью успокаивает гостя, обещая в случае чего покрыть долг слуги. Их мирный вечер прерывает атомная атака, и на этом первый набросок романа заканчивается.

Этот черновик был озаглавлен «Grand Slam» — «Большой шлем», термин спортивный и кар-

точный. В бридже он означает выигрыш всех взяток партнерами, в спорте — полный успех. В буквальном переводе с английского Grand Slam — «большой бабах» (откуда недалеко до «большого траха», что и обыгрывается во второй главе романа).

Название не сказать чтобы оригинальное — так называлась, например, комедия 1933 года с Полом Лукасом и Салли Блэйн. Речь в ней шла как раз об игре в бридж, и это редкое исключение. «Большой шлем» чаще всего обыгрывается в названиях в смысле «сорвать куш» или «большое ограбление» и тому подобное.

Что касается истории, задуманной Хайнлайном, то название, как всегда, заключало в себе множество смыслов. Это не только Большой Бабах, перевернувший мир вверх дном, или Звонкая Пощечина расовым предрассудкам, но и Все Взятки В Одни Руки, которые получают в финале игры партнеры Хью и Барбара. На руках у них оказываются и дети, и котята, и убежище в горах, и целый мир, который им предстоит построить заново, — идеальный выигрыш. Все критики романа, как один, недовольны его концовкой, потому что рояли в ней так и выпрыгивают из кустов, но именно таким и должен был стать финал

по исходному замыслу автора — настоящим Большим шлемом, где каждому воздается по заслугам. Потому что роман вовсе не о постапокалипсисе или расовой инверсии — у него есть более глубокая центральная тема, на которую нанизано все повествование. Но об этом чуть позже.

Возвращаясь к началу написания романа, я должен сказать, что Билл Паттерсон, безусловно, вправе вести хронологию от трех листочков, датированных январем 1963 года, но я предполагаю, что Хайнлайн начал обдумывать идеи и собирать информацию задолго до того, как в папке, помеченной названием «GRAND SLAM», появились первые заметки. Еще во время строительства и оборудования убежища, в письме от 16.11.1961, он спрашивал у Лертона Блассингейма, как можно сбить толстое бревно — пулями «дум-дум»? ракетой из базуки? Он много консультировался со своим литагентом по поводу оружия и боеприпасов, которыми следует запастись, и этот интерес несколько превышал чисто утилитарную потребность выбора между «спрингфилдом» и «М-1». Я думаю, что уже тогда Хайнлайн обкатывал идею ядерного апокалипсиса, скачка во времени и последующей робинзонады. Возможно, по этой причине в 1963-м, когда он сел писать роман, его

первая часть, к тому времени максимально проработанная и не раз обдуманная, сходу легла на бумагу, а вот вторая часть истории, где говорится о мире рабства и расовой инверсии, оказалась относительно сырой и содержащей ряд фатальных ошибок.

Четкая разделительная линия между историей об атомной бомбардировке и описанием мира будущего, впрочем, может объясняться и по-другому — такие линии и раньше были в романах Хайнлайна, они отмечали места, предназначенные для сериальной нарезки в журнальных публикациях. На этих линиях всегда немного менялся слог и интонации повествования. Все же Хайнлайн слишком увлекался сериальностью и, по-видимому, рассматривал такие части максимально автономно друг от друга, что сказывалось на цельности всего произведения. Но помимо этих чисто технических издержек, мне кажется, есть ощутимая разница в качестве текста до и после десятой главы.

Причины тут могут быть самые разные — творческий кризис, психологический дискомфорт, проблемы со здоровьем… Примерно в этот период Хайнлайн впервые ощутил тревожные звоночки: его фантастическая работоспособность как будто

покинула его, он больше не мог подолгу сосредотачиваться на одной теме, он словно начал погружаться в тот вязкий, душный туман, которого боялся больше всего на свете. В этот туман ушел его отец, когда ему было на год меньше, чем сейчас было Роберту, и прожил он в этом состоянии почти четверть века. Хайнлайн опасался, что его ждет та же участь. По счастью, доктор не нашел серьезных проблем и просто выписал ему допинг — синтетический тестостерон metandren, и писатель как будто вернулся в норму — как раз чтобы сесть и написать роман. Неприятный нюанс заключается в том, что Хайнлайн садился писать свои тексты только тогда, когда полностью их продумал. Metandren, возможно, совершил чудо, вернув ему энергию, но, возможно, воспользоваться допингом следовало раньше, задолго до того, как пришло время садиться за машинку. И тогда, кто знает, может быть, вторая часть не выглядела бы тягостным дополнением к первой. Это только гипотеза, на самом деле здоровье могло быть совершенно ни при чем и писателя просто покинуло вдохновение в самый неподходящий момент.

Как бы то ни было, Боб управился с текстом за обычный срок, чуть больше трех недель, 25

дней. Черновой вариант «Шлема» был довольно толстым, 503 страницы, 126 тысяч слов, почти вдвое больше стандартных 70 тысяч.

В какой-то момент роман сменил название. Место «Большого шлема» занял «Фригольд Фарнхэма». Фригольд — форма феодального владения землей, при которой владетель мог свободно ею распоряжаться, наследовать ее, отрезать наделы и тому подобное. Правда, корень «фри» здесь скорее означает не «свободное», а всего лишь «неограниченное», поскольку в обмен на владение землей фригольдер должен либо платить ренту, либо обременять себя какими-то иными обязанностями. С этой точки зрения перевод названия «Farnham's Freehold» на русский как «Свободное владение Фарнхэма» содержит некоторые ложные коннотации. Не говоря уже о том, что слово «фригольд» вполне употребляется в русском как исторический или юридический термин.

Новое название более четко определяло тематику романа, которую автор видел в изучении понятия «свобода». Точно так же как в «Звездном десанте» писатель последовательно, по нарастающей рассматривал проблему насилия и морали, в новом романе Хайнлайн последовательно

рассматривает различные формы и проявления свободы и не-свободы. Цивильные рамки семейных обязанностей, отношения хозяина и слуги, хозяина и гостя, отношения в рамках партнерства в игре и прочие «мягкие» формы исследуются в самых первых главах романа. Здесь мы видим разные вариации свободы и добровольного самоограничения, продиктованного внутренними убеждениями или внешними обстоятельствами. Во время кризиса им на смену приходят жесткие рамки физического выживания, в которых свобода и необходимость входят в клинч, на смену демократии приходит диктатура, а добровольное самоограничение сменяется подневольным. А по завершении робинзонады Хайнлайн бросает своих героев в самую последнюю крайность, в отношения «хозяин — раб», где раскрывает весь спектр ограничений свободы в поляризованном обществе, от привилегированной верхушки до самой крайней формы рабского подчинения с полным расчеловечиванием.

Все герои романа несут в себе разные представления о свободе, необходимости и их отношении друг к другу, эти представления Хайнлайн и подвергает проверке, прогоняя своих персонажей по кругам организованного им ада и наблюдая за

их реакцией.

Эта вещь — вовсе не научная фантастика; НФ-аспекты тут всего лишь приемы и декорации. Она представляет собой исследование таких предметов, как самоконтроль и ответственность перед собой, которые проявляет человек, считающий себя «свободным». Исследует проблемы правильного поведения такого человека в его отношениях с другими людьми — когда его собственные убеждения требуют, чтобы он признавал за каждым (даже за своими врагами) право на такое же чувство собственного достоинства и свободу, которые он требует для себя. Можно сказать, что эта вещь — исследование тонкого, но отчетливого различия между «liberty» (свободой) и «license» (отсутствием тормозов). Хью Фарнхэм — это архетип первого; его сын, Дьюк, — архетип второго, причем каждый из них считает себя «свободным человеком»[29].

В финале автор надевает мантию Верховного Судии и воздает каждому то, что причитается. Абстрактные гуманисты унижены, эгоисты обращены в рабов, бывшие униженные щерятся

---

[29] Примечания: 29

Из письма Питеру Исраэлю, редактору издательства «Putnam's». *— Примеч. С. В. Голд.*

волчьим оскалом, а рационалисты-праведники получают весь мир и пару коньков в придачу.

Эта назидательность немного пугает, ее как будто протащили в текст контрабандой из пошлых бульварных романов XIX века, где в финале всем сестрам доставалось по серьгам, а плохишам доставалось на орехи. Но это не единственный недостаток «Свободного владения Фарнхэма», роман есть за что покритиковать, и позднее критики не упустили возможность это сделать. Самому писателю роман нравился, и, что важнее, нравился его жене. 9 марта 1963 года Хайнлайн писал своему литагенту:

Похоже, Джинни он нравится больше, чем «Дорога доблести», она говорит, что вещь быстро читается и ее не нужно сильно сокращать. Однако я намерен все сильно сократить и передать моей машинистке в конце месяца. Я сам еще не читал, что получилось, но, пока писал, мне все нравилось.

У романа был еще один «альфа-ридер» — доктор Алан Нурс, который помог Бобу два года назад произнести мрачную речь в Сиэтле. С Аланом Хайнлайн консультировался по поводу сцены родов Карен, пытаясь сделать их максимально

мучительно-правдоподобными, и это ему Карен Фарнхэм обязана смертью от потери крови. Хайнлайн был настолько благодарен консультанту, что посвятил ему весь роман.

Третьим читателем был, как всегда, литагент писателя Лертон Блассингейм. Уловить интонацию между строк не всегда возможно, но мне кажется, что в свой отзыв Лертон вложил небольшую шпильку:

«Хорошая история в „Фригольде Фарнхэма“, в ней достаточно авантюрных моментов для некоторых мужских журналов».

Книга планировалась к выходу в издательстве «Putnam's», с которым у Хайнлайна был подписан долгосрочный контракт. Осталось пристроить журнальный вариант романа. Блассингейм не стал отправлять рукопись в мужские журналы («Rage for men» к тому времени уже закрылся), вместо этого в марте 1963 года он послал ее Фредерику Полу. Пол работал в журнале «Если» («Worlds of If»), где как раз закончилась публикация «Марсианки Подкейн». Пол прочитал рукопись и счел разговоры в начале романа «пустыми упражнениями в ораторском искусстве, от которых только клонит в сон». Он позвонил

Блассингейму и сказал, что будет рад приобрести рукопись, но не хочет утомлять своих читателей, так что оплатит текст в полном объеме, однако просит разрешения сократить начало на 5–10 тысяч слов, вырезав пустые и скучные споры за столом. Блассингейм усмехнулся и сказал: «Конечно, валяй». При этом он позабыл уведомить о разговоре Хайнлайна.

Фред взялся за карандаш и быстро исчеркал первую треть рукописи. Он выкинул в общей сложности 10 процентов текста, 60 отдельных фрагментов размером от одной строки до целой страницы и сделал несколько вставок красными редакторскими чернилами.

Когда в 1964 году вышел июльский номер «Если» с первой частью романа, Роберт обнаружил редакторские «художества» и в ярости бросился названивать Полу. Но Фред тут же отвертелся, сославшись на договоренность с Лертоном, и Боб немного подостыл — но не так, чтобы совсем, позднее в книжном издании он мстительно вывел под строчкой с копирайтами: «Сокращенная версия этого романа, отредактированная и пересмотренная Фредериком Полом, была опубликована в журнале „Worlds of If“». (В своих ранних воспоминаниях Пол приводил эту фразу

как «Несанкционированная версия этого произведения, грубо испорченная Фредом Полом, выходила в его журнале „Если“». У Пола дивный острый язык, все его воспоминания существуют в двух версиях: та, что пошла в официальную печать, и та, где он ничем себя не ограничивал.) Этот инцидент не помешал двум авторам золотого века поддерживать добрые отношения, поэтому следующий роман Боба снова вышел в «Если».

Осень и зима 1963-го ушли у Хайнлайна на то, чтобы сократить черновик до приемлемого размера. Тут Боб проявил твердость и не стал ужиматься до обычных 70 тысяч, а остановился на 100 тысячах слов.

4 октября 1963
Лертон Блассингейм — Роберту Э. Хайнлайну

Питер Исраэль сказал: «Боб Хайнлайн — босс. Я выскажу свое мнение, но у меня достаточно уважения к его опыту и суждениям, так что, если он скажет, что какие-то вещи делать нельзя, я соглашусь с тем, что Боб сделает все так, как считает нужным. Если он скажет, что текст нельзя сокращать менее 100 000 слов, серьезно не повредив историю, то я издам все 100 000».

Почувствовав слабину, Боб, конечно же, повы-

кручивал руки редактору еще немножко:

12 октября 1963

Роберт Э. Хайнлайн — Лертону Блассингейму

По поводу контракта с «Putnam» на «Фригольд Фарнхэма»… Я знаю, что к Новому году, как было указано, законченная рукопись им не нужна, и я это вычеркнул — к тому же я не мог бы предоставить чистовик к этому сроку. У меня слишком много с ним работы, и моей машинистке понадобится по меньшей мере два месяца после того, как я закончу его сокращать… Я совершенно уверен, что большинство редакторов добавляет для страховки как минимум месяц к дате крайнего срока, потому что, как известно, большинство авторов не грешат пунктуальностью в таких делах. А я хочу услышать реальные сроки…

А потом произошла маленькая катастрофа.

Роман «Свободное владение Фарнхэма» фактически провалился в продажах. Из его тиража разошлось всего четыре тысячи экземпляров, поэтому для следующей книги Хайнлайна издательство сразу заказало урезанный тираж в семь с половиной тысяч и вообще не вложилось в ее продвижение на рынке (тут они здорово ошиблись в прогнозах, потому что это была «Луна», которая

взорвала рынок). Причина неудачи романа была в том, что он вышел в самое неподходящее время: в 1964 году началась эскалация межрасового противостояния. Вместо мирно протестующих гандистов на сцену вышли черные расисты-радикалы: «Черные мусульмане», «Нация ислама», «Черные пантеры» и тому подобные. В июле 1964 года начались негритянские восстания в крупных городах — Филадельфии, Чикаго, Бруклине и других. Поджоги и убийства распространились на сотни городов Америки. Они продолжались все «длинное жаркое лето» и достигли кульминации в 1968-м, после убийства Мартина Лютера Кинга. На таком культурном фоне книга о чернокожих людоедах, захвативших власть над белой расой, просто не могла восприниматься спокойно и объективно.

По словам критика Уильяма Х. Стоддарда, «расистский душок от „Фригольда Фарнхэма“, с его обществом черных мусульман-каннибалов и белых рабов, по-видимому, оказался немного чересчур даже для поклонников Хайнлайна, чтобы его защищать». А критик и исследователь Хайнлайна доктор Джордж Эдгар Слуссер писал: «Этот роман читается как расистский кошмар». И действительно, Хайнлайн вместо безобидных ра-

совых пасхалок устроил в «Фарнхэме» настоящий расовый перевертыш, причем выглядит он, мягко говоря, слишком *достоверно*. Из-за тщательности проработки деталей инверсия рас вовсе не выглядит гротеском, как, например, Свифтовы йеху и гуигнгнмы, — напротив, ситуация в мире будущего кажется вполне реальной, тем, что *могло бы* случиться.

Думаю, причина в том, что Хайнлайн и не пытался банально отзеркалить ситуацию и поменять местами белых и черных американцев. Новые хозяева жизни — не наследники зараженных «рабской псевдокультурой» афроамериканцев, и писатель не напрасно ввел в сюжет американского негра, он должен был показать различие между бывшими рабами и потомками «настоящих негров», в описании которых он использовал черты самых разных племен, сделав их максимально не похожими на афроамериканцев.

Но как бы тщательно ни выписывал Хайнлайн эти различия, они были благополучно проигнорированы. Мне кажется, американский читатель просто не мог взять в толк, зачем ему рассказывают про каких-то негров, если это не американские негры. «Иностранные негры? Это

какая-то бессмыслица!» Читатели пропустили все религиозные, культурные, лингвистические отсылки и прямые указания на Южную Африку мимо сознания и увидели в нации Понса всего лишь символ афроамериканцев. Тщательное описание «матрилинейной» версии ислама, которая радикально отличалась от патриархального уклада «Черных мусульман», описание, которым Хайнлайн изрядно загромоздил текст, пропало впустую — на него никто не обратил внимания. Глаза читателей просто выхватывали из текста ключевые слова «черные» и «мусульмане», а мозг читателей мгновенно ассоциировал чернокожих персонажей романа с персонажами, толпящимися на углу улицы. Описание внешности Понса, в котором Хайнлайн подчеркивает отличия от типично негроидных черт, характерных для афроамериканцев, тоже не спасло ситуацию.

Поэтому вместо иной, остраненной реальности, которая должна была высветить очищенные от местных нюансов вопросы, примыкающие к главной теме романа, читатели увидели либо простую антирасистскую агитку, либо, напротив, воплощение потаенных расистских кошмаров. По мнению еще одного исследователя Хайнлайна, Брюса Франклина:

«„Фригольд Фарнхэма“ выражает самые глубоко укоренившиеся расистские кошмары американской культуры, которые в литературном плане восходят к „Cannibals All!“ („Все каннибалы!“) или „Slaves Without Masters“ („Рабы без хозяев“), прорабовладельческим трактатам 1857 года Джорджа Фицхьюза (George Fitzhugh)».

Действительно, Хайнлайн, издеваясь над расистскими страшилками, тщательно выписал их в романе. В нем все белые мужчины либо кастрированы, либо низведены до состояния племенного скота, белые женщины греют постели своим черным хозяевам, а белых детей забивают на бойне и подают на стол в качестве основного блюда. Последняя деталь, по-видимому, была каплей, переполнившей чашу. Она превратила просто издевательскую сатиру в нечто весьма злобное и токсичное. Не люблю этого слова, но «токсичный» очень хорошо характеризует роман, в котором желчь автора превратилась в яд. С этим Хайнлайн явно перестарался, и вместо пощечины общественному мнению получился нокаутирующий удар. После него читатель уже не может совершить обратную инверсию и подставить на место угнетенных — негров, а на место хозяев — европейцев и ужаснуться

в духе: «Что же мы натворили?!» Вместо этого читатель либо ненавидит чернокожих людоедов, либо ненавидит писателя, потому что он подлым образом демонизировал светлый образ афроамериканцев. Как верно отметил Уильям Стоддард, фундаментальная ошибка писателя заключается в том, что «сатира Хайнлайна на американский расизм столь же жестока[30]; но поскольку он приглашает своих читателей поставить себя не на место людоедов, а на место жертв каннибализма, его книгу можно воспринимать как банальное выражение негрофобии, а не как этическое предостережение против власти неравенства в любой форме».

Стоддард довольно умный критик, но не все его коллеги таковы. Очень многим доброжелательно настроенным критикам страшно мешало людоедство Понса, и в своих обзорах они изо всех сил пытались как-то принизить, приглушить тему каннибализма, выпирающую из сюжета, словно острый ядовитый шип. С этой целью они придавали ему то метафорическое, то экологическое

[30] Примечания: 30

Стоддард сравнивает «Свободное владение Фарнхэма» с памфлетом Д. Свифта «Скромное предложение», в котором Свифт саркастически предлагал узаконить поедание ирландских детей англичанами. — *Примеч. С. В. Голд.*

значение и строили сложные эфирные конструкции, которые, на мой взгляд, имеют разве что эстетическую ценность.

Но Хайнлайн писал не о метафорическом, экологическом или ритуальном каннибализме, а о вполне вульгарном гастрономическом, о ежедневном поедании себе подобных. И герои его романа видят в каннибализме не символ, а вполне конкретное чудовищное явление. Каннибализм их бывшего хозяина Понса полностью и бесповоротно закрывает для Хью и Барбары вопрос о его моральных качествах. И каннибализм этот — вполне «этнографическая» деталь, которая упоминается в уже процитированном выше письме Хайнлайна:

За исключением той культуры, социальных институтов и технологий, что они получили от нас, они все еще прозябают в каменном веке, со всем его рабством, каннибализмом, тиранией и полным отсутствием концепции того, что мы называем «справедливостью».

Таким образом, Боб просто взял южноафриканских негров, о которых пишет, смешал их кровь с индийской и малазийской и подарил им свободу от европейцев и пару тысяч лет технического

прогресса, оставив нетронутыми рабство, каннибализм и отсутствие концепции справедливости. Нет, он не приписывал людоедства афроамериканцам или их отдаленным потомкам, в его романе американские негры разделили участь большинства населения Северной Америки, обратившегося в радиоактивный пепел или убитого советскими вирусами. Но абстрактная темнокожая раса мало интересовала его читателей, и черные, и белые увидели в тексте лишь то, что подсказывали им актуальные политические клише. Хайнлайн это предвидел и в своем письме Теду Карнеллу, британскому редактору научной фантастики, писал:

Это довольно печальная история во всем, кроме ее окончания, и она наверняка оскорбит как черных, так и белых… о чем я, разумеется, давал себе отчет, когда начал ее писать; расовая ситуация в ней действительно нелепая. Я пытался подать ее честно и беспристрастно с обеих сторон, заранее зная, что вряд ли это понравится как той, так и другой стороне. Я никогда не испытывал каких-либо расовых проблем сам — однажды, сорок пять лет назад, я понял, что о человеке никогда не следует судить по категориям, к которым он относится, его можно оценивать только как

отдельную личность.

Как и «Звездный десант», «Свободное владение Фарнхэма» оказалось неверно прочитано, публика вновь выхватила из романа, посвященного вопросам свободы и ответственности, лишь одну из второстепенных деталей, благополучно проигнорировав все остальное. И эта деталь — ужас расизма — оказалась не той формы, которую американские читатели 60-х готовы были воспринимать. К сожалению, у нынешнего поколения эпохи BLM шансов на адекватное прочтение романа практически не осталось. Отношение к нему прекрасно выразила Нора Джемисин, назвавшая Хайнлайна «долбаным расистом». Возможно, стоит напомнить, что собственное кредо писателя звучит примерно так:

Мы с Джинни всегда стояли за свободу, что означает, что мы верим в свободу и индивидуализм, максимально достижимые в данное время и в данных обстоятельствах… Для нас это просто означает личную свободу во всех отношениях с тщательным уважением равной свободы других людей. (И это, кстати, единственный вид «равенства», в который я верю. Все иные определения равенства, на мой взгляд, выглядят

подделками.)[31]

Думаю, эти слова писателя стоит вспоминать, когда читаешь «Свободное владение Фарнхэма».

С. В. Голд

[31] Примечания: 31

Из письма Бетти Джо Энн (Бьо) Тримбл, активистки фэндома. — *Примеч. С. В. Голд.*

Год Джекпота

1

Потифар Брин не сразу обратил внимание на девушку, которая начала раздеваться.

Она стояла на автобусной остановке футах в десяти от него. Потифар сидел в аптеке рядом с остановкой, и их разделяло лишь витринное стекло да несколько случайных прохожих.

Тем не менее он не заметил, когда именно девица принялась снимать с себя одежду. Перед ним на стойке лежала развернутая лос-анджелесская «Таймс», а рядом еще не читанные «Геральд экспресс» и «Дейли ньюс». Потифар скрупулезно просматривал газету, хотя на крупных заголовках его внимание не задерживалось. Его заинтересовали показатели максимальной и минимальной температур в Браунсвилле, штат Техас, и он занес их в свою аккуратную записную книжечку, туда же вписал сведения о ценах на акции трех самых надежных и двух самых высокодоходных, но нестабильных корпораций на нью-йоркской бирже, а также общее число проданных ценных бумаг. Потом мельком пробежал небольшие заметки, время от времени что-то помечая в записной книжке. То, что он выписывал, не имело

между собой ничего общего: Мисс Национальная Неделя Творога объявила о своем намерении выйти замуж и одарить двенадцатью отпрысками того, кто докажет свою пожизненную приверженность вегетарианству; обстоятельная, но совершенно невероятная информация о летающих тарелках и призыв молиться о дожде по всей Южной Калифорнии.

Когда Потифар записал имена и адреса трех жителей калифорнийского города Уоттса, чудесным образом исцеленных преподобным Дикки Боттомли, восьмилетним евангелистским проповедником, на собрании братства Первой Истины Господа Вездесущего, состоявшемся под открытым небом, и уже вознамерился приняться за «Геральд экспресс», он взглянул поверх очков для чтения и увидел любительское представление на углу улицы. Тогда он встал, спрятал очки в очечник, сложил газеты, бережно засунул их в правый карман пиджака, отсчитал на стойке требуемую сумму, добавил двадцать пять центов чаевых, затем снял с вешалки плащ, перекинул его через руку и вышел на улицу.

К этому времени девица осталась в чем мать родила. Потифар вынужден был признать, что мать родила ее весьма аппетитной. Самое удиви-

тельное, что это зрелище не произвело фурора. Разве что мальчишка-газетчик на углу перестал выкрикивать названия свежих катастроф и, ухмыляясь, уставился на нее, да парочка трансвеститов, поджидавших автобус, посмотрела в ее сторону. Люди бросали на девицу беглые взгляды и со свойственным обитателям Южной Калифорнии безразличием к необычному спешили по своим делам. Трансвеститы разглядывали девушку, нисколько не таясь. Мужчина был одет в женскую блузку с рюшами и традиционный шотландский килт. Его спутница, в строгом деловом костюме и фетровой шляпе-хомбурге, с огромным интересом наблюдала за происходящим.

Когда Брин подошел к девушке, она как раз повесила на скамейку невесомый лоскуток нейлона и наклонилась, чтобы снять туфли. Потный и крайне раздосадованный полицейский, дождавшись зеленого света, перешел улицу и остановился рядом.

— Хватит! — сказал он устало. — Ну-ка напяливайте свои шмотки да выметайтесь отсюда, мэм.

Женщина-трансвестит вынула изо рта сигару.

— А вам-то что за дело? — спросила она.

Полицейский повернулся к ней:

— Не суйтесь, куда не просят! — Он оглядел

женщину с ног до головы, потом проделал то же самое с ее спутником. — А то и вам придется проследовать со мной.

Дама подняла брови:

— Значит, нас вы арестуете за то, что мы одеты, а ее — за то, что раздета? Что ж, мне это нравится. — Она повернулась к девушке, которая стояла не шелохнувшись и не произносила ни слова, будто не понимала, что здесь происходит. — Я адвокат, милочка. — Она достала из жилетного кармана визитную карточку. — Если этот неандерталец в полицейском мундире и дальше будет вам досаждать, я с удовольствием им займусь.

Мужчина в шотландской юбке сказал:

— Грейс, ну пожалуйста…

Она стряхнула его руку:

— Перестань, Норман, мы обязаны заняться этим! — И, обращаясь к полицейскому, она продолжила: — Ну так что же? Почему вы не вызываете полицейскую машину? И кстати, моя клиентка отказывается отвечать на ваши вопросы.

Полицейский выглядел таким несчастным, что, казалось, вот-вот расплачется. Его лицо побагровело, что не предвещало ничего хорошего. Брин спокойно шагнул вперед и накинул свой плащ на

плечи девушки. Она с удивлением посмотрела по сторонам и впервые за все это время заговорила:

— Ох, спасибо!

Она закуталась в плащ.

Женщина-адвокат оглядела Брина, потом перевела взгляд на полицейского:

— Ну так как, мистер? Берете нас под арест?

Полицейский сунулся прямо к ее лицу:

— Не собираюсь доставлять вам такое удовольствие. — Потом вздохнул и добавил: — Благодарю вас, мистер Брин. Эта дама — ваша знакомая?

— Я за ней присмотрю. А вы, Кавонски, ступайте себе. Не обращайте внимания.

— Я с удовольствием. Раз уж она с вами, то все в порядке. Только, пожалуйста, заберите ее отсюда поскорее, мистер Брин.

Тут снова вмешалась женщина-адвокат:

— Минуточку… не приставайте к моей клиентке!

Кавонски рявкнул:

— А ну заткнитесь! Вы слышали, что сказал мистер Брин, — это его знакомая.

— Ну… да… я ее друг. Я за ней присмотрю.

Трансвеститка с подозрением пробубнила:

— Я что-то не слыхала, чтобы дама подтвердила факт знакомства…

Спутник трансвеститки снова заныл:

— Грейс, ну пожалуйста… вон наш автобус…

— А я не слыхал от дамочки, что она ваш клиент, — перебил их полицейский. — А выглядите вы, как… — Его голос утонул в скрипе автобусных тормозов. — А кроме того, ежели вы сейчас же не сядете в автобус и не уберетесь с моего участка, то я… я…

— И что же вы сделаете?

— Грейс, мы упустим автобус…

— Минутку, Норман. Милочка, а что, это действительно ваш знакомый? Вы и в самом деле с ним?

Девушка неуверенно взглянула на Брина, затем прошептала:

— Да… все в порядке…

— Что ж… — Спутник адвокатессы потянул ее за рукав.

Она всучила визитную карточку Брину и вскочила в автобус, который тут же отошел от остановки.

Брин спрятал визитку в карман. Кавонски утер пот на лбу.

— Зачем вы это затеяли, мэм? — спросил он сварливо.

Девушка, похоже, сама пребывала в недоуме-

нии:

— Я… я… не знаю.

— Слыхали, мистер Брин? И вот так они все отвечают. А если ее забрать, то наутро еще штук шесть объявятся. Шеф сказал… — Он тяжело вздохнул. — В общем, если бы я ее арестовал, как ожидала та въедливая баба, то завтра же к утру оказался бы на самом тяжелом участке и мечтал бы об отставке. Так что увозите ее отсюда поскорее, ладненько?

Девушка робко пробормотала:

— Но…

— И никаких «но», мэм. Радуйтесь, что такой джентльмен, как мистер Брин, согласился вам помочь.

Кавонски собрал ее вещи и протянул ей. Когда девушка попыталась взять одежду, снова обнаружилась несколько большая, чем нужно, площадь обнаженной натуры, и Кавонски поспешил передать вещи Брину, который рассовал их по карманам. Девушка позволила Брину отвести себя к автомобилю, села в салон и так плотно закуталась в плащ, что теперь казалась куда более одетой, чем большинство девиц на улице. Она принялась рассматривать Потифара.

Ему, человеку среднего роста и самой зауряд-

ной наружности, явно перевалило за тридцать пять, но выглядел он старше своих лет. Его взгляд имел то мягкое и отстраненное выражение, которое свойственно глазам тех, кто постоянно носит очки, но в данную минуту их лишился; волосы начали седеть на висках и редеть на макушке; костюм из ткани «в елочку», черные туфли, белая сорочка и скромный галстук — то есть одет не по-калифорнийски, а скорее по моде восточных штатов.

Брин, в свою очередь, увидел лицо, которое назвал бы хорошеньким или даже простеньким, а не очаровательным или прекрасным. Лицо обрамляли русые волосы. По мнению Потифара Брина, ей было лет двадцать пять, плюс-минус полтора года. Он приветливо улыбнулся, молча сел за руль и включил зажигание.

Он выехал на Доуни-драйв, затем повернул на восток по бульвару Сансет.

Подъезжая к бульвару Ла-Сьенега, Потифар сбросил скорость.

— Ну, теперь вам лучше?

— Вроде бы да… Мистер Брин…

— Зовите меня Потифаром. А как зовут вас? Впрочем, если не хотите, не говорите.

— Меня? Я… Мид Барстоу.

— Вот и славно, Мид. Куда вас отвезти? Домой?

— Пожалуй. Я… О боже, не могу же я явиться домой в таком виде!

И она еще плотнее завернулась в плащ.

— Родители?

— Нет, квартирная хозяйка. Она с ума сойдет от возмущения.

— Ну так куда же?

Она задумалась.

— Может быть, остановимся на заправке, а там я незаметно заскочу в туалет?

— Ммм… можно попробовать. Послушайте, Мид… Моя квартира всего в шести кварталах отсюда, и в нее есть вход из гаража. Туда можно пройти так, что вас никто не увидит. — Потифар выразительно посмотрел на девушку.

Она ответила ему таким же взглядом.

— Потифар… но вы же совсем не похожи на большого и страшного Серого Волка…

— Как это не похож! Еще как похож-ж! Р-р-р-р! — Он оскалил зубы. — Видите? Но по средам я выходной.

Девушка взглянула на Потифара и улыбнулась; на щеках появились ямочки.

— Идет! Пожалуй, лучше рискну сразиться с вами, чем с миссис Мегит. Поехали!

Он свернул к кварталам на холмах. Холостяцкое пристанище Потифара представляло собой один из тех панельных домишек, что лепятся, как опята, по бурым склонам горного массива Санта-Моника. Гараж был вырублен прямо в холме, а дом располагался над ним. Потифар въехал в гараж, выключил зажигание и провел Мид по шаткой лесенке наверх, в жилую комнату.

— Проходите, — показал он. — Располагайтесь со всеми удобствами.

Он начал вытаскивать из карманов одежду Мид.

Девушка покраснела, схватила скомканный наряд и исчезла в спальне. Потифар услышал, как в дверном замке повернулся ключ. Потифар Брин уселся в кресло, вынул записную книжку и раскрыл «Геральд экспресс». Он уже закончил изучать «Дейли ньюс», добавив некоторую толику заметок к своей коллекции, когда Мид вышла из спальни. Волосы девушки были аккуратно собраны в пучок, лицо приведено в порядок. Ей даже удалось разгладить скомканную юбку. Ее свитер не облегал фигуру, да и глубоким вырезом не обладал, но под ним угадывались приятные округлости. Почему-то при взгляде на Мид вспоминались прохладная колодезная вода и вкусный

завтрак где-нибудь на ферме.

Потифар взял у Мид свой плащ, повесил его на вешалку и сказал:

— Садитесь, пожалуйста.

Она без особой уверенности ответила:

— Я лучше пойду.

— Если вы торопитесь, то идите, но мне хотелось бы поговорить с вами.

— Что ж… — Мид присела на краешек дивана и огляделась.

Комната была не так уж и велика, но чиста, как воротничок Потифара, и аккуратна, как узел его галстука. Камин вычищен. Пол подметен и натерт воском. На полках, расставленных и развешанных, где только можно, теснятся книги. Один угол занят старомодной конторкой с плоским верхом. Бумаги на ней в идеальном порядке. Рядом с конторкой на особой приставке — маленький электрический калькулятор. Справа — большие застекленные двери, ведущие на крошечную веранду над гаражом. Дальше — панорама огромного города; кое-где уже сияли неоновые рекламы.

Мид поудобнее устроилась на диване.

— Чудесная комната, Потифар. Очень похожа на вас.

— Будем считать, что это комплимент. Спасибо.

Она не отозвалась, и он продолжил:

— Выпить хотите?

— Еще как! — Она задрожала. — По-моему, меня знобит.

Потифар встал.

— Неудивительно. Что будете пить?

Мид выбрала шотландский виски с содовой, без льда. Потифар оказался сторонником бурбона с имбирным элем. Мид отпила половину своей порции, отставила бокал, расправила плечи и сказала:

— Потифар…

— Да, Мид?

— Послушайте… Если вы привезли меня сюда, чтобы сделать гнусное предложение, то валяйте, делайте. Из этого, правда, ничего хорошего не выйдет, но сам процесс ожидания меня нервирует.

Потифар ничего не ответил, выражение его лица ничуть не изменилось. Мид продолжала, явно волнуясь:

— И не в том дело, что я обижусь… учитывая обстоятельства… я даже благодарна вам… но… ну, я просто не могу…

Он подошел и взял ее руки в свои:

— Дорогая, но у меня нет ни малейшего желания делать вам гнусное предложение. И вам не следует чувствовать себя хоть в чем-то обязанной. Я ведь ввязался в эту историю только потому, что меня заинтересовал ваш случай.

— Мой случай? А вы врач? Психиатр?

Он покачал головой:

— Я математик. Точнее — статистик.

— Гм… не понимаю…

— Ну и не стоит из-за этого переживать. Однако я хотел бы задать вам несколько вопросов.

— О, ради бога! Я вам очень обязана.

— Ничего подобного. Вам долить?

Она допила виски, протянула пустой бокал Потифару и вместе с ним вышла в кухню. Потифар смешал коктейль и подал гостье.

— Ну а теперь расскажите, зачем вы разделись.

Мид недоуменно наморщила лоб:

— Я не знаю. Не знаю. Не знаю. Наверно, шарики за ролики заехали. — И добавила, удивленно округлив глаза: — Но я не чувствую себя сумасшедшей. А можно свихнуться и не заметить этого?

— Да не сошли вы с ума… Во всяком случае, не больше, чем все остальные, — поправился он. —

Скажите, а вы видели, чтобы кто-нибудь вел себя таким же образом?

— Что? Нет, не приходилось.

— А может, читали об этом?

— Нет. Хотя… минуточку… в Канаде есть какие-то… духо… что-то…

— Духоборы. И это все? В совместных купаниях голышом не участвовали? В покер на раздевание не играли?

Она покачала головой:

— Нет. Вы не поверите, но в детстве я была из тех девчонок, что снимают белье, прикрывшись ночнушкой. — Покраснев, она добавила: — Я и теперь так делаю… разве только вовремя соображу, что это глупо.

— Верю. А может, газет начитались?

— Нет… Впрочем, кажется, что-то читала… Недели две назад… о девушке в театре… в зрительном зале… Я еще подумала, что это для рекламы. Вы же знаете, на какие штуки они способны.

Теперь покачал головой Потифар:

— Нет, это не для рекламы. Третьего февраля, театр «Гранд», миссис Элвин Копли. Обвинений не предъявлено.

— Как?! А вам откуда это известно?

— О, простите! — Потифар подошел к телефону

и набрал номер городского агентства новостей. — Альф? Это Пот Брин. Вы еще собираете информацию для статьи? Да-да, досье «Цыганка Роза»...[32] Сегодня что-нибудь есть? — Пока он ждал, на том конце провода кто-то сыпал отборной бранью. — Ладно, ладно, Альф, не дергайся — жара когда-нибудь спадет. Девять? Вот как! Ну, добавь еще одну — бульвар Санта-Моника, сразу после полудня. Ареста не было. — Потом добавил: — Нет, имя неизвестно... женщина средних лет, косоглазая. Я там случайно оказался... Кто? Я? А зачем мне вмешиваться в такую историю? Да, в целом картина получается занятная. — Потифар положил трубку.

— Косоглазая, выдумаете тоже! — фыркнула Мид.

— Хотите, я перезвоню и назову ваше имя?

— Ой, нет!

— Вот и славно. А теперь, Мид, мы вроде бы установили для вашего случая источник заражения — миссис Копли. Я хотел бы знать, что вы чувствовали, о чем думали, когда... ну, когда делали это?

---

[32] Примечания: 32

Цыганка Роза — сценический псевдоним Роуз Луиз Ховик (1911–1970), американской актрисы, стриптизерши, прозванной «королевой бурлеска». — *Примеч. ред.*

Мид сосредоточенно наморщила лоб:

— Погодите, это что же, еще девять женщин сделали то же самое?

— Ну, девять — это только сегодня. Вы, — тут он сделал короткую паузу, — вы — триста девятнадцатый случай в округе Лос-Анджелес с первого января сего года. Данных по всей стране у меня нет, но указание не давать в газеты такого рода информацию поступило из новостных агентств восточных штатов сразу же, как только мы передали сообщение о первом случае в Калифорнии. Это доказывает, что проблема стала общенациональной.

— Неужели по всей стране женщины стали прилюдно раздеваться? Да это же ужасно!

Потифар не ответил. Покраснев, Мид продолжила:

— Да, ужасно, даже если речь идет обо мне самой!

— Нет, Мид. Один случай — да, ужасно, а триста случаев уже представляют определенный научный интерес. Вот почему мне так важно выяснить ваши ощущения. Рассказывайте.

— Но… Ладно, попытаюсь. Как вы уже слышали, я не знаю, зачем это сделала. Я и теперь не знаю. Я…

— Но вы помните, как все было?

— Да, конечно. Помню, как встала со скамейки, как начала снимать свитер. Помню, как расстегнула молнию на юбке. Помню, еще подумала, что надо торопиться, мой автобус был в двух кварталах от остановки. Помню, что мне стало совсем хорошо, когда… когда наконец… — Она замолкла, лицо приняло удивленное выражение. — Но я до сих пор не знаю почему!

— О чем вы думали, когда встали со скамейки?

— Не помню.

— Ну, представьте себе — вот улица. Кто-нибудь в это время проходил мимо вас? Как вы держали руки? Вы сидели скрестив ноги или нет? Кто находился рядом? О чем вы думали?

— Ну, на скамейке никого больше не было. Руки лежали на коленях. Рядом со мной была эта странно одетая парочка, но на них я внимания не обращала. И ни о чем не думала, кроме того, что туфли жмут, что хочется домой… что жарко и душно… Потом… — ее взгляд стал отсутствующим, — внезапно я поняла, что надо делать, и делать немедленно! Я встала и… и… и я… — Голос Мид поднялся почти до визга.

— Спокойно! — сказал Потифар. — Только не вздумайте начинать все сначала.

— Что?! Господи, мистер Брин, у меня даже в мыслях ничего такого не было!

— Разумеется, разумеется. Ну а потом?

— А потом вы набросили на меня плащ, вот и все. — Она посмотрела Брину прямо в глаза. — Скажите, Потифар, а почему у вас с собой был плащ? Вот уже несколько недель, как не выпало ни капли дождя, — это самый засушливый сезон дождей за все годы.

— Если быть точным, то за шестьдесят восемь лет.

— Правда?!

— И тем не менее я ношу с собой плащ. Это, разумеется, причуда, но я предчувствую, что, когда дождь наконец начнется, это будет чудовищный ливень. — Потифар помолчал и добавил: — И идти он будет сорок дней и сорок ночей.

Мид решила, что Потифар шутит, и засмеялась.

Он продолжил:

— Значит, вы не помните, как родилась у вас эта идея?

Мид повертела бокал и ответила:

— Нет, не помню.

Он кивнул:

— Так я и думал.

— Не понимаю, что вы имеете в виду. Вы что, считаете меня психопаткой? Вы и в самом деле так думаете?

— Ни в коем случае. Я думаю, что вы вынужденно совершили этот поступок, поскольку были не в силах преодолеть настоятельную потребность его совершить, и не знаете почему, и знать не можете.

— Но вы-то знаете, почему я так поступила?! — с укоризной спросила Мид.

— Возможно. Во всяком случае, у меня есть кое-какие соображения. Вы когда-нибудь интересовались статистикой?

Она покачала головой:

— Цифры вгоняют меня в сон. Но к черту статистику, я хочу знать, почему я так поступила!

Он очень серьезно посмотрел на нее:

— По-моему, мы с вами лемминги.

Сначала Мид удивилась, потом испугалась:

— Вы имеете в виду таких пушистых зверьков, вроде мышей? Которые…

— Которые периодически совершают гибельные миграции и миллионами, сотнями миллионов тонут в океанских водах. Спросите у лемминга, зачем он это делает. Если вам удастся остановить хотя бы одного зверька на пути к

смерти, гарантирую, что он придумает какое-нибудь рациональное объяснение своему поступку не хуже любого человека с высшим образованием. Но в действительности он делает это потому, что не может иначе. Вот так и мы с вами.

— Но это же ужасно, Потифар!

— Да, наверное. Я покажу вам данные, в которых пока не могу разобраться и сам. — Брин подошел к конторке, выдвинул ящик и достал стопку каталожных карточек. — Вот вам первый случай: две недели назад некто подал в суд на законодательное собрание штата за то, что его разлюбила жена. И судья принял дело к производству. Или вот второй: патентная заявка на устройство для наклона земного шара набок, чтобы растопить ледяные шапки на полюсах. Патент не зарегистрирован, но, прежде чем вмешались власти, автор успел продать желающим земельные участки вокруг Южного полюса на сумму свыше трехсот тысяч долларов. Теперь он судится с правительством и вроде бы даже имеет шансы на успех. А вот еще: очень известный епископ предлагает организовать в средних школах практические занятия по курсу «Взаимоотношения полов». — Потифар поспешно отложил карточку. — А это уж самый смак: законопроект,

внесенный на рассмотрение в нижнюю палату Законодательного собрания штата Алабама, который требует отменить атомную энергию — не юридические нормы в области ее использования, а сами законы природы, то есть законы ядерной физики. — Он пожал плечами. — Глупость человеческая не знает границ!

— Да они все просто спятили!

— Нет, Мид. Один такой случай — сумасшествие, а множество — это исход леммингов, ведущий к гибели. Нет-нет, не возражайте, лучше посмотрите составленные мной графики. Последний раз нечто подобное имело место в так называемую «эпоху Изумительного Абсурда», но сейчас все куда серьезней. — Потифар полез в нижний ящик и вытащил график. — Амплитуда теперь вдвое больше, и это притом что мы еще очень далеки от пика значений. Каков будет этот пик, я даже предположить боюсь; видите, тут три разных ритма — и все они накладываются друг на друга.

Мид внимательно рассматривала графики.

— А продавец земельных участков в Антарктиде тоже попал в один из графиков?

— Да, он тоже учтен. А вот на этом пике — столпники, пожиратели аквариумных рыбок,

любители танцевальных марафонов, и денежные пирамиды, и, разумеется, человек, вкативший носом горошину на вершину горы Пайкс-Пик. А вам, Мид, место на новой кривой — и я вас туда обязательно добавлю.

Мид поморщилась:

— Мне это как-то не по душе.

— Мне тоже. Но картина яснее банковской отчетности. В этом году человечество явно сидит с нечесаной гривой, ковыряет в носу и приговаривает: «Ля-ля-ля».

Мид вздрогнула.

— Можно, я еще выпью? А уж потом двинусь домой.

— Я предложу вам кое-что получше. Считаю, что задолжал вам ужин за честные ответы. Выбирайте, куда пойдем. Там и выпьем по коктейлю.

Мид задумчиво прикусила губу:

— И ничего-то вы мне не должны. Да я и не люблю ресторанной толчеи. И еще я боюсь… боюсь…

— Бояться не надо, — резко оборвал он ее. — Дважды это не повторяется.

— Вы уверены? Все равно — терпеть не могу толпу. — Мид бросила взгляд на кухонную дверь. — Какая-нибудь провизия у вас есть? Готовить я умею.

— Есть кое-что для завтрака, еще фунт фарша в морозилке и булочки — я иногда жарю гамбургеры, когда лень идти в закусочную.

Мид встала и подошла к двери.

— Пьяная или трезвая, одетая… или не очень, но готовить я умею. Вот увидите.

И он действительно увидел. Гамбургеры на поджаренной булочке, вкус которых не забивали, а только подчеркивали тонкие ломтики бермудского лука и мелко нарезанный укроп; салат из чего-то найденного в холодильнике, картофель, хрустящий, а не жесткий, как резина.

Они ели на крошечной веранде, запивая еду холодным пивом.

Потифар вздохнул и вытер рот:

— Да, Мид, готовить вы умеете.

— Вот когда я приду в гости с настоящими продуктами, то действительно отблагодарю вас. Тогда и увидите!

— Вы уже все доказали. Тем не менее предложение принято. Однако повторяю в третий раз: вы мне ничем не обязаны.

— Правда? А ведь вы, как истинный бойскаут, спасли меня от ночи в каталажке.

Брин покачал головой:

— У полиции есть приказ спускать такие дела

на тормозах, чтобы не провоцировать новые случаи. Вы же сами видели… И, моя дорогая, в ту минуту вы не были для меня личностью. Я ведь даже лица не рассмотрел. Я…

— Ясно, ясно, вы в это время рассматривали нечто совсем иное!

— Сказать по правде, нет. Вы были для меня лишь статистической единицей.

Мид повертела в руках столовый нож и, разделяя слова длинными паузами, произнесла:

— Может, я чего-то не понимаю, но, по-моему, это оскорбление. За все двадцать пять лет, в течение которых я постоянно более или менее успешно оборонялась от мужских приставаний, меня обзывали по-всякому, но только не статистической единицей. Пожалуй, возьму-ка я вон ту логарифмическую линейку и поколочу вас как следует.

— Моя милая барышня…

— Вот я уж точно не барышня. И не статистическая единица!

— Ладно, тогда моя дорогая Мид! Должен вам сказать, чтобы предотвратить возможные недоразумения: в колледже я боксировал в полусреднем весе.

Мид улыбнулась, отчего у нее на щеках снова

появились ямочки.

— Вот это другой разговор, безусловно приятный для девушки. Я уж было начала опасаться, что тебя делали где-нибудь на фабрике счетных машин! Потти[33], ты молодец!

— Если Потти — уменьшительно-ласкательное от моего имени, то мне нравится, но если это намек на мою талию, я категорически возражаю.

Мид потянулась через стол и потрепала его по животу.

— Твоя талия меня устраивает: с худыми и голодными мужчинами лучше дела не иметь. Если я буду готовить для тебя и дальше, то тебе придется еще немножко потолстеть.

— Разрешите считать это официальным предложением?

— Не торопи события… Послушай, Потти, ты действительно предполагаешь, что вся страна рехнулась?

Потифар мгновенно протрезвел:

— Хуже.

— То есть?

— Пойдем, я тебе покажу. — Пока они собирали тарелки и складывали их в раковину, Брин

---

[33] Примечания: 33

Потти (Potty) — толстячок *(англ.). — Примеч. ред.*

продолжал говорить: — Еще ребенком меня заворожили числа. Числа очаровательны, они складываются в интересные комбинации. Окончив университет — разумеется, математический факультет, — я стал младшим актуарием в страховой компании на Среднем Западе. Это было очень интересно: вот ведь как получается — нет никакой возможности определить время грядущей смерти конкретного человека, но зато с полной уверенностью можно сказать, что в такой-то возрастной группе к определенной дате умрет такое-то число людей. Графики прекрасны, и предсказанное ими всегда сбывается. Всегда. И не надо знать почему. Прогнозировать можно с абсолютной уверенностью, а вот знать почему — нет. Уравнения не лгут. Графики всегда безошибочны. А еще меня занимала астрономия. Эта наука основана на математике, и индивидуальные числа в ней срабатывают с безукоризненной точностью, вплоть до последнего десятичного знака, допускаемого разрешающей способностью приборов. В сравнении с астрономией другие науки смахивают на плотницкое дело или на кухонную химию. Вскоре я обнаружил, что в астрономии есть такие укромные местечки, где обычной математики недостаточно, где нужна

математическая статистика. Это заинтересовало меня еще больше. Я вступил в «Общество любителей астрономии» и, возможно, стал бы в конце концов профессиональным астрономом, а не теперешним консультантом по бизнесу, если бы не еще одно увлечение.

— Ты консультант по бизнесу? — переспросила Мид. — Это как налоговый консультант?

— Нет, налоги — дело слишком скучное. Я консультант-статистик в инженерной компании. Я могу точно предсказать скотоводу, сколько телят в его стаде херефордов окажутся бесплодными. Или кинопродюсеру, какую сумму ему следует предусмотреть для страховки от дождливой погоды при планировании съемок в конкретной местности. Или какие именно компании в той или иной отрасли промышленности подвержены риску несчастных случаев на производстве, а какие могут обойтись без страховки. И я оказываюсь прав. Я всегда прав.

— Погоди-ка, но мне кажется, что любая крупная компания обязана страховать сотрудников.

— Вовсе нет. Чем больше корпорация, тем больше она напоминает статистическую вселенную.

— Как это?

— Не важно. В общем, вышло так, что меня

увлекли циклы. Цикличность, Мид, существует во всем. И повсюду. Приливы, времена года, войны, любовь — все это цикличные явления. Всем известно, что весной молодые мужчины больше склонны задумываться о том, о чем девушки никогда не перестают думать. Но знаешь ли ты, что в этом существует свой цикл, протяженностью в восемнадцать с половиной лет? Поэтому у девушки, родившейся в неподходящий период этого цикла, гораздо меньше шансов выйти замуж, чем у ее старшей или младшей сестры?

— Вот как! Так, может, именно по этой причине я торчу в старых девах?

— Тебе сколько? Двадцать пять? — Потифар погрузился в расчеты. — Что ж, вполне возможно, хотя сейчас твои шансы поднимаются, кривая идет на подъем. Кроме того, помни, что ты — всего лишь статистическая единица, а кривая отражает ситуацию во всей возрастной группе. Некоторые выходят замуж чуть ли не каждый год.

— Не смей называть меня статистической единицей!

— Извини. Кстати, известно, что число браков коррелируется с размерами посевной площади пшеницы, только тут существует небольшой

временной лаг. Пшеница опережает. Можно даже сказать, что посевная заставляет людей жениться.

— Звучит не очень-то вразумительно.

— А это и есть глупость. Все наши представления о причинно-следственных связях, возможно, не что иное, как чистое суеверие. Но цикл брачных союзов хорошо коррелируется с циклом строительства новых домов, хотя тоже с небольшим лагом во времени.

— Что ж, в этом есть хоть какой-то смысл.

— Ты думаешь? А сколько молодоженов могут позволить себе построить дом? Нет, эта корреляция имеет не больше смысла, чем корреляция с посевом пшеницы. Дело в том, что мы не знаем почему. Знаем лишь, что корреляция существует.

— Может, пятна на Солнце?

— Видишь ли, солнечную активность можно скоррелировать с изменением цен на акции, с ходом лосося в реках Колумбии или с длиной женских юбок. И с тем же основанием можно рассматривать динамику солнечных пятен как следствие изменения длины женских юбок, а можно обвинять солнечную активность в изменениях миграции лосося. Нам ничего не известно,

кроме того, что эти графики сходны.

— Но во всем этом должен быть какой-то смысл!

— Должен? А собственно, почему должен? Факты не имеют отношения к вопросу «почему?». Факт есть факт, он существует сам по себе. Почему ты разделась сегодня на улице?

— Это нечестно! — скривилась она.

— Возможно. Но дай-ка я покажу тебе, что меня тревожит. — Потифар вышел в жилую комнату и вернулся с толстым рулоном миллиметровки. — Наверное, его лучше расстелить на полу. Вот смотри, тут они все. Вот пятидесятичетырехлетний цикл, видишь, как хорошо в него укладывается Гражданская война? Вот цикл в восемнадцать лет и одну треть года, вот девятилетний плюс какая-то мелочь, вот коротышка в сорок один месяц, вот три ритма солнечной активности. Все они сведены воедино. Вот график наводнений на Миссисипи, вот колебания пушного промысла в Канаде, вот изменения цен на бирже, вот браки, эпидемии, загрузка товарных поездов, банковские взаимозачеты, нашествия саранчи, разводы, прирост древесины, войны, атмосферные осадки, колебания земного магнетизма, строительство, патентные заявки,

убийства. Назови, что хочешь, — тут есть все.

Мид рассматривала чудовищное скопище извилистых линий.

— Но, Потти, что все это значит?

— Это значит, что всем явлениям свойственен определенный ритм, который от нас не зависит. Это значит, что если юбкам пришло время стать короче, то никакие усилия парижских модельеров не смогут заставить их удлиниться. Это значит, что если цены падают, то все государственные программы контроля и поддержания цен не смогут их поднять. — Потифар указал на график. — Взгляни на рекламу бакалейных товаров. Потом почитай финансовые колонки в газетах, увидишь, как умники изо всех сил пытаются это объяснить. Это значит, что, если эпидемия должна начаться, она обязательно начнется, несмотря на все усилия органов здравоохранения. А в конечном счете это означает, что мы лемминги.

Мид выпятила нижнюю губу:

— Не нравится мне все это. Мы же хозяева своей судьбы и все такое, Потти. А как же свобода воли? Я знаю, что она у меня есть. Я это чувствую.

— Наверное, каждый нейтрон в атомной бомбе считает точно так же, как ты. Он думает, что

может вылететь, а может сидеть себе спокойненько на месте — в зависимости от собственного желания. Но законы статистики действуют независимо от желаний. И бомба взрывается, к чему я и веду. А ты видишь что-нибудь странное в этих графиках, Мид?

Мид пристально вгляделась в графики, пытаясь не запутаться в сплетениях кривых.

— По-моему, они все стремятся соединиться, вот здесь, в правом верхнем краю.

— Ты совершенно права — именно это и происходит. Видишь эту пунктирную вертикаль? Она отмечает положение на сегодняшний день, и это положение весьма паршивое. А теперь взгляни на сплошную вертикаль — она показывает, что будет через шесть месяцев. Вот там-то мы все и получим. Во всех циклах — и в коротких, и в длинных — либо пик, либо провал совпадают с этой линией или совсем точно, или хотя бы приблизительно.

— А это плохо?

— А ты как думаешь?! В тысяча девятьсот двадцать девятом году самые низкие точки совпали только у трех больших циклов — и Великая депрессия нас едва не погубила. Притом что пятидесятичетырехлетний цикл был тогда в

благоприятной фазе. Теперь же этот цикл находится в стадии гигантского спада, а несколько циклов поменьше, имеющих сейчас восходящий характер, погоды не делают. Ни пиковые значения нашествий гусениц, ни эпидемии гриппа наших дел не поправят. Понимаешь, Мид, если статистика верна, то наша старушка-планета скоро попадет в такую переделку, какой не видала с тех пор, как Ева занялась яблоками. Мне страшно, Мид.

Она пристально посмотрела на него:

— Потти, ты меня не разыгрываешь? Я же не могу всего этого проверить.

— Увы, не разыгрываю. Нет, Мид, когда дело касается математики, я никогда не шучу. Просто не умею. Дело обстоит именно так. Наступил год Джекпота.

Потифар повез Мид домой. Всю дорогу она молчала, а когда они добрались до Западного Лос-Анджелеса, заговорила:

— Потти!

— Что?

— Что же нам делать?

— А что можно сделать с ураганом? Можно зажать уши. А с атомной бомбой? Разве что постараться быть подальше от взрыва. Что тут еще

сделаешь?

— Ох! — Несколько секунд она обдумывала сказанное, потом произнесла: — Потти, а ты скажешь мне, в какую сторону прыгать?

— Что? Ну конечно. Если сам что-нибудь соображу.

— Потти!

Он обернулся:

— Да, Мид?

Она обхватила его за шею и горячо поцеловала в губы.

— Вот. Или это просто статистическая единица?

— Гм… пожалуй, нет.

— То-то же, — проговорила она с угрозой в голосе. — Потти, мне кажется, я внесу некоторые изменения в твой график.

2

РУССКИЕ ОТВЕРГАЮТ НОТУ ООН.

РАЗЛИВ МИССУРИ ПРЕВЗОШЕЛ ВЕЛИКИЙ ПОТОП 1951 ГОДА.

МИССИСИПСКИЙ МЕССИЯ ИГНОРИРУЕТ РЕШЕНИЕ СУДА.

КОНГРЕСС НУДИСТОВ ВТОРГСЯ НА ЧАСТНЫЙ ПЛЯЖ БЕЙЛИ-БИЧ.

ПЕРЕГОВОРЫ
МЕЖДУ ВЕЛИКОБРИТАНИЕЙ И ИРАНОМ В ТУПИКЕ.

ВЕДУТСЯ РАБОТЫ НАД СОЗДАНИЕМ ОРУЖИЯ,
ДЕЙСТВУЮЩЕГО СО СВЕРХСВЕТОВОЙ СКОРОСТЬЮ.

НА МАНИЛУ ПОВТОРНО ОБРУШИЛСЯ ТАЙФУН.

ВЕНЧАНИЕ НА ДНЕ РЕКИ ГУДЗОН. Нью-Йорк, 13 июля. Сегодня в специально сконструированном скафандре на двоих светская львица Мередит Смайт, жительница Нью-Йорка, обвенчалась с принцем Оги Шлезвиг-Гольштейном, жителем Ривьеры. Телевизионную трансляцию

церемонии, проведенной епископом Далтоном, обеспечили с помощью специального оборудования ВМС США…

По мере того как год Джекпота приближался к своей середине, Брин получал все больше грустного удовлетворения, добавляя новые и новые факты к той информации, которая свидетельствовала о безукоризненной точности прогноза. Необъявленная мировая война продолжала свое кровавое шествие по полудюжине горячих точек измученного земного шара. Брин не учитывал ее в своих графиках: военные действия широко освещались на первых страницах мировой прессы. Он концентрировал свое внимание на странных событиях, упоминавшихся на последних страницах газет, на фактах, которые по отдельности ничего не означали, но в совокупности подтверждали тенденции самого разрушительного характера.

Он учитывал информацию о биржевых ценах, об атмосферных осадках, о зерновых фьючерсах, но больше всего Брина интересовало то, что происходило в так называемый «мертвый сезон». Разумеется, люди совершают глупости во все времена, но как важно определить, где лежит та точка, когда, так сказать, природная

глупость становится широко распространенной, имманентно присущей обществу? Где лежит та точка, когда, так сказать, полная глупость становится самым обычным делом? Где он — тот час, когда, например, общепринятым мерилом американского представления о женственности стали зомбиобразные манекенщицы? Или когда исчезла разница между Национальной неделей борьбы с раком и Национальной неделей борьбы с дерматофитозом? В какой именно день американцы потеряли свой здравый смысл?

Или взять, например, трансвестизм. Конечно, разница между мужской и женской одеждой условна, но она корнями уходит в историю культуры. Когда же начался крах этих устоев? Может, с мужских костюмов Марлен Дитрих? К концу сороковых годов не осталось ни одного предмета «мужской» одежды, которого женщины не носили бы в общественных местах. Но когда именно мужчины решили перейти на одежду противоположного пола? Следует ли считать первыми психологическими уродами уже тех, кто задолго до нынешнего разгула трансвестизма сделал термин «дрэг» популярнейшим словом в Гринвич-Виллидже и в Голливуде? Или то были частные явления, никак не связанные с

ростом графика Брина? А может, все началось с какого-нибудь неизвестного мужчины, который, отправившись на маскарад, обнаружил, что женская юбка удобнее и практичнее брюк? А может, начало этому положило возрождение шотландского национализма, заставившее многих американцев шотландского происхождения носить килт?

Спросите леммингов, каковы мотивы их действий! Ну а последствия — вон они, перед Брином, напечатаны черным по белому в газете. Трансвестизм среди уклоняющихся от службы в армии привел в Чикаго к массовым арестам, которые закончились грандиозным судебным процессом, — а заместитель окружного прокурора явился в суд в сарафане и потребовал, чтобы судья добровольно прошел экспертизу на предмет выявления его половой принадлежности. Судью хватил удар, и он скоропостижно скончался, после чего суд отложили, скорее всего, как думал Брин, навсегда, поскольку этот пуританский закон вряд ли когда-нибудь еще применят.

А законы о непристойном обнажении? Попытка ограничить распространение синдрома «цыганки Розы», игнорируя таковой, подточило морально-нравственные устои стражей поряд-

ка, и вот вам, пожалуйста: в спрингфилдской церкви Всех Душ священник возродил обряд всеобщего обнажения. «Вероятно, впервые за тысячу лет, если не считать нескольких вконец свихнувшихся лос-анджелесских религиозных сект, практикующих групповой секс», — подумал Брин. Преподобный заявил, что церемония идентична священным пляскам верховных жриц в Карнакском храме[34].

Что ж, возможно. Хотя у Брина была кое-какая информация из частных источников о том, что «верховная жрица» до получения последнего ангажемента подвизалась в бурлесках и ночных клубах, угощавших своих клиентов стриптизом. Как бы то ни было, святой отец собирал целую толпу последователей и не был арестован.

Две недели спустя аналогичные развлечения возникли в ста девяти церквях, разбросанных по тридцати трем штатам страны. Все это Брин учел в своих графиках.

Эти странные происшествия, на взгляд Брина, не имели связи с удивительным распространением по территории США евангелических сект. Они были искренни, серьезны и бедны, но число

---

[34] Примечания: 34

Карнакский храм — крупнейший храмовый комплекс Древнего Египта. — *Примеч. ред.*

их множилось. Появившись вскоре после начала войны в Корее, они росли будто на дрожжах. То, что США снова становятся богобоязненной страной, выглядело статистическим курьезом. Брин попробовал сравнить тенденцию с распространением трансцендентализма и с исходом мормонов в прошлые времена… и — все сошлось. Кривая рвалась вверх.

Пришло время выплат многомиллиардных военных займов. Браки военного времени дали пик численности детей школьного возраста в Лос-Анджелесе. Река Колорадо обмелела и почти пересохла, дамба на озере Мид обнажилась чуть ли не целиком, а жители Лос-Анджелеса продолжали совершать медленное самоубийство, обильно поливая газоны. Администрация центрального водохозяйственного округа пыталась прекратить это безобразие, но ничего не добилась из-за разнобоя в действиях полиции пятидесяти суверенных муниципалитетов, входящих в округ. Водопроводные краны оставались открытыми, высасывая последние капли жизни из оазиса в пустыне.

Состоялись съезды четырех партий: диксикратов, настоящих республиканцев, других настоящих республиканцев и демократов, но

они привлекли очень мало внимания, так как партия «незнаек» еще не проводила съезда. Тот факт, что «Американское ралли», как предпочитали называть себя «незнайки», объявляло себя просветительским обществом, а не партией, нисколько не умалял их силы. Но в чем заключалась их сила? Их появление было так загадочно, что Брину пришлось изрядно порыться в газетных подшивках за декабрь 1951 года, но вскоре ему дважды сделали предложение присоединиться к «незнайкам»: первое исходило от его непосредственного начальника, второе — от вахтера.

Тем не менее учесть «незнаек» в своих графиках Брину не удалось. Они вызывали у него приступы страха. Собирая относящиеся к ним заметки, Брин обнаружил, что количество публикаций о них стремительно падает, а вот численность растет с неимоверной быстротой.

Восемнадцатого июля произошло извержение вулкана Кракатау. Оно стало поводом для первой транстихоокеанской телевизионной трансляции. Влияние извержения на краски заката, на силу солнечного освещения, атмосферные осадки и средние температуры должно было сказаться только в конце года. Тектонический разлом Сан-Андреас, незаживающей раной протянувшийся

вдоль всего тихоокеанского побережья США, дремал со времени землетрясения в Лонг-Бич в 1933 году и исподволь копил разрушительную силу. Вулканы Мон-Пеле и Этна пробудились, но Мауна-Лоа пока еще спал.

Чуть ли не ежедневно в каждом штате приземлялись «летающие тарелки». Правда, никто не видел, где именно, — вероятно, министерство обороны засекретило эту информацию. Брина не устраивали доходящие до него сплетни и слухи, весьма явственно попахивавшие спиртным. А вот морской змей на пляже Вентура-Бич оказался вполне реальным: Брин видел его своими глазами. Удостовериться в появлении неандертальца в штате Теннеси, к сожалению, не удалось…

За последнюю неделю июля в США произошло тридцать одно крушение самолетов местных линий. Саботаж? Или просто очередной пик графика? Потом в Сиэтле началась эпидемия полиомиелита и докатилась до Нью-Йорка. Что это — предвестник глобальных эпидемических вспышек? График вроде бы это подтверждал. Но тут кривая обнаружила начинающийся спад. А может, бактериологическое оружие? Откуда диаграмме известно, что некий биохимик славянского происхождения в нужное время доведет

до совершенства механизм создания вируса и способ его распространения? Чушь!

Кривые, если они вообще что-нибудь означали, учитывали и такое явление, как «свободная воля»; они формировались под воздействием среднестатистической величины миллионов воль — и выражались плавной функцией. Каждое утро три миллиона «свободных воль» отправлялись из пригородов к центру Нью-Йорка, а каждый вечер отбывали в обратном направлении — и все это по «собственной воле», но по весьма гибкому и предсказуемому графику.

Спросите у лемминга! Спросите у всех леммингов, живых и мертвых, — пусть они обсудят этот вопрос и проголосуют!

Брин отшвырнул записную книжку и позвонил Мид:

— Это моя любимая статистическая единица?

— Потти! А я как раз думала о тебе!

— Естественно! У тебя ведь сегодня выходной.

— Да, но есть и другая причина. Потифар, ты когда-нибудь видел пирамиду Хеопса?

— Я даже Ниагарского водопада не видал! Все ищу богатую женщину, чтобы попутешествовать.

— Ладно, ладно, я дам тебе знать, когда заполу-

чу свой первый миллион, но…

— На этой неделе это, по-моему, первое твое мне предложение.

— Утихомирься, пожалуйста. Ты когда-нибудь слышал о пророчествах, записанных на стенах пирамиды?

— Послушай, Мид, ведь это почти то же самое, что астрология, то есть годится лишь для людей с куриными мозгами. Пора бы уже повзрослеть.

— Ладно. Но, Потти, ты же интересуешься всем необычным. А это и есть необычное.

— Вот как? Хорошо, прошу прощения. Если это относится к «мертвому сезону», то согласен взглянуть.

— Отлично. Сегодня для тебя готовлю я?

— А почему бы и нет? Ведь сегодня среда?

— Когда увидимся?

Он взглянул на часы:

— Подхвачу тебя через одиннадцать минут, — потом ощупал подбородок. — Нет, через двенадцать с половиной.

— Буду готова. Между прочим, миссис Мегит считает наши встречи признаком грядущей свадьбы.

— Не обращай внимания. Она всего лишь статистическая единица. А я — переменная величина.

— Зато у меня уже есть двести сорок семь долларов в счет первого миллиона! Пока!

Приобретение Мид было обычной, прекрасно отпечатанной брошюрой общества розенкрейцеров, с фотографией (разумеется, ретушированной, по мнению Брина) пресловутой черты на внутренней стене пирамиды, которая, как полагали некоторые, содержала прогноз хода истории человечества. На ней якобы были отмечены все важные события: падение Рима, вторжение норманнов, открытие Америки, Наполеоновские и мировые войны. Особый интерес придавал ей внезапный обрыв где-то на наших временах.

— Ну что ты скажешь, Потти?

— Думаю, каменотес устал. А может, его прогнали с работы. Или назначили нового главного жреца со свежими идеями в голове. — Брин все же положил брошюру в ящик стола. — Спасибо. Я потом придумаю, куда бы ее пристроить. — И тут же снова вытащил брошюрку, а вместе с ней измерительный циркуль и лупу. — Если верить черте, конец света настанет в августе, хотя это может быть просто мушиная точка.

— Утром или вечером? Надо же мне знать, как одеться!

— В любом случае надевай туфли. Все божьи

дети ходят обутыми.

Брин опять спрятал буклет. Мид помолчала, потом спросила:

— Потти, а не пора ли нам прыгать?

— Что? Господи, девочка, да не расстраивайся ты из-за этой чепухи. Это все просто «мертвый сезон».

— Ну и что?! Ты лучше посмотри на свои графики!

Все же на следующий день Брин ушел с работы пораньше, провел день в справочном зале библиотеки и утвердился в своем мнении о прорицателях. Нострадамус был надутым глупцом, а матушка Шиптон[35] — и того хуже. В их предсказаниях каждый мог отыскать то, что хотел услышать. У Нострадамуса тем не менее попалось одно интересное местечко: «Человек с Востока встанет со своего места… Он пробьет Небо, воды и снега и каждого ударит своим жезлом»[36].

Очень похоже на прогноз военного министерства о том, что ожидает союзников Запада в

---

[35] Примечания: 35

Матушка Шиптон — Урсула Саутейл (1488–1561) — английская ясновидящая, якобы предсказавшая вторжение испанской армады, Великую чуму и Великий лондонский пожар. — *Примеч. ред.*

[36] Примечания: 36

Мишель Нострадамус. Центурии (центурия II, катрен XXIX; перев. В. Бурбело, Е. Соломарской). — *Примеч. ред.*

случае нападения «красных». С другой стороны, текст описывает любое вражеское вторжение на памяти человечества. Чушь!

Когда Брин добрался до дома, он разыскал отцовскую Библию и открыл ее на Откровении. Ничего не понял, но заинтересовался частым упоминанием цифр и точных дат. Потом стал открывать книгу наугад, и его глаза остановились на абзаце: «Не хвались завтрашним днем, потому что не знаешь, *что* родит тот день»[37]. Брин смиренно отложил Библию, так и не приободрившись.

Дождь начался утром следующего дня. Корпорация водопроводчиков объявила об избрании некой Стар Морнинг[38] «Мисс Водоканализацией» одновременно с Обществом владельцев похоронных бюро, избравшим ее же «Мечтой бальзамировщика», в связи с чем знаменитая парфюмерная фирма отказалась от ее услуг. Конгресс утвердил компенсацию в размере одного доллара тридцати семи центов некоему Томасу Джефферсону Миксу за убытки, понесенные им

---

[37] Примечания: 37

Притч. 27: 1. — *Примеч. ред.*

[38] Примечания: 38

Стар Морнинг (Star Morning) — Утренняя звезда *(англ.).* — *Примеч. ред.*

при доставках спешных почтовых отправлений под Рождество 1936 года, принял решение о назначении пяти генерал-лейтенантов и одного посла и, потратив на все заседание целых восемь минут, был распущен на каникулы. В одном из детских домов Среднего Запада огнетушители оказались наполненными обыкновенным воздухом. Руководитель известной футбольной организации основал фонд для снабжения членов Политбюро мирными посланиями и витаминами. Акции на бирже упали еще на девятнадцать пунктов, и биржевые новости задержали на два часа. Город Уичита в штате Канзас все боролся с наводнением, а в Финиксе, штат Аризона, муниципалитет прекратил снабжение питьевой водой жителей всех поселков, лежащих за пределами официальной городской черты. Обнаружилось также, что Потифар забыл свой плащ у Мид Барстоу.

Он позвонил ее квартирной хозяйке, но миссис Мегит, к его удивлению, передала трубку самой Мид.

— Почему ты дома? Сегодня же пятница?

— Директор театра меня уволил. Теперь-то уж тебе придется жениться на мне.

— Для этого ты еще недостаточно богата. Нет, серьезно, девочка, что случилось?

— Да я все равно собиралась бросить эту помойку. Последние полгода доход приносит только автомат по продаже попкорна. Сегодня от нечего делать пришлось дважды посмотреть фильм «Как я был юным битником». Так что все правильно.

— Я сейчас приеду.

— Через одиннадцать минут?

— Идет дождь, так что если повезет, то через двадцать.

Но практически прошло около часа. Бульвар Санта-Моника превратился в судоходную реку. Бульвар Сансет походил на метро в часы пик. Когда же Брин попытался переправиться через бурный поток у дома миссис Мегит, то выяснилось, что менять покрышку — серьезная проблема, если колесо находится в непосредственной близости к ливневому стоку.

— Потти! Ты промок как мышь!

— Ничего, жить буду.

Его немедленно укутали в стеганый халат покойного мистера Мегита и вручили кружку горячего какао, а миссис Мегит спешно отправилась на кухню сушить промокшее одеяние.

— Мид, я… я тоже свободен.

— Как! Ты ушел с работы?

— Не совсем. У нас со стариной Уайли уже

несколько месяцев как обнаружились расхождения в оценке моих прогнозов. Слишком уж явно вылезал фактор Джекпота в тех расчетах, которые я готовил для клиентов. Сам бы я такого не сказал, но шеф счел меня излишне пессимистичным.

— Но ты же прав!

— А с каких это пор правота приближает служащего к сердцу его босса? Однако он уволил меня не за это, это был лишь предлог. Ему нужен человек, который подкрепил бы программу «незнаек» научным жаргоном. А я отказался к ним присоединиться. — Брин подошел к окну. — Льет все сильнее.

— Но у «незнаек» нет никакой программы.

— То-то и оно.

— Потти, надо было вступить в это дурацкое общество. Я вот уже три месяца как вступила.

— За каким чертом?

Она пожала плечами:

— А что такого? Платишь доллар, посещаешь пару их собраний, и тебя оставляют в покое. Благодаря этому я три лишних месяца продержалась на работе.

— Ну, понимаешь… Мне неприятно, что ты так поступила, вот и все. Ладно, давай забудем об этом, Мид. Смотри-ка, вода уже заливает тро-

туар.

— Может, заночуешь здесь?

— Ммм… не хотелось бы на всю ночь оставлять на улице мою красавицу «Энтропию»… Мид?

— Что, Потти?

— Мы теперь оба безработные. Может, отправимся на север, в пустыню Мохаве, поищем там местечко посуше?

— С радостью. Но, Потти, это что — предложение путешествовать или предложение руки и сердца?

— Ты мне брось эти или-или. Пока это всего лишь соображения по поводу отпуска. Дуэнья у тебя есть?

— Нету.

— Тогда пакуй вещи.

— Сию минуту. Только, Потифар, что именно паковать? Ты намекаешь, что пора прыгать?

Он посмотрел на нее, потом на окно.

— Не знаю, — произнес он задумчиво. — Но дождь, похоже, затянется надолго. Не бери ничего, без чего можешь обойтись, но не оставляй ничего, без чего обойтись нельзя.

Потифар забрал у миссис Мегит свою одежду, а Мид ушла наверх, переоделась в брюки и, придерживая рукой потрепанного плюшевого медведя,

снесла вниз два больших чемодана.

— Это Винни.

— Что еще за Винни? Винни Пух?

— Нет, Винни Черчилль. Когда мне плохо, он прочит мне «кровь, труд, слезы и пот», и сразу становится легче. Ты же сам велел мне взять все, без чего нельзя обойтись. — Она с тревогой посмотрела на Брина.

— Верно.

Он взял чемоданы. Миссис Мегит вроде бы вполне удовлетворилась объяснениями о необходимости визита к (мифической) тетке Потифара в Бейкерсфилде и обещанием сразу же после этого заняться поисками работы. Тем не менее он покраснел от смущения, когда миссис Мегит расцеловала его на прощание и велела заботиться «о ее милой девочке».

Бульвар Санта-Моника был перекрыт. Машина застряла в пробках Беверли-Хиллз. Брин крутил ручку радиоприемника, обнаруживая лишь треск и свист, пока наконец не наткнулся на местную станцию. «...Фактически, — пронзительно зазвучал резкий срывающийся голос, — Кремль приказал убраться из города до заката. По мнению этого нью-йоркского корреспондента, в такие дни каждый американец обязан держать

порох сухим. А теперь слово…»

Брин выключил радио и посмотрел Мид в глаза.

— Не волнуйся, — сказал он, — в этом духе они вещают уже многие годы.

— Думаешь, блефуют?

— Этого я не говорил. Я сказал — не волнуйся.

С помощью Мид Брин собрал, что называется, «аварийный комплект средств жизнеобеспечения»: консервы, всю бывшую в доме теплую одежду, спортивную винтовку, к которой он не притрагивался уже два года, автомобильные запчасти и инструменты, домашнюю аптечку. Бумаги из конторки Брин сложил в картонную коробку и поставил ее на заднее сиденье машины, вместе с консервными банками и пальто, прикрыв все это одеялами. После этого Потифар и Мид поднялись по шаткой лестнице еще раз, проверить, не забыли ли чего.

— Потти, а где твои графики?

— Рулон лежит на заднем сиденье. Ну, кажется, все… О, погоди-ка! — С полки над письменным столом он снял тоненькие невзрачные журналы. — Это выпуски «Западного астронома» и «Анналы ассоциации наблюдателей переменных звезд».

— А зачем они тебе?

— Как это зачем? Я почти год не брал их в руки. Теперь, возможно, найдется время и для чтения.

— Гмм… Наблюдать, как ты будешь изучать научные труды, — не очень-то вяжется с моим представлением об отпускных радостях.

— Молчи, женщина! Ты взяла Винни — я возьму журналы.

Она не стала возражать и помогла ему увязать журналы в пачку. Бросив тоскливый взгляд на калькулятор, Брин решил, что прибор слишком напоминает мышеловку Белого Рыцаря. Хватит и логарифмической линейки.

Когда машина, разбрызгивая воду во все стороны, выехала на улицу, Мид спросила:

— Потти, а как у тебя с наличностью?

— А что? По-моему, достаточно.

— Ну, банки-то закрыты, и все такое. — Мид показала ему свою сумочку. — А мой банк — вот он. Денег маловато, но они нам пригодятся.

Он улыбнулся и потрепал ее по коленке:

— Молодчина! Я тоже сижу на своем банке. С первого января я начал превращать все ценные бумаги в наличку.

— О! А я закрыла свой банковский счет сразу после нашей первой встречи.

— Вот как? Значит, моя болтовня произвела на тебя впечатление?

— К тебе я с самого начала относилась серьезно.

По Минт-каньону машина ползла со скоростью пять миль в час, а видимость была ограничена красными габаритными огнями ехавшего впереди грузовика. Когда они остановились, чтобы проглотить по чашке кофе в придорожном кафе, подтвердилось очевидное: перевал Кахон закрыли, и поток машин с 66-й магистрали отправили в объезд через другой перевал. Долгое время спустя они добрались до развилки у Викторвилля, поток машин чуть-чуть спал, что было прекрасно, так как один из дворников отказал и пришлось ехать по системе: «один следит, другой рулит». Близ Ланкастера Мид внезапно спросила:

— Потти, а твоя колымага оборудована шноркелем?

— Никак нет.

— Тогда нам лучше остановиться. Вон там мелькает огонек.

Огонек оказался мотелем. Чтобы удовлетворить и необходимость экономить деньги, и правила приличия, в гостевой книге расписалась Мид; они сняли один номер на двоих.

Увидев, что в комнате стоят две кровати, Брин не стал возражать. Мид легла спать в обнимку с Винни и не попросила поцеловать ее на сон грядущий. Занималась сырая серая заря.

Они встали далеко за полдень и решили остаться в мотеле еще на одну ночь, а затем ехать на север, к Бейкерсфилду. Поговаривали, что на юг движется зона высокого давления, вытесняя жаркую влажность, накрывшую Калифорнию. В эту зону они и хотели попасть. Брин починил дворник, купил пару новых покрышек, чтобы заменить негодную запаску, кое-какие туристские принадлежности, а для Мид — пистолет тридцать второго калибра, дамскую игрушку на случай самозащиты. Отдавая ей подарок, он сконфузился.

— А это зачем?

— У тебя при себе наличность.

— А я-то думала, чтобы защищаться от твоих домогательств!

— Ну, Мид…

— Да ладно уж! Спасибо, Потти.

После ужина они начали загружать покупки в машину, и тут началось землетрясение. Пять дюймов дождя за сутки стали тремя миллиардами тонн воды, обрушившимися на разлом Сан-Андреас, и без того перенапряженный, и

земля содрогнулась от жуткого инфразвукового удара.

Мид с размаху села прямо в грязь. Брин удержался от падения, приплясывая, как плотогон на лесосплаве. Толчки прекратились примерно через полминуты, и он помог Мид подняться.

— Как ты?

— Брюки насквозь промокли! — воскликнула она и жалобно добавила: — Потти, в дождливую погоду землетрясений не бывает. Никогда не бывает!

— А в этот раз было!

— Но…

— Помолчи, пожалуйста. — Он открыл дверцу машины, включил радио и с нетерпением ждал, пока приемник нагреется. Затем принялся искать на всех волнах. — Ни одной, черт бы ее побрал, станции Лос-Анджелеса не слышно!

— Может, от толчка побились лампы?

— Помолчи.

Раздался треск, Брин искал настройку.

— …говорит радиостанция Риверсайда, Калифорния. Слушайте нашу передачу, мы сообщаем подробности. Пока еще трудно дать оценку масштабов катастрофы. Разрушен акведук реки Колорадо. О размерах разрушений и о том,

сколько времени понадобится для ликвидации последствий, ничего не известно. Акведук долины Оуэнс, по-видимому, цел, но жителям Лос-Анджелеса рекомендуется запасать воду. Наш вам совет — выставить тазы под дождь, не вечно же он будет лить. Если у нас останется время, мы дадим в эфир шлягер „Прохладная вода“, чтобы навести вас на нужные мысли. Теперь прослушайте несколько выдержек из правил поведения при стихийных бедствиях: „Кипятите воду. Оставайтесь в домах, не паникуйте. Держитесь дальше от шоссе. Поддерживайте контакт с полицией и при необходимости…“ Джо! Телефон! „…Оказывайте помощь. Не пользуйтесь телефонами, если…“ Внимание! Чрезвычайное сообщение! По неподтвержденной информации из Лонг-Бич, Уилмингтон и Сан-Педро затоплены на высоту пять футов. Повторяю, данные эти не проверены. А вот приказ генерала Марча Филда: «Всем военнообязанным немедленно явиться…»

Брин выключил радио.

— А ну быстро в машину!

— Куда мы едем?

— На север.

— Но мы же оплатили номер! Давай…

— В машину!

В городе Потифар сделал остановку. Ему удалось купить шесть пятигаллоновых жестяных бидонов и запасную канистру к джипу. Все это он доверху залил бензином и, обложив одеялами, устроил на заднем сиденье, увенчав эту кучу дюжиной банок машинного масла. Автомобиль отправился в путь.

— Куда мы едем, Потифар?

— На запад, подальше от шоссе в долине.

— Куда именно на запад?

— Да есть одно местечко. Ну, там посмотрим. Ты займись радио, но и на дорогу поглядывай. Меня очень беспокоит склад горючего на заднем сиденье.

Они проехали через городок Мохаве и по шоссе 466 направились на северо-запад, в горы Техачапи. На перевале приемник работал плохо, но то, что Мид удалось разобрать, подтверждало первое впечатление: землетрясение было хуже, чем в 1906 году, хуже, чем в Сан-Франциско, Манагуа и Лонг-Бич, вместе взятых.

Когда горы остались позади, небо прояснилось, в нем мерцали редкие звезды. Брин свернул с шоссе налево и объехал Бейкерсфилд по окружной дороге, выбравшись на 99-ю магистраль чуть южнее Гринфилда. Как он и опасался, магистраль

была забита беженцами. В их потоке пришлось тащиться мили две, а потом, близ Гринфилда, Брин свернул на запад, к Тафту. Они остановились на западной окраине городка и перекусили в круглосуточной закусочной для дальнобойщиков.

Они уже собирались садиться в машину, когда на юге неожиданно вспыхнул «рассвет». Ярко-розовое сияние мгновенно расширилось, заполнив собой все небо, а затем исчезло. На месте сияния в небесную высь устремился багровый столб дыма, увенчанный грибовидным облаком.

Брин сначала уставился на него, потом взглянул на часы и резко скомандовал:

— В машину!

— Потти, это… это был…

— Это был… это когда-то был Лос-Анджелес. Садись в машину.

Он молча вел машину. Ошеломленная Мид не могла произнести ни слова. Когда до них дошла звуковая волна, Брин опять взглянул на часы.

— Шесть минут девятнадцать секунд. Все верно.

— Потти, надо было забрать с собой миссис Мегит!

— Откуда ж мне было знать, — сказал он раз-

драженно. — А кроме того, старое дерево на новое место не пересаживают. Если она погибла, то этого даже не почувствовала.

— Господи, ну хоть бы так!

— Забудь. Подтянись и держи хвост морковкой. Нам потребуются все силы, какие у нас есть, чтобы спастись самим. Возьми фонарик, посмотри на карту. Я хочу повернуть у Тафта на север, а затем двигаться к побережью.

— Хорошо, Потифар.

— И покрути радио.

Она притихла и выполнила все, что было приказано. Радио молчало, молчала даже радиостанция Риверсайда. На всех волнах звучали странные звуки, будто стук дождя в оконное стекло. Приближаясь к Тафту, Брин сбросил скорость, и Мид указала ему поворот к северу на шоссе. Почти в ту же минуту кто-то выпрыгнул на дорогу, бешено размахивая руками. Потифар затормозил.

Человек подошел к дверце водителя и постучал в окно. Брин опустил стекло. И непонимающе уставился на пистолет в левой руке незнакомца.

— Выметайтесь из машины, — резко сказал тот. — Живо! Я ее забираю!

Он сунул руку внутрь, пытаясь нащупать руч-

ку.

Перегнувшись через Потифара, Мид навела свой пистолетик на незнакомца и нажала на спусковой крючок. Вспышка обожгла лицо Брина, но выстрела он не услышал. Незнакомец удивленно распахнул глаза — на верхней губе виднелась аккуратная, еще не кровоточащая дырочка, — и медленно отвалился от машины.

— Вперед! — тонким голосом сказала Мид.

— Молодец! — ахнул Брин.

— Вперед! И быстрее!

По шоссе они проехали через Национальный парк Лос-Падрес, остановившись лишь однажды, чтобы долить бак из канистры. Затем свернули на проселок. Мид все время старалась поймать что-нибудь по радио, один раз услышала станцию Сан-Франциско, но разобрать что-либо из-за странного фона было невозможно. Затем поймала Солт-Лейк-Сити, слышно было слабо, но отчетливо:

— ...наши радарные станции ничего не зарегистрировали, и можно полагать, что взрыв в Канзас-Сити произошел на месте, а не в результате ракетной бомбардировки. Это вполне вероятная гипотеза, хотя...

Тут машина въехала в глубокое ущелье, и что

было дальше — они не услышали.

Когда приемник снова заработал, говорил уже другой голос.

— КОНЭЛРАД[39], — четко произнес он. — Работают все радиостанции страны. Слухи о том, что Лос-Анджелес разрушен атомной бомбой, безосновательны. Город испытал сильнейший сейсмический толчок. Официальные государственные лица и представители Красного Креста уже прибыли на место катастрофы для помощи пострадавшим, но, повторяю, никакой атомной бомбардировки не было. Сохраняйте спокойствие, не выходите из дома. Безответственная болтовня может повредить Соединенным Штатам не меньше, чем вражеские бомбы. Не выезжайте на автострады и слушайте…

Брин выключил радио.

— Кто-то, — сказал он с горечью, — опять решил, что «мама лучше знает, что делать». Нас не хотят огорчать плохими известиями.

— Потифар, — резко спросила Мид, — но ведь это была атомная бомба, правда?

— Конечно. Правда, теперь неясно, подверглись

---

[39] Примечания: 39

КОНЭЛРАД — контроль электромагнитной радиации, сокращенное обозначение системы экстренного оповещения населения США в случае ядерной атаки. — *Примеч. ред.*

ли бомбардировке все крупные города страны или только Лос-Анджелес и Канзас-Сити. Ясно лишь то, что нам лгут.

— Может, поймать другую станцию?

— Да черт с ними.

Он сосредоточился на дороге, та была очень плохой.

На рассвете Мид спросила:

— Потти, а ты знаешь, куда ехать? Или просто стараешься держаться подальше от городов?

— В общих чертах знаю. Если не заблудился. — Он посмотрел по сторонам. — Нет, все верно. Видишь тот холм с тремя стражами на склоне?

— С тремя стражами?

— Ну, вон те каменные столбы. Это ориентир. Где-то здесь есть частная дорога, которая ведет к охотничьей хижине моих знакомых. Там когда-то было ранчо, но содержать его было слишком накладно.

— А они не станут возражать, если мы к ним нагрянем?

Брин пожал плечами:

— А мы у них спросим, когда они приедут. Если приедут, конечно. Они ведь жили в Лос-Анджелесе.

— Понятно.

Частная дорога оказалась едва приметной тропой в густых зарослях. В конце концов они въехали на пологий холм, откуда открывался вид почти до Тихого океана, а затем спустились в лощину, где пряталась хижина.

— Просьба освободить вагоны. Поезд дальше не идет.

Мид вздохнула:

— Здесь божественно.

— Ну как, ты сообразишь нам завтрак, пока я буду разгружать машину? В сарае должны быть дрова. Умеешь обращаться с печкой?

— А то!

Два часа спустя Брин стоял на холме, курил сигарету и смотрел на запад. Что это за облако в той стороне, где Сан-Франциско? Ядерный гриб? Возможно, игра воображения, решил он, если учитывать расстояние. На юг, разумеется, смотреть не имело смысла.

Из домика вышла Мид:

— Потти!

— Тут я.

Мид подошла, взяла его руку, выхватила сигарету и глубоко затянулась. Выдохнула дым и сказала:

— Грех так говорить, но впервые за долгие ме-

сяцы я спокойна.

— Понимаю.

— Ты видел консервы в кладовке? Хватит на целую зиму.

— Что ж, значит, здесь и перезимуем.

— Продержимся. Хорошо бы завести корову.

— А что ты с ней станешь делать?

— Еще школьницей я каждое утро доила четырех коров. Могу и свинью забить.

— Постараюсь добыть для тебя какого-нибудь боровка.

— Найди, и я закопчу тебе окорок. — Мид зевнула. — Ох, как меня разморило!

— И меня тоже. И неудивительно.

— Пора в кровать.

— Гм… Ладно… Мид?

— Да, Потти?

— Похоже, мы тут надолго обоснуемся. Ты ведь понимаешь, правда?

— Да, Потти.

— Надо бы дождаться, когда кривые пойдут на подъем. А они обязательно пойдут.

— Конечно. Я так и подумала.

Помолчав, Брин спросил:

— Мид, выйдешь за меня замуж?

— Да. — Она прильнула к нему.

Чуть погодя он осторожно отстранился и сказал:

— Милая, родная моя… может, съездить в ближайший поселок и отыскать там священника?

Она твердо посмотрела на него:

— Не самое разумное. Понимаешь, никто не знает, что мы здесь. И не надо, чтобы об этом узнали. Да и машина может застрять на тропе.

— Ты права. Пожалуй, это не самое разумное. Только мне хочется, чтобы у нас все было как полагается.

— Все в порядке, Потти. Все правильно и хорошо.

— Ну, тогда… встань на колени рядом со мной и повторяй. Мы вместе произнесем все слова.

— Хорошо, Потифар.

Она опустилась рядом. Он взял ее за руку, закрыл глаза и мысленно вознес молитву. Когда он открыл глаза, то спросил:

— Что случилось?

— Гравий в коленки впивается.

— Давай встанем.

— Нет. Потти, может, пойти в дом и там все сказать?

— Что?! Черт возьми, женщина! В доме нам будет не до этого. Ну-ка, повторяй за мной. Я,

Потифар, беру тебя, Мид…

— Хорошо. Я, Мид, беру тебя, Потифар…

3

«Официальное сообщение. Всем станциям в зоне слышимости продублировать. Правительственный бюллетень номер девять. Ввиду многочисленных нарушений правил поведения на дорогах патрульным отрядам отдан приказ стрелять без предупреждения. Маршалы-профосты уполномочены расстреливать за незаконное владение бензином. Ранее объявленные правила бактериологического и радиационного карантина будут соблюдаться со всей строгостью. Да здравствуют Соединенные Штаты! Генерал-лейтенант Харли Дж. Нил, временный глава правительства. Всем станциям продублировать».

«Говорит Свободное радио Америки. Радиорелейная трансляция. Передавайте это всем, ребята. Губернатор Брэдли сегодня принес президентскую присягу временному верховному судье Робертсу, согласно закону о передаче власти. Президент назначил государственным секретарем Томаса Дьюи, а министром обороны — Пола Дугласа. Президентским указом ренегат Нил лишен воинского звания и объявлен вне закона.

Известите об этом всех, кого сможете, и ждите дальнейших новостей».

«Внимание, внимание! Вызываю всех на связь! CQ. CQ. CQ. Говорит W5 KMR, Фрипорт. Автоматическая трансляция. QRR, QRR. Всем, кто меня слышит! Всем! Мы здесь мрем как мухи. Что происходит? Лихорадка, сильный жар, мучает жажда, но глотать невозможно. Помогите. Слышите меня? Внимание! CQ-75. CQ-75. Это W5 Кило Метро Ромео, автоматическая трансляция. Вызываю всех на связь! Слышите меня?!»

«Говорит радиостанция „Время Господне“. Наш спонсор — „Эликсир Свана“, тоник, который скрасит ваше ожидание Царства Небесного. Передаем проповедь судьи Блумсфилда, миропомазанного викария Царства Божьего на земле. Но сначала объявление: посылайте ваши дары мессии, в город Клинт, штат Техас. Не почтовым отправлением, а либо с гонцом Царства, либо через паломников, отправляющихся на поклон в наши святые места. После хора молитвенного дома прозвучит глас викария Царства…»

«…Первый симптом — красная сыпь под мышками. Она чешется. Больных немедленно укладывать в постель, укутывать и держать в

тепле. Здоровым тщательно мыть руки и носить марлевую повязку. Как передается заболевание — неизвестно. Известите соседей».

«…новых следов высадки десанта не обнаружено. Уцелевшие парашютисты предположительно скрываются в горах Поконо. При встрече стреляйте первыми, но будьте осмотрительны, не пристрелите родную тетю. Конец трансляции. До завтра».

Кривые графиков пошли на подъем. Брин в этом уже не сомневался. Может, не придется зимовать в горах Сьерра-Мадре. Но с другой стороны, место в высшей степени удачное. Долина находится к западу от места взрыва и зоны выпадения радиоактивных осадков. Было бы глупо подхватить заразу под конец эпидемии или попасть под какую-нибудь шальную пулю. Так что лучше подождать еще пару месяцев, и все решится само собой.

Да и дрова на зиму заготовлены. Брин посмотрел на свои мозолистые ладони. Он поработал на славу и, ей-богу, заслужил отдых.

Брин направился к вершине пологого холма, чтобы полюбоваться закатом и часок почитать. Проходя мимо машины, он мельком заглянул в

салон, подумал, что хорошо бы покрутить приемник, но тут же отогнал мысль: две трети бензина уже израсходованы на подзарядку батарей, а ведь еще только декабрь. Надо включать радио не чаще двух раз в неделю. Жалко, конечно, что не станешь ежедневно слушать полуденную сводку Свободного радио Америки, а потом вертеть ручку настройки, пробуя поймать что-нибудь еще.

Последние три дня Свободное радио Америки в эфир не выходило — может быть, из-за помех, вызванных солнечной радиацией, а может, просто из-за перебоев с электричеством. Слухи об убийстве президента Брэдли официально не подтверждались, хотя и не опровергались. Отсутствие опровержения само по себе было добрым знаком. И все-таки неизвестность тяготила.

А сообщения о том, что землетрясения заставили подняться Атлантиду, и о том, что Азорские острова превратились в континент, — скорее всего, отрыжка «мертвого сезона». Хотя, конечно, интересно узнать, так ли это.

Перебарывая смущение, Брин позволил себе подойти к машине. Было нечестно слушать радио без Мид. Дождавшись, когда приемник нагреется, Брин медленно провел стрелку по всей шкале, туда и обратно. Ни одной станции, ничего, кроме

сильных фоновых помех. Так ему и надо.

Брин вскарабкался на холм, сел на скамейку, которую притащил сюда в самом начале. Это была их заветная скамья, свидетельница того, как Мид стояла коленками на остром щебне. Сел и вздохнул. Поджарый живот был плотно набит олениной и кукурузными лепешками. Для полного счастья не хватало только табака. Цвета вечерних облаков отличались пронзительной яркостью, а погода для декабря — необычайной теплотой. И то и другое, думал Брин, следствие вулканической пыли, а может быть, и атомных взрывов.

Удивительно, с какой быстротой все развалилось. Не менее удивительно, как, судя по ряду признаков, все стремительно возвращалось к норме. Кривые достигли низшей отметки и теперь шли на подъем. Третья мировая война оказалась самой короткой из всех больших войн: сорок городов уничтожено, включая Москву, и другие славянские города, а также и американские, а затем — вжик! — ни одна из сторон не в состоянии воевать. Решающую роль в этом сыграло и то, что обе стороны вели обстрел ракетами дальнего действия через полюс, в самую

жуткую стужу со времен Пири[40]. «А все-таки непонятно, — думал Брин, — как нескольким десантным самолетам противника все же удалось прорваться».

Он вздохнул и вытащил из кармана ноябрьский выпуск «Западного астронома» за 1951 год. На чем он остановился? Ах да, вот оно! «Некоторые соображения по поводу стабильности звезд типа G, в особенности Солнца», автор Г. М. Дынковский, Институт имени Ленина, перевод Генриха Лея, члена Королевской академии наук. Бог ты мой, Дынковский — известный математик, очень разумное использование гармонических рядов и убийственная логика. Отыскивая нужное место, он заметил под фамилией Дынковского сноску, не замеченную ранее: «Сразу после публикации статьи газета „Правда“ заклеймила ее реакционным романтическим бредом. С тех пор о профессоре Дынковском ничего не известно; возможно, он был ликвидирован».

Бедняга! Впрочем, теперь и он, и те, кто его убил, превратились в атомную пыль. Брин задумался, поймали ли уцелевших русских десантников?

---

[40] Примечания: 40

Роберт Пири (1856–1920) — американский путешественник, исследователь Арктики, первым добравшийся до Северного полюса (1909). — *Примеч. ред.*

Впрочем, Брин внес свою лепту. В тот день он добыл олениху всего в четверти мили от хижины и сразу вернулся домой. Если бы не это, Мид пришлось бы худо. Он убил бандитов выстрелами в спину и зарыл трупы за поленницей. А потом со стыдом освежевал и разделал тушу несчастной оленихи, остро осознавая, что захоронил врагов, как подобает, по-человечески.

Да. Кроме математики, есть еще только два стоящих дела — убивать врага и любить женщину. Он испытал и то и другое. Счастливчик!

А сейчас Брин предвкушал огромное удовольствие. Читать статью Дынковского — сплошное наслаждение. Разумеется, давно известно, что звезды типа G, к которым относится и Солнце, неустойчивы и могут взрываться и превращаться в белых карликов. Но до Дынковского никому не удавалось точно описать условия, предшествующие катастрофе, и разработать математические средства диагностики нестабильности и процесса ее нарастания.

Утомившись чтением мелкого шрифта, Брин посмотрел на небо. Солнце сияло за тонким слоем низких облаков, что давало редкую возможность смотреть на светило невооруженным глазом. Похоже, вулканическая пыль в воздухе играла

роль закопченного стекла.

Он вгляделся пристальнее. Или его обманывало зрение, или солнечные пятна сливались в одно огромное пятно. Он слышал, что при определенных условиях солнечные пятна можно разглядеть, но ему ничего подобного видеть не приходилось. Эх, телескоп бы сюда!

Брин поморгал. Точно, пятно — в верхней правой части диска. Большое. Неудивительно, что радио в машине звучало невнятно, как речь Гитлера.

Он вернулся к статье, стремясь дочитать до конца, пока не начало смеркаться. Сначала Брин испытывал чисто интеллектуальное наслаждение от неопровержимости и изящества расчетов автора. Как известно, при трехпроцентном отклонении в константе солнечного излучения звезда обречена стать новой. Но Дынковский пошел дальше. С помощью совершенно оригинального математического аппарата он рассчитал серию вероятностных «вилок», разбив историю звезды на ряд отрезков, в которых это событие могло произойти, и в каждом из них выявил «вилки» второго, третьего и даже четвертого порядка, установив таким образом точку наибольшей вероятности катастрофы. Блестяще! Более того,

Дынковский определил точные даты достижения экстремальных значений «вилок» первого порядка, как это и должен был сделать настоящий статистик!

Но по мере чтения текста и анализа формул настроение Брина стало меняться, интеллектуальное наслаждение превращалось в гораздо более острое переживание. Дынковский рассматривал не просто типичную звезду класса G! В заключительной части статьи он писал о Солнце, о Солнце Брина, о солнечном лике с родимым пятном на краю!

С огромным пятном! В нем даже Юпитер показался бы крошкой! И тут Брин все понял.

Все знают, что звезды когда-нибудь состарятся, а Солнце остынет, но эти понятия воспринимают отстраненно и умозрительно, как мысли о своей собственной смерти. А теперь Брин думал об этом применительно к своей ситуации.

Сколько времени, с момента нарушения стабильности, потребуется, чтобы вызванная этим явлением волна излучения достигла Земли? Для точных вычислений требовался калькулятор, но бесстрастные уравнения на странице содержали ответ. Полчаса — подсказал здравый смысл. Полчаса разделяют эту минуту и мгновение, когда с

Землей будет покончено навсегда.

Брина охватила горькая печаль. Неужели все кончено? Неужели никогда больше не будет наполненного прохладой утра в каньоне Колорадо… Бостонской почтовой дороги в дымке осенних костров… Округа Бакс в весенней зелени… влажных запахов Фултонского рыбного рынка… впрочем, рынка уже не существует… чашечки кофе в «Утреннем зове»… лесной земляники на холмах Нью-Джерси, сладкой, как губы любимой… тихоокеанских рассветов, когда прохладный воздух ласкает кожу под рубашкой, а тишину не нарушает ни один звук, кроме плеска волн о борт старой посудины… как же назывался корабль? Ах, да — «Мэри Брюстер»…

И Луны тоже не станет, когда Земле придет конец. Звезды… но любоваться ими будет некому…

Он взглянул еще раз на даты, проставленные на отрезках вероятностных «вилок» Дынковского. «От берега до берега в душе моей одна прекрасная…»[41]

Внезапно ему отчаянно захотелось, чтобы рядом была Мид.

Он встал со скамьи. Мид шла ему навстречу.

---

[41] Примечания: 41

Строка из патриотической песни Кэтрин Ли Бейтс и Сэмюэла Уорда «Прекрасная Америка» (перев. Л. Зубарева). — *Примеч. ред.*

— Привет, Потти. Возвращайся в дом, не бойся, посуду я уже помыла.

— А я хотел тебе помочь.

— Нет уж, ты делай мужскую работу, а женскую буду делать я. Так будет по-честному. — Она прикрыла глаза рукой. — Ну и закат! Так и хочется, чтобы каждый год взрывалось по вулкану.

— Садись, полюбуемся вместе.

Она села, и Брин взял ее за руку.

— Видишь пятно на Солнце? Заметно невооруженным глазом.

— Ничего себе! Вот это пятно так пятно! Будто от Солнца кто-то целый кусок откусил.

Брин прищурился. Пятно действительно расползлось!

Мид вздрогнула:

— Мне холодно. Обними меня.

Брин обнял ее свободной рукой, продолжая держать ладонь Мид в другой. Да, пятно становилось все больше. Росло.

А что такого хорошего в человечестве? Мартышки, думал Брин, просто мартышки, с капелькой поэтического восприятия, болтливые, загадившие второстепенную планету в третьестепенной Солнечной системе. Впрочем, им случается умирать с достоинством.

Мид прижалась к нему:

— Согрей меня.

— Скоро станет жарко… То есть да, конечно, я тебя согрею.

— Милый Потти!

Она посмотрела на небо:

— Потти, с закатом происходит что-то странное.

— Нет, милая, не с закатом, а с Солнцем.

— Мне страшно…

— Я же с тобой, дорогая.

Он посмотрел на скамью, где лежал раскрытый журнал. Незачем складывать две даты, а потом делить результат пополам, чтобы получить ответ. Вместо этого Брин крепко стиснул ладонь Мид, с неизбывной горечью ощущая, что наступает

Конец

Послесловие

Впервые повесть опубликована в журнале «Galaxy Science Fiction» (октябрь 1952); затем вошла в сборник «Угроза с Земли и другие рассказы» (*Gnome Press*, 1959). Текст печатается по изданию «Угроза с Земли и другие рассказы» (*Gnome Press*, 1959).

Роберт Корног и Роберт Хайнлайн много лет дружили на расстоянии. Корног работал в Беркли, в радиационной лаборатории Эрнеста Лоуренса, а Хайнлайн занимался политикой в Лос-Анджелесе. После Второй мировой войны Корног, принимавший участие в проекте «Манхэттен» по разработке ядерного оружия, нарушил запрет Манхэттенского инженерного округа на разглашение секретной информации и обратился к Хайнлайну за помощью в щекотливом вопросе: ядерные физики хотели оповестить общественность об угрозе, которую представляет атомное оружие, но так, чтобы не выдать военных тайн. (Оказалось, что сделать это возможно, и Хайнлайн посоветовал, как именно.)

После этого они старались встречаться как мож-

но чаще и обменивались книгами и статьями. В 1949-м или в 1950-м Корног прислал Хайнлайну книгу «Циклы» (скорее всего, книгу Дьюи и Дэкина «Циклы: наука предсказаний», опубликованную в 1947 г.) о странных явлениях, которые происходят с определенной периодичностью, — изменение длины юбок, семнадцатилетние циклы развития цикад, одиннадцатилетние циклы солнечной активности и так далее. Внимание Хайнлайна привлек тот факт, что в 1952 году многие из этих циклов достигали своего пика — или нижней точки.

«Сюжеты можно найти повсюду», — говорил Хайнлайн Джинни. В данном случае он обнаружил сюжет рассказа о циклах человечества, достигших своего пика одновременно с пиком солнечной активности.

Опубликовать повесть в год Джекпота удалось с большим трудом. В январе 1950 года Хайнлайн предложил сюжет журналу «Argosy», но его отклонили, поскольку ранее напечатали рассказ «Вода предназначена для купания» и не хотели еще одного пессимистического произведения. Поскольку так называемый «год Джекпота» неумолимо приближался, Хайнлайн написал в сентябре 1951-го, и Г. Л. Голд согласился взять

его для публикации в «Galaxy Science Fiction». Но и там возникли проблемы. В октябре 1951 г. в «Galaxy» напечатали первую, изуродованную часть «Кукловодов», и Хайнлайн написал своему литературному агенту Лертону Блассингейму:

Голд говорит, что готов купить «Джекпот», если я сдвину даты на десять лет в будущее, вымараю все упоминания русских и вместо трагического конца напишу счастливый. Я отказался, потому что не собираюсь каждый раз писать новую вещь специально для него. Ему все время что-то не нравится, он лезет все переделывать. Покупает только тогда, когда ему ставят ультиматум: «Не хочешь — не бери». По-моему, теперь он ее возьмет.

Голд повесть купил и опубликовал в октябре 1952 года, во вторую годовщину существования журнала. В первоначальном виде концовка открыто указывала на 1952 год:

«Он посмотрел на скамью, где лежал раскрытый журнал. 1739 год и 2165 год. Незачем складывать две даты, а потом делить результат пополам, чтобы получить ответ. Вместо этого Брин крепко стиснул ладонь Мид, с неизбывной горечью ощущая, что 1952 год — это…

КОНЕЦ».

В последующих изданиях — повесть приобрела большую популярность и издавалась неоднократно, в том числе в антологии «Научная фантастика для тех, кто не любит научную фантастику» («Science Fiction for People Who Hate Science Fiction», под ред. Терри Карра, 1966) — последний абзац был изменен, с тем чтобы не упоминать 1952 год:

«Он посмотрел на скамью, где лежал раскрытый журнал. Незачем складывать две даты, а потом делить результат пополам, чтобы получить ответ. Вместо этого Брин крепко стиснул ладонь Мид, с неизбывной горечью ощущая, что это…

КОНЕЦ».

Следует также отметить, что „Год Джекпота“ вошел в антологию «Окна в будущее: Девять научно-фантастических сочинений» (Windows Into Tomorrow: Nine Stories of Science Fiction), подготовленную Робертом Сильвербергом, где концовка почему-то выпала и повесть обрывалась на «свадьбе» Потифара и Мид. Сильверберг заметил ошибку и исправил ее во втором изда-

нии, а первое издание (и в твердой, и в мягкой обложке) стало библиографической редкостью. Хайнлайн также включил «Год Джекпота» в сборник «Угроза с Земли и другие рассказы» (*Gnome Press*, 1959) в версии без упоминания 1952 года.

Иноздесь

Из статьи в «ИВНИНГ СТАНДАРТ»:

УЧЕНЫЙ УКЛОНИЛСЯ ОТ АРЕСТА.

В МУНИЦИПАЛИТЕТЕ НАЗРЕВАЕТ СКАНДАЛ

Профессор Артур Фрост, вызванный для допроса в связи с таинственным исчезновением из его дома пятерых студентов, не менее таинственно исчез сегодня сам из-под носа полицейского наряда, посланного для его ареста. Сержант полиции Изовски заявил, что профессор, уже помещенный в тюремный фургон, словно испарился оттуда при обстоятельствах, приведших полицейских в полное недоумение. Окружной прокурор Карнес назвал рассказ Изовски абсолютно нелепым и обещал подробно разобраться со всей этой историей.

— Послушайте, шеф, я же ни на секунду не оставлял его одного!

— Чушь! — ответил шеф полиции. — Ты пытаешься убедить меня, что уже засунул Фроста в фургон, а сам чуть задержался — поставил ногу на подножку и вытащил блокнот, чтобы что-то там такое записать. А когда поднял глаза — его уже не было. Ты что, надеешься, что присяжные в это поверят? А может, ты надеешься, что в это поверю я?

— Ей-богу, шеф! — Изовски явно был в отчаянии. — Я же отвлекся всего на секунду, чтобы записать.

— Записать что?

— Да там одну вещь, которую он сказал. Я говорю ему: «Слушайте, док, а чего бы вам самому не рассказать, куда вы их спрятали. Ведь ясно, мы найдем их — дайте нам только время». А он смотрит на меня, странненько так смотрит — то ли видит меня, то ли нет — и говорит: «Время… а, ну конечно же, время… да, если дать вам время — вы найдете их. Там». Ну я и подумал, что это — важное признание, и остановился, чтобы записать. Так ведь я стоял у единственной двери, через которую из фургона можно выйти. И я же не недомерок какой, я вроде как всю дверь закрываю собой.

— Закрываешь, закрываешь. Это, пожалуй, все,

на что ты годишься. — В голосе шефа звучали горечь и безнадежность. — Слушай, Изовски, одно из двух — либо ты был пьян в стельку, либо малость тронулся. А может, тебе кто-нибудь в лапу сунул? Во всяком случае, то, что ты мне тут наплел, — чистый бред.

Изовски был честным полицейским. И не был он ни пьяным, ни сумасшедшим.

Семинары по спекулятивной метафизике доктор Фрост проводил по пятницам. Четыре дня назад участники семинара, как всегда, встретились вечером у него дома.

— А почему бы, собственно, и нет? — говорил Фрост. — Почему время не может быть и пятым, а не только четвертым измерением?

Ответил ему Говард Дженкинс — рассудительный, довольно упрямый студент инженерного факультета:

— От предположения, конечно, вреда не будет, только сам вопрос бессмыслен.

— Почему? — обманчиво мягким голосом спросил Фрост.

— Бессмысленных вопросов не бывает, — вмешалась Хелен Фишер.

— Правда? А куда девается дырка, когда съешь бублик?

— Не мешайте ему, пусть ответит, — прервал разгорающийся спор Фрост.

— И отвечу, — согласился Дженкинс. — Почему не ответить? Люди так уж устроены, что воспринимают три пространственных измерения и одно временно́е. Существуют дополнительные измерения или нет — такой вопрос не имеет для нас смысла, ведь нам все равно не узнать этого, не узнать никогда. Все эти рассуждения — просто довольно безобидный способ убить время, вроде ковыряния в носу.

— Неужели? — вкрадчиво спросил Фрост. — А вам никогда не попадалась под руку теория Джона Уильяма Данна[42] о вложенных друг в друга вселенных со вложенными друг в друга временами? А ведь он тоже инженер, как и вы. И про Успенского[43] не забывайте. Он считал время многомерным.

---

[42] Примечания: 42

Джон Уильям Данн (1875–1949) — ирландский авиационный инженер, философ и автор исследований в области парапсихологии и прекогнитивных состояний; его фундаментальный труд «Эксперимент со временем» (1927) рассматривает сущность прекогниции и восприятия времени человеком. — *Примеч. ред.*

[43] Примечания: 43

Петр Успенский (1878–1947) — русский философ-эзотерик, математик, журналист и писатель, автор труда «Новая модель Вселенной» (1930), посвященного исследованию метафизических идей «четвертого измерения». — *Примеч. ред.*

— Секунду, профессор, — вмешался Роберт Монро. — Я просматривал их работы, но все равно считаю возражение Дженкинса вполне убедительным. Ну как может этот вопрос иметь смысл для нас, по устройству своему неспособных воспринять дополнительные измерения? Это как в математике — можно сконструировать любую математику, на любой системе аксиом, какую только душа пожелает, но, если в природе нет явлений, которые она описывает, такая математика — только пустое сотрясение воздуха.

— Очень разумно сформулировано, — согласился Фрост. — Но я могу дать на это столь же разумный ответ. Вера в теоретические построения обязана основываться на наблюдениях — либо своих, либо компетентного, заслуживающего доверия экспериментатора. Вот я и верю в двумерное время на основании наблюдений — своих собственных.

На несколько секунд в комнате воцарилась тишина.

Молчание прервал Дженкинс:

— Но этого же просто не может быть, профессор. Вы по самой своей сущности не можете воспринимать две временные координаты.

— Спокойнее, спокойнее, — остановил его

Фрост. — Да, верно, я, как и вы, могу воспринимать их не одновременно, а только поодиночке. Я изложу вам теорию времени, которую мне пришлось разработать для описания своего необычного опыта. В большинстве своем люди считают время чем-то вроде колеи, по которой они движутся от рождения до смерти столь же неуклонно, как паровоз по рельсам; они инстинктивно воспринимают время как прямую линию: прошлое — сзади, будущее — впереди. Так вот, я имею все основания считать — да какое там считать, — я знаю, что время сходно скорее с поверхностью, чем с линией, и с довольно-таки холмистой поверхностью, если уж на то пошло. А эта самая колея, по которой мы двигаемся, — кривая такая дорожка, петляющая между холмами. Кое-где дорожка разветвляется, и ее ответвления убегают по боковым долинам, впадинам — называйте их как хотите. Вот в этих-то точках ветвления вы и принимаете критические решения, определяющие дальнейшую вашу жизнь. Там вы можете свернуть направо или налево — и прийти к совершенно различным будущим. А кое-где встречаются такие места, где, постаравшись, можно вскарабкаться по крутому склону — или спуститься по нему — и перескочить сразу

через тысячу, а то и миллион лет. Только, если вы все время смотрите тупо себе под ноги, на дорогу, вам никогда не заметить такой возможности. А изредка бывает, что ваша дорога пересекается с другой. Ни прошлое этой дороги, ни будущее вообще никак не связано с известным нам миром. И если вам случится свернуть на такую поперечную дорогу, вы можете оказаться на другой планете или в другом пространстве-времени, причем от мира, вам привычного, не останется ровно ничего, кроме непрерывности вашего «я». Или, если вы обладаете необходимой для того интеллектуальной силой и отвагой, вы можете вообще оставить эти дороги, наиболее вероятные траектории, и пуститься в свободное странствие по холмам возможных времен, пересекая дороги, когда набредете на них, изредка проходя по ним немного, иногда — даже в противоположную сторону, когда прошлое — впереди, а будущее — позади. Или просто бродить вблизи вершин холмов, занимаясь совершенно невероятными делами. Не могу даже представить себе, на что это должно быть похоже — возможно, на что-нибудь вроде приключений Алисы в Зазеркалье. А теперь насчет моего личного опыта. В восемнадцать лет мне пришлось принимать важное

решение. На моего отца одна за другой обрушились финансовые неудачи, и я решил оставить колледж. В конце концов я тоже ушел в бизнес и — я не стану вдаваться особо в подробности — в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом был осужден за мошенничество и сел в тюрьму.

— В тысяча девятьсот пятьдесят восьмом, доктор? — прервала его Марта Росс. — Вы хотели сказать — в сорок восьмом?

— Нет, мисс Росс. Я говорю о событиях, происходивших на другой временной колее, не на этой.

— О! — По ее лицу скользнуло недоверие. — С Божьей помощью все возможно.

— В тюрьме у меня было более чем достаточно времени, чтобы раскаяться в своих ошибках. Я осознал, что мы с бизнесом никогда не подходили друг другу, и искренне пожалел, что тогда, давно, не остался в колледже. Тюрьма оказывает очень своеобразное действие на рассудок заключенного. Я уходил все дальше и дальше от реальности, все больше и больше жил в своем собственном внутреннем мире. И вот однажды ночью мое «я» покинуло камеру, проделало обратный путь во времени, и я проснулся в старой своей комнате общежития колледжа. Тогда я еще смутно представлял себе, как такое могло случиться. На этот

раз я был умнее — не стал бросать учебу, нашел где подработать на жизнь, получил диплом, поступил в аспирантуру и оказался в конце концов там, где вы меня сейчас видите.

— Доктор, а вы можете хоть намекнуть, как проделали эту штуку? — спросил Монро.

— Да, могу, — легко согласился Фрост. — Я работал над этой задачей многие годы, стараясь воссоздать нужные условия. Совсем недавно я добился успеха и уже проделал несколько прогулок в возможное.

Третья девушка, Эстелла Мартин, до этого момента не произнесла ни слова, а только напряженно слушала. Теперь она подалась вперед:

— Скажите, профессор, как это делается?

— Способ предельно прост. Все дело в том, чтобы твое подсознание было уверено в возможности этого.

— Так, значит, берклианский идеализм справедлив?

— В каком-то смысле — да, мисс Мартин. Бесконечные возможности двумерного времени представляют человеку, верящему в философию епископа Беркли, доказательство того, что разум творит свой собственный мир. Однако спенсерианский детерминист вроде нашего общего

друга Говарда Дженкинса никогда не сойдет с пути наибольшей вероятности. Для него мир так и останется механистичным и реальным. У придерживающейся концепции свободы воли ортодоксальной христианки вроде мисс Росс будет выбор из нескольких боковых дорог, однако ее физическое окружение, скорее всего, будет почти таким же, как у Говарда. Я отработал до тонкостей технику, которая даст возможность другим странствовать по дорогам времени так же, как это делал я сам. Аппарат готов, и любой желающий может его испробовать. По правде говоря, это и есть настоящая причина, почему эти наши пятничные сборища происходят у меня дома, — чтобы, когда наступит время, вы все могли сделать попытку, если того пожелаете.

Профессор встал и направился к стоявшему у стены шкафу.

— Вы хотите сказать, доктор, что мы можем сделать это прямо сегодня?

— Разумеется. Весь процесс состоит из гипноза и внушения. Ни то ни другое не является необходимым, но это быстрейший способ научить подсознание сходить с колеи и направляться куда ему вздумается. Для того чтобы утомить и загипнотизировать сознание, я использую вра-

щающийся шар. Одновременно субъект слушает запись, внушающую ему, по какой временной дороге нужно отправиться. Именно так он и делает. Все до предела просто. Желает кто-нибудь попробовать?

— А это опасно?

— Сам процесс — нет. — Фрост пожал плечами. — Ведь это просто глубокий сон и звуки голоса с пластинки. Но мир другого временного пути, который вы посетите, будет столь же реален, как наш. Всем вам больше двадцати одного года; я никого не заставляю. Я просто предлагаю вам возможность.

Монро встал:

— Доктор, я готов.

— Прекрасно. Садитесь сюда и наденьте наушники. Кто еще?

— Я тоже, — откликнулась Хелен Фишер.

Когда вызвалась и Эстелла Мартин, Дженкинс торопливо подошел к ней:

— Ты что, собираешься испробовать эту штуку?

— Обязательно.

Молодой человек повернулся к профессору:

— Тогда и я, док.

Последней присоединилась к товарищам Мар-

та Росс.

Когда студенты расселись и надели наушники, Фрост обратился к ним:

— Вам предлагаются на выбор разные возможности. Вы можете перейти в другой мир, скользнуть в прошлое или в будущее или пересечь путаницу высоковероятных тропинок по пути крайней невероятности. У меня есть записи для всех этих вариантов.

И снова первым оказался Монро:

— Я сверну в совершенно новый мир.

Эстелла тоже не стала долго задумываться:

— Я бы хотела — как это вы говорили? — вскарабкаться по крутому склону на дорогу повыше, куда-нибудь в будущее.

— И я тоже, — послышался голос Дженкинса.

— А я испробую невероятную дорогу, — решила Хелен Фишер.

— Значит, разобрались со всеми, кроме мисс Росс, — подытожил профессор. — Боюсь, что вам придется отправиться по вероятному боковому пути. Устраивает это вас?

Марта утвердительно кивнула:

— Так я и хотела.

— Вот и прекрасно. Во всех записях заложено внушение, чтобы вы вернулись в эту комнату

через два часа по здешнему времени. Надевайте наушники. Продолжительность записей тридцать минут, я включу их одновременно с шаром.

Он опустил свисавший с потолка сверкающий многогранный шар, крутанул и направил на него узкий луч прожектора. Затем потушил прочее освещение комнаты и одновременно, одним и тем же тумблером, включил все записи.

Искрящаяся сфера вращалась все медленнее и медленнее, на мгновение замерла и начала крутиться в противоположную сторону. Доктор Фрост отвел от нее глаза, чтобы не впасть в транс самому. Через несколько минут он тихо вышел в холл покурить. Получасом позже раздался одиночный удар гонга. Профессор торопливо вернулся в комнату и включил свет.

Четверых не было.

Остался один Говард Дженкинс, который открыл глаза и, моргая, смотрел на лампу.

— Ну что ж, доктор, как я понимаю, ничего не вышло?

Фрост поднял брови:

— Не вышло? Вы оглянитесь вокруг.

Молодой человек осмотрел комнату:

— А где остальные?

— Где? Где угодно, — пожав плечами, ответил

профессор. — И когда угодно.

Сорвав с себя наушники, Дженкинс вскочил:

— Доктор, что вы сделали с Эстеллой?

Фрост осторожно отцепил руку студента от своего рукава:

— Я не сделал с ней ничего, Говард. Просто она на другой временной траектории.

— Но я же хотел отправиться вместе с ней!

— А я пытался вас с ней отправить.

— Но почему же я здесь?

— Точно не знаю. Скорее всего, внушение оказалось недостаточно сильным, чтобы преодолеть ваш скептицизм. Но вы не беспокойтесь, они вернутся через пару часов.

— «Не беспокойтесь»! Легко вам говорить. Я вообще не хотел, чтобы она лезла в эти дурацкие фокусы, но понимал, что мне ее не переспорить. Поэтому я решил отправиться вместе с ней — она ведь такая непрактичная и беспомощная. Но… послушайте, док, а где же все-таки их тела? Я думал, что мы останемся тут, в этой комнате, только впадем в транс.

— Вы меня совершенно неверно поняли. Эти временные траектории абсолютно реальны — столь же реальны, как и та, на которой мы сейчас находимся. Они целиком, всем своим существом

отправились по этим дорожкам, ну, словно шли по улице и свернули за угол.

— Но это же невозможно! Это противоречит закону сохранения энергии!

— Против факта не попрешь — они были, а теперь их нет. Кроме того, это не противоречит закону, просто его надо распространить на всю Вселенную.

Дженкинс провел рукой по лицу:

— Да, пожалуй. Но в таком случае с ней может случиться что угодно. Она может даже погибнуть там. А я не смогу ничем ей помочь. Господи, и зачем только мы пошли на этот проклятый семинар!

Профессор обнял его за плечи:

— А раз вы не можете ей помочь — зачем волноваться? Кроме того, у вас нет никаких причин полагать, что она в опасности. Зачем придумывать себе причины для беспокойства? Идемте лучше на кухню и разопьем бутылку пива, пока они не вернулись.

Он мягко подтолкнул Говарда к двери.

Выпив пару бутылок пива и выкурив несколько сигарет, Дженкинс немного успокоился. Профессор продолжил разговор:

— А как вышло, Говард, что вы записались на

этот курс?

— Это был единственный курс, на который я мог записаться вместе с Эстеллой.

— Так я и думал. А я принял вас по своим собственным причинам. Я знал, что вас не интересует спекулятивная философия, но надеялся, что ваш твердокаменный материализм немного сдержит расхлябанность мысли, которая может возникнуть в такой группе. И вы очень мне помогли. Вот возьмите, к примеру, Хелен Фишер. Она склонна проводить блестящие рассуждения, исходя из совершенно недостаточных данных. Вы помогали немного ее «приземлить».

— Говоря честно, доктор Фрост, я никогда не мог понять, к чему все эти высокопарные рассуждения. Я люблю факты.

— Но вы, техники, ничем не лучше метафизиков. Вы просто игнорируете то, что не можете пощупать руками, взвесить на весах. Если вы не можете попробовать что-то на зуб — значит оно нереально. Вы свято веруете в механистичную, детерминированную Вселенную, игнорируя при этом человеческое сознание, волю, свободу выбора — факты, известные вам самим из личного опыта.

— Но все это объясняется в понятиях рефлек-

сов.

Профессор развел руками:

— Ну вы точно как Марта Росс. Она может что угодно объяснить с точки зрения христианского фундаментализма библейского пояса. Ну почему бы вам обоим не признать, что есть вещи, вам непонятные. — Он замолк и наклонил голову набок, прислушиваясь. — Вы ничего не слышали?

— Вроде.

— Давайте проверим. Правда, рановато, но, возможно, кто-нибудь из них уже вернулся.

Неподалеку от камина в воздухе парила фигура, облаченная в белое и распространявшая вокруг себя мягкое перламутровое сияние. Пока они нерешительно стояли в дверях, фигура повернула к ним лицо. Это было лицо Марты Росс, но чистое и просветленное до сверхчеловеческого величия. Фигура заговорила:

— Мир вам, братья!

Их охватила волна спокойствия, любви и доброты, как от материнского благословения. Фигура приблизилась, и они увидели за ее плечами длинные, широкие белые крылья классического ангела. Фрост еле слышно выругался.

— Не бойтесь. Я вернулась, как вы того хотели. Вернулась, чтобы объяснить и помочь.

Доктор вновь обрел дар речи:

— Вы — Марта Росс?

— Я отзываюсь на это имя.

— Что случилось с вами после того, как вы надели наушники?

— Ничего. Я уснула, проспала некоторое время, проснулась и пошла домой.

— И больше ничего? А почему же вы так выглядите?

— Я выгляжу так, как, по представлению детей Земли, должны выглядеть Избранные Господа. Через некоторое время я отправилась миссионеркой в Южную Африку. Там мне потребовалось отдать свою земную жизнь служению Господу. Так я вошла в Град небесный.

— Вы попали в рай?

— Многие эоны я сидела у подножия Трона златого, воспевая Господу осанны.

— Скажите, Марта — или святая Марта, — вмешался в разговор Дженкинс. — Где Эстелла? Вы видели ее?

Медленно повернувшись, фигура посмотрела на него:

— Не бойся.

— Но вы скажете мне, где она?

— В этом нет нужды.

— Слабенькая от вас помощь, — с горечью отозвался Говард.

— Я помогу тебе. Внемли же: возлюби Господа Бога всем сердцем своим и возлюби ближнего своего, как себя самого. Это все, что тебе надо знать.

Говард молчал. Нельзя сказать, чтобы его удовлетворили слова Марты, но он не мог подобрать подходящего ответа. Фигура снова заговорила:

— Мне надо удалиться. Господь да пребудет с вами.

Она мгновенно растворилась в воздухе. Фрост тронул студента за локоть:

— Идемте, нам стоит, пожалуй, глотнуть немного свежего воздуха.

Онемевший, ничего не соображающий Дженкинс, не сопротивляясь, последовал за профессором в сад. Некоторое время они молчали. В конце концов Говард набрался смелости:

— Вы видели ангела?

— Думаю, да, Говард.

— Но это же какой-то бред!

— Есть миллионы людей, которые не согласились бы с вами: необычно, слов нет, но — совсем не бред.

— Но это же противоречит всем современным представлениям — рай, ад, персонифицирован-

ный Бог, воскресение. Или все, во что я верил, — чушь, или я малость тронулся.

— Совсем не обязательно, более того — вряд ли. Я очень сомневаюсь, что вам доведется когда-нибудь увидеть рай — или ад. Вы будете держаться временной траектории, соответствующей вашей природе.

— Но она же казалась абсолютно реальной.

— Она и была абсолютно реальной. Я сильно подозреваю, что жизнь грядущая, какой ее представляет религия, вполне реальна для тех, кто верит в нее всем сердцем — как Марта. Но вам, скорее всего, предстоит путь, соответствующий вашим агностическим верованиям, — за исключением одного момента: когда вы умрете, то умрете не совсем, сколько бы вы ни говорили, что именно этого и ожидаете. Для человека эмоционально невозможно поверить в собственную смерть. Такое самоуничтожение просто невозможно. У вас тоже будет жизнь грядущая, но — соответствующая вашему материализму.

Но Говард не слушал. Он подергал себя за нижнюю губу и нахмурился:

— А скажите, док, почему все-таки Марта не сказала мне, что случилось с Эстеллой? Непорядочно как-то.

— Сомневаюсь, что она знала. Марта направлялась по временной траектории, очень мало отличающейся от нашей, Эстелла захотела испробовать путь, ведущий далеко в прошлое — или будущее. Они практически не существуют друг для друга.

И тут из дома донесся голос, чистое, звонкое контральто:

— Доктор! Доктор Фрост!

Дженкинс резко повернулся:

— Это Эстелла!

Они помчались в дом; профессор мужественно старался не отставать от своего молодого собеседника.

Но это оказалась не Эстелла. В холле стояла Хелен Фишер — и в каком виде! Грязный, разорванный свитер, чулки куда-то делись, на щеке отчетливо выделялся едва затянувшийся шрам. Фрост остановился и оглядел ее:

— Ты в порядке, деточка?

Хелен по-мальчишески улыбнулась:

— Я-то в порядке. А вот посмотрели бы вы на того парня…

— Расскажи нам все.

— Сейчас. Только как насчет чашки кофе для блудной дочери? Да и от яичницы я бы не отказа-

лась. И от хлеба — только побольше. Понимаете, там, где я была все это время, кормят как-то нерегулярно.

— Конечно, конечно. Сию секунду, — ответил Фрост. — Только где ты все-таки была?

— А нельзя девочке сперва поесть? Я ничего от вас не утаю. Что это Говард такой кислый?

Профессор шепотом объяснил. Хелен посмотрела на Дженкинса с состраданием:

— Так ее еще нет? А я-то думала, что вернулась последней, я же так долго отсутствовала. Какое сегодня число?

Фрост посмотрел на часы.

— Вы явились вовремя: сейчас ровно одиннадцать.

— Какого черта! Простите, доктор. «„Все страньше и страньше“, — сказала Алиса». Значит, всего пару часов. Между прочим, я отсутствовала по крайней мере несколько недель. — Запив третьей чашкой кофе последний тост, она начала: — Проснувшись, я почувствовала, что падаю вверх — через какой-то страшный бред. Только не просите меня описать, как это было, — никто бы не смог. Так продолжалось, пожалуй, с неделю, затем потихоньку все начало упорядочиваться. Мне не очень ясно, в какой последовательности

все происходило, но, когда окружающее немного успокоилось и пришло в фокус, я оказалась в небольшой безжизненной долине. Было холодно; разреженный, едкий воздух обжигал горло. В небе светили два солнца — одно большое, тусклое, красноватое, а другое — поменьше и такое яркое, что глазам больно.

— Два солнца! — воскликнул Говард. — Но это невозможно, у двойных звезд не бывает планет!

Хелен посмотрела на него:

— Это уж как хотите, только я была там. Едва я успела осмотреться, как что-то прожужжало у меня над головой, и я пригнулась. Больше я не видела этого места. Следующая остановка была на нашей Земле — во всяком случае, мне так кажется, — в каком-то городе. Большой, запутанный город. Я оказалась посреди улицы, по которой мчались какие-то автомобили. Я попыталась остановить одну из этих машин — длинную такую, ползучую штуку вроде гусеницы, с полусотней, не меньше, колес. Но тут я рассмотрела водителя и рванула назад. Это был не человек, но и не животное. Я лично таких не видела и о таких не слышала. И не птица, не рыба, даже не насекомое. Я бы не стала поклоняться тому богу, который создал обитателей этого города. Не знаю

уж, кто они такие, только они ползают и от них жутко воняет. Фу!

Помолчав, она продолжила:

— Пару недель я пряталась по углам и задворкам этого города, пока не сумела снова вскочить на временную дорожку. Я была уже в отчаянии и думала, что ваше внушение — вернуться через два часа — не сработало. Найти какую-нибудь еду по большей части не удавалось, так что у меня все время голова кружилась от голода. Пила я из чего-то, что, возможно, было их канализационной системой, но спросить было не у кого, да лучше и не знать. Я умирала от жажды.

— А людей вы видели?

— Не знаю, видела какие-то смутные тени, кружком сидевшие на корточках в одном из туннелей под городом, но они чего-то испугались и смылись, прежде чем я смогла их толком рассмотреть.

— А что еще там происходило?

— А ничего. Той же ночью я опять припомнила фокус, как это делается, и убралась оттуда подобру-поздорову. Боюсь, мне было как-то не до науки, профессор. Меня совсем не интересовало, как там живут все эти местные. На сей раз мне повезло побольше. Я снова оказалась на Земле, только

теперь в приятной гористой местности — очень похоже на Блу-Ридж. Стояло лето, и все было очень мило. Я нашла какой-то ручей, разделась и выкупалась. Просто великолепно. Потом я нашла вполне спелые ягоды, потом легла погреться на солнышке и уснула. А вот пробуждение было не очень. Надо мной наклонился мужчина, и далеко не красавец. Вроде неандертальца. Мне бы убежать, но я попыталась схватить свои одежки, а он тем временем схватил меня. И я была препровождена в их лагерь. Этакая пленная сабинянка со спортивным костюмом под мышкой. Все оказалось не так уж и страшно. Похититель мой был то ли старейшиной, то ли вождем и воспринимал меня как некое домашнее животное вроде собак, дравшихся вокруг груды костей, а не как наложницу из своего гарема. Кормежка была ничего, если только не быть чересчур уж разборчивой, — я-то после жизни в этом милом городке разборчивой не была ничуть. Вообще-то, неандертальцы — вполне приличные парни; разве что грубоваты иногда. Вот так я и заработала эту штуку.

Хелен осторожно потрогала подживающий шрам.

— Я решила было остаться у них на какое-то

время — поизучать их, значит, — но потом совершила промашку. Утро было холодное, и я оделась — впервые за все время у них. Один из юных жеребчиков увидел это, и в нем, видимо, взыграла романтическая натура. А старика рядом не было, так что остановить его было некому. Я и опомниться не успела, как он сцапал меня и попытался продемонстрировать глубину своего чувства. Говард, ты никогда не бывал в нежных объятиях пещерного человека? Не жалей. У них жутко воняет изо рта, не говоря уж обо всем прочем. Я слишком ошалела, чтобы сосредоточиться и снова проделать этот временной фокус, а то бы ускользнула в пространство-время — и пусть бы он лапал пустое место.

Доктор Фрост был в ужасе:

— Господи, деточка! И что же ты сделала?

— Что сделала? Пришлось продемонстрировать ему прием джиу-джитсу, которому меня научили на спортивной кафедре, а потом драть оттуда со всех ног. Я мигом вскарабкалась на дерево, досчитала до ста, стараясь успокоиться, и — снова через бред, куда-то вверх, но уж лучше бред, чем такие вот радости.

— И тогда ты вернулась?

— Хорошо, если бы так, но все оказалось значи-

тельно сложнее. Я приземлилась здесь, и где-то в это время, и, похоже, на этой временной траектории, только как-то не так. Очухалась я на южной стороне Сорок второй улицы в Нью-Йорке. Это я сообразила сразу: мне бросились в глаза большие буквы световой газеты, бегущие по фасаду небоскреба «Таймс». Только бежали они почему-то не в ту сторону. Я пыталась сообразить, что значит: МЯЧЕЙ ДЕВЯТЬ В ПРЕИМУЩЕСТВОМ С ДЕТРОЙТ ПОБИЛИ ЯНКИ, — и вдруг увидела рядом двух копов, бегущих со всех ног — задом наперед.

Доктор Фрост что-то глухо пробормотал.

— Что вы сказали?

— Реверсивная энтропия. Вы вступили на эту траекторию задом наперед — ваш временной вектор оказался направленным назад.

— Так я и подумала. Потом, когда было время подумать. А тогда у меня других забот хватало. Я стояла среди толпы, на свободном пятачке, и кольцо людей вокруг меня сжималось. Они бежали спинами вперед. Копы исчезли в толпе, а люди подбежали прямо ко мне и начали орать. А тут еще переключился светофор, машины помчались в обе стороны — и все задом наперед. Для крошки Хелен это было уж чересчур, и я хлопнулась в обморок. Потом я, похоже, побывала еще

во многих местах.

— Секундочку, — прервал ее Говард. — А как же все это получилось? Раньше я думал, что понимаю насчет энтропии, но тут что-то не врубаюсь.

— Ну, проще всего будет сказать, что она двигалась вспять во времени, — объяснил Фрост. — Ее будущее было их прошлым — и наоборот. Слава богу, она вовремя успела оттуда убраться. Я не уверен, что в таких условиях возможно поддержание нужного человеку обмена веществ.

— Хмм… Ну, рассказывай, Хелен.

— Все это было бы потрясающе, только вот я уже находилась на грани полного эмоционального истощения. Я просто сидела и наблюдала, что происходит, словно в кино. Сценарий писал не иначе как Сальвадор Дали. Пейзажи сдвигались и колыхались, как море в непогоду. Силуэты людей становились текучими, плавно превращались в растения. Я думаю, что и с моим телом иногда происходило нечто подобное, но не совсем уверена. Как-то раз я оказалась в таком месте, где вокруг была только изнанка объектов, а не внешние их формы. Кое-что я пропущу — то, во что и сама не могу поверить. Потом я притормозила в каком-то месте, обладавшем, видимо, дополнительным пространственным измерением. Все предметы

с виду были нормальными, трехмерными, но только вот меняли свои очертания, стоило мне о них подумать. Выяснилось, что я могу заглядывать внутрь любых вещей, — достаточно лишь захотеть. Когда мне надоело знакомиться с интимными тайнами камней и растений, я взялась за себя — получилось ничем не хуже. Теперь я знаю об анатомии и физиологии ничуть не меньше любого медика. Очень интересно смотреть, как бьется твое сердце — симпатичная такая штука. А вот аппендикс мой оказался распухшим и воспаленным. Выяснилось, что я могу даже протянуть руку и потрогать его; трогать было больно. Аппендикс и раньше иногда меня беспокоил, и я решила, что надо срочно оперироваться. Я просто отщипнула его ногтями. Больно почти не было, показалось немного крови, и все сразу заросло.

— Господи, девочка! Да ты же могла умереть от перитонита!

— Не думаю. Мне кажется, что ультрафиолет проходил через меня насквозь, так что все микробы мгновенно дохли. У меня и вправду был некоторое время жар, но это, скорее всего, от внутреннего ожога ультрафиолетом — как бывает, если долго загораешь, только тут загорала не кожа, а все мое тело насквозь. Забыла сказать,

что там я не могла передвигаться и вообще не могла прикоснуться ни к чему, кроме себя самой. Если я пыталась за что-то уцепиться, рука моя просто уходила в пустоту. Убедившись, что это бесполезно, я расслабилась. Было хорошо и спокойно, как медведю, спящему в берлоге. Прошло много времени — очень, очень много, — я крепко уснула, а проснувшись, оказалась в вашем кресле. Вот и все.

Хелен тоже не смогла успокоить Говарда — с Эстеллой она не встречалась.

— Да ты просто подожди. Она же, собственно, еще и не опаздывает.

Их прервал звук открывающейся двери. В комнату вошел невысокий подтянутый человек в коричневой блузе и плотно облегающих коричневых же бриджах.

— Где доктор Фрост? О доктор, мне необходима помощь!

Это оказался Монро, но Монро, изменившийся почти до неузнаваемости. Роберт и раньше не был особенно высоким, но теперь его рост вряд ли превышал пять футов; зато плечи сильно раздались, на них играли мускулы. Коричневое одеяние с заостренным капюшоном делало его похожим на гнома, как их обычно представляют.

Фрост торопливо подошел к студенту:

— В чем дело, Роберт? Чем я могу тебе помочь?

— Сперва вот это.

Монро показал свою левую руку. Сквозь прореху в опаленной ткани виднелся страшный ожог.

— Он меня только зацепил, но лучше бы сделать с этим что-нибудь, а то так можно и без руки остаться.

Фрост, не дотрагиваясь, осмотрел ожог.

— Тебе нужно в больницу, и как можно скорее.

— Нет времени, я должен вернуться. Они нуждаются во мне — в моей помощи.

Доктор покачал головой:

— Боб, тебе нужно обработать рану. К тому же, как бы тебя там ни ждали, сейчас ты на другой временной траектории. Время, потерянное здесь, совсем не обязательно потеряно там.

— Мне кажется, — прервал его Монро, — что у этого мира и моего один и тот же темп времени. Мне надо спешить.

Хелен Фишер встала между ними:

— Дай я посмотрю твою руку. Да-а… страшноватонько, но попробую перевязать. Профессор, вскипятите в чайнике немного воды. Как только закипит — бросьте туда горсть чая.

Пошарив на кухне, она нашла большие ножни-

цы и аккуратно обрезала лохмотья рукава вокруг раны. Монро тем временем говорил:

— Говард, сделай мне одолжение. Возьми карандаш и записывай. Мне нужна уйма всякой всячины — все такие вещи, которые можно найти в общежитии. Сходить придется тебе — меня в таком виде сразу выкинут. В чем дело? Ты не хочешь?

Хелен торопливо объяснила, чем озабочен Говард.

— О! Суровая, старик, история. — Он на секунду задумался. — Но послушай, Эстелле ты сейчас ничем помочь не можешь, а мне нужна твоя помощь, хотя бы на полчаса. Сделаешь?

Дженкинс согласился, хотя и с явной неохотой. Монро продолжал:

— Ну и прекрасно! Я тебе очень благодарен. Сперва пойди в мою комнату и возьми все математические справочники, а заодно и логарифмическую линейку. Там есть еще справочник по радиотехнике — такой, на тонкой бумаге. Он тоже мне нужен. Я хотел бы и твою двухфутовую логарифмическую линейку. Можешь взять себе моего Рабле и бальзаковские «Озорные рассказы». Мне нужен твой «Справочник инженера» Маркса, а заодно и любые другие технические

справочники, которых у меня нет. Возьми у меня взамен все, что хочешь. Потом сходи в комнату Вонючки Бинфилда и прихвати его «Справочник военного инженера», «Химическое оружие» и книги по баллистике и артиллерийской матчасти. Да, и «Химию взрывчатых веществ» Миллера, если у него есть. Если нет, возьми у кого-нибудь другого, проходящего военную кафедру, — это очень важно.

Хелен ловко накладывала примочку. Когда еще теплые чайные листья легли на больное место, Роберт поморщился от боли, но продолжил:

— У Вонючки есть пистолет, лежит он обычно в верхнем ящике комода. Сопри этот пистолет или вымани как-нибудь. Принеси как можно больше патронов. Я напишу доверенность на продажу моей машины на его имя. А теперь давай. Я расскажу доктору про все свои дела, а он тебе перескажет. Вот. Бери мою машину. — Порывшись в брючном кармане, он явно огорчился. — Вот черт! У меня нет ключей.

— Возьми мои, в сумочке на столе, — пришла ему на помощь Хелен.

Говард встал:

— Ладно, сделаю все, что смогу. Если меня заметут, принесите в камеру сигареты.

Он вышел.

Хелен наконец забинтовала руку.

— Ну вот и порядок. Думаю, теперь все будет хорошо. Как тебе?

Роберт осторожно согнул руку.

— Хорошо. Отличная работа, красавица. Сразу стало полегче.

— Все заживет, если продолжать обработку раствором танина. Там, в этом твоем месте, можно достать чайные листья?

— Да, и таниновую кислоту — тоже. Все будет тип-топ. А теперь, наверное, стоило бы кое-что объяснить. Профессор, у вас найдется сигарета? Да и от кофе я бы не отказался.

— Ну конечно, Роберт.

— Все это довольно-таки диковато, — начал Монро, сделав первую затяжку. — Проснувшись, я обнаружил себя вот в этой самой одежде и в этом самом виде. Мы шли строем по тропе по дну длинной глубокой траншеи. Судя по всему, «мы» были каким-то военным подразделением. Самое странное, что меня это ничуть не удивило. Я знал, где я нахожусь, почему я здесь и кто я такой. Я уже не был Робертом Монро, там меня звали Айгор.

Гортанный звук у Роберта прозвучал очень глубоко, а «р» — раскатисто.

— И не то чтобы я забыл о Монро, скорее, я вдруг о нем вспомнил. У меня была одна индивидуальность и два прошлых. Словно я проснулся после очень отчетливого сна, только тут сон был абсолютно реальным. Я знал, что Монро был в действительности, равно как не сомневался в реальности Айгора. Этот мир оказался очень похожим на Землю, чуть поменьше, но почти с той же силой тяжести. Люди вроде меня — доминирующая раса, мы цивилизованны примерно в той же степени, что и вы, только нашей культуре пришлось довольно туго. Чуть не половину времени мы проводим под землей. Там находятся наши жилища и большая часть промышленности. Видите ли, у нас под землей тепло и не совсем темно — из-за слабенькой радиоактивности, которая не приносит нам вреда. Но все равно корни нашей расы — на поверхности планеты, там она выросла. Мы не можем быть ни здоровыми, ни счастливыми, оставаясь все время в подземельях. Сейчас идет война, и уже восемь или девять месяцев, как нам и носа не высунуть. Войну мы проигрываем. Мы утратили контроль над поверхностью планеты, и мою расу низвели до положения каких-то кротов, которых выслеживают и уничтожают. Дело в том, что

мы сражаемся не с людьми. Я не знаю, с кем мы имеем дело, — может быть, с какими-то инопланетными существами. Мы просто не знаем. Они напали на нас в нескольких местах одновременно с огромных летающих колец; прежде никто никогда не видел таких аппаратов. Они нападают неожиданно, без предупреждения и все сжигают. Многие из нас спаслись под землей; под землей они нас не преследуют, — видимо, им необходим солнечный свет. А потом они начали травить нас под землей газами. Ни одно из этих существ никогда не попадало к нам в руки, поэтому мы совсем ничего о них не знаем. Не много дало и изучение разбившегося кольца — там не оказалось ничего хоть отдаленно напоминающего органическую жизнь, не было даже никаких устройств для поддержания такой жизни: ни запасов пищи, ни санитарного оборудования. Мнения разделились: одни считают, что нам попалось автоматическое или управляемое на расстоянии кольцо, а другие — что наши враги — разумные непротоплазменные структуры полевого характера или что-нибудь еще столь же экзотическое. Главное наше оружие — такой луч, который порождает стасис в эфире и накрепко все замораживает. Или, вернее будет сказать,

должен это делать. По идее, такой луч должен уничтожать любую жизнь, прекращая движение молекул, но проклятые кольца только временно теряют управление. Если нам не удается удержать луч на кольце вплоть до того момента, когда оно расшибется о землю, оно мгновенно приходит в себя и уматывает. А потом появляются его дружки и сжигают начисто все наши позиции. Еще мы по ночам минируем и взрываем их лагеря на поверхности планеты; тут дело идет значительно успешнее — ведь мы, понятно, прирожденные саперы. Но нам необходимо лучшее оружие. Поэтому я и послал Говарда за книгами. У меня появились две мысли. Если враг — некая разумная полевая структура или нечто в этом роде, можно попробовать использовать против них радио. Мы заполним эфир помехами и — если повезет — просто уничтожим их. Если окажется, что пришельцев этим не пронять, возможно, их одолеет старый добрый зенитный огонь. Как бы там ни было, здесь существует уйма технологий, которых нет у нас и которые вполне могут пригодиться. Жаль, что у меня не было времени прихватить сюда кое-что из их хозяйства взамен того, что я возьму с собой.

— Ты твердо решил вернуться, Роберт?

— Конечно. Мое место там. Здесь у меня нет семьи. Не знаю уж, как это объяснить вам, доктор, но там — мой народ, мой мир. Думаю, при других условиях все могло быть наоборот.

— Понятно, — сказала Хелен. — Ты сражаешься за жену и детей.

— Не совсем так. — Роберт повернул к ней изможденное лицо. — Я и там холостяк, но все равно у меня есть семья, за которую я должен бороться; штурмовым отрядом, в котором я служу, командует моя сестра. Да-да, в нашем отряде есть женщины — маленькие и крепкие, вроде тебя, Хелен.

— А как ты заработал эту штуку? — Хелен коснулась забинтованной руки.

— Ожог? Помнишь, я говорил, что мы были на марше. Мы отходили после вылазки на поверхность. Казалось, что все кончилось вполне удачно, но тут вдруг сверху налетело кольцо. Бóльшая часть наших успела рассеяться, но я — младший техник и вооружен этим самым стасисным излучателем. Я попытался привести его в боевое положение, чтобы отразить атаку, но не успел: они достали меня раньше. К счастью, я отделался довольно легко — несколько других наших были поджарены заживо. Я даже не знаю, что

с сестрой. Это одна из причин, почему я так спешу. Один из уцелевших техников успел достать свой излучатель и прикрыл наше отступление. Меня утащили под землю и отвели в лазарет. Врачи начали хлопотать вокруг меня, но тут я отключился и очнулся в кабинете профессора.

Раздался звонок в дверь, и профессор пошел открывать, Хелен и Роберт последовали за ним. В комнате появился Говард, нагруженный добычей.

— Ты все принес? — В голосе Роберта звучала озабоченность.

— Вроде да. Вонючка оказался дома, но мне удалось уговорить его одолжить книги. С пистолетом было посложнее, но я позвонил одному приятелю и попросил перезвонить в общежитие и позвать Вонючку. И как только он вышел, я стащил пистолет. Так что я теперь — похититель государственной собственности к тому же.

— Ты настоящий друг, Говард. Когда тебе все расскажут, ты поймешь, что правильно сделал. Верно, Хелен?

— Абсолютно верно.

— Хотелось бы надеяться, — сказал Говард без большой уверенности. — Я тут прихватил еще кое-что на всякий случай.

В руках его была книга.

— «Аэродинамика и основные принципы конструирования самолетов», — прочел вслух Роберт. — Господи, как раз то, что надо! Спасибо, Говард.

За несколько минут Монро разобрался со своей добычей и крепко привязал все к туловищу. Он уже объявил, что готов, но тут вмешался профессор:

— Секунду, Роберт. А почему ты уверен, что эти книги отправятся вместе с тобой?

— А как же еще? Ведь я их привязал.

— Разве в первый раз твоя одежда осталась на тебе?

— Не-ет.

Лицо Роберта стало озабоченным.

— А что же мне делать, доктор? Я же не смогу выучить наизусть все, что надо знать.

— Не знаю, сынок. Давай немного подумаем.

Фрост замолк и уставился в потолок. Хелен осторожно тронула его за рукав:

— Профессор, может быть, я могу помочь?

— Помочь? Каким образом, Хелен?

— Похоже, что я совершенно не меняюсь, переходя с одной траектории на другую. На мне все время была одна и та же одежда. Почему бы мне

не поработать для Боба носильщиком?

— Хм, возможно, в этом что-то есть.

— Нет, — прервал Монро, — я не могу этого допустить. Тебя могут ранить или даже убить.

— Ничего, рискну.

— У меня есть идея, — сказал Дженкинс. — А не может доктор Фрост дать указание, чтобы Хелен отправилась туда и сразу, не задерживаясь, вернулась?

— Ммм… да, пожалуй.

Но Хелен отрицательно покачала головой:

— Плохо. Все это хозяйство сразу же прыгнет назад вместе со мной. Я вернусь без всяких инструкций. Да и вообще мне, пожалуй, нравится мир, описанный Бобом. Может, я там тоже останусь. Кончай играть в благородство, Боб. Что мне особенно понравилось в том мире — так это равенство мужчин и женщин. Так что снимай с себя все эти причиндалы и вешай на меня. Я пойду с тобой.

Вскоре Хелен стала напоминать новогоднюю елку. К самым разным местам ее крепкой маленькой фигуры было привязано больше дюжины книг, на ремне висел пистолет, а за ремень были заткнуты две логарифмические линейки — короткая и длинная.

Прежде чем расстаться с длинной линейкой, Говард любовно ее погладил:

— Береги эту штуку, Боб. Мне пришлось шесть месяцев не курить, чтобы за нее расплатиться.

Фрост усадил их на кушетку, Хелен взяла Боба за руку. Когда зеркальный шар начал вращаться, профессор жестом попросил Дженкинса выйти и, прикрыв за ним дверь, начал монотонно произносить формулы внушения.

Через десять минут он почувствовал легкое движение воздуха, замолчал и включил свет. На кушетке не было никого — и ничего.

Но Эстелла все еще не появлялась. Фрост с Дженкинсом продолжали ждать. Говард нервно расхаживал по кабинету, разглядывая совершенно не интересовавшие его предметы и прикуривая одну сигарету от другой. Профессор сидел в кресле, изображая полное спокойствие, которого в действительности совершенно не ощущал. Беседа их была несколько бессвязной.

— Вот я одного не понимаю, — говорил Дженкинс. — Почему это Хелен побывала во многих местах и ничуть не изменилась, а Боб попал в одно-единственное место и вернулся почти неузнаваемым. Ниже, плотнее, в какой-то странной одежде. И вообще — куда девалась его

обычная одежда? Вот как вы объясните эти факты, профессор?

— Хм… А я их никак не объясняю, я их просто наблюдаю. Возможно, он изменился, а Хелен нет, потому что Хелен была во всех этих местах только гостем, посетителем, а Монро принадлежал к тому миру. Ты же слышал, что он сразу стал частью его структуры. Возможно, его переход из нашего мира в тот — часть замысла Великого Зодчего.

— Что? Господи, доктор, неужели вы верите в Божественный промысел?

— Возможно, я бы это не так назвал. Но, Говард, знали бы вы, как я устал ото всех вас, механистических скептиков! Ваша наивная способность верить, что все вещи «сами собой выросли», граничит с детской доверчивостью. Если согласиться с вами, то и за появление бетховенской Девятой симфонии тоже ответственна некая закавыка в росте энтропии.

— Ну, это нечестно, доктор. Вы же не можете ожидать, чтобы человек поверил в то, что противоречит здравому смыслу, если ему не будут представлены достаточно разумные объяснения.

Фрост фыркнул:

— Именно что могу — если человек сам все видел, или слышал, или пользуется источни-

ком, заслуживающим полного доверия. Факту, чтобы быть верным, не нужны никакие эти ваши разумные объяснения. Понятно, что рациональный мозг ищет их, однако отвергать факты только потому, что они не укладываются в твое мировоззрение, — крайняя глупость. А вот все эти сегодняшние события, которые вы тщитесь объяснить в рамках ортодоксальной науки, дают ключ к множеству случаев, которые прежде ученые отбрасывали по причине полной их необъяснимости. Вы слышали когда-нибудь историю про человека, обошедшего вокруг лошадей? Нет? Где-то в тысяча восемьсот девятом году Бенджамин Батхерст, британский посол в Австрии, подъехал в своей карете к гостинице немецкого городка Перлеберга. С ним были лакей и секретарь. Карета остановилась на ярко освещенном дворе. Батхерст вышел и на глазах двоих спутников, а также нескольких посторонних лиц обошел запряженных в карету лошадей. Больше его не видели нигде и никогда.

— А что с ним случилось?

— Никто не знает. Думаю, он задумался и нечаянно забрел на другую временную траекторию. И этот случай совсем не исключителен — есть буквально сотни подобных происшествий, так

много, что над этим просто нельзя смеяться. А в рамках теории двумерного времени все они легко объяснимы. Правда, я подозреваю, что в некоторых случаях работали и еще какие-то законы природы — законы, которые и не снились нашим мудрецам.

Говард перестал расхаживать и подергал себя за нижнюю губу.

— Может, оно и так, доктор. Я очень тревожусь, и мне как-то плохо думается. Послушайте, уже ведь час. Разве она не должна была уже вернуться?

— Да, и давно, сынок.

— Вы хотите сказать, что она не вернется?

— Боюсь, что да.

Со сдавленным криком Говард упал на кушетку, плечи его судорожно вздрагивали.

Постепенно дрожь прекратилась, только губы юноши продолжали непрерывно шевелиться; Фрост с удивлением подумал, что он, похоже, молится.

— Неужели нельзя совсем ничего сделать? — На Фроста с надеждой смотрело искаженное мукой лицо.

— Трудный вопрос, Говард. Мы не знаем, куда она отправилась; ей было внушено двигаться по

какой-либо из временных петель в прошлое или в будущее — это все, что нам известно.

— А нельзя отправиться вслед за ней по тому же самому пути и как-нибудь ее отыскать?

— Не знаю. Я никогда не пробовал.

— Но я просто должен сделать что-нибудь — или сойду с ума.

— Успокойся, сынок. Дай мне немного поразмыслить.

Фрост молча курил, а Говард тем временем с трудом сдерживал желание закричать, начать ломать мебель, крушить все вокруг.

В конце концов профессор стряхнул пепел с сигары и аккуратно положил окурок на край пепельницы.

— Я могу предложить только один вариант. Но возможность добиться успеха крайне мала.

— Сделайте хоть что-нибудь!

— Я сам прослушаю ту же запись, которую слушала Эстелла, и совершу переход. Сделаю это в полном сознании, непрерывно думая о ней. Возможно, мне удастся установить с Эстеллой некую экстрасенсорную связь, которая и приведет меня к ней. — Говоря это, Фрост занимался приготовлениями. — Я хочу, чтобы вы все время оставались в комнате; таким образом вы убедитесь, что это

возможно.

Говард молча смотрел, как профессор надевает наушники. Фрост не стал садиться, он стоял неподвижно, с закрытыми глазами. Прошло пятнадцать минут, он сделал короткий шаг вперед.

Наушники со стуком упали на пол. Говард остался в кабинете один.

Фрост почувствовал, как его затягивает лишенное времени чистилище, всегда предшествующее собственно переходу. Он снова обратил внимание, что ощущения очень похожи на чувство полета во сне, и в сотый раз лениво подумал, не являются ли сны реальными событиями. Пожалуй, да. Затем, с внезапным чувством вины, он вспомнил о цели своей миссии и сконцентрировал все мысли на Эстелле.

Он шел по дороге, залитой слепящим солнцем. Перед ним высились городские ворота. С удивлением посмотрев на странно одетого путника, стражник пропустил его.

Он торопливо пошел по широкой аллее, которая (он это знал) вела из космопорта к Капитолийскому холму. Потом свернул на Дорогу Богов и шел по ней, пока перед ним не появилась Роща Жриц. Здесь он отыскал нужный ему дом. Мраморные стены здания розовели на солнце, утренний бриз

доносил журчание фонтанов.

Седой привратник, дремавший на солнышке у входа, впустил Фроста в дом. Стройная как тростинка молоденькая служанка провела его во внутренние покои. Хозяйка дома приподнялась на локте, в глазах ее, устремленных на посетителя, не было ни малейшей искорки интереса. Фрост заговорил:

— Пора возвращаться, Эстелла.

Брови жрицы удивленно изогнулись.

— Старик, ты изъясняешься на языке варварском и странном, но — и в этом тайна — я понимаю тебя. Что тебе надо?

— Эстелла! — В голосе Фроста звучало нетерпение. — Я говорю, что пора возвращаться.

— Возвращаться? Что за пустая болтовня? Возвращаться куда? К тому же мое имя Светоносная Звезда, а не Эсс Телла. Кто ты и откуда пришел? — Она внимательно изучала лицо Фроста, а затем указала на него тонким, изящным пальцем. — Теперь я тебя узнала! Ты пришел из моих снов. Там ты был учителем, наставлявшим меня в мудрости древних.

— Эстелла, ты помнишь юношу из этих снов?

— Опять это странное имя! Да, там был юноша. Он был прекрасен — прекрасен, прям и высок,

как горная сосна. Я часто вижу его во сне. — Она привстала на ложе. — Так что же юноша?

— Он ждет тебя. Пора возвращаться.

— Возвращаться! В сон нет возврата!

— Я могу отвести тебя туда.

— Это что, богохульство? Разве ты жрец? А если нет, почему ты занимаешься магией? И почему священная жрица любви должна уходить в мир снов?

— Это не магия. Он страдает, потеряв тебя. Я отведу тебя к нему.

Эстелла помедлила, в глазах ее мелькнуло сомнение.

— Предположим даже, что ты можешь это сделать. Но зачем мне менять свое почетное священное положение на холодную пустоту сна?

— А что тебе подсказывает сердце, Эстелла?

Голос профессора звучал мягко, завораживающе.

Девушка смотрела на него широко открытыми глазами; казалось, еще секунда — и из этих глаз брызнут слезы. Но потом она снова упала на ложе и отвернулась. Фрост услышал сдавленный голос:

— Убирайся. Этого юноши нет — он существует только в моих снах. Там я и буду его искать.

Больше она не произнесла ни слова, сколько Фрост ни бился. Убедившись в тщетности своих стараний, он ушел.

Говард вцепился в его руку:

— Ну как, профессор? Как? Нашли вы ее?

Фрост устало плюхнулся в кресло.

— Да, нашел.

— Как она там? И почему ее нет с вами?

— В полном здравии, но не соглашается вернуться — как я ее ни уговаривал.

Говард отшатнулся, как от пощечины.

— А вы сказали, что я ее жду?

— Сказал, но она мне не верит.

— Не верит?

— Видите ли, Говард, она забыла почти все, относящееся к прежней жизни. Ей кажется, что это был только сон.

— Но это же невозможно!

Фрост выглядел очень усталым.

— А не пора ли тебе, сынок, перестать пользоваться этим словом?

— Доктор! — Говард явно не горел желанием отвечать на риторические вопросы. — Вы обязаны отвести меня к ней.

Было видно, что доктор сомневается.

— Вы сможете, доктор?

— Пожалуй, смог бы, если бы вы преодолели свое неверие. Но вы…

— Неверие?! Я поверил поневоле. Давайте быстрее займемся делом.

Фрост не двинулся с места.

— Я еще не уверен, что соглашусь. Видите ли, Говард, там, куда попала Эстелла, совершенно другая обстановка. Ей там нравится, и я не уверен, что брать вас туда — милосердный поступок.

— А в чем дело? Она не хочет меня видеть?

— Нет, почему же, конечно хочет. Я уверен, что она встретит вас с радостью, но… Там совершенно иная обстановка.

— А мне, собственно, наплевать, какая там такая обстановка. Надо двигаться.

Фрост встал.

— Очень хорошо. Пусть будет по-вашему.

Он усадил Дженкинса в кресло и пристально посмотрел ему в глаза. Затем начал монотонным, усыпляющим голосом произносить формулы внушения.

Фрост помог Говарду встать с земли и отряхнул его одежду. Говард засмеялся, вытирая с ладоней белую дорожную пыль.

— Вот это да, учитель! Мне показалось, что какой-то грубиян выхватил из-под меня табурет.

— Мне надо было попросить вас не садиться.

— Пожалуй.

Он вытащил из-за пояса большой ребристый пистолет и внимательно его осмотрел.

— Хорошо еще, что бластер был на предохранителе, а то оказались бы мы в стратосфере. Идем?

Фрост оглядел спутника; шлем, короткий военный килт, на бедре короткий меч в кожаных ножнах. Он поморгал.

— Да. Да, конечно.

— А вы знаете, — спросил Фрост, когда городские ворота остались позади, — куда мы идем?

— Конечно. В рощу, к вилле Светоносной Звезды.

— И вы знаете, что это за вилла?

— А, вы имеете в виду тот разговор. Я знаком со здешними обычаями, и они меня ничуть не смущают. Мы со Светоносной Звездой великолепно поймем друг друга. Она ведь из этих, у которых с глаз долой — из сердца вон. Но теперь, когда я вернулся с Ультима Туле, она оставит свое занятие, мы будем жить семьей и вырастим уйму пухленьких детишек.

— Ультима Туле? Вы помните мой кабинет?

— Конечно помню. И Роберта, и Хелен, и остальных.

— И это вы называете Ультима Туле?

— Не совсем. Слушайте, учитель, я не могу этого объяснить. Ведь я — человек военный, практический. Такими головоломками надо заниматься вам — учителям и жрецам.

Они остановились перед домом Эстеллы.

— Вы зайдете, учитель?

— Нет, пожалуй, не буду. Мне пора возвращаться.

Говард хлопнул профессора по плечу:

— Вы были отличным другом, учитель. Первого пащенка мы назовем в вашу честь.

— Спасибо, Говард. Прощайте — и всякой вам удачи, обоим вам.

— И вам тоже.

Говард уверенно вошел в дом.

Фрост медленно побрел назад, к воротам; в его голове крутились мириады мыслей. Похоже, что этим изменениям и комбинациям нет конца — изменениям материи и духа. Марта, Роберт, Хелен — а теперь вот Говард и Эстелла. Вероятно, можно построить такую теорию, которая сможет описать все эти события.

В задумчивости он споткнулся на шаткой плите мостовой и упал… в свое кресло.

Фрост понимал, что не так-то просто будет объ-

яснить исчезновение пяти студентов, — понимал и не говорил никому ничего. Только в воскресенье к вечеру их отсутствие начало привлекать внимание. В понедельник пришел полицейский, желавший задать несколько вопросов.

Ответы профессора мало прояснили ситуацию — он счел за лучшее и не пытаться рассказать, как все было в действительности. Окружной прокурор заподозрил серьезное преступление — похищение или даже массовое убийство. А может быть, нечто связанное с одним из расплодившихся за последнее время сексуально окрашенных культов — кто их знает, этих профессоров! Во вторник утром прокурор выписал ордер, и сержант Изовски отправился арестовывать Фроста.

Профессор вел себя совершенно спокойно и прошел к черному фургону без малейшего протеста.

— Слушайте, док, — сказал сержант, ободренный такой покорностью. — А почему бы вам самому не рассказать, куда вы их спрятали? Ведь ясно, мы их найдем, дайте нам только время.

Фрост повернул голову, посмотрел полицейскому в глаза и улыбнулся:

— Время… а, ну конечно же, время… да, если дать вам время — вы найдете их. Там.

Затем он вошел в фургон, сел на скамейку, закрыл глаза и сосредоточился.

Тем временем сержант поставил ногу на подножку, загородив своей тушей дверь, и вынул блокнот. Кончив писать, он поднял глаза.

Профессор Фрост исчез.

Вообще-то, Фрост намеревался навестить Говарда и Эстеллу, однако в самый критический момент его мысли перескочили на Хелен и Роберта. «Приземлившись», он обнаружил себя совсем не в том мире будущего, который посещал перед этим дважды. Он не знал, где находится, — видимо, на Земле, где-то и когда-то.

Вокруг расстилалась холмистая местность, напоминавшая штат Нью-Джерси или юг штата Миссури. Слабое знакомство с ботаникой не позволяло Фросту сказать, привычные вокруг деревья или нет. Да и размышлять об этом оказалось некогда.

Он услышал крик, на который сразу же откликнулись другие голоса. Из леса выскочили фигуры и рассыпались неровной цепью. Сперва Фросту показалось, что атакуют его; он беспомощно оглянулся, но спрятаться было негде. Однако они пробегали мимо, не обращая на него никакого внимания; только один окинул его беглым взгля-

дом, что-то крикнул и тоже исчез.

Фрост остался стоять посреди полянки, один и в полном недоумении.

Но не успел он хоть сколько-нибудь переварить происходящее, как одна из фигур вернулась и что-то крикнула, на этот раз — точно ему; слова сопровождались недвусмысленным жестом: он должен был следовать за этим человеком.

Фрост стоял в нерешительности. Человек подбежал к нему и ловкой подножкой сбил его с ног. Следующие секунды профессор не совсем понимал происходящее, а когда немного пришел в себя, оказалось, что он видит мир вверх тормашками: незнакомец бежал уверенной рысцой, перекинув его через плечо.

По лицу Фроста хлестнули ветки кустов, затем «носильщик» направился куда-то вниз, пробежал еще несколько ярдов и небрежно скинул свою ношу на землю. Профессор сел, протер глаза и осмотрелся.

Он находился в туннеле, один конец которого поднимался вверх, к свету, а другой уходил вниз, одному богу известно на какую глубину. Вокруг мелькали какие-то фигуры, не обращавшие, впрочем, на него ни малейшего внимания. Двое устанавливали перед входом в туннель непо-

нятный аппарат. Они работали очень проворно, закончили свое дело буквально за секунды и отошли назад. Раздалось негромкое гудение.

Устье туннеля словно затуманилось; скоро стало понятно почему — неизвестный аппарат плел нечто вроде паутины, перекрывавшей вход в туннель. Паутина, сперва едва заметная, постепенно теряла свою прозрачность, становилась матовой. Гудение продолжалось несколько минут, странная машина все уплотняла и уплотняла паутину. Одна из фигур взглянула на свой пояс, произнесла короткую команду, и гудение смолкло.

Было видно, что окружающие успокоились, вздохнули с облегчением. Фрост тоже ощутил это облегчение и расслабился, понимая интуитивно, что удалось избежать какой-то серьезной опасности.

Человек, приказавший машине остановиться, повернулся, заметил Фроста и подошел к нему, задавая какие-то вопросы голосом, звучавшим спокойно, но в то же время как-то безапелляционно. Фрост неожиданно осознал три вещи: лидером группы была женщина, именно она и спасла его в лесу и — третье — одежда и внешность этих людей были похожи на одежду и внешность преобразившегося Роберта Монро.

Лицо профессора озарила улыбка. Все будет хорошо.

Женщина повторила свой вопрос, в ее голосе появились нотки нетерпения. Фрост почувствовал, что надо отвечать, хотя он не понимает здешнего языка, а женщина, конечно же, не понимает английский. Но как бы там ни было…

— Мадам, — сказал он по-английски, встав и отвесив ей вежливый поклон. — Я не знаю вашего языка и не понимаю вопроса, но мне кажется, что вы спасли мою жизнь. Я вам очень благодарен.

С видом озадаченным и несколько раздраженным женщина спросила что-то еще; во всяком случае, Фросту показалось, что это другой вопрос. Он был в тупике, языковой барьер казался непреодолимым. Пройдут многие дни, недели и даже месяцы, пока появится хоть какая-то возможность общения. А эти люди заняты своей войной, вряд ли они будут в настроении возиться с бесполезным, ничего не понимающим чужаком.

Этак, чего доброго, и на поверхность выставят.

До чего же глупо, думал Фрост, прямо до отвращения глупо. Вероятно, Монро и Хелен где-то рядом — и в то же время можно дожить здесь до глубокой старости, так их и не увидев. Ведь как узнаешь, где они конкретно? Ну каким, скажите,

образом американец, скинутый в Тибете, сумеет объясниться, если единственный переводчик бродит где-то по Южной Америке? Или вообще неизвестно где? И каким образом довести до понимания тибетцев, что где-то есть этот самый переводчик? Это же надо — попасть в такое дурацкое положение!

Но все же стоит попробовать. Как же звали Роберта здесь? Айдан? Нет, Айгор. Вот-вот, так он и говорил — Айгор.

— Айгор, — сказал Фрост.

Предводительница прислушалась.

— Айгор? — спросила она.

Фрост энергично закивал головой:

— Айгор.

Неожиданно она повернулась и крикнула в сторону: «Айгор!»

Гортанный звук был очень отчетлив, а «р» — раскатисто, в точности как у Монро.

Один из людей вышел вперед. Профессор с надеждой всмотрелся в его лицо, но это был какой-то незнакомец, почти неотличимый от своих собратьев. Предводительница ткнула пальцем в его сторону.

— Айгор, — констатировала она.

Все сложнее и сложнее, подумал Фрост, видимо,

Айгор здесь — распространенное имя. Чересчур распространенное. Тут профессора озарила новая идея.

— Айгор, — сказал он. — Хелен Фишер.

Теперь его слова явно привлекли внимание предводительницы.

— Елен Фиишер? — повторила она.

— Да, да! Хелен Фишер.

На секунду предводительница задумалась; было ясно, что для нее эти слова — не пустой звук. Затем, хлопнув в ладоши, она что-то скомандовала. Вперед вышли двое, и она, по-прежнему быстро и повелительно, произнесла несколько слов.

Двое подошли к Фросту, взяли его под руки и куда-то потащили. На секунду задержавшись, Фрост спросил через плечо:

— Хелен Фишер?

— Елен Фиишер! — заверила его предводительница.

Оставалось только удовлетвориться этим ответом.

Прошло часа два. Обращались с ним прилично, поместили во вполне удобную комнату или, точнее, камеру, — во всяком случае, ее заперли снаружи. Как знать, вдруг он сказал что-то не

то; вдруг «Хелен Фишер» здесь — не имя, а нечто совсем другое?

Комната была абсолютно пустая и освещалась только тусклым сиянием, исходившим от стен, — как везде в тех частях подземного мира, с которым он успел познакомиться. Постепенно Фросту стало надоедать это место; он уже подумывал, не стоит ли устроить небольшой скандал, как снаружи послышались шаги.

Дверь распахнулась, на пороге стояла предводительница; ее немолодое, довольно-таки мрачное лицо озарила неожиданная улыбка. Сказав что-то на своем языке, она добавила:

— Айгор… еленфиишер.

Повернувшись, женщина вышла; Фрост последовал за ней.

Мерцающие стены проходов, оживленные площади, любопытные взгляды людей, заполнявших эти площади, лифт, к удивлению профессора резко рванувший вниз, прежде чем тот сообразил, что это лифт. Последним, что его удивило, была какая-то транспортная капсула, в которой они герметично закупорились, после чего капсула рванулась с колоссальной — если судить по перегрузкам на старте и при торможении — скоростью. Все это время Фрост послушно следовал

за своей провожатой, почти совсем не понимая, что происходит вокруг, но не имея возможности расспрашивать. Он пытался расслабиться и по возможности получать удовольствие от новых впечатлений; его спутница, по всей видимости, была настроена достаточно доброжелательно, хотя манеры ее остались резкими — манерами человека, привыкшего отдавать приказания, а не болтать попусту с каждым встречным.

Повернув за угол, женщина вошла в какую-то дверь. Фрост последовал за ней — и его чуть не сбили с ног, но тут же схватили за обе руки.

— Доктор! Доктор Фрост!

Это оказалась Хелен Фишер, одетая в общий для всего — без различия пола — подземного населения костюм. За ней виднелось расплывшееся в улыбке лицо похожего на гнома Роберта — или, если хотите, Айгора.

Профессор осторожно высвободился из рук Хелен.

— Милочка, надо же, и вы тоже здесь!

Фраза звучала довольно глупо, но ничего лучшего ему в голову не пришло.

— Надо же, и вы тоже — здесь! — повторила Хелен. — Господи, да вы же плачете!

— Нет-нет, совсем нет, — торопливо возразил

он и повернулся к Монро. — И вас, Роберт, я тоже очень рад видеть.

— А я вдвойне рад видеть вас.

Женщина сказала что-то Монро. Быстро ответив ей на местном языке, тот повернулся к Фросту:

— Доктор, это моя старшая сестра — Маргри, актун Маргри. То есть приблизительно переводится как «майор Маргри».

— Она была очень добра ко мне, — сказал Фрост и поклонился.

Маргри резко сцепила руки в замок у пояса и, сохраняя совершенно бесстрастное лицо, наклонила голову.

— Она приветствовала вас как равного, — объяснил Роберт-Айгор. — Я растолковал ей, как мог, что обозначает звание «доктор»; теперь она считает, что вы равны ей по рангу.

— И что же должен делать я?

— Ответьте ей тем же.

Фрост так и сделал, правда крайне неуклюже.

Доктор Фрост рассказал своим бывшим студентам, как обстояли дела до настоящего момента, — хотя применяемость этого термина была крайне сомнительна для случая различных временных осей.

— Бедняжка! Да какое они имели право! — в негодовании воскликнула Хелен, узнав о чуть было не состоявшемся аресте профессора.

— О, я бы так не сказал, — возразил Фрост. — Все это было вполне разумно, если исходить из известных им фактов. Однако боюсь, теперь мне нельзя возвращаться.

— И не надо, — сказал Айгор. — Мы очень рады вам.

— Возможно, я смогу чем-нибудь помочь в вашей войне.

— Возможно. Но вы и так сделали уже больше, чем кто-либо другой, дав мне возможность принести сюда все это. Вот, видите, мы работаем. — Он обвел комнату широким жестом.

Айгора сняли с боевых дежурств и прикомандировали к штабу, чтобы он снабжал воюющих земными технологиями. Хелен ему помогала.

— Кроме сестры, мне никто не верит, — признался он. — Однако я сумел кое-что продемонстрировать — вполне достаточно, чтобы они осознали важность того, чем я обладаю. Тогда мне предоставили полную свободу и буквально каждую секунду заглядывают через плечо в ожидании, что́ я сумею сделать. Мы уже организовали работы по строительству реактивного

истребителя и ракет для его вооружения.

Фрост удивился. Каким образом можно было сделать так много — и так быстро? Может быть, различие темпов времени? Может быть, Хелен с Айгором перешли сюда много недель назад, если считать по временной оси этого мира?

Нет, объяснил ему Айгор, но здешний народ, даже при отсутствии многих областей земной техники, далеко обогнал землян по части технологии. Они используют один-единственный унифицированный тип станка для производства почти всего. В этот станок закладывают некую схему, для которой Айгор не смог придумать лучшего названия, чем «синька», хотя в действительности это точная масштабная модель устройства, которое надо сделать. Машина сама оснащает себя нужными инструментами и вскоре выдает готовое изделие. Один из таких станков сейчас изготавливает пластиковые корпуса истребителей — из одного куска и за одну операцию.

— Мы хотим вооружить самолеты как стасиснымиучами, так и ракетами, — сказал Айгор. — Сперва заморозить, а потом расшибить проклятые бублики, пока они не поддаются управлению.

После нескольких минут разговора Фрост начал замечать в Айгоре признаки беспокойства. Догадавшись о причине, он попросил разрешения уйти. Айгор охотно согласился.

— Увидимся позднее, — сказал он с видимым облегчением. — Я пошлю кого-нибудь подыскать вам жилье. По правде говоря, мы очень спешим. Работа на войну — вы должны нас понять…

Засыпая, Фрост размышлял, как он сможет помочь своим юным друзьям и всему здешнему народу в их борьбе.

Но из этого ничего не получилось. Образование Фроста было чисто академическим, в практике он смыслил мало. Техническая литература, захваченная Айгором и Хелен, оказалась для него малопонятна, словно была написана на древнегреческом, — в действительности еще непонятнее, ведь он знал древнегреческий. Жил он вполне комфортабельно, в почете и уважении — ведь Айгор убедил всех, что лишь благодаря услугам профессора получает бесценное новое оружие, но этого ему было мало. Вскоре он понял, что совершенно не пригоден к работе, которую вел Айгор, — даже в роли переводчика.

Он превратился в обузу, безвредную, но обузу, пенсионера — и прекрасно это понимал.

К тому же подземная жизнь действовала ему на нервы. Ему мешал этот навязчивый, везде и всегда присутствующий свет. Все заверения Айгора не могли уменьшить необъяснимый, рожденный незнанием страх Фроста перед радиоактивностью. Война подавляла его. Его темперамент не подходил для того, чтобы стойко выдерживать связанное с ней нервное напряжение. Неспособность помочь в работе над военными проектами, отсутствие друзей, праздность — все это усугубляло подавленное настроение профессора. Однажды он забрел в лабораторию, где работали Айгор и Хелен, надеясь немного поболтать, если те не слишком заняты. Они не были заняты. Айгор расхаживал по комнате, а Хелен обеспокоенно смотрела на него.

Фрост откашлялся:

— Э-э… у вас что-нибудь не так?

— Многое, — кивнув, ответил Айгор и снова задумался.

— Понимаете, — сказала Хелен, — несмотря на новое оружие, мы проигрываем войну. Айгор пытается придумать, что делать дальше.

— Понятно. Извините. — Фрост повернулся, чтобы уйти.

— Не уходите. Присядьте.

Профессор сел. Его не оставляла мысль, что вся эта ситуация просто невыносима.

— Боюсь, от меня помощи немного, — сказал он наконец, обращаясь к Хелен. — Жаль, что здесь нет Говарда Дженкинса.

— Думаю, это не имеет значения. В наших книгах собраны самые последние достижения земной инженерии.

— Я не про это. Я имею в виду самого Говарда — Говарда, какой он есть в том мире. У них там, в будущем, есть небольшое устройство, которое они называют «бластер». Насколько я понимаю, очень мощное оружие.

Расслышав последние слова, Айгор резко повернулся:

— А что это такое? Как эта штука работает?

— Понимаете ли, по правде говоря, я не знаю. Вы же знаете, что я не очень разбираюсь в таких вещах. Вроде бы какой-то там дезинтегрирующий луч.

— А вы можете сделать набросок? Думайте, вспоминайте!

Фрост попытался. В конце концов он оставил это занятие.

— Боюсь, от этого не будет толку. Я мало что запомнил, а что там внутри — и совсем не знаю.

Айгор со вздохом сел и запустил пятерню себе в волосы.

Несколько минут прошли в мрачном молчании, затем Хелен спросила:

— А не можем ли мы его добыть?

— Как это? Каким образом ты найдешь Говарда?

— А не можете ли найти его вы, профессор?

Фрост выпрямился.

— Не знаю, — несколько нерешительно ответил он. — Но можно попробовать.

Вот и город. Да, и те же самые ворота, через которые он уже проходил дважды.

Светоносная Звезда была рада его появлению, но не особенно удивлена. Интересно, подумал Фрост, а может ли хоть что-нибудь удивить эту сонно-мечтательную девушку? Но энтузиазм Говарда с лихвой восполнил ее безразличие. Он похлопал Фроста по спине с такой силой, что профессор начал опасаться травматического плеврита.

— Добро пожаловать, учитель! Здесь ваш дом. Я не знал, придете ли вы к нам когда-нибудь или нет, но мы всегда готовы вас принять. Я пристроил специальную комнату — для вас, и только для вас, на случай, если вы когда-нибудь появитесь.

Ну, что вы думаете об этом? Вы должны жить с нами. Какой смысл возвращаться в этот ваш дурацкий университет?

Поблагодарив, Фрост перешел к делу:

— Но я пришел не просто так. Мне нужна ваша помощь — и срочно.

— Помощь? Так рассказывайте, рассказывайте!

Фрост объяснил ситуацию.

— Теперь вы понимаете, что мне нужно передать Роберту и Хелен секрет вашего бластера. Им это совершенно необходимо. Они должны получить такое оружие.

— Должны — значит получат, — согласился Говард.

Но все оказалось не так просто. Как Фрост ни старался, он был не в состоянии впитать технические знания, необходимые для того, чтобы передать сородичам Айгора секрет оружия. В похожем положении оказался бы неграмотный дикарь, пытающийся настолько понять радиотехнику, чтобы потом научить строительству радиостанций инженеров, незнакомых с радио. И Фрост совсем не был уверен, что сумеет пронести бластер через безбрежные просторы времени.

— Ну что ж, — сказал в конце концов Говард. — Получается, что мне нужно будет просто отпра-

виться туда вместе с вами.

Светоносная Звезда, до этого слушавшая беседу молча, впервые проявила очевидное волнение.

— Но, дорогой! Ты ни в коем случае не должен…

— Прекрати. — Говард упрямо выдвинул подбородок. — Это мой долг. И не лезь в такие дела.

Фрост почувствовал себя крайне неловко, как это бывает всегда, когда присутствуешь при чужой семейной ссоре.

Когда все было готово, Фрост взял Говарда за руку:

— Смотрите мне в глаза. Вы помните, как это было в прошлый раз?

Говард слегка дрожал.

— Помню. Скажите, учитель, а вы правда сможете сделать это — и не потерять меня?

— Надеюсь. А теперь расслабьтесь.

Они оказались в том же самом помещении, из которого Фрост отправлялся, что доставило ему большое облегчение. Слава богу, теперь не придется пересекать половину планеты, чтобы попасть к своим друзьям. Он не совсем понимал, каким образом пространственные измерения согласуются с временными. Потом, когда-нибудь, он займется изучением этого вопроса, разработа-

ет теорию и попытается ее проверить.

Айгор и Говард не стали терять время и расшаркиваться. Не успела еще Хелен толком поздороваться с профессором, а они уже с головой ушли в технические проблемы.

Прошло много времени и…

— Ну вот, — сказал Говард. — Думаю, это все. Свой бластер я оставлю в качестве образца. Есть еще вопросы?

— Нет, — ответил Айгор. — Теперь я все понимаю, к тому же каждое твое слово записано. Да можешь ли ты понять, старик, что это такое для нас? Твоя машинка выиграет нам войну — я ничуть не сомневаюсь.

— Охотно верю. Ведь на этой штуковине держится мир во всей нашей системе. Вы готовы, доктор? Я начинаю немного нервничать.

— Но вы же не уйдете от нас, доктор? — воскликнула Хелен. В ее голосе звучали и вопрос, и протест.

— Мне надо отвести его назад.

— Да, — подтвердил Говард. — И к тому же он остается жить с нами. Ведь правда, учитель?

— Нет, нет! — снова запротестовала Хелен.

— Не уговаривай его. — Айгор обнял ее за плечи. — Ты же знаешь, что ему не было здесь

хорошо. Думаю, дом Говарда больше подойдет профессору. Он вполне заслужил покой.

Немного подумав, Хелен подошла к Фросту, положила руку ему на плечи и, привстав на цыпочки, поцеловала.

— Прощайте, доктор. — Голос ее срывался. — Или во всяком случае, au revoir![44]

Фрост успокаивающе похлопал по ее руке, лежавшей у него на плече.

Он лежал на солнце, впитывая тепло старыми своими костями. Он немного скучал без Хелен и Айгора, но подозревал, что они не очень скучают без него. А жизнь с Говардом и Светоносной Звездой подходила ему больше. Он считался наставником их детей — если и когда таковые будут. А пока он проводил время в праздности и безделье, чего ему хотелось всегда; времени у него было сколько угодно. Время… Время.

Интересно бы узнать, что сказал сержант Изовски, заглянув в полицейский фургон и никого там не обнаружив. Наверное, подумал, что это невозможно.

А впрочем — какая разница? Беспокоиться было лень, Фроста клонило в сон. Достаточно

---

[44] Примечания: 44
До свидания! *(фр.) — Примеч. ред.*

времени, чтобы вздремнуть перед обедом. Еще есть время…

Время.

Послесловие

Рассказ впервые опубликован в 1941 году, в сентябрьском выпуске журнала «Astounding Science Fiction» в сокращенном виде под названием «Не здесь» («Elsewhere») и подписан псевдонимом «Калеб Сондерс». Полный текст опубликован под названием «Иноздесь» («Elsewhen») в сборнике «Предназначение: вечность» («Assignment in Eternity», *Fantasy Press,* 1953); печатается по изданию «Assignment in Eternity» (*Fantasy Press,* 1953).

«Иноздесь» — один из первых рассказов Хайнлайна, написанный в 1939 году; в рабочем архиве Хайнлайна он помечен: «Опус номер пять». Первые рассказы были весьма разнородными, легковесными, отчасти занудными, хотя в них затрагивались «важные» темы. К таким «важным» относится и «Иноздесь».

Хайнлайн живо заинтересовался спорами физиков о природе времени с тех самых пор, как теория относительности Эйнштейна переформулировала космологию в терминах геометрии. Петр Демьянович Успенский, основной заслугой которого сегодня считается популяризация воззрений армянского мистика Георгия Гурджиева,

в начале XX века пытался установить логические связи между теорией относительности Эйнштейна и метафизикой Канта. Успенский развил учение Канта в теорию времени для шестимерного пространства, а известный исследователь времени Джон Уильям Данн описал теорию «серийного времени» (см. «Эксперимент со временем», 1927) для *пятимерного* пространства-времени, отметив, что существует бесконечное число возможных измерений. Итак, от Канта к Успенскому, Эйнштейну, Данну — и к «Иноздесь».

Рассказ, под первоначальным названием «Модели возможностей», безуспешно предлагался во многие журналы, и в начале 1941 года Хайнлайн, отчаявшись его продать, отзывался о нем как об одной из трех провальных вещей, которые ему не удавалось никуда пристроить. Однако в том же году Джон Вуд Кэмпбелл, редактор журнала «Astounding Stories», хотел напечатать рассказы, которые, как он выразился, «невозможно учуять, не раскрыв книгу». Хайнлайн удалил из рассказа фэнтезийный элемент (появление ангела) и отправил его в «Astounding Stories» под новым названием «Это невозможно!» («It's Impossible») и под новым псевдонимом — «Ка-

леб Сондерс», потому что рассказ отличался и от цикла «Будущей истории», который выходил под настоящим именем автора, и от рассказов «Энсона Макдональда», у которых уже появились поклонники. Псевдонимом «Лайл Монро» Хайнлайн подписывал те произведения, которые считал второразрядными, и, очевидно, полагал, что новый рассказ достаточно важен, а следовательно, заслуживает нового псевдонима.

Большинство псевдонимов Хайнлайна созданы из имен и фамилий друзей и знакомых. «Калеб», возможно, взят у его приятеля, Калеба Баррета Ланнинга, или из названия одной из его любимых книг «Америка Калеба Катлума» («Caleb Catlum's America»), написанной Винсентом Макхью в 1936 году. «Сондерс» труднее поддается определению, — возможно, это отсылка к фамилии героини популярного фильма Франка Капры «Мистер Смит едет в Вашингтон» (1938), что в таком случае еще раз подчеркивает интерес Хайнлайна к политическим реформам, а также представляет характерное смешение мужских и женских имен.

Кэмпбелл изменил название рассказа на «Elsewhere» («Не здесь») и опубликовал его. В 1953 году Хайнлайн, редактируя материалы для

сборника «Предназначение: вечность», вернул эпизод с появлением ангела и озаглавил рассказ «Elsewhen». Сравнение двух версий рассказа доказывает врожденное техническое мастерство писателя даже на раннем этапе его творческого пути. Обе версии обладают стройной симметричной структурой, несмотря на то что один из эпизодов вырезан для журнальной публикации. Хайнлайн был своим лучшим редактором.

Весьма необычным для сюжета является то, что никто из героев не возвращается на ту временную ось, которую они покинули. Профессор Фрост перемещается из своего времени в другое, а потом уходит в третье. Две студенческие парочки (девушка и юноша, девушка и юноша) остаются вести счастливую жизнь в других временах — даже материалист, который не верит в возможность путешествия по временным осям, но профессору Фросту все-таки удается провести его в нужное время.

Возможно, это указывает на то, что Хайнлайн не чувствовал особой приверженности к «здесь и сейчас» — или на его интерес к теме «подменышей». Как бы то ни было, сюжет был важен для Хайнлайна, который помнил о нем почти сорок лет. В 1977-м, проведя десяток лет в попытках

исправить «здесь и сейчас», он написал большой роман о двух парочках, которые путешествуют по альтернативным временным осям в миры, созданные кумирами юности автора, — Барсум Эдгара Райса Берроуза и детище Эдварда Элмера Смита, вселенную Линзменов, сотрясаемую межгалактическими войнами. Книга не удалась — в то время Хайнлайн, сам того не подозревая, перенес ряд транзиторных ишемических атак и страдал нарушениями кровообращения головного мозга. «Панки-Барсум Число Зверя» — увлекательное, но стандартное произведение, которое мог написать любой писатель со стажем. До хайнлайновского романа оно не дотягивало, да и сам Хайнлайн к концу 1977 года уже не был прежним писателем Хайнлайном. Но в результате экспериментальной операции артериальный тромб был удален, нормальное кровообращение восстановилось, и Хайнлайн, став самим собой — «будто включили свет», — вернулся к Барсуму и Линзменам в классическом хайнлайновском романе «Число Зверя» (1980).

Сорок лет, с самого начала литературной карьеры Хайнлайна, сюжет «Иноздесь» дремал в его сознании и в итоге подпитал последний продолжительный всплеск творческой энергии

писателя — пять необычных и очень разных произведений, которые впоследствии объединили под общим названием «Мир как миф».